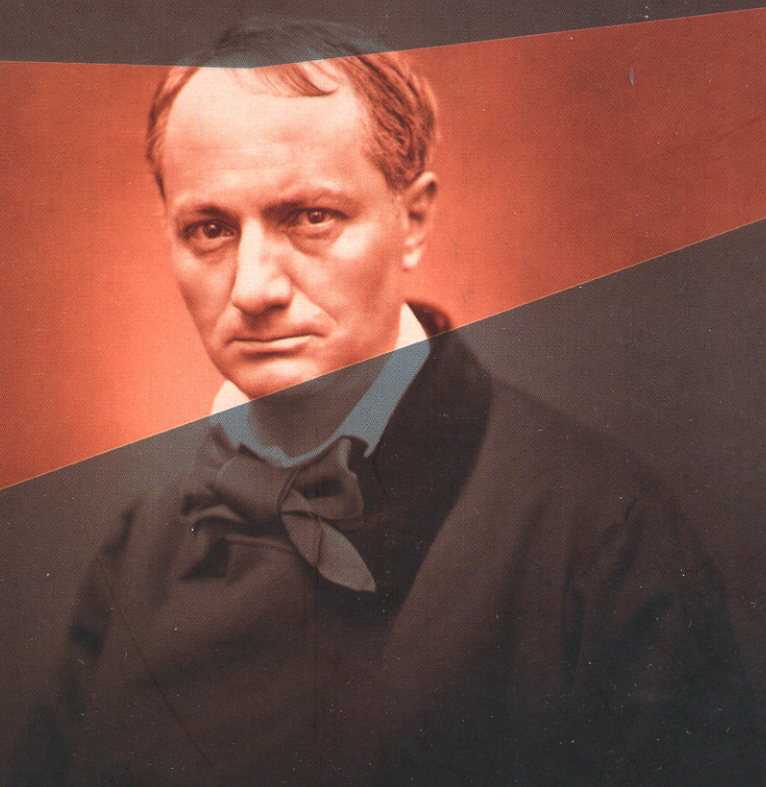

ПИСЬМА

БОДЛЕР

ШАРЛЬ
БОДЛЕР

ПИСЬМА

Programme

Издание осуществлено в рамках
программы содействия издательскому делу «Пушкин»
при поддержке Посольства Франции в России и Французского института/
Министерства иностранных и европейских дел Франции

Cet ouvrage, publié dans le cadre du
programme d'aide à la publication Pouchkine,
a bénéficié du soutien de l'Ambassade de France en Russie et de
l'Institut français/ Ministère français des Affaires étrangères et européennes

CHARLES
BAUDELAIRE

correspondance

CHOIX ET COMMENTAIRES
DE CLAUDE PICHOS
ET DE JÉRÔME THÉLOT

GALLIMARD

ШАРЛЬ
БОДЛЕР

избранные письма

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРИМЕЧАНИЯМИ
С. Л. ФОКИНА

MACHINA

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

ПЕРЕВОД ПИСЕМ

Н. В. Притузова (1–63), А. И. Владимирова (64–79),
Л. Э. Гаав-Матис (79–132, 157–192), Е. А. Валеева (133–156)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Т. В. Соколова

Отбор и композиция писем
выполнены Клодом Пишуа и Жеромом Тело для издания:
Charles Baudelaire, *Correspondance* (Paris, Gallimard, 1973).
Письма 1–10, опубликованные Филиппом Озервом:
Lettres inédites aux siens de Charles Baudelaire (Paris, Grasset, 1966), —
используются с любезного согласия издательства «Грассе»

В оформлении обложки использован
фотопортрет Шарля Бодлера работы Этьена Каржа (ок. 1863)

ISBN 978–5–90141–096–7

© Gallimard, состав, 1973, 1993, 2000

© С. Л. Фокин, примечания, 2011

© Т. В. Соколова, послесловие, 2011

© Е. А. Валеева, А. И. Владимирова, Л. Э. Гаав-Матис, Н. В. Притузова, перевод, 2011

© А. Г. Наследников, русское издание, дизайн, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

1833–1866

1 Альфонсу Бодлеру	13 Сент-Бёву
13	31
2 Альфонсу Бодлеру	14 Шанфлери
14	34
3 Подполковнику Опику и мадам Опик	15 Нарсису Анселю
15	34
4 Мадам Опик	16 Теодору де Банвилю
17	37
5 Альфонсу Бодлеру	17 Мадам Альфонс Бодлер
19	38
6 Полковнику Опику	18 П.-Ж. Прудону
20	39
7 Мадам Опик	19 П.-Ж. Прудону
22	40
8 Полковнику Опику	20 Неизвестному
25	41
9 Виктору Гюго	21 Жерару де Нервалю
27	42
10 Альфонсу Бодлеру	22 Жану Валлону
28	42
11 Адольфу Отару де Брагару	23 Шанфлери
29	43
12 Эрнесту Прарону	24 Шанфлери
31	43

25 Теофилю Готье	42 Мадам Сабатье
44	72
26 Нарсису Анселю	43 Полю де Сен-Виктору
44	74
27 Огюсту Пуле-Маласси	44 Ипполиту Остейну
45	75
28 Максиму Дюкану	45 Жюлю Барбе д'Оревильи
47	77
29 Теофилю Готье	46 Виктору де Марсу
47	78
30 Мадам Сабатье	47 Франсуа Бюлозу
48	79
31 Максиму Дюкану	48 Жорж Санд
49	81
32 Шанфлери	49 Полю де Сен-Виктору
50	83
33 Председателю Общества литераторов	50 Шарлю Асселино
53	83
34 Мадам Сабатье	51 Альфонсу Туссенелю
53	84
35 Огюсту Пуле-Маласси	52 Шарлю Асселино
55	86
36 Фернану Денуайе	53 Сент-Бёву
57	89
37 Шанфлери	54 Сент-Бёву
60	90
37bis Ипполиту Тиссерану	55 Огюсту Пуле-Маласси
62	92
38 Ипполиту Тиссерану	56 Мадам Опик
63	94
39 Мадам Сабатье	57 Ашилю Фулю
69	96
40 Мадам Сабатье	58 Мадам Сабатье
70	98
41 Эжену Пельтану	59 Гюставу Флоберу
71	100
	59bis Эмилю Дешану
	101

60 Императрице	77 Шанфлери
101	136
61 Мадам Опик	78 Альфонсу де Калону
102	136
62 Вильмессану	79 Огюсту Пуле-Маласси
105	138
63 Сент-Бёву	80 Огюсту Пуле-Маласси
106	140
64 Эрнесту Фейдо	81 Рихарду Вагнеру
107	143
65 Альфонсу де Калону	82 Арману Фрэссу
109	146
66 Альфонсу де Калону	83 Жозефену Сулари
111	149
67 Шарлю Асселино	84 Шанфлери
113	150
68 Сент-Бёву	85 Жозефену Сулари
115	151
69 Максиму Дюкану	86 Мадам Сабатье
117	152
70 Надару	87 Огюсту Пуле-Маласси
117	153
71 Надару	88 Альфонсу де Калону
121	155
72 Надару	89 Огюсту Пуле-Маласси
125	155
72 bis Фирмену Мейяру	90 Огюсту Пуле-Маласси
127	157
73 Виктору Гюго	91 Альфонсу де Калону
128	159
73 bis Виктору Гюго	92 Альфонсу де Калону
131	159
74 Ипполиту Деборд-Вальмору	93 Эжену Крепе
132	160
75 Виктору Гюго	94 Филоксену Буайе
132	162
76 Виктору Гюго	95 Гюставу Флоберу
133	164

96 Сент-Бёву	114 Виктору де Лапраду
164	194
97 Жюлю Барбе д'Ореви́льи	115 Арсену Уссе
166	197
98 Жозефену Сулари	116 [Жюлю Дезо]
167	198
99 Альфреду Гишону	117 Эдмону Тексье
168	201
100 Теофилю Готье	118 Гюставу Флоберу
169	201
101 Огюсту Пуле-Маласси	119 Сент-Бёву
169	202
102 Арсену Уссе	120 Альфреду де Виньи
173	205
103 Огюсту Пуле-Маласси	121 Альфреду де Виньи
173	207
103 bis Жюлю Дезо	122 Гюставу Флоберу
176	209
104 Огюсту Вакри	123 Гюставу Флоберу
178	210
105 Мадам Опик	124 Сент-Бёву
179	210
106 Ференцу Листу	125 Абелю Вильмену
187	212
107 Неизвестному	126 Альфреду де Виньи
188	213
108 Филиберу Рувьеру	127 Теофилю Готье
188	213
109 Марио Юшару	128 Мадам Опик
189	214
110 Абелю Вильмену	129 Мишелю Леви
190	216
111 Шарлю Асселино	130 Пьеру-Жюлю Этцелю
191	216
112 Альфреду де Виньи	131 Огюсту Пуле-Маласси
192	217
113 Альфреду де Виньи	132 Майору Ипполиту Лежону
193	219

133	Шанфлери	220	152	Огюсту Пуле-Маласси	239
134	Шанфлери	220	153	Нарсису Анселю	240
135	Мадам Мане-матери	222	154	Огюсту Пуле-Маласси	242
136	Жерве Шарпантье	222	155	Мадам Поль Мёрис	242
137	Этьену Каржа	223	156	Мадам Поль Мёрис	244
138	Надару	224	157	Мадам Опик	248
139	Чарльзу А. Суинберну	224	158	Нарсису Анселю	251
140	Джеймсу Макнилу Уистлеру	225	159	Мишелю Леви	253
141	Полю Шенавару	226	160	Мадам Поль Мёрис	255
142	Виктору Гюго	227	161	Огюсту Пуле-Маласси	257
143	Филиппу Шеневьеру	229	162	Сент-Бёву	259
144	Анри Фантен-Латуру	229	163	Огюсту Пуле-Маласси	259
145	Эдуару Мане	231	164	Сент-Бёву	260
146	Жюдит Готье	231	165	Эдуару Мане	265
147	Эдуару Мане	232	166	Мадам Поль Мёрис	266
148	Мишелю Леви	233	167	Шанфлери	268
149	Теофилю Торе	235	168	Катюлю Мендесу	269
150	Нарсису Анселю	236	169	Сент-Бёву	270
151	Надару	238	170	Огюсту Пуле-Маласси	272

171 [Шарлю] Гюго	182 Шарлю Асселино
273	289
172 Эдуару Мане	183 Жюлю Труба
273	291
173 Мадам Опик	184 Огюсту Пуле-Маласси
275	291
174 Шанфлери	185 Анри Де Ламадлену
277	292
175 [Мадам Шарль Гюго ?]	186 Нарсису Анселю
278	292
176 Фелисьену Ропсу	187 Фелисьену Ропсу
279	297
177 Сент-Бёву	188 Жюлю Труба
279	299
178 Мадам Виктор Гюго	189 Мадам Опик
282	301
179 Катюлю Мендесу	190 Мадам Опик
283	301
180 Огюсту Пуле-Маласси	191 Катюлю Мендесу
285	302
181 Сент-Бёву	192 Эрнесту Прарону
286	303

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. Л. Фокин
Примечания
307

Т. В. Соколова
Эпистолярное жизнеописание,
или Бодлер, увиденный через «призму» его писем
332

Указатель имен
358

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА
1833–1866

1. АЛЬФОНСУ БОДЛЕРУ¹

[Лион, 25 марта 1833]

Дорогой брат,

В коллеже большой переполох. Учитель так сильно ударил одного ученика, что у того — боли в груди. Он нездоров, не может подняться. Расскажу все по порядку. Этот ученик пытался безуспешно выполнить задание, но, так и не поняв его, попросил у товарищей написать шпаргалку, чтобы разобраться. Увидев это, классный надзиратель, по обыкновению, наговорил ему кучу гадостей. Ученик получил еще одну подсказку, за что был награжден здоровой оплеухой, на которую попытался ответить. Надзиратель, желая поставить точку, ударил его ногой в живот. Пробил гонг на ужин. Ученик встал в строй на свое обычное место, но надзиратель велел ему перейти в конец, говоря, что тот не достоин идти вместе со всеми. После ужина он засадил его в каморку с углем и время от времени навещал, продолжая побои. Поскольку у ученика не проходила боль в пояснице, он не мог дать ему отпор. Легли спать. Два дня спустя, вернувшись вечером после прогулки, я узнал, что наш товарищ в лазарете, потому что совсем не держался на ногах, — он упал в обморок, когда стоял в строю. Медсестра решила сделать все, чтобы надзирателя выгнали, но в это мало верится, так как он любимчик директора.

Мы подняли такой шум во дворе, что директор услышал нас из своей квартиры. Надзиратель смеялся, что весь этот шум из-

за него, но это был *деланный* смех. Я — среди *мятежников*. Не хочу быть заодно с этими *жополизами*, что боятся не понравиться надзирателям.

Мстить тем, кто злоупотребил своими правами. Такой лозунг был на баррикадах Парижа². Если надзиратель не уйдет, мы опубликуем статью в «Курье де Лион». Пока. Спокойной ночи. Всего хорошего от папы, мамы и меня — всем вам, но особенно — тебе.

Задира-младший

ШАРЛЬ

Я забыл номер твоего дома, а твои письма у мамы.

2. АЛЬФОНСУ БОДЛЕРУ

[Лион,] 17 мая [1833]

Дорогой брат,

Думаю, что это я вправе ругать тебя, нежели ты меня. Потому что я задержался с ответом только на два дня, а ты вообще мне не отвечаешь. В конце концов, у меня есть оправдание: я ждал, пока добьюсь почетного места, чтобы тебе об этом сообщить. Итак, я четвертый по французскому языку. Кажется, я уже писал тебе, что был вторым по греческому. Во всех своих письмах я прошу тебя отвечать мне. Какой стыд! Младший брат читает мораль старшему! Видишь, я пытаюсь воздействовать на твои чувства. Думаю, что это хороший способ. Как парижанин, я возмущен тем, как празднуют день Луи-Филиппа в Лионе³. Несколько цветных фонариков для городской иллюминации, вот и все. Думаю, что в Париже повеселились на славу. Хотя ты и в Фонтенбло, наверное, читал обо всем в газетах. Пришли мне какое-нибудь описание. Письма пиши по адресу: г-ну Бодлеру, ученику Лионского Королевского коллежа. Напомни мне номер твоего дома, расскажи, что вы поделываете с моей сестрицей, как развлекаетесь и т. д. и т. п. ...

Нам в Лионе угрожают большими волнениями. На площади у Селестинцев (лионский театр), как поговаривают, было большое сборище; на всех молодчиках были красные галстуки, скорее, как знак безумия, чем убеждений. Они пели (очень тихо) и сразу замолчали, когда появился сержант полиции, в единственном числе. Сен-симонисты объединились с республиканцами и заявили, что пойдут танцевать на площади Белькур (место прогулок). Назначенный день пришел — никаких танцев. Говорили, что в паре лье от Лиона большое восстание. Генерал Эмар посылает четырех жандармов. Они встречают около пятидесяти вооруженных людей. Спрашивают, что те собираются делать. Те объясняют, что охотятся на волчицу. По этим двум фактам ты можешь догадаться — никаких волнений.

Некоторое время назад у нас сменился ректор. Теперь у нас должен появиться новый директор. Старый уезжает в Орлеан, где будет работать в должности ректора, а новый директор приезжает из Тулузы, где был ректором. Напиши же мне наконец, у тебя наверняка много нового. Ох, черт возьми! Мне надо быстро заканчивать, городской мальчишка принес хлеб для обеда. Сейчас ударят в гонг. Я забыл тебе сказать, что учусь танцевать. Большой привет тебе от папы и мамы. И большой привет моей сестрице⁴. Прощай.

КАРЛО

3. ПОДПОЛКОВНИКУ ОПИКУ⁵ И МАДАМ ОПИК⁶

Лион, 25 февраля [1834]

Папа и мама,

Я пишу вам это письмо, чтобы попытаться убедить, что еще есть надежда вытащить меня из того состояния, которое причиняет вам столько огорчений. Знаю, что, когда мама прочтет начало этого письма, она скажет: «Я ему больше не верю», и что папа скажет то же самое; но я не теряю надежды. Вы не хотите больше навещать меня в коллеже в наказание за мои проделки, но приди-

те хотя бы в последний раз, чтобы дать мне добрый совет, чтобы ободрить меня. Все эти глупости происходят от моей рассеянности и медлительности. Когда в последний раз я обещал больше не огорчать вас, я говорил от чистого сердца, я решил заниматься, и заниматься очень усердно, чтобы вы могли сказать: «Наш сын ценит наши заботы»; но рассеянность и лень заставили меня забыть те добрые чувства, которые я испытывал, когда обещал вам это. Нужно исправлять не мое сердце — оно доброе, но надо утвердить мой ум, заставить его работать основательнее, чтобы размышления оставались запечатленными. Вы начинаете считать меня неблагодарным, может быть, вы уже в этом убеждены. Как доказать вам обратное? Я знаю способ: нужно заниматься; но что бы я ни сделал, время, которое я провел в лености и забвении всего того, чем вам обязан, навсегда останется укором. Как заставить вас хоть на миг забыть то, как я себя вел добрых три месяца? Не знаю, а это единственное, чего бы мне хотелось. Верните мне сейчас же свое доверие и дружеское участие, навестите меня в коллеже, чтобы сказать, что вы возвращаете их мне. Это — лучший способ заставить меня сразу же измениться.

Вы разочаровались во мне как в сыне, недостатки которого невозможно исправить, для которого все безразлично, который проводит свое время в лености, ко всему безучастен, апатичен и у которого не хватает смелости взять себя в руки. Да, я был вял, апатичен, ленив, какое-то время я ни о чем не думал; но коль скоро ничто не может изменить сердце, сердце мое, которое, несмотря на все его недостатки, имеет и добрые качества, осталось за мной. Оно дает мне знать, что я не должен разочаровываться в себе самом. Я подумал, что могу вам написать, поделиться с вами своими размышлениями, которые были порождены во мне тоской и унынием, принесенными жизнью, проведенной в лености и наказаниях. И только одна мысль, что вы можете считать меня неблагодарным, придала мне немного смелости. Если вам не хватает смелости, чтобы прийти в коллеж, напишите мне, и в письме не скупитесь на советы и подбодрите меня так, как вы могли бы сами сделать это в приемной во время свидания. В четверг утром на уроке естественной истории будут объявлять, какое место кто получил, я надеюсь на одно из лучших. Может

быть, эта надежда заставит вас услышать меня? В прошлый раз я был одним из последних, чуть ли не самым последним, но желание исправить эту обиду заставило меня сегодня утром очень постараться, когда я писал свое сочинение. Если вы окончательно решили не приходить в коллеж до тех пор, пока мое новое поведение не докажет вам полного изменения, напишите мне, я буду хранить ваши письма, я буду их перечитывать, чтобы бороться со своей ленью, чтобы проливать слезы раскаяния, чтобы лень и ветренность не смогли заставить меня забыть прегрешения, которые я должен загладить. И наконец, как я уже сказал в начале письма, сердце тут ни при чем. Некая легкость естества, неодолимая склонность к лени подталкивают меня к свершению всех этих прегрешений. Поверьте мне. Я уверен, вы не забудете, что у вас в коллеже есть сын, но не забудьте также, что у этого сына есть сердце. Вот все, что я хотел вам написать. Для чего я это пишу — все очень просто, я хочу вас убедить, что не надо во мне отчаиваться. Впрочем, кто, понимая, что его родители не хотят больше навещать его и что они дошли до применения таких суровых мер, не написал бы, чтобы постараться поскорее разубедить их? Меня задевают не ваши суровые меры, а стыд за то, что вам пришлось к ним прибегнуть. Я привязан совсем не к дому, и не к удобствам, которые меня встречают там, когда я прихожу из коллежа, но мне дорого удовольствие видеть вас, удовольствие проговорить с вами целый день, похвалы, которые вы можете расточать, говоря о моих школьных успехах. Я обещаю вам измениться, не отчаивайтесь во мне и еще раз поверьте моим обещаниям.

Ш А Р Л Ь

4. МАДАМ ОПИК

[Париж, 23 апреля 1837]

Дорогая матушка,

Мне хотелось бы узнать новости о папе, очень ли он страдает, скоро ли закроется его рана, сильно ли он скучает, говорит ли

он с тобой обо мне, — все, что ты сможешь мне сказать. В воскресенье вечером, перед моим отъездом, у него начались боли, продолжают ли они; лечит ли его уже г-н Шоке — ты мне сказала, что отцу очень хотелось бы, чтобы им занялся г-н Шоке. Теперь мне следует расспросить тебя: когда я уходил, у тебя разболелись зубы и ты боялась, что придется провести бессонную ночь. Если ты навещала дантиста, может быть, все уже прошло; я хочу знать, как у тебя дела. Напиши мне обо всем, или отправь в коллеж Жозефа, заодно он мне принесет, если это возможно, два тома «Уроков латинской словесности» Ноэля (вторая полка). Не будешь ли ты настолько любезна, чтобы как следует обернуть каждую книгу бумагой или обшить тканью? Впрочем, не стоит тратить на это много времени, потому что прежде всего надо думать о папе, и поскольку, когда он здоров, он очень старается, чтобы всем нам было весело, надо делать то же самое для него, когда он болен. В последний визит мне было очень стыдно, что он услышал, как вольно я тебе отвечал, — мама, я приношу тебе свои извинения. Если тебе доставит удовольствие узнать, зачем я снова прошу принести свой учебник литературы, рассказываю: я знаю, что в этом году был гораздо слабее в стихах, чем в предыдущем; меня это приводило в отчаяние; говоря откровенно, я не слишком много занимался этими упражнениями. Мой преподаватель каждый раз читал мне проповеди. Даже директор говорил мне об этом. Преподаватель даже изрек в своем стиле: «Займитесь же латинскими стихами, вы рвете нити своего будущего». Это меня рассмешило. Наконец, я понял, что остается слишком мало времени до конкурса, и основательно засел за занятия, так что он сам был очарован моими стихами, он радовался не столько из-за меня, сколько за себя самого, разумеется, так как я заметил, что, если я пишу плохие стихи, он очень недоволен, а если я пренебрегаю греческим языком или чем-либо еще, он этого почти не замечает. Помимо репетиторов, которых нам предоставляет коллеж, один выпускник коллежа, который был силен в стихах, а сейчас — домашний учитель в семействе г-на Ротшильда, насколько я знаю, предложил директору давать нам дополнительные уроки по стихосложению. Сегодня утром

этот молодой человек спросил, не забавляют ли меня его занятия. Я был премного удивлен. Разумеется, я его разуверил. Затем он захотел поговорить немного со мной, рассказал о конкурсе и предложил одалживать из своей библиотеки книги, которые я хотел бы прочесть и которые имели бы какое-то отношение к моим занятиям, но только он не будет мне давать ни романов, ни чего-либо другого в этом роде, потому что лучше сам будет пересказывать их мне. Конечно, я горячо поблагодарил его. Поскольку это, возможно, не более чем дань вежливости и в сущности его не очень интересует, я воздержусь от того, чтобы воспользоваться его предложением. Вот так. Я не знаю, что бы это значило, а пока — собираюсь зубрить. Обнимаю крепко тебя и папу.

Если эта плохая погода продлится, будет почти жестоко посылать Жозефа в коллеж только из-за меня. Но если все же он придет, то принесет заодно и все новости о вас.

Ш А Р Л Ь

5. АЛЬФОНСУ БОДЛЕРУ

[Париж, 5 марта 1838]

Дорогой брат,

Поскольку о тебе ничего не слышно, у меня появились опасения, уж не заболел ли ты или кто-нибудь из твоих близких; поэтому я пишу, чтобы тебе пришлось мне ответить. Ты действительно так занят, что не можешь черкнуть мне пару слов? Возможно, чтобы ты все-таки захотел написать, мне следует рассказать, чем я занят в коллеже? Ладно, я первый по французскому языку. Ты доволен? Но чем ближе подходит момент окончания учебы и вступления в жизнь, тем больше я боюсь, ведь придется работать, и со всей серьезностью; об этом страшно даже подумать.

Мама сказала, что у тебя хранится много стихов, написанных нашим отцом⁷. Не мог бы ты мне прислать некоторые из них, если можно — то все; мне очень любопытно их увидеть, я с большим

удовольствием прочту их. Надеюсь, Теодору⁸ лучше, несмотря на то что ты мне ничего не говоришь; мама и папа посылают тебе наилучшие пожелания. Прощай, и напиши, если будет время.

ШАРЛЬ

6. ПОЛКОВНИКУ ОПИКУ

[Париж, 17 июля 1838]

Папа,

Прости меня, что не ответил раньше: хотел сообщить вам о своих достижениях. Результаты по всем предметам пришли одновременно. Я — шестой по французскому, четвертый — по греческому, первый — по латинским стихам. Теперь занимаются нашими конкурсными сочинениями, а мы целыми днями гуляем — никаких заданий. Вот и пришло время праздности, которое продлится до конца года; что касается меня — запоем читаю. Я совсем не думаю о сочинениях, это меня не волнует, но когда наступит этот день, я выложусь целиком и полностью. Меня немного пугает только сам конкурс; я вижу, что маме ужасно хочется, чтобы меня отобрали для участия в нем, и что если этого не произойдет, она мне не простит; однако никто ни в чем не уверен; и наконец, как и в коллеже, я вложу в него все свои силы.

Несколько дней тому назад весь коллеж, вместе с учителями и экстернами, приписанными к коллежу, был в Версале. Король приглашает к себе все королевские учебные заведения по очереди. До нас у него была Политехническая школа. Мы прошли по всем залам, были в часовне; пообедали в низкой зале. Затем появился сам король⁹; мы еще погуляли по дворцу, следуя за ним; под конец он привел нас в зрительный зал, где были приготовлены декорации. Сказал, что жалеет, что не может показать нам спектакль, который достойно бы завершил день, и что благодарит за оказанное ему внимание. С ним были герцог Омаль, г-н Сальванди и адъютанты. Мы поехали обратно в коллеж; по-

всюду на нашем пути останавливались прохожие, чтобы посмотреть, как проезжает *сотня* наемных экипажей.

Не знаю, прав ли я, потому что на самом деле я ничего не понимаю в живописи, но мне показалось, что хорошие картины там можно пересчитать по пальцам; возможно, я говорю глупость, но, кроме нескольких полотен Ораса Верне¹⁰, двух или трех картин Шеффера¹¹ и «Битвы при Тайебурге» Делакруа¹², я ничего не могу припомнить, за исключением, правда, еще одного полотна Реньо, изображающего какую-то свадьбу императора Иосифа; но эта картина выделяется совершенно особым образом¹³. Все картины времен империи, которые считаются прекрасными, часто кажутся такими правильными, такими холодными; изображенные на них персонажи часто выстроены как деревья или оперные статисты. Разумеется, с моей стороны очень смешно отзываться так о художниках времен империи, которых все хвалят. Наверное, я говорю сумбурно, но я понимаю, что это только мои впечатления: возможно, также, что это результат чтения «Ля Пресс», где Делакруа превозносят до небес¹⁴.

На следующий день в «Шаривари» было напечатано, что после обеда ученики заявили, будто наелись *мазней* до отвала.

Меня навестил кузен Левайян и оставил мне свой адрес, а то я было забыл. Г-н де Витерн тоже был настолько любезен, что зашел. Г-н Морен пришел утром. Он мне рассказал, что, когда спросил у тебя, может ли он выйти со мной в город и не будут ли этим задеты другие ученики, ты ему отказал, но сказал также, что если мне что-то надо, то ему будет приятно все-таки выйти со мной, предупредив тебя, разумеется, при том что никто из твоих друзей ничего не узнает; я был совершенно очарован этим предложением, и вот почему. Очень часто я подходил к г-ну Ринну, моему преподавателю, чтобы поговорить о книгах, которые я прочел, о литературных идеях, о латинских писателях, о том, что происходит сегодня, чем следует заниматься в жизни и т. д. Видя, что я люблю современных авторов, он сказал, что был бы рад, если бы смог как-нибудь вместе со мной разобрать одно из современных произведений, дав мне почувствовать, что в нем настоящее и что — фальшивое, и что я мог бы в какой-нибудь

четверг зайти к нему; г-н Ринн — настоящий оракул для меня, и я был счастлив. Но, к сожалению, директор не позволил мне покинуть коллеж: мама попросила его об этом перед отъездом. Поэтому я прошу тебя, если ты согласен, прислать мне письмо для директора, подтверждающее, что ты позволяешь мне иногда выходить к г-ну Морену. Я буду пользоваться этим разрешением только для того, чтобы ходить к г-ну Ринну, оставаться в моей комнате, и разговаривать с г-ном Мореном, когда у него будет для этого время. И потом, я буду пользоваться этим достаточно редко, потому что теперь, в отсутствие вас и г-н Ринна, я совсем не скучаю в коллеже.

Я не осмеливаюсь говорить о твоей ране; знаю, что ты не любишь, когда о тебе беспокоятся; мама считает, что все идет очень медленно; если ты считаешь, что это будет полезно, останься, останься до следующего года. Малейшее облегчение для тебя я предпочту своим каникулам.

Мама пишет мне очаровательные письма, поблагодари ее. В случае если ты согласен, чтобы мне позволили выходить, напиши как можно быстрее, потому что приближается конец года и я хотел бы успеть воспользоваться твоим разрешением, чтобы навещать моего преподавателя. Прощай.

Я обожаю тебя.

ШАРЛЬ

7. МАДАМ ОПИК

[Париж,] 3 августа [1838]

Мама,

Все сочинения закончились. Что касается конкурса — ничего не известно. Единственное, что я могу тебе сказать, что, за исключением стихосложения, я ни на что не надеюсь. По классным сочинениям я обратился к преподавателю, на что он мне ответил,

что мои работы по стихосложению и латинской речи были отвратительными. Так заканчивается учебный год, таковы мои успехи. Если вдруг ты сможешь приехать ко дню вручения наград, я пойду к директору и спрошу, могу ли я на что-то рассчитывать, в противном случае я вообще не пойду на это вручение. Но мне не хотелось бы, чтобы вы возвращались, потому что г-н Зенс, которому я сказал, что вы вернетесь через две недели, заметил, что это неосторожно, что надо воспользоваться всем временем, насколько это возможно, и оставаться на водах как можно дольше. Г-н Морен также находит очень необычным, что вы собираетесь вернуться так рано. Прошу вас, раз уж вы уже там, постарайтесь извлечь пользу из лечения, которое выбрали, чтобы результат был более верным. Как это так? Вы предприняли столь длительное путешествие, чтобы сразу вернуться? Так что, перед тем как возвращаться, подумайте как следует, и если ты сочтешь, что воды продолжают оказывать благотворное воздействие, сделай все возможное, чтобы задержать там папу.

Г-н Зенс мне сказал, что видел, как ты катаешься верхом, что тебе это очень нравится, что у тебя довольный вид. Как здорово, что ты можешь развлекаться! А у меня все наоборот; я так скучаю, что плачу, не понимая почему. Не удивляйся, что, с одной стороны, я прошу тебя остаться, а с другой — рассказываю о том, как скучаю, как вспоминаю тебя; мне хочется, чтобы ты осталась там, если оно того стоит, а говорю о себе потому, что это меня отвлекает и немного занимает. Мне грустно. Прежде всего потому, что на меня действует собственное плохое настроение: страх неудачи; признаю, что мое самолюбие жестоко задето; я напрасно философствовал, говорил себе, что успехи в коллеже ничего не значат, что они мало что доказывают и т. д., тем не менее правда и то, что они доставляют большое удовольствие. Так что я сам навожу на себя тоску и надоедаю себе, другие надоедают мне еще больше. Ты мне скажешь: «Читай». Мой Бог, да я только и делаю, что читаю с тех пор, как ты уехала, то есть с того времени, как прекратились занятия в классах. Ты знаешь, что в конце года у нас два свободных месяца; и тогда те, у кого нет денег, чтобы добывать себе книги, очень несчастны: бедняги спят сутками.

Я потратил почти все свои деньги, заплатив за четырехтомник, который у меня забрал один из товарищей. Я читал только современные произведения и только те из них, о которых повсюду говорят, которые всем известны, которые читаются всеми, наконец, те, которые считаются лучшими; ну и что — все это фальшиво, преувеличенно, экстравагантно, напыщенно. В особенности это относится к Эжену Сю, я смог прочесть только одну из его книг, и она навела на меня смертельную тоску. Я пресытился всем этим; мне интересны только драмы и стихи Виктора Гюго, а также одна из книг Сент-Бёва («Сладострастие»)¹⁵. Я полностью пресытился литературой; и действительно, с тех пор как я выучился читать по-настоящему, я еще не нашел ни одного произведения, которое мне понравилось бы целиком и полностью, которое я смог бы любить с начала до конца; а потому — я больше не читаю. Я переполнен всем этим и больше ни с кем не разговариваю; я думаю о тебе; вот ты действительно нескончаемая книга; с тобой можно разговаривать, любить тебя, не пресыщаясь, как это происходит со всеми другими удовольствиями. Честное слово, может быть, это счастье, что сейчас мы в разлуке; я сумел отбить у себя охоту к современной литературе и больше, чем когда-либо, научился любить маму, потому что почувствовал ее отсутствие, ты увидишь это, когда вернешься; осыпанная поцелуями, окруженная заботой и предупредительностью, хотя ты и так знаешь, как я тебя люблю, ты будешь еще больше удивлена, увидев, насколько я тебя люблю. Прощай — та, что любима, как никто другой на свете. Молодой Рубье пришел в коллеж, чтобы подыскать ученика. Я его видел, он трудится так, что у него портится зрение. Альфонс Эмар блестяще сдал экзамены в Сен-Сир. В последний раз распределили места по переводам, я — четвертый.

Обними от меня папу.

ШАРЛЬ

Когда будешь писать, скажи, до которого дня я могу посылать тебе письма, чтобы они не пришли после твоего отъезда и не потерялись. Я собираюсь теперь писать каждый день.

8. ПОЛКОВНИКУ ОПИКУ

[Париж,] 26 февраля [1839]

Пишу тебе с просьбой, которая тебя премного удивит. Ты обещал мне уроки фехтования, манежной езды; вместо этого прошу, если ты не против, если возможно и если тебя это не стеснит, — *репетитора*. Мы очень часто все вместе рассуждали, что репетитор ничего не дает, а иногда даже вредит ученику; это так, когда ученик ленив, когда он просто болтает с репетитором, а тот делает за него уроки.

В моем случае, когда нет необходимости помогать в усвоении обычной школьной программы, я попросил бы репетитора о дополнительных уроках по философии, о том, чего мы не проходим в классе; мне хотелось бы изучать *религию*, которая не входит в программу университета; эстетику или философию искусств, ибо у преподавателя наверняка не хватит времени познакомить нас со всем этим.

О чем бы я еще его попросил, так это позаниматься со мной греческим языком, да, греческим, которого я совершенно не знаю, как все те, кто учил его в коллеже; его слишком трудно изучать самому, особенно когда завален массой других дел.

Ты знаешь, что я пристрастился к древним языкам, и греческий вызывает у меня большой интерес. Я считаю, что бы сейчас ни говорили, но это не только доставляет огромное наслаждение, но и дает большое практическое преимущество. Зачем подавлять эти пристрастия? Разве это помешает тому, чем я собираюсь заниматься, — науке, истории, философии; кто знает, возможно, изучение греческого поможет мне в изучении немецкого.

Думаю, что репетитор обойдется в 30 франков в месяц. Сначала ученик должен получить позволение от отца. Затем он обращается к директору и выбирает репетитора. Полчаса в день или час через день.

Я остановил бы свой выбор на г-не Лазеге, выпускнике Эколь Нормаль, которого знают и в лицее Людовика Великого. Если он не сможет давать мне уроки, я предпочел бы тогда вообще обойтись без репетитора.

Это не пустой каприз. Я столько раз менял или оставлял свои планы: я постоянно боюсь, что люди перестанут верить в меня.

Я всегда завидовал знанию греческого — и я знаю, что этот молодой преподаватель может ему научить, *и научить очень быстро*. Что касается догматики, она тоже не давала мне покоя с начала учебного года. Недавно я проэкзаменовал себя: спросил себя, что же я знаю, — довольно много всего по разным направлениям, но все эти знания — весьма неопределенные, туманные, беспорядочные, противоречащие друг другу, — ничего ясного, четкого, систематизированного, так что приходишь к выводу, что не знаешь ничего. Однако в скором времени мне предстоит вступить во взрослую жизнь, мне необходим какой-то багаж твердых познаний. Могу ли я желать в данный момент чего-то лучшего, чем изучение языка, который позволит мне читать в оригинале очень полезные книги? или изучение самой прекрасной части философии — религии?

Не знаю, насколько красноречиво мое письмо. По крайней мере, оно чистосердечно, я твердо уверен в пользе своей просьбы.

Впрочем, тебе самому хорошо известно, чем я грешен, каковы мои потребности, и ты столько открыл мне в деле образования, что я готов с превеликим почтением узнать твое мнение на сей счет.

Наилучшие пожелания моей матушке, это письмо ее очень удивит. Г-н Массони сказал, что тебе лучше, я был рад это услышать.

Как обычно, г-н Массони осыпал меня несносными комплиментами. Ибо, между нами, мы знаем, что я за фрукт. Так как г-н Массони очень любит меня и он стар, я вынужден уважать его лесть, и думаю, что приличнее принимать ее молча, чем упрямо опровергать. Меня это всегда очень смущает, особенно перед другими.

Прощай, я надеюсь, ты сможешь выкрасть несколько минут, чтобы мне ответить.

Целую и крепко обнимаю, и как мне хотелось бы, чтобы иногда это было возможно в приемной коллежа.

ШАРЛЬ

9. ВИКТОРУ ГЮГО

[Париж, вторник, 25 февраля 1840]

Сударь,

Недавно я видел постановку «Марион Делорм»¹⁶; красота этой драмы меня так очаровала, доставила мне столько радости, что мне захотелось тут же познакомиться с автором и лично поблагодарить его. Я еще школяр и, возможно, позволяю себе невиданную дерзость; но я совсем не знаю светских приличий и полагаю, что Вы будете снисходительны ко мне. Наверное, Вас мало затронут похвалы и слова благодарности какого-то студента, ведь Вам уже приходилось принимать их от людей со вкусом. Вы, без сомнения, полюбились уже стольким людям, что Вам нет нужды беспокоиться о том, чтобы приблизить к себе нового надоеду. Однако если бы Вы знали, насколько наша любовь — любовь молодых людей — искренна и правдива; мне кажется (возможно, это только гордыня), что я понимаю все ваши произведения. Я люблю Вас так же, как я люблю ваши книги; я считаю Вас добрым и великодушным, потому что Вы добились множества оправдательных приговоров, потому что, будучи далеки от того, чтобы уступить общему мнению, Вы часто сами его формировали, с гордостью и достоинством. Мне представляется, что рядом с вами, сударь, я узнал бы много доброго и великого; я люблю Вас так, как любят героя, книгу, как любят чистой, бескорыстной любовью все прекрасное. Может быть, я слишком смел, что поддался порыву отправить Вам выражение своего восхищения по почте; но мне очень хотелось сказать Вам непосредственно, просто, насколько я люблю Вас и восхищаюсь вами, и я весь трепещу, боясь показаться смешным. Однако, сударь, Вы тоже были молоды и должны понять ту любовь, которую книга вызывает к автору, ту потребность, которая захватывает нас и принуждает, чтобы мы сами сказали автору слова благодарности и смиренно целовали его руки; колебались бы Вы в свои девятнадцать лет, чтобы написать подобное письмо писателю, целиком захватившему вашу душу, например г-ну Шатобриану? Все это не слиш-

ком хорошо выражено, я думаю лучше, чем пишу; но я надеюсь, что, поскольку Вы тоже были молоды, Вы угадаете остальное, что такой необычный, неординарный поступок не слишком Вас шокирует; и что Вы удостоите меня чести получить ответ: уверяю Вас, что жду его с чрезвычайным нетерпением.

Будете ли Вы настолько великодушны или нет, примите мои уверения в вечной признательности.

Ш. БОДЛЕР
улица Лиль, 59

10. АЛЬФОНСУ БОДЛЕРУ

[Париж,] четверг
[31 декабря 1840]

Мой дорогой брат, думаю, что мне недостает братской вежливости по отношению к тебе, так как я не писал с тех пор, как приехал в Париж. Мне следовало написать тебе и сестрице, чтобы поблагодарить вас за великолепное гостеприимство, которое мне было оказано. Но новогодний обычай, что бы о нем ни говорили и как бы над ним ни посмеивались, иногда все же хорош, потому что заставляет людей говорить друг другу массу нежностей, которые они испытывают и написать которые им мешает только лень. Вот почему я желаю вам обоим доброго и счастливого года — спокойного и радостного (как и вашим друзьям). Прошу тебя передать мои пожелания г-ну Риго, очень милому человеку, а также вашему бедному художнику.

Думаю, тебе доставит удовольствие узнать, как я провожу время в Париже. С тех пор как ты отправил меня сюда, я не видел ни Школы, ни конторы поверенного¹⁷, так что кругом уже сетуют, что я там совсем не появляюсь. Но окончательную реформу своего поведения я отложил на 1841 год.

В этом году мне захотелось послать сестрице ноты. Подари их от меня. Будучи еще тем музыкантом, я выбрал альбом, где были нарисованы самые красивые виньетки.

Что касается тебя, брат мой, то никакого новогоднего подарка я тебе не сделал, если не считать этого «Превосходного сонета», который я только что сочинил и который тебя позабавит. Вот что называется новогодним подарком поэта.

Мы оскверняем столько слов святых!
 Любители польстить свершают злодеянье;
 «Мой ангел» говоря предмету обожанья,
 Но ангелы в Раю не приревнуют их.

Лишь чистые сердца достойны слов таких —
 Душ незапятнанных высокое явленье!
 А на колени к вам, со смехом, без стеснения,
 Сел ангел с крыльями, но только грязь на них.

«Мой ангел», — я, юнец, наивная душа,
 Звал девку скверную, что ликом хороша
 Была тогда, и пятерых умела удержать.

Безумные! В тоске по нежности такой,
 И я готов опять беспутнице любой
 Меж белых простыней «мой ангел» повторять.

Пер. Н. В. Притузовой

Вот что, возможно, развлечет сестру. Обними своего сына Эдмона и не забудь передать мои поздравления гг. Дюсесуа и Брену.

11. АДЛЬФУ ОТАРУ ДЕ БРАГАРУ¹⁸

[Остров Бурбон,] 20 октября 1841

Дражайший господин Отар,

На Маврикии Вы просили у меня стихотворений для Вашей супруги, и я не забыл Вашей просьбы. Так как более пристойно и прилично, чтобы стихи, посланные молодым человеком даме,

прежде чем попасть к ней прошли через руки ее мужа, я посылаю их Вам, чтобы, если Вам будет угодно, Вы могли ей их не показывать.

С тех пор как уехал от Вас, я часто думаю о Вас и о Ваших превосходных друзьях. Я никогда не забуду прекрасные утренние часы, которые мы проводили с Вами, г-жой Отар и г-ном Б...

Если бы я не настолько любил Париж и не скучал по нему до такой степени, я оставался бы с вами так долго, как это было бы возможно, и тогда, возможно, заставил бы Вас полюбить меня и узнать меня не в этом *барочно вычурном* виде, в котором я являюсь людям.

Маловероятно, что я когда-нибудь вернусь на Маврикий. Разве что судно, на котором я плыву в Бордо («Альсид») зайдет туда за пассажирами.

Вот Вам мой сонет¹⁹:

Под солнцем той страны, где аромат струится,
Там, где шатер дерев весь пурпуром горит,
Где с пальм струится лень и каплет на ресницы,
Я знал креолку — в ней дар обаянья скрыт.

Сквозь бледность дышит зной. У смуглой чаровницы
Осанка гордую изысканность хранит.
С Дианой поступью могла б она сравниться.
Уверен взор ее, в устах покой разлит.

Когда бы вы хоть раз явили ваши чары
На сенских берегах иль на лугах Луары,
Красавица, кому лишь в замке обитать,

Заставили бы вы, сударыня, поэтов
Вынашивать в сердцах по тысяче сонетов
И вам покорнее, чем ваши негры стать.

Пер. А. А. Энгельке

Итак, я буду ждать Вас во Франции.

Передайте мои благоговейные комплименты мадам Отар.

Ш. БОДЛЕР

12. ЭРНЕСТУ ПРАРОНУ

[Париж, суббота, 11 февраля 1843]

Мой друг, в понедельник Вы получите *мою писанину*. Вы сами обучите меня пагинации и композиции листов. Я рассчитываю на Вас еще и в корректуре.

Советую Вам не церемониться с инфантильностями стиля²⁰.

Ш. Б.

13. СЕНТ-БЁВУ

[Париж, конец 1844 или начало 1845]

Сударь,

Стендаль где-то сказал — что-то в этом духе: *«Я пишу для дюжины душ, коих мне, возможно, никогда не увидеть, хотя я обожаю их и без того»*²¹.

Не являются ли эти слова, сударь, превосходным извинением для надоедливых людей и разве не ясно, что любой писатель в ответе за те симпатии, которые он пробуждает в людях?

Эти стихи написаны *для Вас* — и столь наивно, что, когда они были закончены, я спросил себя, не покажутся ли они дерзостью и не имеет ли права *восхваленная особа* оскорбиться такой хвалой.

Надеюсь, что Вы сообразоволяете высказать свое мнение.

Юнцами — на скамьях старинных в ряд,
Дубовые, они сильней цепей блестят,
Отполированные человеческой кожей, —
Мы чахли от тоски, над партами скукожась,
Одни, под сводами квадратными разлуки,
Где десять лет Дитя пьет терпкий сок науки.
То были времена прекрасные для Музы,
Когда уже рвались классические узы,
И ментор, ваших рифм еще не принимая,
Под нашим натиском порой изнемогая,

Позволил школяру, строптивому доньне,
Заставить Трибуле горланить по-латыни.
Кто не познал подростком эти муки:
Оцепененье монастырской скуки,
Когда блуждает взгляд в утрюмости лазури,
Или в сверканье снега. Ищет бури
Настороженный слух, и жадно поглощает
Далекий отзвук книг, и мятежу внимает.

Особенно когда по стенам почерневшим
Расплавленный свинец стекал потоком внешним,
Когда июльский зной и Осень, подступая,
Рассеивали свет, на башнях усыпляя
В горячий полдень — маревом зыбей —
Крикливых соколов — страх белых голубей.
Пора ленивых грез. И Муза день-деньской
Сама цепляется за колокол большой;
Где Меланхолия, пока все отдыхает,
По коридорам медленно блуждает,
Глаза ее черны, и смотрит так тоскливо,
Как та Монахиня, с судьбою несчастливой,
С трудом, как от забот вневременных, бредет,
Томление ночей — лоб влажный выдает.

Больные вечера и ночи в лихорадке,
Что девичьи тела мечтой дарили сладкой,
Невинных — к зеркалам манили то и дело,
Чтоб созерцать плоды взрослеющего тела.
И мягких вечеров увянувшая скука,
Где в наслаждениях скрывается наука,
Венера мрачная с балкона, как из мести,
Льет мускусный поток своей свежайшей лести.

Все обстоятельства легко сложились сами:
Вращенный вашими сонетами, стихами,
Однажды, книги дух почуяв, словно пес,
Жизнь Амори тайком я на груди унес.
Вся бездна мистики, на грани от сомненья, —

Напиток, исподволь дающий опьянение,
 Во мне, что к пропасти стремился с юных лет,
 На реплики Рене вдруг бросил яркий свет,
 В мельчайший кровоток по капле проникая
 И неизведанного жажду пробуждая.
 Миазмы, запахи я поглощал послушно
 И сладкий шепот их, как память о минувшем,
 Сплетенье долгих фраз, где символы играют,
 Бормочут мадригал, как будто заклиняют:
 О книга, мне б тебя вовеки не встречать!
 С тех пор, куда бы ни старался убежать,

Под солнцами чужими был готов,
 Бежать от опьяняющих шаров,
 Но новых горизонтов возрождение —
 Вновь сердце увлечет к минуте упоенья.
 Будь то каникул жаркое похмелье,
 Будь то фримера зябкое безделье, —
 Там, где табачный дым скрывает потолок,
 Искал повсюду я и отыскать не мог
 Секрет той книги — клад для отупевших душ,
 Которым от судьбы дарован равный куш,
 И совершенствовал в зеркальном отраженье
 Подарок Демона, врученный при рождении,
 Чтоб наслаждение из страданья получать,
 И кровью боль залить, и рану разодрать.

Поэт — то похвала, проклятье ль? Назови.
 Я, как любовник, нынче визави
 Напротив призрака, чьи жесты увлекают,
 Чьи руки и глаза все силы отнимают
 У прелестей чужих. И все, кого любили, —
 Сосуды горечи, которую испили,
 Пронзенные сердца их, боль алкая,
 Уходят каждый день, стрелу благословляя²².

Пер. Н. В. Притузовой

БОДЛЕР-ДЮФАИ
 набережная Анжу, 17

14. ШАНФЛЕРИ

[Париж, вторая половина мая 1845]

Если хотите *вышутить* меня в своей статье — пожалуйста, лишь бы мне не было слишком больно.

Но *если хотите доставить мне удовольствие*, напишите несколько серьезных строчек и УПОМЯНИТЕ «Салоны» Дидро.

*Может быть, лучше будет и ТО, и ДРУГОЕ*²³.

Б. Д.

15. НАРСИСУ АНСЕЛЮ

[Париж,] 30 июня 1845

Когда мадемуазель Жанна Лемер передаст Вам это письмо, меня уже не будет в живых²⁴. — Она об этом не знает. Вы знакомы с моим завещанием²⁵. За исключением доли, выделенной для моей матери, мадемуазель *Лемер* должна унаследовать все, что останется после того, как Вы выплатите все мои долги, перечень которых я прилагаю к этому письму. —

Я умираю в ужасном беспокойстве. — Вспомните наш вчерашний разговор. Я хочу, я желаю, чтобы мои последние распоряжения были выполнены в совершенной точности. Мое завещание могут оспаривать два человека — мать и брат, и оспаривать его они могут только под предлогом моего умопомешательства. Самоубийство, увенчивающее беспорядочность моей жизни, может послужить им только на руку, чтобы лишить мадемуазель Лемер того, что я хочу ей оставить. — Следовательно, необходимо, чтобы я представил Вам причины моего *самоубийства* и моего поведения по отношению к мадемуазель *Лемер* таким образом, чтобы это письмо, которое адресовано Вам, и которое Вы возьмете на себя труд прочесть ей, могло послужить ей защитой в том случае, если мое завещание будет оспорено вышеназванными лицами.

Я себя убиваю — без огорчения. Я не испытываю всех этих волнений, которые люди называют огорчениями. — Долги никогда не приносили мне огорчения. Нет ничего проще, чем подняться над всем этим. Я убиваю себя потому, что не могу больше жить, потому как тяжесть, с которой я засыпаю, и тяжесть, с которой я просыпаюсь, стали для меня невыносимыми. Я убиваю себя потому, что я — бесполезен для других и опасен для себя самого. — Я убиваю себя потому, что считаю себя бессмертным, и потому, что я надеюсь. Сейчас, когда я пишу эти строки, я чувствую такую ясность ума, что пишу еще заметки для г-на Теодора де Банвиля, и у меня достаточно сил, чтобы заниматься своими рукописями.

Я передаю и завещаю все, чем я владею, мадемуазель Лемер, даже мою скромную обстановку и мой портрет, потому что она — единственное существо в мире, в котором я находил покой. — Может ли кто-нибудь осудить меня за то, что я хочу оплатить редкие радости, которые мне выпали на этой ужасной земле — ?

Я мало знаю своего брата, он не жил ни во мне, ни со мной — он во мне не нуждается.

Моя мать, которая так часто и всегда невольно отравляла мне жизнь, тоже не нуждается в этих деньгах. У нее есть муж, она обладает человеческим существом, привязанностью, дружбой. —

У меня нет никого и ничего, кроме Жанны Лемер. Я находил покой только в ней, и я не хочу, я не могу страдать от мысли, что ее захотят лишить того, что даю ей я, под предлогом, что я не в своем уме. — Вы слышали, как я на днях говорил с Вами. Разве я безумен?

Если бы я знал, что, обратившись прямо к матери и представив ей всю глубину моего духовного унижения, я смог бы добиться от нее, чтобы она не нарушила мою последнюю волю, я сделал бы это немедленно, настолько я уверен, что, являясь женщиной, она поймет меня лучше, чем кто-либо другой, и, может быть, только она сможет отговорить моего брата от неумного противостания.

У Жанны Лемер, единственной женщины, которую я любил, ничего нет. И именно Вам, г-н Ансель, одному из редких людей,

одаренных нежной и возвышенной душой, я доверяю свои последние распоряжения относительно нее. —

Прочтите ей это, чтобы она знала мотивы этого завещания и своей *защиты*, в случае если мои последние распоряжения будут опротестованы. Вы осторожный человек, объясните ей значение и важность владения хоть какими-нибудь деньгами. Постарайтесь найти какую-нибудь разумную мысль, что пошла бы ей на пользу и сделала полезными мои последние намерения. Руководите ею, советуйте ей; осмелюсь ли я Вам сказать: любите ее, — по крайней мере, ради меня. Покажите ей мой ужасный пример — как беспорядок в голове и жизни приводит к мрачному отчаянию или полному крушению. *Разум и польза! Умоляю Вас!*

Неужели Вы в самом деле думаете, что это завещание может быть оспорено и меня, перед тем как я умру, лишат права сделать по-настоящему доброе и разумное дело? —

Теперь Вы прекрасно видите, что это завещание — не бахвальство и не вызов социальным или семейным устоям, но просто-напросто выражение того человеческого, что во мне еще осталось, любовь и искреннее желание послужить существу, которое было иногда моей радостью и моим покоем.

Прощайте! —

Прочтите ей это завещание — *я верю в Вашу добротпорядочность, и я знаю, что Вы его не уничтожите.*

Сразу же дайте ей денег. Она ничего не знает о моих *предсмертных* намерениях и надеется, что я снова приду к ней на помощь.

Даже в том случае, если мои последние желания будут оспорены, мертвец имеет право на безвозмездный дар.

Второе письмо, которое она Вам передаст, написано только для того, чтобы перечислить все, что следует оплатить, чтобы память обо мне была чиста.

Ш. БОДЛЕР

16. ТЕОДОРУ ДЕ БАНВИЛЮ

[Париж, 6 июля 1845]

ТЕОДОРУ ДЕ БАНВИЛЮ

Внезапно ухватив за волосы Богиню,
Вы с чудной томностью сумели удержать
Хозяйский вид, и вас могли принять
За сутенера, что над ней царит отныне.

В сооружении, которым правит смелость,
Гордыня ваша как создателя сияет
И преждевременное пламя раздувает,
Показывая нам, какая будет зрелость.

Поэт, из наших пор сочится кровь всегда;
Случайно ли Кентавра плащ жестокий,
Что вены превращал в смертельные потоки,

Был трижды погружен в яд тварей, что хотели
Расправиться еще с младенцем в колыбели,
Но маленький Геракл их задушил тогда²⁶.

Пер. Н. В. Притузовой

Это Вам доказывает, что мыслями я с Вами. — За это наберитесь смелости написать мне сразу же и поподробнее. Если сможете — меня это развлечет, — не *играйте* с моей пачкотней²⁷, то есть не показывайте ее. Сегодня утром я получил очень неожиданный подарок: газету из Аббевиля с фельетоном обо мне — *восхитительным*, действительно восхитительным и неимоверно смешным, — ясно, что он написан *Левавассёром*²⁸. Он живет на улице Бон, но поскольку я не знаю номера дома, то не могу ему написать. Если Вы его увидите, передайте ему мою признательность. У меня есть серьезные причины бояться проделок Прива²⁹; постарайтесь прищемить ему язычок: он догадается, что это означает. Передайте привет Витю³⁰. Поблагодарите Дюпона³¹ и Сенвиля³², которые были так добры, осведомляясь обо мне. И направьте свой ответ мадам Дюваль: Фамм-сан-Тет, 6.

Б. Д.

17. МАДАМ АЛЬФОНС БОДЛЕР

[Париж, около 3 марта 1846]

Сударыня,

Вам, вероятно, будет любопытно узнать, каким образом Бодлер-Дюфаи трактует столь трудный и в то же время столь естественный сюжет, как Любовь, — посылаю Вам эту подборку, которая только что вышла из-под моего пера³³. Я не могу выбрать судию лучшего, нежели Вы, я весь в Вашей власти и с полным доверием становлюсь Вашим подсудным.

Как бы мне хотелось, чтобы мой брат увидел, как я защищаю свое дело или, скорее, дело рода человеческого перед «Трибуналом Любви», как я говорю об этом в посылаемой Вам вещице, — он смог бы оценить призвание, которое влечет меня к Музам, ведь я могу понять энтузиазм, с которым он предается тяжким и невеселым трудам Фемиды. В этом мире у каждого свой жребий. Мне выпало учить моих ближних тому, как надо себя вести, чтобы быть счастливым: вот почему я безмерно счастлив, посылая Вам свой «Катехизис любимой женщины» с надеждой, что он будет прочитан и вызовет у Вас отклик. Увидите, как я определяю симпатию. Мой дебют на Поприще возвещает обо мне как стороннике любви в духе «Антони»³⁴; но Вам предстоит убедиться, что любовь эту не следует презирать.

Что же Вы скажете о моих принципах и о советах, которые я даю этой переменчивой половине человечества, что так часто лишь играет в любовь. Я хочу, чтобы любовник, который действительно любит, был постоянен, и Вы видите доказательство этого в единственной фразе: «Но любите же сильно, мощно, смело, как на Востоке, свирепо, любите ту, которую Вы любите; и чтобы любовь ваша не терзала любви другого».

Этот маленький отрывок, без сомнения, вызовет у Вас желание прочитать всю статью и «Катехизис», который скоро должен появиться.

Соизвольте быть, сударыня,

Моим Провидением на поприще, что открывается передо мной каналом любви... чуть было не сказал — влиянием женщины.

Соблаговолите принять уверения в моем глубоком почтении, преисполненные рвения и восторга поэта, который желает шествовать по стопам Петрарки или Парни.

Ваш покорный слуга

БОДЛЕР ДЮФАИ

18. П.-Ж. ПРУДОНУ

[Париж ?] 21 августа 1848

Гражданин,

Незнакомому и преданному другу *абсолютно необходимо встретиться с Вами* не только для того, чтобы набраться разума и занять несколько минут Вашего времени, на что, быть может, он имеет право, но и для того, чтобы поведать Вам нечто такое, чего Вы можете и не знать и что имеет касательство, однако же, к Вашей безопасности. Если даже тот, кто Вам пишет, сообщит лишь то, что Вам уже известно, думаю, что восхищение и симпатия, им испытываемые, могут стать достаточным оправданием.

Я долго боролся со своей ленью, чтобы написать Вам столь подробное письмо, но предпочел осмелиться атаковать Вас напрямую. Сегодня полицейские со всех сторон перекрыли входы и помешали мне пройти к Вам, ибо я надеялся, что смогу передать эту записку через кого-нибудь из знакомых представителей.

Если Вы не находите чрезвычайно эксцентричным, что несчастный незнакомец просит немедленного ответа от такого занятого и загруженного работой человека, то я буду *сколько угодно* ждать в кафе-ресторане на углу улицы Бургонь.

Будьте любезны ответить мне запиской — адрес, время — как можно быстрее. Волнение, царящее во всех умах, требует как можно более быстрых объяснений между всеми единомышленниками.

ШАРЛЬ БОДЛЕР
Нейи, авеню Републик, 18

Соблаговолите принять на веки вечные самые искренние свидетельства моей преданности и моего восхищения.

19. П.-Ж. ПРУДОНУ

[Париж (?) 21 или 22 августа 1848]

Вот то, что я должен был Вам сказать, и мне кажется, что это пойдет на пользу дела; ибо либо Вы это знаете и мой долг все равно об этом сказать, либо не знаете и будет хорошо, что узнаете.

Нам обещают волнения.

Кто их будет разжигать — мы не знаем. Но во время ближайшей демонстрации, даже антинародной, то есть при ближайшем предлоге, Вас могут убить.

Это доподлинный заговор.

Сначала — преднамеренный, смутный, скрытый, что формировался в отношении Вас подобно тому, как несколько лет назад высказывались пожелания смерти в отношении Генриха V. *Конечно, не следует желать смерти кого бы то ни было, но как было бы хорошо, если бы с ним что-нибудь случилось.* Другая формулировка более точна: *в следующий раз, — мы знаем, где он живет, и постараемся его найти. Мы знаем свое дело.* Вы — козел отпущения. Это ни в коем случае не преувеличение; я не могу предоставить Вам доказательства. Если бы они у меня были, то, даже Вас не спрашивая, я отправил бы их в префектуру. Но моя совесть и смекалка превращают меня в превосходного шпика во всем, что касается моих убеждений. Я хочу сказать, я уверен в том, что утверждаю, я знаю, что человека, который всем НАМ особенно дорог, подстерегают опасности. До такой степени, что если будет попытка, то я, вспоминая различные подслушанные разговоры, *смогу назвать имена*, настолько ярость врагов неосторожна.

Сегодня я подумал, что Вы соблаговолите удостоить меня ответом. Впрочем, я собрался говорить с Вами лишь о необходимых, на мой взгляд, мерах по улучшению Вашей газеты, например о еженедельном издании, полном переиздании всех выпусков, и, во-вторых, о насущной необходимости выпустить огромную афи-

шу, подписанную Вами, другими представителями и редакторами газеты, отпечатанную огромным тиражом и ПРИКАЗЫВАЮЩУЮ народу не подниматься. В настоящее время Ваше имя гораздо более известно и имеет гораздо бóльшее влияние, чем Вы себе это представляете. Восстание может начаться как легитимистское, а закончиться как социалистическое, но все может произойти и наоборот.

Пишущий эти строки абсолютно доверяет Вам, так же как и многие его друзья, которые с закрытыми глазами пошли бы за Вами только ради известных гарантий, которые Вы им уже предоставили.

Итак, с началом волнений, пусть даже самых незначительных, *не оставайтесь дома*. Если возможно, организуйте тайную охрану или потребуйте от полиции, чтобы она Вас защитила. Впрочем, *возможно, правительство охотно согласилось бы с подобным подарком от свирепых хищников собственности*; так что будет лучше, если Вы постараетесь защитить себя сами.

ШАРЛЬ БОДЛЕР³⁵

20. НЕИЗВЕСТНОМУ

13 июля 1849

Сударь, я только что отправил Вам рекомендацию, которой я придаю большое значение. Речь идет о г-не Шомане³⁶, очень талантливом музыканте, который был вынужден уехать из Дрездена из-за революционных событий.

Г-н Шоман желает опубликовать этюд о «Тангейзере», а также серию статей, посвященных эволюции музыки.

Т. Готье должен был Вам написать о нем и сделал это, не сомневаюсь, незамедлительно.

Это такая малость — присоединить к его словам слабый голос, который я обращаю к Вам лишь для того, чтобы напомнить о столь высокой рекомендации.

Наше общее восхищение Вагнером позволяет мне предчувствовать благоприятный прием, который Вы окажете г-ну Шоману.

Ваша помощь послужит поддержкой человеку, которому будущее готовит славу самого выдающегося среди мастеров.

Наконец, Вы обяжете искренне преданного Вам

Ш. БОДЛЕРА

21. ЖЕРАРУ ДЕ НЕРВАЛЮ

[Нейи.] Пятница, 10 мая 1850

Дорогой Жерар, я думал, что смогу сегодня вечером воспользоваться Вашим билетом³⁷. Завтра это будет невозможно. Передаю контрамарку Маласси. Он приведет с собой Шанфлери на генеральную репетицию.

Что до меня, настоятельно прошу прислать мне еще две контрамарки: *Нейи, авеню Републик, 95*. Учтите, что одна для моей жены. Думаю, что женщинам лучше будет в оркестре. Кроме того, и это важно, чтобы билеты, которые Вы мне пришлете, были действительны только в течение двух-трех дней после того, как я их получу. Примите наилучшие дружеские пожелания.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

22. ЖАНУ ВАЛЛОНУ³⁸

[Нейи.] Понедельник, 29 июля 1850

Будьте любезны подойти 2 августа, в пятницу, в 11 часов утра в «Эстамине де Пари» в «Пале насьональ». Мы вместе позавтракаем. Цель — показать Вам необыкновенного человека³⁹. Вот как Л...⁴⁰ становится пророком, страстным бонапартистом и, наверняка, доносчиком. Мне досадно, что приходится посылать Вам столь грустную шутку, которая к тому же Вам дорого встанет, в обмен на Вашего кота и семгу, которые целый день, а то и дольше,

вертелись у меня в голове. Правда, я поделился этой диковиной с г-ном Т. Готье. Но он тоже не отгадал, откуда это.

Если у Вас не хватит мужества на все, советую прочесть по меньшей мере Эпилог.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

23. ШАНФЛЕРИ

[Нейи.] Вечер среды 6 октября (?) 1850

Не могли бы Вы зайти ко мне послезавтра утром и позавтракать со мной в Нейи, дом 95 на авеню Републик? Я переведу Вам Вашу балладу вслух от начала до конца. Мне надо было бы написать целую статью, чтобы Вы поняли суть цехового юмора⁴¹. Но лучше — поговорить. Итак, до утра пятницы, 8 октября. Вы знаете, что омнибусы, идущие от Бульвара, довезут Вас прямо до меня. Внизу просто назовите себя.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

24. ШАНФЛЕРИ

[Нейи.] Вторник, 3 июня 1851

Месяц назад Э. Делакура написал Вам письмо в ответ на то Ваше, где Вы просите у него этот альбом⁴² и где Вы ему говорите, что Вам надо с ним переговорить. Вашего ответа он так и не получил.

Этот альбом было очень трудно набирать снова, так как гранки у него в несоответствующем количестве, словно выпуск сочинения, которое распродавалось по частям и неравномерно.

Я свое поручение выполнил.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

25. ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

[Париж, конец 1851]

Неисправимый Жерар утверждает, напротив, что Кифера доведена до такого состояния из-за того, что славный культ был там предан забвению⁴³.

Итак, дорогой друг, вот *второй* небольшой пакет⁴⁴. Надеюсь, ты найдешь из чего выбрать. Я очень надеюсь, что наши вкусы совпадут. Сам я предпочел бы эти:

«Двое сумерек»;
«Караван»;
«Отречение святого Петра»;
«Неизвестный художник»;
«Верх сладострастия»;
«Кровавый фонтан»;
«Путешествие на Киферу».

Защищай меня твердо. Если не будут слишком брюзжать против такой поэзии, я дам еще более *провидческую*.

Прощай.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

26. НАРСИСУ АНСЕЛЮ

[Париж.] Пятница, 5 марта 1852

Голова у меня превращается буквально в больной вулкан. Великие грозы, великие зори. Вы прочли мою статью⁴⁵? Мне необходимо завтра (или рано утром, или в обед, или под ужин) зайти к Вам за деньгами, которые я должен был взять только 15-го, то есть через девять дней (200 франков). С деньгами за эту часть публикации я доживу до 15-го числа следующего месяца. У меня Ваш «Сен-При»⁴⁶, но я получил его лишь четыре дня назад, а *издатель* «Ревю де Дё Монд» ОДОЛЖИЛ МНЕ ЕГО ТОЛЬКО НА НЕДЕЛЮ, воз-

возможности купить нет, так как *номер распродан*. Вы не видели меня на голосовании; такова моя позиция. 2 ДЕКАБРЯ меня *физически деполитизировало*. Больше нет общих идей⁴⁷. Что весь Париж стал орлеанистом — это факт, но меня это больше не касается. Если бы я голосовал, я голосовал бы только за себя. Быть может, будущее принадлежит людям *деклассированным*?

Не удивляйтесь сумбуру в моем письме; меня изводят тревожные мысли. Меня до ужаса потрясло дело с *Портным*⁴⁸. Кроме того, как Вы знаете, для меня этот месяц — очень *значимый*, месяц разрыва⁴⁹; нужно много денег, у меня — только мое перо, да мать. Вас я не считаю. Со мной происходят необыкновенные вещи. Какой-то человек предлагает мне аванс в 22 000 *франков* на *очень странных условиях*. С другой стороны, обещает мне, что через месяц я буду во главе достойного предприятия, которое было мечтой всей моей жизни. Все мои прежние заметки будут востребованы. И на этот раз мы двинемся вперед, только опираясь на *солидный капитал*.

Все это похоже на грезы, и, однако, они не совсем безосновательны.

Я перечел письмо и думаю, что оно должно произвести на Вас *впечатление безумия*. Так впредь и будет.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

27. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж.] Суббота, 20 марта [1852]

Дорогой Маласси,

Несколько дней назад в кафе Табуре мне передали Ваше письмо. Но вереница неотложных дел и бесконечная беготня помешали мне Вам ответить.

У Шанфлери, Кристофа и Монтегю все в порядке — Шанфлери пишет сейчас для «Ревю де Пари». —

В кругу всех моих знакомых царят глупости и страсти. Никто не соглашается встать на точку зрения *провидения*. Вы догады-

ваетесь, что я хочу сказать. Упразднив гербовый сбор с романов, президент сделал нечто вроде жеста доброй воли в отношении писателей. *Наполеоновский социализм* дал о себе знать в пересчете Ренты, и все БОЯТСЯ, что со дня на день появится закон, предписывающий взимать 25 % с наследства побочным детям. Наконец президент понял, что, предоставляя полную свободу дискуссии о наложении ареста на имущество принцев Орлеанских, он отвел себе неплохую роль. Итак, все пьесы печатаются, а брошюры — перекликаются. Также стоит вопрос о возвращении в Министерство внутренних дел ведомства по литературным делам, которое недавно было переведено в Министерство образования. Иные члены Общества литераторов сетуют на тесное соседство с профессорами, которые, впрочем, все как один переодетые иезуиты и прожирают все, когда есть чем поживиться.

Впрочем, я уверен, что все петиции и злобствования против Университета польстят президенту. Так что я предпочел бы видеть в настоящее время только *две партии*, и я ненавижу эту педантичную и лицемерную *среду*, которая посадила меня на сухой хлеб и упрятала в темницу. Все это меня очень развлекает. Но отныне я в стороне от обсуждения общечеловеческих вопросов и как никогда полон решимости преследовать свою высокую мечту, а именно приложить метафизику к роману. «Театральная неделя» умерла у нас на глазах. В последнем номере была очень *хорошая* статья Шанфлери, литературная критика, и два моих недурных стихотворения⁵⁰. Я печатаю в «Ревю де Пари» большую статью о великом американском писателе⁵¹. *Но я боюсь, как бы первый раз не стал последним. Моя статья неуместна.* Первая часть вышла 29 февраля, а вторая — через десять дней. Там будет также *новелла* Шанфлери.

Тем не менее у меня есть своя *прекрасная мечта*. Амик⁵² сообщил мне, что он решительно хотел бы основать **КРУПНЫЙ** журнал, в котором я буду главным редактором. Я рассказал ему о своих идеях; но, кажется, *наши* планы (я хотел бы, чтобы Шанфлери мне помогал) были *слишком* прекрасными. Он сразу охладел, и я думаю, что дело провалено.

Стало быть, Вы потеряли мой адрес: ул. Марэ-дю-Тампль, д. 25. Но я буду там только до конца месяца, а потом сообщу Вам свой

новый адрес. Прощайте, и постарайтесь, так же как я, убедить себя, что Философия — это *Всё*.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

28. МАКСИМУ ДЮКАНУ

Воскресенье, 9 мая 1852

Не знаю даже, как Вас благодарить за удовольствие, которое мне доставил этот перевод⁵³. Это прекраснее и даже интереснее, чем я мог предположить по Вашим рассказам. Одно место даже лучше того пассажа, где посланец-араб говорит задерживающим его людям: «Я несу слова от пророка к пророку», — где старый Иаков целует на теле гонца все места, которых коснулся его сын Иосиф, и еще другой, где Иосиф с закрытым покрывалом лицом беседует со своим братом Вениамином, — каждый раз, когда я читаю произведения мусульман, я вспоминаю о словах великого Местра: «Если разобраться, исламизм — не более чем реформированная церковь», или «одна из фаз протестантства», или что-то в этом роде⁵⁴. —

Примите мою глубокую благодарность.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

29. ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

[Париж, июль 1852 ?]

[...] В этом году Париж — прожарен; Феб-Аполлон целыми днями льет ведрами расплавленный свинец на головы несчастных парижан, гуляющих по бульварам. Будь я на небесах, позвал бы местный люд на баррикады против этого бесцеремонного бога. Однажды он был уже сослан на Землю, где Адмет заставил его

пасти баранов. Что до меня, то я, принимая во внимание рецидив, послал бы его во Французскую Академию пасти умеренных поэтов. [...]⁵⁵

30. МАДАМ САБАТЬЕ

[Париж.] Четверг, 9 декабря 1852

Особу, коей посвящены стихи эти, — понравятся они ей или нет или даже покажутся совершенно смешными, — *покорнейше просят* никому их не показывать. Глубоким чувствам свойственно целомудрие, которое не потерпит надругательства. И отсутствие подписи — не знак ли этого неодолимого целомудрия? Тот, кто написал эти стихи в одном из состояний мечтательности, в которую часто ввергает его образ той, о ком стихи эти, действительно любил ее неистово, хотя и никогда об этом ей не говорил, и *навсегда* сохранит к ней самую нежную симпатию⁵⁶.

СЛИШКОМ ВЕСЕЛОЙ ЖЕНЩИНЕ

Твоя головка, весь твой вид —
Как будто чудная картина;
Когда звенит твой смех невинный —
То словно ветер налетит.

Печали ты коснешься — вдруг
Она здоровьем обернется
И светом ярким разольется,
Что от твоих исходит рук.

Игрой оттенков и тонов,
Что ты по платью рассыпаешь,
В душе поэта пробуждаешь
Картину праздника цветов.

В безумных платьях символ вижу,
Твой разум — пестрота сама,

Вот отчего схожу с ума —
Люблю и так же — ненавижу.

В саду прекрасном отдохнуть
Хочу с тоской своей неспешной,
Но даже солнце, как в насмешку,
Само мою терзает грудь.

Еще весна, ко всем невзгодам;
И чувство попорано; в сердцах
На распустившихся цветах
Я наказал за то Природу.

И если б мне в ночи дождаться,
Как бьют часы минуту наслажденья,
Как трус, беззвучно, как виденье,
К твоим сокровищам пробраться,

Измять всю грудь и удивить
Неожидавший бок — жестоким
Ударом, сильным и глубоким,
Смеющуюся плоть пронзить.

О упоительная новь!
В зиянье новых уст отверстых,
Таких горячих и чудесных,
В тебя, Сестра, свою влить кровь⁵⁷.

Пер. Н. В. Притузовой

31. МАКСИМУ ДЮКАНУ

[Париж.]

Понедельник, 3 января 1853

Мне кажется, я изменил бы велению своей совести, если бы немедленно не поделился с Вами *радостью*, которую мне доставило чтение второй части Вашей книги⁵⁸. Если Вы напишете еще несколько вещей в том же духе, то станете «спасенным челове-

ком», как я это называю на своем внутреннем языке. Очень бы хотелось, чтобы я смог сказать то же самое о себе самом. — Что до пантеизма, я все еще надеюсь, что люди, талант которых мне симпатичен и которые называют себя пантеистами, понимают это слово *в его новом значении*; потому что мне было бы очень неприятно, ощущая себя похожим на них, думать, что я долго был пантеистом, не зная этого.

Неизменно преданный Вам,

Ш. БОДЛЕР

Кстати, вчера вечером я встретил безумца Филоксена⁵⁹ — он совсем потерял рассудок; уязвленный всеми своими злоключениями, и несмотря на то, что показания его свидетелей были напечатаны в газете, совершил грубейшую провокацию по отношению к своему противнику. Я ему повторил, *буквально — я очень постарался*, — то, что Вы мне сказали сегодня утром. Я просто добавил, что, по-моему, для него нет ничего унижительного в том, чтобы нанести Вам визит. Я сделал это и считаю, что поступил правильно, надеясь, что Вы сможете дать ему несколько хороших советов.

Ш. Б.

32. ШАНФЛЕРИ

[Париж,] 15 марта 1853

Дорогой друг, позавчера, в воскресенье, сразу после того как я ушел от Вас, я передал деньги, которые у меня были, но не самому Барбара, а человеку в униформе, который служит консьержем в больнице.

Что до того, что я посылаю Вам сегодня, то, возможно, это Вам не пригодится, возможно, Вы сочтете полезным что-нибудь поправить; я же счел необходимым написать не очень пространную заметку, потому что английские читатели не знают того мирка, о котором идет речь.

Мы обязаны любезности одной из особ, что живут в тесном мирке, описанном г-ном ШАНФЛЕРИ в «Истории мадемуазель Марьет» и г-ном АНРИ МЮРЖЕ в «Сценах богемной жизни», тем, что у нас есть *ключ* к произведению, которое мы предлагаем сегодня публике. Мы полагаем, что как для нас, так и для наших читателей крайняя свобода и беспристрастность, которые, очевидно, руководили созданием этого *ключа*, будут достаточными, чтобы доказать, что он — правдив.

ЖЕРАР: — ШАНФЛЕРИ

автор настоящего издания и следующих сочинений:

«Шьен-Кайу»,
 «Семья Нуаро»,
 «Провинциальные комедианты»,
 «Два кабаре в Отейе»,
 «Эксцентрики»,
 «Старые и новые сказки»,
 «Трио Шенизель»,
 «Три рождественских гуся»,
 «Страдания профессора Дельтейя»,

а также большого числа пантомим
 и различных статей об искусстве.

Один из главных последователей так называемой *Реалистической школы*, притязающей на то, чтобы на место безумия *классицистического* и безумия *романтического* пришло изучение природы и самого человека.

СТРЕЙЧ: — АНРИ МЮРЖЕ

автор:

«Сцен из богемной жизни»,

«Сцен из жизни молодежи»,
«Латинского квартала»

и других новелл. Один из авторов «Ревю де Дё Монд».

ДЕ ВИЛЬЕ: ТЕОДОР ДЕ БАНВИЛЬ

Единственный писатель, действительно дурно представленный в этом томе, и, что бы ни говорил автор, самый ловкий сочинитель новой школы, для которого искусство поэзии сводится к чисто механическим приемам: может научить, как стать поэтом за 25 уроков. Изобретатель мраморного стиля. Автор книг:

«Кариатиды»,
«Сталактиты».

ЖИРО: ПЬЕР ДЮПОН

В противоположность предыдущему, истинно народный поэт, неистощимый шансонье, ему посчастливилось учуять Февральскую революцию и к славе поэта буколического присоединить влияние поэта революционного. В настоящее время — автор изрядного числа произведений. Сам сочиняет музыку к своим песням.

ТОМА: ФРАНСУА БОНВЕН

Превосходный художник, рассудительный и положительный ум, фанатик *Реалистической* школы, особенно любит представлять сцены семейной жизни и домашнюю утварь.

ПОЭТ КОШЕК: ШАРЛЬ БОДЛЕР

один из самых лучших друзей автора, так же как *Пьер Дюпон* и *Франсуа*⁶⁰.

33. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЩЕСТВА ЛИТЕРАТОРОВ

[Париж.] Воскресенье
24 апреля 1853

Господин Председатель,

Сегодня я оказался вынужден — а это происходит довольно редко — прибегнуть к благосклонности моих собратьев по перу. К завтрашнему дню мне нужна ничтожная сумма в 60 франков. Я немного задолжал нашему обществу, не знаю точно сколько, но немного. Я выдал нашему агенту, г-ну Годфруа, доверенность, по которой он должен получить для меня деньги. Я намерен быстро отдать долг «Обществу», прежде всего благодаря *новелле*, которая, надеюсь, не будет отвергнута, как предыдущая⁶¹, и в крайнем случае значительная сумма, которая должна поступить ко мне в первых числах следующего месяца, позволит мне выплатить остаток долга наличными. Впрочем, Господин Председатель, прошу Вас обнадежить моих собратьев; *без сомнения, сумма в 60 франков меня очень бы выручила, поскольку мое нежелание просить ее у Вас не смогло пересилить желания ее иметь, тем не менее если состояние нашей кассы не позволяет выделить ее в мою пользу, я с удовольствием согласился бы и на меньшую.*

Соблаговолите принять, Господин Председатель, свидетельства самых братских чувств.

ШАРЛЬ БОДЛЕР
улица Пигаль, 60

34. МАДАМ САБАТЬЕ

[Версаль.] Понедельник, 9 мая 1853

Сударыня, я действительно приношу Вам тысячу извинений за это глупое анонимное рифмоплетство, от которого ужасно несет ребячеством; но что делать? Я из тех эгоистов, какими бывают дети и больные люди. Когда страдаю, вспоминаю о люби-

мых. О Вас я думаю в основном стихами, и когда они написаны, я не в состоянии устоять перед желанием показать их той, о ком они. — В то же время я прячусь, как тот, кому страшно оказаться смешным. — Разве нет чего-то комического в любви, — особенно для тех, кто ею не задет?

Но клянусь Вам, что открываюсь в последний раз; и если моя горячая дружба продлится еще столько же времени, сколько она уже продлилась, мы оба состаримся раньше, чем я произнесу хотя бы слово.

Насколько нелепым бы Вам это ни казалось, представьте себе, что существует сердце, над которым Вы посмеетесь, только если захотите быть жестокой, в нем всегда живет Ваш образ.

То было только раз, моей руки несмело
Коснулись вы как в полусне.
Воспоминание в душе не потускнело,
Оно лежит на самом дне.

Тогда был поздний час. На чистом небосклоне
Луна сверкала, как литье,
На дремлющий Париж, на крыши колоколен
Рассыпав золото свое.

Казалось, город весь — дома и мостовые —
Был мертв. И люди все ушли.
Лишь кошки робкие, как будто часовые,
Дозор на улицах несли.

Вдруг близость странная возникла между нами,
Как лютик тонкий расцвела,
И вы, чьей красотой, чьей юностью, плечами
Так восхищались зеркала,

Вы — светлый зов трубы, победно разносящий
В лучах зари рождение дня,
Вдруг нотой жалобной, нелепой, холодящей
Обескуражили меня.

Та нота вырвалась, как из клетей подвала
Вдруг вырывается урод,

Которого семья хранила и скрывала,
Боясь людей, за годом год.

О бедный ангел мой, та нота горько пела:
«Все на земле обман и ложь!
И в задушевности, подделанной умело,
Один расчет ты узнаешь.

На сцене выступать, красиво улыбаться —
Тяжелый и банальный труд.
А жизнь безжалостна... С утра уже толпятся
Ростовщики — проценты ждут.

И нет совсем любви! Есть звук красивый, слово!
Есть бессердечия гранит!
Мы — каждый за себя! Нет ничего святого!
Продажен мир, юдоль обид!»

Смогу ли я забыть то страшное признание,
Всю эту исповедь души,
Огромную луну, и двух теней дрожанье,
И гул шагов в ночной тиши?⁶²

Пер. М. Аксенова

35. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж.] Пятница,
16 декабря 1853

Дорогой Маласси,

Прошу Вас — не могу сказать настоятельно, что было бы дерзостью, я просто прошу Вас, — если это возможно, как только получите это письмо, оставить на почте для меня — в виде почтового перевода — *хоть* СКОЛЬКО-НИБУДЬ денег. Как видите, отдаюсь на Вашу милость, ибо очевидно, что вопрос о *крупной сумме* даже не стоит. Речь идет только о том, чтобы я смог получить несколько дней отдыха и воспользоваться ими, чтобы закончить важную работу, которая принесет свои плоды в следующем месяце.

Принимая решение просить у Вас денег, я перерыл все свои бумаги, чтобы посмотреть, что я уже Вам должен. Я нашел цифру 36. Если я ошибаюсь, то поправьте меня, и я надеюсь, что Вы сделаете это лично, так как Шанфлери вчера сказал мне, что в январе Вы нас навестите.

Невозможно пересказать Вам все слишком реальные несчастья, которые в этом году вторглись в мою жизнь, как по моей вине, так и без оной. Бесплодный год. Эта гротескная поэма не имеет к Вам отношения и не будет Вам интересна. Вы так спокойно теперь живете! Что касается моей жизни, то она, как Вы догадываетесь, всегда будет состоять из гнева, *смертей*, оскорблений и, в особенности, недовольства самим собой. Уверяю Вас, здесь нет ни доли высокопарности... я пишу Вам спокойно, никакого нервного перевозбуждения. Все, что я знаю, что чувствую, — это то, что я потерял целый год — вследствие целой вереницы несчастий, где моя глупость сыграла свою роль, — и что я ДОЛЖЕН БЫЛ написать *четыре тома и три комедии*; что эти вещи не написаны вообще, по крайней мере не доведены до ума, — что я получил деньги за некоторые из них — и У МЕНЯ НЕТ НИ СУ, чтобы работать, не только на две недели, но даже на один день.

Так что не удивляйтесь, что я сразу подумал о Вас: Вы — всегда — были добры ко мне.

P. S. Дадите денег или нет, ответьте мне сразу же; но в особенности, друг мой, не надо грубых и глупых отговорок; если не дадите, то я пойму, что Вы просто не можете войти в мое положение. И еще, дорогой мой друг, поменьше рассудительности — она совсем не к месту в моей теперешней жизни.

Поскольку в январе Вы приедете, я рассчитываю, что Вы меня известите, это само собой разумеется. Постараюсь заранее отложить Вам деньги. Я собираюсь опубликовать серию отрывков в «Монитёр», как только найду немного свободного времени, о котором прошу, и это принесет мне КРУПНУЮ СУММУ.

Еще один P. S. Несколько месяцев назад Кристоф передал мне номер «Журналь д'Алансон», где Вы дали понять, что переводчик и

восторженный почитатель По ЗАКОНЧИТ как его герой. Вот что значит остроумие. Газета еще у меня⁶³.

Кроме того, Вы сказали, что мои категории, мои психологические объяснения невразумительны и даже, насколько я помню, — что у меня нет никакого философского склада ума. Возможно, я не очень ясно выразился в работах, сделанных на скорую руку, подгоняемый нуждой и нападками романтических скотов; но новая работа — вдвое большая по объему, — которая появится в январе, докажет Вам, что я знаю, о чем говорю. Что касается меня, то я уверен, что это Вы не оценили ГЕНИЯ, о котором речь. Вы писали с крикливой радостью Вашей рассудительности о человеке, которого совсем не знаете. Кроме того, приведенный Вами перевод неточно передает поэтический смысл и стиль «Ворона». Пусть мое мелкое злопыхательство не помешает Вам сделать для меня то, что Вы сможете. Если Ваша любовница еще с Вами и не слишком презирает меня — и если посчитаете это уместным, — передайте ей поклон.

Благодарю Вас за деньги, если Вы их пришлете, за Вашу готовность мне ответить, если пришлете только письмо.

Всегда Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР
улица Пигаль, 60

36. ФЕРНАНУ ДЕНУАЙЕ

[Париж, конец 1853 или начало 1854]

Дорогой Денуайе, Вы просите стихов для Вашего сборника, стихов о *Природе*, не так ли⁶⁴? О лесах, об огромных дубах, зелени, всяких там букашках — в солнечном свете, без сомнения? Но Вы же прекрасно знаете, что меня не волнует растительная жизнь и что вся моя душа восстает против этой новой странной религии, в которой всякое *духовное* существо всегда будет ощущать нечто shocking⁶⁵. Я никогда не поверю, что *душа Богов живет в растениях*, и даже если бы она там жила, меня бы это мало волновало

и я рассматривал бы свою душу как дар гораздо более ценный, чем душа освященных овощей. Более того, я всегда думал, что в *Природе*, цветущей и помолодевшей, есть нечто бесстыдное и прискорбное.

Будучи не в состоянии полностью ответствовать заданным пунктам программы, посылаю Вам два поэтических отрывка, которые представляют в той или иной мере сводку мечтаний, которые охватывают меня при наступлении сумерек. В глубине лесов, укрывшись под сводами, похожими на своды ризниц и соборов, я думаю о наших удивительных городах, и чудесная музыка, что катится по крышам домов, кажется мне переводом человеческих стенаний.

ДВОЕ СУМЕРЕК

ВЕЧЕР

Вот вечер сладостный, всех преступлений друг,
Таясь, он близится, как сообщник; вокруг
Смыкает тихо ночь и завесы, и двери,
И люди, торопясь, становятся — как звери!

О вечер, милый брат, твоя желанна тень
Тому, кто мог сказать, не обманув: «Весь день
Работал нынче я». — Даешь ты утешенья
Тому, чей жадный ум томится от мученья;
Ты, как рабочему, бредущему уснуть,
Даешь мыслителю возможность отдохнуть...

Но злые демоны, раскрыв слепые очи,
Проснувшись, как дельцы, — летают в сфере ночи.
Толкаясь крыльями у ставен и дверей.
И проституция вздымает меж огней,
Дрожащих на ветру, свой светоч ядовитый...
Как в муравейнике, все выходы открыты;
И, как коварный враг, который мраку рад,
Повсюду тайный путь творит себе Разврат.

Он, к груди города припав, неумоимо
 Ее сосет. — Меж тем восходят клубы дыма
 Из труб над кухнями; доносится порой
 Театра тявканье, оркестра рев глухой.
 В притонах для игры уже давно засели
 Во фраках шулера, среди ночных камелий...
 И скоро в темноте обыкновенный вор
 Пойдет на промысл свой — ломать замки контор.
 И кассы раскрывать, — чтоб можно было снова
 Своей любовнице дать щегольнуть обновой.

Замри, моя душа, в тяжелый этот час!
 Весь этот дикий бред пусть не дойдет до нас!
 То — час, когда больных томительнее муки;
 Берет за горло их глухая ночь; разлуки
 Со всем, что в мире есть, приходит череда.
 Больницы полнятся их стонами. — О да!
 Не всем им суждено и завтра встретить взглядом
 Благоуханный суп, с своей подругой рядом!

А, впрочем, многие вовеки, может быть,
 Не знали очага, не начинали жить!

Пер. В. Брюсова

УТРО

Казармы сонные разбужены горнистом.
 Под ветром фонари дрожат в рассвете мгlistом.
 Вот беспокойный час, когда подростки спят,
 И сон струит в их кровь болезнетворный яд,
 И в мутных сумерках мерцает лампа смутно,
 Как воспаленный глаз, мигая поминутно,
 И телом скованный, придавленный к земле,
 Изнемогает дух, как этот свет во мгле.
 Мир, как лицо в слезах, что сушит ветр весенний,
 Овеян трепетом бегущих в ночь видений.
 Поэт устал писать, и женщина — любить.

Вон поднялся дымок и вытянулся в нить.
 Бледны, как труп, храпят продажной страсти жрицы —
 Тяжелый сон налег на синие ресницы.
 А нищета, дрожа, прикрыв нагую грудь,
 Встает и силится скупой очаг раздуть,
 И, черных дней страшась, почуяв холод в теле,
 Родильница кричит и корчится в постели.
 Вдруг зарыдал петух и смолкнул в тот же миг,
 Как будто в горле кровь остановила крик.
 В сырой, белесой мгле дома, сливаясь, тонут,
 В больницах сумрачных больные тихо стонут,
 И вот предсмертный бред их муку захлестнул.
 Разбит бессонницей, уходит спать разгул.

Дрожа от холода, заря влачит свой длинный
 Зелено-красный плащ над Сеною пустынной,
 И труженик Париж, подняв рабочий люд,
 Зевнул, протер глаза и принялся за труд.

Пер. В. В. Левика

ШАРЛЬ БОДЛЕР

37. ШАНФЛЕРИ

[Париж.] Суббота, 14 января 1854

Дорогой друг, вчера вечером, обнаружив у себя Ваш проспект, я сразу же написал несколько строк, которые сжег сегодня утром по причине сам не знаю какого человеческого уважения и из страха, что мое письмо, написанное в состоянии крайнего возбуждения, вызовет у Вас смех, как из-за слишком экспансивного выражения моих дружеских чувств к Вам, так и из-за *маниакальных* или *мелочных* — как Вам будет угодно — замечаний, которые я представляю на Ваш суд. Так что сами видите, я продолжаю в своем духе.

Я действительно нахожу заглавие превосходным⁶⁶. В целом проспект очень удачен. Для Вас, безусловно, очень важно выйти из тесных рамок, и Вы даже не представляете себе, насколько я рад предстоящей публикации с этой точки зрения.

Но — и вот здесь начинаются *мелкие придирки*.

Не отступайте жить — это грубая ошибка во французском языке. Не бойтесь жить — безропотно покоритесь — приговорите себя к жизни — не отступайте перед необходимостью жить, но — *Отступить от чего-нибудь!!!*

У автора только одна вера: Роман.

Это как если бы Дюпон сказал: «у меня только одна вера: Песня».

Роман — это вид искусства, быть может более полезный и прекрасный, чем другие, но — не вера, как и *Искусство* в целом. Это романтическая тарабарщина. Вспомните время, когда писали такие вещи, как «я верю в искусство», или «я верю в Прекрасное, вот моя вера». Вера — это Буддизм, Христианство, Искушение и т. д.

Вы действительно полагаете, что в Вашем возрасте и с Вашими сегодняшними возможностями Вам необходимо откапывать комплименты Виктора Гюго, который источал их в изобилии самым заурядным существам?

Не присутствует ли в Вашем проспекте что-то вроде невольной ревнивой озабоченности в отношении Диккенса и грубой техники Эжена Сю?

ИРОНИЧЕСКИЙ заголовок «Сказки» выражает не то, что Вы хотели сказать. Впрочем, признаю, что не знаю, есть ли выражение *равноценное* Вашей мысли.

...первые публикации, которые выделяются, не считая публикаций 1853 года, из области Новеллы.

Вы хотите сказать, что с точки зрения общепринятой и повсеместной Риторике такие вещи, как «Мадмуазель Марьет», «Дельтей» и другие, не новеллы, а что-то другое? — или я чего-то совсем не понял? — И в таком случае это еще одна ошибка в предложении.

Еще одно. Думая о Вашем предприятии, я обнаружил, как, очевидно, и Вы, что 6 том(ов), проданных за 10 лет по цене 25 000 франков, не принесут Вам и 420 франков за том в год. И еще, Вы не обращаете внимания на разные виды изданий. Наконец, — я заканчиваю, — можете наплевать на мое мнение, если угодно. Через 2–3 дня я напишу Вам о том деле, о котором мы говорили. Я очень бы хотел принять меры, чтобы быть уверенным, что я найду Тюрмана.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

37 bis. ИППОЛИТУ ТИССЕРАНУ

[Париж.] Суббота, 21 января 1854

Дорогой господин Тиссеран, я видел Буайе, который мне сказал, что Вы вспоминали обо мне и наших планах. В конце месяца я избавлюсь от тягостных забот и надеюсь, что мы сможем об этом поговорить. Я принимаю формальное обязательство написать для Вас — возможно, это будет весьма затруднительно — крайне меланхолическую драму на темы *Мечтательности, праздности, нищеты, пьянства и человекоубийства*⁶⁷. Если Вам будет угодно написать мне, будьте любезны поставить свои инициалы в углу конверта. У меня дурная привычка — не распечатывать письма от незнакомых мне лиц.

Если бы *Божественный Лаферьер* осмелился или смирился сыграть *старую* роль, то есть роль *молодого человека* в первой части драмы и старика — во второй, у меня нашлось бы для него нечто забавное. Впрочем, я могу Вам предложить и эту идею, думаю, что для Вас там кое-что найдется.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР
улица Пигаль, 60

38. ИППОЛИТУ ТИССЕРАНУ

[Париж.] Суббота, 28 января 1854

Мой дорогой господин Тиссеран, я получил от Вас письмо с целой кучей комплиментов. Подождите же, пока я их заслужу. — Позже мы увидим, достоин ли я похвал; впрочем, я прекрасно сознаю, что должен подвергнуть себя — следует заметить, с Вашей подачи — серьезному испытанию. — Уже очень скоро я узнаю, способен ли я на хорошую драматическую форму. Именно по поводу этого сюжета и чтобы сразу ввести Вас в курс дела — в каком состоянии сейчас мой замысел — я и пишу это длинное письмо, которое собрался написать еще несколько дней назад, но откладывал со дня на день.

Прежде всего, позвольте мне высказать Вам кое-что, от чего я буду рад освободиться, ибо это граничит с нескромностью, и даже если мы будем сущими ангелами, знаем мы друг друга весьма с недавних пор.

Мои статьи, мои несчастные статьи, мои проклятые статьи, которые как будто сами расширяются под моей рукой, требуют еще нескольких дней работы, и я не могу встать из-за стола, боясь еще дольше оттянуть благословенный миг, когда я освобожусь от этой заботы и, в особенности, когда получу кругленькую сумму. *Между тем у меня нет ни единого су*, в буквальном смысле; 20, 25 франков означают для меня, когда я заперт, как сейчас, неделю жизни. Разумеется, если это не очень обременит Ваш кошелек, я Вам вскоре верну их, *может быть* в начале февраля, и, если Вы будете столь любезны, не передавайте деньги с посыльным, а принесите их сами, нанесите мне визит, *особенно* в том случае, если денег у Вас нет. Когда живешь взаперти, хороший гость — наилучшее из развлечений.

Возвращаюсь к нашему делу, которым очень дорожу; хотелось бы, чтобы мы хорошо понимали друг друга, я чувствую, что Вы можете мне помочь и что в некоторых случаях Вы должны лучше меня отличать возможное от невозможного.

Хотя это и чрезвычайно важно, я еще не задумывался над названием — КОЛОДЕЦ? ПЬЯНСТВО? КРИВАЯ ЗЛА? и т. д.

Моя главная задача, когда я начал размышлять о своем сюжете, была в следующем: к какому классу, к какой профессии должен принадлежать главный персонаж пьесы? Я решительно склоняюсь к профессии тяжелой, обыденной, грубой — распиловщик, пильщик НА ПРОДОЛЬНОЙ ПИЛЕ. Что меня почти заставило так поступить, так это песня, мелодия которой ужасно грустна, меланхолична, и которая, я уверен, произведет в театре прекрасный эффект, если мы представим на сцене обычное рабочее место или, в особенности, если — и мне ужасно этого хочется — я разверну в третьем акте картину *лирической пирушки* или *песенного состязания*. Эта песня чрезвычайной грубости. Она начинается со слов:

Нет на свете человека милей,
Человека добрей,
Человека милей,
Чем наш распиловщик...

И самое замечательное, что она почти пророческая, эта песня, которая может стать *Романсом плакучей ивы* в нашей псевдонародной драме.

Этот добрый распиловщик кончает тем, что бросает в колодезь жену и, взывая к Сирене, требует (вот ведь странность! тут, наверное, набегают волна, звучит ее музыка, но я точно не помню, у меня пробел до этого места):

Пой, Сирена, пой,
Ведь нет человека добрей,
Пой, Сирена, пой,
Что тебе не петь!
Тебе и море по колено,
И нет человека милей,
Тебе и море по колено,
А на закуску милая моя милашка!

Я напишу кому-нибудь из местных, чтобы заполнить этот пробел и записать мелодию.

Герой мой — мечтатель, бездельник, он думает, что достоин большего, чем его унылое ремесло, и, как и все мечтатели-бездельники, он все время напивается.

Женщина должна быть хорошенькой. Образец мягкости, терпения и здравого смысла.

Цель картины *Пирушка* — показать лирические инстинкты народа, часто комические и неуместные. Когда-то я повидал таких пирушек, мне следовало бы снова съездить в эти места. Или лучше мы поедем туда вместе; весьма возможно набрать там готовых поэтических образчиков. Кроме того, картина *Пирушки* привнесет в этот плачевный кошмар немного отдохновения.

Я не хочу расписывать здесь подробный сценарий, поскольку через несколько дней я сделаю его по всем правилам, а Вы проанализируете его так, чтобы избежать возможных ляпсусов. Сегодня я ограничусь несколькими замечаниями. Два первых акта — это сцены нищеты, безработицы, домашних ссор, пьянства и *ревности*. Вы сами увидите пользу от этого нового элемента.

Третий акт, *Пирушка*, — где жена, от которой он ушел, беспокоится о нем и приходит за ним. Именно тут он добивается от нее согласия на встречу на следующий день, в воскресенье.

Четвертый акт. Преступление — все хорошо продумано, все предусмотрено. Что касается его совершения — расскажу подробно.

Пятый акт. (В другом городе.) Развязка, то есть виновный выдает себя сам под давлением навязчивых мыслей. Как Вы это находите? Сколько раз я был поражен подобными случаями, читая судебные разбирательства в газете.

Вы видите, насколько проста драма. Никаких запутанных интриг, никаких неожиданностей. Просто развитие порока и последовательное разворачивание ситуаций.

Я ввожу двух новых персонажей:

Сестра распиловщика, создание, обожающее ленты, дешевую бижутерию, ресторанчики и забегаловки, она не в состоянии понять христианскую добродетель своей невестки. То есть тип ранней парижской развращенности.

Молодой человек — довольно обеспеченный, более возвышенной профессии, глубоко влюбленный в жену нашего работяги, но

честный, восхищающийся ее добродетелью. Время от времени ему удается выручать семью деньгами.

Что касается женщины, то, несмотря на сильную религиозность, под давлением страданий, доставляемых мужем, она иногда думает об этом человеке, она не в силах помешать себе мечтать о более спокойном существовании, более обеспеченном, более благопристойном, которое она могла бы вести с ним. Но она упрекает себя за эти преступные мысли, борется со своими порывами; я предполагаю, что драматический элемент именно здесь. Вы уже угадали, что наш работяга с радостью будет предаваться этой распаленной ревности, скрывая от самого себя, что злит его в жене именно ее покорность, мягкость, терпение, добродетель. И все-таки он ее любит, — но выпивка и нищета уже помутили его рассудок. Кроме того, заметьте, что театральная публика недостаточно близко знакома с очень тонкой психологией преступления и что было бы очень трудно заставить ее понять жестокость без предлога.

Помимо этих персонажей остается несколько второстепенных ролей: может быть, рабочий, *балагур*, отрицательный тип, любовник сестры, девки, грабители — завсегдатаи забегаловок, пьянчужки, матросы, полицейские.

Вот сцена преступления. — Заметьте, что уже все продумано. Мужчина приходит на свидание первым. Место встречи выбрано им. *Воскресный вечер*. Дорога или какое-то темное место. Вдалеке играет оркестр, там танцы. Мрачный и меланхолический пейзаж пригородов. Сцена любви — грустная, насколько это возможно, — между мужчиной и его женой; он хочет, чтобы она его простила, чтобы позволила ему вернуться и жить вместе с ней. Никогда он не находил ее такой красивой. Он искренне расстроился. Они проходят, удаляются, снова проходят. Раз или два сцена может оставаться пустой, — что, как говорят, нарушение правил; но мне на это плевать, — я считаю, что эта пустая сцена, этот одинокий ночной пейзаж могут усилить мрачный эффект. Он снова почти влюблен; он желает ее, он умоляет, — бледность и худоба делают ее более интересной и почти возбуждают. Надо, чтобы публика догадалась, в чем дело. Хотя бедная женщина также чув-

ствуется, что прежняя привязанность оживает, она отказывается от этой дикой страсти в подобном месте. Этот отказ раздражает мужа, который приписывает ее целомудрие существованию другой страсти или защите любовника. *«Надо с этим кончать, — но у меня никогда не хватит на это смелости, — я не могу сделать это САМ»*. К нему приходит гениальная идея, преисполненная трусости и суеверия.

Он делает вид, будто ему плохо, что не очень сложно, его настоящие чувства помогают ему в этом. *«Смотри, там, в конце тропинки, слева — кажется, груша (яблоня), — сорви мне одну одну грушу (яблоко)»*. (Заметьте, что он может найти другой предлог — я по ходу занес это на бумагу.)

Ночь очень темная, луна — за тучами. Когда жена скрывается в темноте, он поднимается с камня, на котором сидел, и прикладывает ухо к земле: *«Господи, помилуй! Если она не провалится — тем лучше, если провалится — значит, это Бог приговорил ее к смерти»*.

Прямо на тропинке — колодец, почти вровень с землей.

Слышно, как в воду тяжело падает тело, но вначале — крик, — и крики продолжаются.

Что делать? — Можно подойти — меня сочтут убийцей. Впрочем, она обречена. — *«Ах! камни! Камни, что лежат по краям колодца!»*

Он убегает.

Пустая сцена.

По мере учащения звуков падающих камней крик прекращается.

Мужчина возвращается: *«Я СВОБОДЕН! — Бедный ангел, она, должно быть, сильно страдала!»*

Все это должно прерываться звуками далекого оркестра. В конце акта — по дороге идут пьянчужки и гризетки, они поют, среди них — его сестра.

Вот вкратце объяснение развязки. Наш мужчина сбежал. — Теперь мы в морском порту, — он пытается наняться матросом. — Он ужасно пьет: забегаловки, матросские таверны, кабачки. Эта мысль: *«Я свободен, свободен, свободен»*, — становится его навяз-

чивой идеей, преследует его. *«Я свободен, — я спокоен, — никогда ничего не узнают»*. И так как он постоянно пьет, безумно пьет уже в течение нескольких месяцев, его воля и выдержка понемногу сдают, и кончается тем, что однажды он высказывает вслух свою навязчивую идею. Как только он это за собой замечает, сразу пытается забыться в *выпивке, ходьбе, беге*; но странность его поведения привлекает к нему внимание — человек, который убегает, *всегда, как правило, что-то сделал*. Его задерживают, затем — *скороговоркой, пылко, с необычным пафосом*, чрезвычайно подробно — быстро, очень быстро, словно боясь, что не хватит времени закончить, — он рассказывает о своем преступлении. Затем теряет сознание. Полицейские поднимают его и несут к *фиакру*.

Это действительно конец, и очень ловкий, не так ли? Но крайне важно, чтобы его поняли. Признайтесь, что это действительно ужасно. Можно снова вывести на сцену его сестрицу в одном из этих увеселительных заведений, где пьянствуют и дебоширят матросы.

Еще пару слов. Какие у Вас отношения с директорами?

Правда ли, что Руайе втайне навязывает себя?? Я не согласился бы на это.

Всегда к Вашим услугам. Ужасная нужда в деньгах будет Вам поручительством, что я работаю.

Ш. БОДЛЕР

Пришлите мне Ваши замечания. Мне *бы очень хотелось* разделить произведение на *целый ряд коротких картин*, вместо того чтобы подстраиваться под неудобную пятиактную композицию.

Ш. Б.

Не уничтожайте мое письмо, возможно, оно нам еще пригодится, как черновик или для памяти.

39. МАДАМ САБАТЬЕ

[Париж.] Вторник, 7 февраля 1854

Я не думаю, сударыня, что женщины вообще осознают всю полноту своей власти, как в добре, так и во зле. Без сомнения, было бы неосторожно учить ей их всех без разбора. Но с Вами не рискуешь ничем: душа Ваша слишком полна доброты, чтобы в ней осталось место для *спеси* и жестокости. Впрочем, Вы, без сомнения, были настолько напоены, насыщены лестью, что польстить Вам теперь можно только одним — дать знать, что Вы делаете добро — всегда, даже не подозревая этого, — даже во сне — просто потому, что Вы есть.

Что касается *трусости анонима* — что Вам сказать, к какому извинению прибегнуть? Разве что первый промах повлек за собой все остальные, а потом это вошло в привычку. — Предположите, пожалуйста, что время от времени под давлением одуряющей тоски я способен найти облегчение только в удовольствии писать для Вас стихи и что потом мне приходится согласовывать невинное желание показать их Вам с ужасным страхом Вам не понравиться. Вот чем объясняется *трусость*.

Два брата неземных, два чудотворных глаза
Всегда передо мной. Искусный серафим
Их сплавил из огня, магнита и алмаза,
Чтоб, видя свет во тьме, я следовал за ним.

Два факела живых! Из их повиновенья,
Раб этих нежных слуг, теперь не выйдешь ты...
Минуя западни и камни преткновенья,
Они тебя ведут дорогой Красоты.

Их свет неугасим, хотя едва мерцают,
Как в солнечных лучах, лампы в алтаре,
Но те вещают скорбь, а эти прославляют

Не Смерть во тьме ночной — Рожденье на заре!
Так пусть же никогда не гаснет ваша сила,
Восход моей души зажегшие светила!⁶⁸

Пер. А. Эфрон

Разве Вы не думаете, как и я, что самая нежная красота, самое великолепное и обожаемое создание — например, Вы сами — не могло бы пожелать лучшего комплимента, чем выражение признательности за добро, которое оно сделало?

40. МАДАМ САБАТЬЕ

[Париж.] Четверг, 16 февраля 1854

Я не знаю, что думают женщины об обожании, предметом коего они иной раз становятся. Некоторые считают, что женщины должны находить это вполне естественным, а другие — что они должны над этим смеяться. То есть находят женщин лишь тщеславными или циничными. Что касается меня, то мне кажется, что души благодетельные могут только гордиться и радоваться своей благодетельности. Не знаю, удостоюсь ли когда-нибудь этой высшей сладости — поговорить с Вами о той власти, которую Вы приобрели надо мной, и об этом непрерывном сиянии, которое Ваш образ создает в моем мозгу. В настоящий момент я просто счастлив, что могу снова поклясться Вам, что никогда любовь не была более бескорыстной, более идеальной, более проникнутой уважением, чем та, которую я втайне питаю к Вам и которую я всегда заботливо буду скрывать, как требует этого мое нежное уважение.

Что можешь ты сказать, мой дух, всегда ненастный,
 Душа поблекшая, что можешь ты сказать
 Ей, полной благости, ей, щедрой, ей, прекрасной?
 Один небесный взор — и ты цветешь опять!.. —

Напевом гордости да будет та хвалима,
 Чьи очи строгие нежнее всех очей,
 Чья плоть — безгрешное дыханье херувима,
 Чей взор меня облек в одежду из лучей!

Всегда: во тьме ночной, холодной и унылой,
 На людной улице, при ярком свете дня,
 Передо мной скользит, дрожит твой облик милый,

Как факел, сотканный из чистого огня:
 — «Предайся Красоте душой в меня влюбленной;
 Я буду Музою твоею и Мадонной!»⁶⁹

Пер. Эллиса

41. ЭЖЕНУ ПЕЛЬТАНУ⁷⁰

[Париж.] Пятница, 17 марта 1854

Сударь,

Я никогда Вас не видел и никогда не имел счастья беседовать с Вами. Мне передали, что Вам было угодно упомянуть меня в одной из Ваших последних статей (в «Ревю де Пари»), и это единственная причина, из-за которой я отважился обратиться к Вам. Речь идет вот о чем: уже давно, с 1847 года, я пытаюсь прославить человека, который одновременно был и поэтом, и ученым, и метафизиком, оставаясь при этом романистом. Да, это я способствовал установлению репутации Эдгара По в Париже; и что особенно приятно — другие люди, тронутые моими биографическими и критическими этюдами, а также моими переводами, тоже заинтересовались этим писателем, но никто — кроме Вас — не соблаговолил меня процитировать. Мир вымощен людской глупостью. И еще одно: злосчастные отрывки вышли в свет исключительно в силу моей одержимости. Чего только не болтают: это слишком *причудливо*, слишком *эксцентрично*, слишком *ужасно*, слишком *изощренно* (почему не слишком *прекрасно*?). — Поскольку в «Бель либрэри», которая существует в наше благословенное время, меня вынуждали делать по несколько вариантов, я подумал о разделе «Литературный музей» в газете «Сьекль», вторая рубрика. — У г-на де Трамона, который формально обещал мне свое содействие, находится *восемь* набросков. Само собой, чтобы все побыстрее разошлось, я уберу все чисто философские и научные пассажи. — Это было бы самое милое исключение в современной журналистике, если бы Вы соблагово-

лили замолвить за меня словечко перед гг. Трамоном и Тийо. Вне всякого сомнения, что Ваше положение и Ваша известность придадут словам большую значимость. — Но только — мне кажется, что собрату я могу сказать все, — я был бы счастлив в этом деле, если бы мне не пришлось ни видеть, ни слышать г-на Денуайе. Клянусь Вам, я не испытываю к нему никакой неприязни; его ненависть к прекрасному невинна, ибо она бессознательна, это ненависть животная и инстинктивная; и будь он самым лучшим человеком на свете, он все равно будет творить зло в литературе. Это письмо, возможно несколько необычное, было продиктовано почтением к Вашей особе, внушенным мне Вашими сочинениями.

— Примите, сударь, выражение моей искренней признательности и поверьте, что в обращении к Вам это устоявшееся выражение не содержит банальности подобных фраз, обращенных к людям нечувствительным.

Ш. БОДЛЕР

42. МАДАМ САБАТЬЕ

[Париж.] Понедельник, 8 мая 1854

Прошло много времени, сударыня, очень много, с тех пор как эти стихи были написаны. — Все та же прискорбная привычка, мечтательность и анонимность. — Откуда на сей раз эта робость и эта нерешительность? Стыд ли смехотворного анонима, страх ли, что стихи вышли дурными и что мастерство не соответствовало высоте чувства? — Не знаю. Я уже вообще ничего не знаю. — Я так Вас боюсь, что всегда скрывал свое имя, полагая, что анонимное обожание — нечто смехотворное для всех этих материальных светских тварей, с которыми можно было бы поговорить на эту тему, — было, в конечном счете, почти что невинным — не могло ничего нарушить, ничему помешать и в моральном плане было бесконечно выше, нежели глупое, тщеславное преследование, нежели прямое наступление на женщину, у которой, воз-

можно, есть свои привязанности и, может быть, обязательства. Разве Вы — я говорю это с некоторым чувством гордости — не являетесь не только одним из самых любимых, но и самым досточтимым из всех созданий? — Я сей же час предоставлю Вам доказательство. — Посмейтесь над этим, — смейтесь, если Вас это позабавит, — но не говорите об этом. — Не находите ли Вы естественным, человеческим, обыкновенным, что потерявший голову мужчина ненавидит счастливого любовника, обладателя? — Что он находит его хуже себя, ниже, просто шокирующим? И вот, некоторое время назад мне представился случай встретить *такого*⁷¹ — как же мне это высказать без всякого комизма, без того, чтобы Ваше сердитое и веселое лицо исказилось гримасой смеха — так вот, я был счастлив, когда увидел, что человек, который смог Вам понравиться, очень мил. Бог мой! Разве все эти тонкости не свидетельствуют о безумии? — Чтобы покончить с этим, чтобы объяснить Вам мои молчанья и мои пыланья, пыланья почти религиозные, я скажу Вам, что, когда мое существо скатывается в потемки естественной озлобленности и глупости, оно прикровенно грезит Вами. Из этой возбуждающей и очистительной грезы обычно рождается счастливое происшествие. — Вы для меня не только самая притягательная из женщин, из всех женщин, но еще и самое милое, самое драгоценное из всех суеверий. — Я ведь эгоист, я пользуюсь Вами. Вот моя разнесчастная пачкотня⁷². Как я был бы счастлив, если бы мог быть уверен, что эти высокие понятия любви имеют хоть какой-то шанс быть благосклонно принятыми в тайном уголке Вашего обожаемого сознания. — Мне никогда об этом не узнать.

Тебе, прекрасная, что ныне
Мне в сердце излучаешь свет,
Бессмертной навсегда святыне
Я шлю бессмертный свой привет.

Ты жизнь обвеяла волною,
Как соли едкий аромат;
Мой дух, насыщенный тобою,
Вновь жаждой вечности объят.

Сашё, что в тайнике сокрыто,
С уютным запахом своим,
Ты — вздох кадилъницы забытой,
Во мгле ночей струящей дым.

Скажи, как лик любви нетленной
Не исказив, отпечатлеть,
Чтоб вечно в бездне сокровенной
Могла бы ты, как мускус, тлеть.

Тебе, прекрасная, что ныне
Мне в сердце льешь здоровья свет,
Бессмертной навсегда святыне
Я шлю бессмертный свой привет!

Пер. Эллиса

Простите меня, большего мне не надо.

43. ПОЛЮ ДЕ СЕН-ВИKTOPУ⁷³

[Париж.] Вторник, 26 сентября 1854

Я должен просить Вас, сударь, хотя я с вами не знаком, об одной большой услуге. Единственная причина этой просьбы — искреннее восхищение человеком, о котором пойдет речь. Как случилось, что Вы, для кого драматическая рубрика в газете не трудовая *повинность*, а возможность изложить идеи романтизма, который Вы понимаете как никто, не упомянули о г-не Рувьере в новой постановке «Мушкетеров»⁷⁴? Если уже слишком поздно и если Вы не видели ее, посмотрите как можно скорее, — я смотрел ее семь раз, — Вы получите огромное удовольствие, я в этом уверен. Г-н Рувьер сделал из этого произведения нечто новое. — И если вдруг это был только мираж, и для Вас его игра, его роль не представляют такой же ценности, как для меня, то, поверьте, мне будет необыкновенно грустно узнать, что наши мнения не совпадают.

По воле Случая я узнал, что серия *наших* опытов в «Ле Пэи» Вам понравилась. Но, сударь, это настоящая пытка! — Нас прерывают в третий, четвертый, пятый раз. Эти господа подчиняются крикунам-подписчикам. Это какой-то перевернутый с ног на голову мир. Мы сейчас только на восемнадцатой пиесе, а остается еще двадцать шесть, не считая весьма пространного предисловия, посвященного положению людей, наделенных воображением, в обществе протестантов и торговцев. Когда это закончится⁷⁵? — И теперь вот мадам Клеманс Робер подменили гениального человека, который затронул все эти вопросы! Мне совершенно необходимо сегодня вечером кому-нибудь поплакаться. Утром я пошел к *Теофилю* и, не найдя его, набросился на Вас.

Примите уверения в моих самых лучших чувствах.

Ш. БОДЛЕР

44. ИППОЛИТУ ОСТЕЙНУ⁷⁶

[Париж.] Вторник, 8 ноября 1854

Сударь,

Только с робостью и опасением я пошел бы на этот шаг, который делаю сегодня, *если бы я не знал*, что говорю с человеком большого ума.

Труд, который я Вам посылаю и который мне было бесконечно трудно найти — в Библиотеке его не выдавали на руки, а «Ревю ретроспектив» давно пропал, — почти неизвестен; может быть, Вы знакомы с ним? Во всяком случае, он не входит в состав ни полного собрания сочинений, ни даже *посмертных публикаций*, с ним знакомы разве что книжные черви⁷⁷. Уже много лет я вынашиваю мысль, что это произведение может иметь большой успех в наше время, кое-кто подумывал о «Комеди Франсез», а кто-то о театре «Жимназ»; но мне кажется, что я сделал лучший выбор, прежде всего из-за достоинств директора, но, в особенности, из-за его обличья — да позволительно будет сказать — весьма парадоксального.

Я сказал себе:

Г-н Остейн был другом Бальзака. Не Вы ли, сударь, так здорово поставили «Мачеху»?⁷⁸ Г-н Остейн должен прекрасно сознавать ценность произведения, которое предстает как одно из редких предвестий того театра, о котором мечтал Бальзак.

В театрах, получающих дотации, ничего не происходит, ничего не решается, ничего не движется с места; всего чего-то боятся и жеманничают.

И потом, было бы крайне любопытно проверить, действительно ли бульварная публика, которую все так презирают, не поймет и не будет рукоплескать произведению чудодейственной направленности, — язык не поворачивается произносить это — направленности *литературной*, ведь словцо это принадлежит ужасному жаргону нашего времени.

Я подумал, что постоянный успех, сопутствующий Вашему театру, позволил бы Вам предпринять эту блистательную попытку без излишней осторожности, и что «Казак» и «Кабан»⁷⁹ вполне в состоянии — в худшем случае — оплатить возвращение к нам пьесы Дидро.

Если бы мне хотелось подстегнуть Вашу гордость, я мог бы сказать, что это так в Вашем духе — потерять деньги на великом писателе, но, к сожалению, приходится признать: я просто убежден, что на нем можно будет заработать.

Наконец — решусь ли пойти до конца? — ибо в данный момент, будучи незнаком с Вами, я наверняка произвожу впечатление, будто нескромно покушаюсь на ваши права и обязанности, — мне подумалось, что один актер, восхищающий меня своим темпераментом, тонкостью, поэтичностью характера, актер, поразивший меня в «Мушкетерах», я даже не знаю, согласитесь ли Вы со мной, итак, я подумал, что г-н Рувьер мог бы обрести в этом созданном Дидро персонаже писателя Дидро (Ардуэна), в котором чувственность соединяется с иронией и самым что ни есть причудливым цинизмом, совершенно новое направление для развития своего таланта.

Все персонажи (и это любопытно) — *подлинные*. Г-н Пултье, чиновник по морскому ведомству, дожил до весьма преклонных лет; я знал одного человека, который был с ним знаком.

Много женщин, все они забавны и очаровательны.

Это произведение, собственно говоря, является единственным всецело драматическим трудом Дидро. «Побочный сын» и «Отец семейства» не идут с ним ни в какое сравнение.

Что касается мелких переделок — я хотел бы, чтобы здесь наши взгляды совпадали, — я думаю, что их будет немного и они коснутся только устаревших выражений, положений старой юриспруденции и т. д. и т. п. Иначе говоря, я считаю, что было бы неплохо допустить в угоду современной публике несколько невинных анахронизмов.

И теперь позвольте мне, сударь, воспользоваться случаем, чтобы признаться Вам, что уже давно я мечтаю о драме невообразимо ужасной и невообразимо необычайной и что в те редкие моменты, когда я могу над ней работать, у меня перед глазами всегда стоит образ Вашего удивительного актера. Речь идет о драме о *пьянстве*. Надо ли Вам говорить, что пьяница мой — не такой, как другие?

Примите, сударь, уверения в моем глубочайшем уважении и позвольте мне надеяться.

Ш. БОДЛЕР
улица Сены, 57

45. ЖЮЛЮ БАРБЕ Д'ОРЕВИЛЬИ

[Париж.] Среда,
20 декабря 1854

Сударь,

Я *весьма часто* заходил к Вам, чтобы иметь счастье пожать Вам руку, но мне не везло; уповая на случай, отправляю к Вам сегодня утром посыльного и прошу о маленькой услуге. Я совсем одурел и совершенно разболелся, мне абсолютно нечего читать, и, кроме того, я дал обещание одной даме, которая уже давно выражает желание прочесть что-нибудь из Ваших сочинений; — ес-

ли бы Вы смогли передать с этим человеком хоть что-нибудь — «Кольцо», «Дендизм», «Жермену», «Старую любовницу», «Заколдованную», — я не теряю книг, — Вы доставили бы мне превеликое удовольствие. Если этот человек Вас не застанет, если Вы в своей *тюрьме*⁸⁰, — я отправлю его к Вам на другой день.

Если Вам будет угодно быть еще более любезным, приложите к этой посылке список Ваших сочинений и книгопечатников — я уже давно хочу иметь подобный перечень.

Ваша большая статья о Монселе произвела на бедного малого черт-те какой эффект. Он и счастлив, и несчастлив. Я сделал все, что мог, чтобы убедить его, что он должен быть очень счастлив. Если бы это случилось со мной, я был бы очень несчастлив. Прощайте, сударь, и поверьте, что я навсегда — Ваш друг и поклонник.

Ш. БОДЛЕР

46. ВИКТОРУ ДЕ МАРСУ

[Париж,] 7 апреля 1855

Дорогой господин де Марс,

Я готовлю, и надеюсь, что закончу вовремя, превосходный «Эпилог» к «Цветам Зла». Мне хотелось Вам сказать, что я очень заинтересован, какие бы отрывки Вы ни выбрали, определить их порядок *вместе с Вами* и таким образом, чтобы они составили, так сказать, сюиту — так же, как мы сделали для первой части.

Я буду у Вас вместе с «Эпилогом» вечером 9-го или, самое позднее, 10-го.

В Эпилоге (обращенном к даме) говорится примерно следующее: «Позвольте мне отдохнуть в любви. — Но нет — любовь не даст мне отдохновения. — Искренность и доброта отвратительны. — Если Вы хотите мне нравиться и омолодить мои желания, станьте жестокой, лживой, распущенной, алчной, вороватой; — и если Вы не хотите быть такой — я Вас убью, без гнева. Ибо я ис-

тинный представитель иронии, и недуг мой из разряда абсолютно неизлечимых». — Как видите, все это выливается в премилый салют чудовищностей, *настоящий Эпилог*, достойный *пролога* для читателя, реальное Заключение⁸¹.

Всегда к Вашим услугам.

Ш. БОДЛЕР

47. ФРАНСУА БЮЛОЗУ⁸²

[Париж.] Среда, 13 июня 1855

30 мая я побеспокоил Вас так не ко времени потому, что в тот же самый день успел поссориться с г-ном Дютаком, и, оказавшись без издателя, пришел к Вам, чтобы попросить вмешаться в мои дела и позволить воспользоваться тем влиянием, которое Вы можете иметь на книгопечатников. — Но сегодня дела обстоят еще хуже и все значительно серьезнее. В воскресенье меня *попросили* из «Ле Пэи». Я пережил там целый год оскорблений и насмешек. Наконец избавился от своего невыносимого «Салона»⁸³: я свободен, но без единого су. Мне известно, что, когда к Вам поступаешь, принято отмечать свое поступление своего рода литературным подарком. Я знаю также, что порой Вы отступаете от этого правила. Если Вы не сможете сделать этого для меня (что я посчитаю вполне естественным, ибо, в общем-то, Вы уже оказали мне реальную помощь), — не будете ли Вы столь любезны, чтобы выплатить мне аванс в сумме цены за лист, *чуть больше, если это возможно*, за роман, который будет готов много раньше, чем Вы думаете⁸⁴. Ибо если я договорюсь с «Ашетт» или «Мишель Леви» о моем «Эдгаре По», у меня будет целый месяц на корректуру, — и сразу после этого я к Вашим услугам. Если это Вас не устраивает — я к Вашим услугам немедленно. Я действительно очень устал от этого двенадцатилетнего бродяжничества. *Примечание редакции*, причудливое и покровительственное, с которым я ознакомился лишь в последние дни и которое, что бы там ни говорили,

не показалось мне немилостивым, произвело на мой рассудок необычный эффект⁸⁵. Оно заставило меня перевернуть массу старых бумаг, кучи набросков и планов. Увы! Сударь, я должен признать (к стыду ли своему или к славе?), что я нашел там не слишком много человеческих или кажущихся таковыми чувств. Я почти не увидел — не смешно ли признаться, — ничего, кроме желания удивить или пострадать. Однако в моем распоряжении три-четыре мысли, которые при умелом подходе, могли бы Вам понравиться. Но речь скорее о жанре фантастическом, нежели о романе нравов. В последнем жанре я *невольно* могу Вас огорчить; тогда как фантастика становится, напротив, для меня твердой почвой.

Что касается непосредственного предмета настоящего письма, предмета весьма важного, то, что бы Вы ни решили, все будет хорошо. Не Вы ли опубликовали мои отрывки, которые были отклонены другими издателями, и даже очень достойно, как я недавно узнал, вступились за меня? Хотя я чувствовал, что этого вполне достоин, я все равно обязан Вас поблагодарить; скажу Вам больше: *я этого ждал*.

Хотя приближается середина месяца, когда у Вас больше всего дел, я предполагаю, что мой визит в 6 часов Вас не слишком побеспокоит.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

Г-н В. де Марс потерял, похоже, мой адрес? Я не получил номер от 1 июня.

P. S. Заметьте, я надеялся, я был просто убежден, что мне не придется писать Вам это письмо, и у меня было твердое намерение обратиться к Вам за помощью не иначе как с прекрасной и серьезной *новеллой* на руках. Но *Дьявол*, который превосходит литературным бродяжничеством, распорядился иначе.

Ш. Б.

48. ЖОРЖ САНД⁸⁶

[Париж.] Вторник, 14 августа 1855

Мадам, мне приходится просить Вас о большой услуге, а Вам даже имя мое неизвестно. Если и существует затруднительное положение, то решительно, это когда безвестный писатель вынужден прибегнуть к любезности писателя известного. Я мог бы отрекомендоваться Вам, назвав имена нескольких знаменитых друзей, но зачем? Я полагаю, что изложение моего дела стоит всего другого. И потом, я думаю, что просить об услуге женщину всегда проще, чем просить об услуге мужчину, а когда речь идет о том, чтобы просить женщину за женщину, — это не унижение, а почти что радость. Надеюсь, что не буду Вам неприятен, если признаюсь, что, несмотря на Ваше высокое положение в литературе, я не испытываю, обращаясь к Вам, ни излишнего смущения, ни излишней робости.

Вашу драму скоро начнут репетировать в «Одеоне». Рувьер, один из моих лучших друзей, гениальный актер, будет играть в ней заглавную роль. Там есть еще одна роль (*жена Рувьера*), которую сначала предназначили для мадемуазель Добрен. Вы ее помните? Она замечательно сыграла в «Клодии». Все было почти согласовано. Нарре хотел, чтобы играла она, режиссер тоже настаивал на этом, г-н Ваэз, казалось, тоже; что касается Рувьера, который знает в этом толк, то она нравится ему *почти* так же, как мне. Мадмуазель Добрен в Ницце, она возвращается из Италии, где обанкротился ее директор. Она ушла из театра «Гэте» по причине не только очень уважительной, но даже похвальной. — Остейн сказал, что он подаст в суд на любой бульварный театр, который ее примет, но он не посмеет пойти против «Одеона». Г-н Нарре взялся решить эту проблему, и, в общем, ее можно было бы рассматривать как решенную. Впрочем, достаточно нескольких часов, чтобы ее уладить. Вчера утром, в 10 часов, я встречаю г-на Ваэза, который меня тут же спрашивает, все ли уладилось; я ему говорю, что мадемуазель Добрен с радостью соглашается, но она просит небольшой прибавки, очень небольшой прибавки к жа-

лованью; настолько небольшой, Мадам, что даже не осмеливаюсь назвать сумму. Г-н Ваэз велит мне подойти к нему в 2 часа. В 2 часа г-н Нарре возлагает на себя неприятную обязанность сообщить мне, что все соглашения разорваны, что любой торг бесполезен, что время уходит и т. д. — Это было три дня назад, в Ницце, а «Одеон» вновь откроется, как я думаю, не раньше 15 сентября.

Надо ли говорить Вам, Мадам, с какой радостью я предвкушал, как достойно мадемуазель Добрен вернется в Париж в одном из Ваших творений и в подобающем ей театре быстро забудет все прошлые страдания и неприятности. Тогда я сказал, что соглашусь на предложенные условия, но с ней я не посоветовался. Однако дверь спасения захлопнулась передо мной.

Во всей этой истории никто даже не подумал узнать Вашего мнения и предпочтения; эта простая мысль явилась мне как обещание спасения, она заставила меня писать Вам. Я не только испрашиваю Вашего мнения, мнения благоприятного, но я прошу Вас — Вас, автора, Вас, хозяйку положения, оказать давление, которое свело бы на нет то давление, которое неизвестно откуда осуществляется. Умоляю Вас, если только у Вас нет точно установленных планов на сей счет, написать несколько слов этим господам, в частности г-ну Руае. Видите, Мадам, я как эти несчастные люди, которые, не удовлетворившись судом Кади, повсюду ищут Султана; они рассчитывают на его доброту и справедливость. Согласитесь ли Вы со мной или откажете, будьте любезны сохранить в тайне тот эксцентрический способ, которым я осмелился воспользоваться. Сейчас было бы действительно очень глупо говорить Вам о моем восхищении Вами и о моей признательности. Жду Вашего ответа с некоторой тревогой.

Примите, Мадам, выражение моего глубокого уважения.

Ш. БОДЛЕР
27, улица Сены

Быть может, я добьюсь своего, если мне удастся хотя бы рассмешить Вас, рассказав о небольшом недоразумении, из-за которого я *три часа* колебался, прежде чем отправить Вам это письмо.

Я не знал Вашего адреса; почему-то я представлял себе, что его должен был знать Бюлоз. Он правил гранки и, услышав Ваше имя, откровенно нагрубил мне. Кроме того, я не знал, как пишется Ваше имя: Мадам Санд, Мадам Дюдеван, или Мадам баронесса Дюдеван? Больше всего я боялся не угодить Вам! Наконец, последнее имя показалось мне неуместным для гения, и я подумал, что Вы предпочтете имя, под которым царите в сердцах и душах Вашего века.

Ш. Б.

49. ПОЛЮ ДЕ СЕН-ВИКТОРУ

[Париж.] Пятница
23 ноября 1855

Дорогой друг, я не осмелился Вам докучать из-за двух небольших стихотворений В. Гюго; но все же возвращаюсь к этому вопросу и прошу сообщить, когда и в котором часу я смог бы зайти к Вам, не оторвав Вас от дел, — если только Вам не будет угодно переписать мне эти стихи, в этом случае передайте их с посыльным.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

50. ШАРЛЮ АССЕЛИНО⁸⁷

[Конец 1855 ?]

Я позволил себе взять Ваш ключ. Думаю даже, что из-за сильной усталости осквернил Вашу постель.

Я предупредил консьержку, что завтра утром сюда принесут пакет на мое имя. Не может ли Ваша преданность дойти до того, чтобы Вы отнесли пакет в какой-нибудь *приличный* ломбард и постарались получить от них 50 франков. Во всяком случае, *максимум*.

Представьте себе, эта падаль домовладелица так отравляет мою жизнь, что вчера вечером я даже не пошел домой.

Есть много причин, не говоря уже об экономии времени и беготне, из-за которых я не захотел отправить пакет к себе. И среди прочих та, что я не хочу, чтобы эта падаль узнала, насколько я ей предан.

Я пропитан романом Фюретьера⁸⁸.

Мой дорогой, Вы все сохраняете, и когда думаешь о будущности, такие письма не подписываешь.

Не забудьте, что для этого поручения понадобится документ, подтверждающий Вашу личность.

Я Вас ждал почти до половины восьмого.

51. АЛЬФОНСУ ТУССЕНЕЛЮ⁸⁹

[Париж.] Понедельник, 21 января 1856

Мой дорогой Туссенель, я очень хочу поблагодарить Вас за подарок. Я не знал истинной цены Вашей книги, признаюсь Вам в этом со всей наивностью и простотой.

Позавчера я был очень огорчен, испытал очень серьезное потрясение — настолько серьезное, что оно не позволило мне сосредоточиться и мне пришлось отложить важную работу. — Не зная, как отвлечься, я взялся утром за Вашу книгу — ранним-ранним утром. Она приковала к себе мое внимание, вернула хорошее расположение духа и спокойствие — как это всегда бывает с хорошей литературой.

Уже давно я почти все книги отбрасываю с отвращением. — И уже давно я не читал ничего столь *абсолютно поучительного и забавного*. — Глава о соколе и птицах, которые охотятся для человека, — настоящий шедевр, не говоря уже об остальном. —

Встречаются выражения в духе великих мастеров, крики истины — с неотразимым философским звучанием, такие как: «*Каждое животное — это сфинкс*», или по поводу аналогии: «*С каким нежным спокойствием отдыхает дух в убежище учения столь плодо-*

родного и столь простого, для коего в созданиях Господа ничто не является тайной»!

Есть еще многое, что волнует своей философией: и любовь к жизни на природе, и почести, воздаваемые рыцарству и дамам, и т. д.

Хорошо то, что Вы — поэт. Уже давно я утверждаю, что поэт — это существо, *независимо мыслящее*, что это по преимуществу — *разум* и что *воображение* — самая научная из всех способностей, потому как оно одно понимает *всеобщую аналогию*, или то, что мистическая религия называет *соответствием*. Но когда я пытаюсь опубликовать все это, мне говорят, что я сумасшедший — сам от себя сошел с ума — и что я ненавижу педантов только потому, что мне недостает воспитания. — Однако хорошо то, что у меня философский склад ума, который мне ясно показывает, что есть истина даже в зоологии, хотя я и не охотник, и не натуралист. Во всяком случае, я так считаю, и не смейтесь над этим, наподобие моих дурных друзей.

А теперь — поскольку я вступил с Вами в рассуждения гораздо более возвышенные и отношения гораздо более тесные, чем я мог бы себе позволить, если бы Ваша книга действительно не внушала мне такой симпатии, позвольте выговориться до конца.

Что это такое *неограниченный Прогресс*? Что это за общество, которое не является аристократическим? Мне кажется, это не общество вовсе. Что такое человек *естественно* добрый? Где мы такого встречали? Человек *естественно* добрый был бы *чудовищем*, я хочу сказать, *Богом*. — Наконец, Вы догадываетесь, каков строй идей, что возмущает меня, я хочу сказать, что возмущает писательский разум с начала начал на самой поверхности земли. — Чистое *донкихотство* прекрасной души. —

И такой человек, как Вы, бросается, словно борзописец из «Сьекль», оскорблениями в адрес *Местра*⁹⁰, величайшего гения нашего времени, ясновидца! И наконец, разговорные обороты, жаргон, что всегда губит хорошую книгу.

С самого начала книги мне не дает покоя одна мысль — что Вы настоящий умница, запутавшийся в секте. В сущности, чем Вы обязаны *Фурье*? Ничем или какими-то крохами. Вы и без *Фурье*

вполне состоялись бы. *Человек разумный* не ждал, пока явится на землю Фурье, чтобы понять, что Природа— *глагол*, аллегория, чеканка, *отражение*, если угодно. Мы это знаем и без Фурье; мы узнаем это сами и с помощью поэтов.

Все эти ереси, только что помянутые мною, вытекают из величайшей ереси современности, *искусственной* доктрины, подменившей доктрину естественную, — я имею в виду упразднение идеи *первородного греха*.

Ваша книга пробудила во мне множество задремавших идей — *о первородном грехе и форме, отлитой по идее*, мне случалось часто думать, что зловредные и омерзительные твари явились всего лишь оживанием, воплощением, пробуждением к материальной жизни *дурных мыслей* человека. — Таким образом, *природа* целиком и полностью разделяет *первородный грех*.

Не обессудьте за мою дерзость и бесцеремонность, и поверьте, что я — всегда искренне Ваш —

Ш. БОДЛЕР

52. ШАРЛЮ АССЕЛИНО

[Париж.] Четверг, 13 марта 1856

Дорогой друг, поскольку Вас забавляют сны, вот один, который Вас точно не разочарует. Было 5 часов утра, то есть совсем тепло. Заметьте, что это только один из целой тьмы осаждающих меня обрывков, и не мне объяснять Вам, что их исключительная своеобычность и общий характер заключаются в том, что они, не имея ничего общего с моими повседневными занятиями и личными происшествиями, все время заставляют меня думать, что сны составляют почти иероглифический язык, к которому у меня нет ключа.

Было 2 или 3 часа ночи (во сне), и я прогуливался в одиночестве по улицам. Я встречаю *Касиля*⁹¹, которому, как мне дума-

ется, нужно сделать множество дел, и говорю ему, что составлю ему компанию и что воспользуюсь коляской, чтобы съездить по одному личному делу. Итак, мы берем коляску. Я считал своим долгом подарить хозяйке одного публичного дома собственную книгу, которая только что вышла⁹². Взглянув на книгу, которую я держал в руке, я *обнаружил*, что она — *непристойная*, это мне объяснило *необходимость* подарить сей труд этой даме. Кроме того, в моем мозгу эта необходимость, в общем-то, была предлогом отыметь мимоходом одну из девиц заведения, так что получается, что без необходимости подарить книгу я не осмелился бы зайти в подобный дом. Я ничего не сказал об этом *Кастилью*, приказал остановить коляску у дверей этого дома, оставил *Кастилья* в коляске, пообещав, что не заставлю его долго ждать. Сразу же, как только я позвонил и вошел, я заметил, что елда вываливается у меня из расстегнутых брюк, и я решаю, что в таком виде неприлично заходить даже в подобное место. Ко всему прочему, почувствовав, что у меня насквозь мокрые ноги, я обнаружил, что стою *босиком* в луже у самой лестницы. Ба! — говорю я себе, — я их вымою, перед тем как лягу с ней и до того как уйти отсюда. — Поднимаюсь. Начиная с этого момента о книге нет и речи. —

Я оказываюсь в просторных галереях, сообщающихся между собой, плохо освещенных, имеющих печальный и поблекший вид, — будто старые кафе, прежние кабинеты для чтения или мерзкие игорные заведения. Девы, рассеянные по просторным галереям, беседуют с мужчинами, среди которых я вижу лицеистов. — Мне очень грустно и очень неловко; я боюсь, как бы все они не увидели мои ноги. Смотрю на них и замечаю, что на *одной* из них надета туфля. — Через некоторое время обнаруживаю, что обуты обе.

Меня поражает, что стены этих просторных галерей украшены всевозможными рисунками — в рамах. — Не все из них неприличные. Есть даже архитектурные чертежи и египетские статуэтки. Поскольку я чувствую себя все более и более смущенным и не осмеливаюсь подойти к какой-нибудь девице, развлекаюсь тем, что старательно разглядываю рисунки.

В отдаленной части одной из этих галерей я обнаруживаю очень странную экспозицию. Среди целой кучи маленьких рамок я вижу рисунки, миниатюры, фотографии. На них изображены разноцветные птицы с очень ярким оперением, глаза этих птиц — *живые*. Иногда *нарисована только половина птицы*. — Иногда попадаются изображения существ странных, чудовищных, почти *аморфных*, будто небесных тел, *аэролитов*. В углу каждого рисунка стоит подпись. — *Девушка такая-то, в возрасте... произвела на свет это существо в таком-то году*; и другие надписи в том же роде.

Меня посещает мысль, что подобные рисунки не очень-то пригодны, чтобы дать представление о любви.

Другая мысль: в целом мире существует на самом деле только одна газета, «Сьекль», чья глупость дошла до того, что они открыли публичный дом и к тому же разместили в нем нечто вроде медицинского музея. — Вдруг я говорю себе: да, это же газета «Сьекль» наживалась на этих бордельных спекуляциях, а медицинский музей объясняется тем, что они там помешались на *прогрессе, науке, распространении просвещения*. Тогда я подумал, что современные дурость и глупость приносят таинственную пользу и что часто созданное ради зла по законам странной спиритуалистической механики оборачивается во благо.

В глубине души я восхитился верности своего философского склада ума.

Но среди всех этих существ было одно действительно живое. Это чудовище появилось на свет в борделе и теперь вечно стоит на пьедестале. Хотя оно и живое, оно является частью музея. Оно не безобразно. У него даже хорошенькое лицо, очень смуглое, восточного типа. В нем много розового и зеленого. Существо стоит на корточках, но в очень странном и вывернутом положении. Кроме того, что-то черноватое обвивает тело и конечности, словно огромная змея. Я спрашиваю у него, что это, и оно мне отвечает, что это чудовищный аппендикс, который выходит из головы, он эластичный, будто каучуковый, и такой длинный, такой длинный, что, если бы он закрутил его только вокруг головы, как лошадиный хвост, было бы слишком тяжело и совершенно

невозможно его носить, — поэтому ему приходится обвивать его вокруг себя, что, впрочем, производит очень красивый эффект. Я долго беседую с чудищем. Оно делится со мной своими печалью и тревогами. Вот уже много лет ему приходится стоять на пьедестале, оставаться в этом зале на потеху публике. Но его главная проблема — время ужина. Поскольку оно живое, ему приходится ужинать вместе с девицами из заведения — шагать, покачиваясь, вместе со своим каучуковым аппендиксом до столовой, где ему приходится следить, чтобы тот был обернут вокруг него или лежал на стуле, словно моток веревки, ибо, если оно позволит аппендиксу волочиться по земле, тот может вывернуть назад его голову. Кроме того, ему, маленькому и плотному, приходится ужинать рядом с крупной, хорошо сложенной девицей. — Впрочем, все эти объяснения оно давало без всякой горечи. «Я не осмеливаюсь прикоснуться к ней, но она меня волнует».

В этот момент (это уже не сон) моя жена⁹³ с шумом начала передвигать мебель в своей комнате и разбудила меня. Я проснулся усталым, совершенно разбитым: спина, ноги, бедра. — Думаю, что я спал в вывернутой позе монстра. Не знаю, покажется ли Вам это столь же забавным, как мне. Добряку *Мино* было бы не просто, полагаю, отыскать здесь какой-то моральный урок.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

53. СЕНТ-БЁВУ

[Париж,] 19 марта 1856

Вот, дорогой мой покровитель, род литературы, который, быть может, не вызовет у Вас такого же энтузиазма, как у меня, но все равно Вас наверняка заинтересует. *Надо*, то есть я хочу, чтобы *Эдгар По*, которого ни во что не ставят в Америке, стал великим человеком для *Франции*; мне известны Ваша смелость и любовь к новизне, и потому я храбро пообещал Ваше содействие *Мишелю Леви*⁹⁴.

Можете ли Вы черкнуть мне несколько слов, чтобы сказать, будете ли писать для «Атенеума» или для другого издания? Потому как в этом случае я напишу г-ну *Лаланну* не поручать этого кому-то другому — Ваше перо имеет *особый* авторитет, в чем я сейчас нуждаюсь⁹⁵.

Вы увидите, что в конце моей «Заметки» (которая противоречит всем модным взглядам на *Соединенные Штаты*) я говорю о новых этюдах. В дальнейшем я расскажу, что думает этот необычайный человек по поводу наук, философии и литературы.

Итак, я передаю мою беспрестанно мятущуюся душу в Ваши руки.

Ш. БОДЛЕР
улица Ангулем-дю-Тампль, 18

Если главному редактору газеты нужен еще один экземпляр, пусть закажет его у книготорговца.

54. СЕНТ-БЁВУ

[Париж.] Среда, 26 марта 1856

Вы прекрасно знали, что я буду рад этой замечательной новости. Лаланн был предупрежден Асселино, и книгу должны были передать другому в том случае, если бы Вы не смогли написать статью. Лаланн получил свой экземпляр.

Относительно остальной части Вашего письма могу сообщить Вам кое-какие детали, которые, возможно, Вас заинтересуют.

Будет второй том и второе предисловие.

Первый том сделан, чтобы заманить публику: *трюкачества, загадочность, утки* и т. д. «Лигейя»⁹⁶ — единственная важная вещь, по морали связанная со вторым томом.

Второй том — это фантастика более высокого порядка: *галлюцинации, умственные расстройства, чистый гротеск, сверхнатурализм и т. д.*

Во втором предисловии будет анализ сочинений, которые я не буду переводить, а главное — изложение *научных и литературных* воззрений автора. Мне даже придется написать г-ну де Гумбольдту, чтобы спросить его мнение касательно маленькой книги, которая ему посвящена: речь идет об «Эврике».

Первое предисловие, которое Вы уже видели и куда я попытался вложить яростный протест против американизма, дает более или менее полные биографические данные. — Все будут делать вид, что им угодно считать По всего-навсего *шарлатаном*, а я, напротив, буду без всякой меры настаивать на сюрнатуралистском характере его поэзии и рассказов. Он американец ровно настолько, насколько является *Шарлатаном*. Что до остального, то это почти *антиамериканское мышление*. Впрочем, он посмеялся над своими соотечественниками, как мог.

Итак, отрывок, на который Вы намекаете, входит в состав второго тома. Это диалог двух душ после разрушения земного шара. Имеются *три диалога подобного рода*, которые я буду счастлив представить Вам в конце месяца, перед тем как отдать второй том в типографию.

Теперь я благодарю Вас от всего сердца; но Вы так любезны, что вместе со мной подвергаетесь большой опасности. После *По* пойдут два моих собственных тома, один — с критическими статьями, второй — поэзия. Так что заранее приношу свои извинения, и, впрочем, боюсь, что как только я перестану говорить голосом великого поэта, то окажусь для Вас лишь весьма крикливым и весьма неприятным существом.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

В конце второго тома По я помещу несколько набросков Поэзии.

Я уверен, что такой скрупулезный человек, как Вы, не станет на меня сетовать, если я его попрошу быть очень внимательным к орфографии имени писателя — без «д» в «Эдгар» и без «Э» в По.

Ш. БОДЛЕР

55. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж.] 28 марта 1857

Дорогой друг, полагаю, я Вас сильно разозлил с первым листом. По себе знаю, сколько негодования вызывают советы, и понимаю, что, строго говоря, не имел никакого права лезть со своими советами, поскольку Вы же не посылали мне своего каталога⁹⁷.

Прочитав его, скажу, поскольку рискую всем, что я был счастлив, не увидев там ни Лакло, ни своего имени.

Серьезно, друг мой, Вас же обсмеют. Кто такой Седэн⁹⁸?

де Бьевр⁹⁹?

Жильбер?¹⁰⁰

Ж.-Б. Руссо¹⁰¹?

Лесаж¹⁰² (!!!) и т. д., и т. д.

И почему не «Поль и Виргиния»¹⁰³ и «Избранные сочинения» Бюффона¹⁰⁴?

Прокляните меня, посмейтесь надо мной и скажите: «Куда он суется?» Но я придаю слишком большое значение Вашему успеху, чтобы позволить всему идти своим чередом, не сделав дружеского жеста.

Отмечаю со старанием действительно значимые именованья, действительно значительные: *Фрерон*¹⁰⁵, *Гросле*¹⁰⁶, *Янсенизм* (гениальное произведение, особенно из-за чудес *Париса*, надо быть врачом, философом, историком, иллюминатом), *Николе*¹⁰⁷, *Одино*¹⁰⁸ (великолепные), *Шеврье*¹⁰⁹, *Смеси и редкости* (Уленшпигель¹¹⁰, неверная орфография), *Фридрих II, де Бросс*¹¹¹, *Сенак де Мейлан*¹¹², *Мариво*¹¹³.

Самым разумным было бы вообще отказаться от каталога и потерять затраты на набор или, по меньшей мере, если Вам очень хочется выпустить проспект, составить его по расплывчатым категориям:

ЭКОНОМИСТЫ

ФИЛОСОФЫ-РАЦИОНАЛИСТЫ

ИЛЛЮМИНАТЫ

МАСОНСТВО

ОККУЛЬТНЫЕ НАУКИ

ФАЦЕЦИИ И РЕДКОСТИ

РОМАНИСТЫ

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ (*очень важно*)

Где же Ретиф¹¹⁴, из которого следует набрать множество превосходных и чарующих отрывков?

Раздел «романисты» — богатейшие залежи. «Утописты», «иллюминаты» — великолепные разделы.

Кстати, надо искать редкости, забытые вещи, которые было бы легко продать.

Я не понимаю, как такой человек, как Вы, а Вы ведь искренне любите XVIII век, собирается дать о нем такое скудное представление. Уж на что я образчик беспутства и невежества, но все равно сделал бы для Вас блистательный каталог на основе одних только воспоминаний о том, что я целенаправленно читал из XVIII века — будь то философы-материалисты, будь то диковины колдовства и мистических наук, будь то романисты и путешественники. Держу пари, что, просмотрев главы «Лицея» Лагарпа¹¹⁵, можно сделать более привлекательный каталог.

Теперь, повторяю, можете меня возненавидеть.

Я купил прекрасное издание «Опасных связей»¹¹⁶. Если эта идея снова взбредет в вашу голову, я повидаюсь с гг. Кераром и Люандром; Люандр обещал познакомить меня с одним потомком (внук или внучатый племянник), у которого сохранились папки с черновыми материалами.

Я повторяю, что в таких предприятиях следует оставлять себе поле для маневра и составлять проспект очень гибко, тогда Вы сможете использовать новые идеи, которые вдруг приходят в последний момент, а от чего-то отказаться. Итак, широкие разделы. Когда мы навестим г-на Де Бруаза? Я хотел бы это знать. Я ничего не получаю от Вас.

Повторяю в последний раз: я не буду слишком удивлен, если Вы примете это письмо очень плохо, но я считаю себя слишком заинтересованным в Вашем успехе, чтобы не предупредить Вас. Отмените издание каталога¹¹⁷. Любящий Вас

Ш. БОДЛЕР

А «Инки» Мармонтеля¹¹⁸? Вы о них забыли, не так ли?

А «Книдский храм»?

А «Персидские письма»?¹¹⁹

Подумайте о том, что было бы, если бы Ваш каталог попал в руки Вейо или д'Оревилли.

Ш. Б.

56. МАДАМ ОПИК

[Париж.] Четверг, 9 июля 1857

Уверяю Вас, что у Вас нет никакого повода беспокоиться обо мне. Это Вы, напротив, причиняете мне беспокойства, причем преглубокие, и, конечно же, письмо, которое Вы мне прислали, письмо, исполненное скорби, никак не может их развеять. Если Вы махнете на себя рукой, то заболете, это будет самое худшее, а для меня — невыносимое беспокойство. Мне хочется, чтобы Вы не только пытались найти какие-то развлечения, но чтобы у Вас были и новые радости. Я решительно считаю, что мадам Орфила — разумная женщина.

Что касается моего молчания, то у меня нет никакой другой причины, кроме очередного приступа хандры, которая, к моему великому стыду, иногда овладевает мною и мешает не только серьезно заниматься каким-либо делом, но даже выполнять самые простые обязанности. Кроме того, я хотел Вам написать и одновременно отправить Ваш молитвенник и книгу моих стихов.

Молитвенник не совсем закончен; даже самые умные рабочие так глупы, что пришлось кое-что исправлять. Это доставило мне немного хлопот, но Вы будете довольны.

Что касается «Стихов», вышедших пару недель назад, то сначала, как Вы знаете, у меня не было намерения показывать их Вам. Но после того как я немного поразмыслил, мне показалось, что Вы все равно о них узнаете, по крайней мере по рецензиям, которые я буду Вам отправлять, — застенчивость с моей стороны была бы таким же безумством, как стыдливость — с Вашей.

Я получил в свое распоряжение шестнадцать экземпляров на простой бумаге и четыре — на бумаге верже. Я оставил для Вас

один из этих четырех, и если Вы его еще не получили, то только потому, что я хотел отправить Вам книгу в переплете. Вам известно, я всегда считал, что литература и искусство преследуют чуждые морали цели, мне достаточно красоты композиции и стиля. Но эта книга, которая называется «Цветы Зла» — и этим все сказано, — облечена, как Вы увидите, зловещей и холодной красотой; она была написана с неистовством и долготерпением. Впрочем, доказательство ее положительной значимости — во всем том зле, с которым о ней отзываются. Книга приводит людей в ярость. — При этом, ужаснувшись той ненависти, которую я должен был внушить, я урезал ее на треть, вычитывая гранки. — Мне отказывают во всем — в воображении и даже в знании французского языка. Я смеюсь над этими болванами и знаю, что книга моя, со всеми ее достоинствами и недостатками, пройдет свой путь к памяти образованных читателей наряду с лучшими стихами В. Гюго, и Т. Готье, и даже Байрона. Единственный совет: поскольку Вы живете в семье Эмон, постарайтесь, чтобы книга не попала в руки мадемуазель Эмон. Что касается кюре, которого Вы, конечно же, принимаете, — ему Вы можете ее показать. Он подумает, что я проклят, и не осмелится сказать это Вам. Ходят слухи, что меня будут преследовать по суду; но это ерунда. Когда у правительства на носу ужасные выборы в Париже, у него нет времени преследовать какого-то безумца.

Тысяча извинений за все эти ребячества тщеславия. Конечно же, мне хочется приехать в Онфлер, но я не осмеливался сказать Вам об этом. Мне хотелось прижечь свою праздность, прижечь ее раз и навсегда, засев на берегу моря, вдали от фривольных забот, за какую-нибудь серьезную работу: либо над третьим томом «Эдгара По», либо над моей первой драмой, которой волей-неволей мне уже надо будет разродиться.

Однако мне нужно кое-что доделать, а это невозможно без библиотек, эстампов и музеев. Прежде всего — мне надо исчерпать вопрос

об «Эстетических редкостях»¹²⁰;

о «Ночных поэмах»¹²¹;

и об «Исповеди любителя опиума»¹²².

«Ночные поэмы» — для «Ревю де Дё Монд»; «Любитель опиума» — это новый перевод одного великолепного автора, неизвестного в Париже. Это для «Монитёр».

Но я должен подумать (почему не сказать все?) о г-не Эмоне. Он Ваш друг, и мне очень не хочется Вас обидеть. Но Вы же не думаете, что я могу забыть о его неразвитости, грубости, той холодности, с которой он пожал мне руку в тот страшный день, когда, только для того чтобы Вам было приятно, я унизился так, как даже Вы сами меня не унижали на протяжении долгих-долгих лет¹²³?

У Ансея все хорошо; *после Вашего отъезда я видел его только два раза*. Он все так же рассеян; он остается тугодумом и все еще любит свою жену и дочь и не смущается этим.

Пересылаю Вам письмо человека, с которым я незнаком. Я не знаю, кто такой г-н Дюран.

Посещая могилу отчима, я был очень удивлен, оказавшись перед пустой ямой. Я пошел к хранителю, который сообщил мне о переносе захоронения и передал вот этот листок. Ваши венки, увядшие под дождями, были заботливо перенесены на место нового погребения. Я добавил к ним свои.

Сердечно обнимаю Вас, дорогая мама,

Ш. Б.

57. АШИЛЮ ФУЛЮ¹²⁴

Копия моего письма г-ну *Государственному Министру*, написанного после того, как я узнал об изъятии из продажи «Цветов Зла».

[Париж, около 20 июля 1857]

Господин Министр, письмо, которое я имею честь писать Вашему Превосходительству, имеет своей целью поблагодарить за все те благодеяния, которыми я обязан Вам и газете «Ле Монитёр»;

я просто выполняю свой долг в тот момент, когда, вследствие непостижимого злоключения, заставил испытать Вас, судя по всему, легкую досаду, что было бы для меня причиной искреннего огорчения.

«Монитор» опубликовала великолепную статью о втором томе сочинений Эдгара По, переводчиком которого я имею честь быть. Г-н Тюрган выпустил в свет третий том («Повесть о приключениях Артура Гордона Пима»), великолепный роман. Недавно «Монитор» напечатала прекрасную статью г-на Эдуара Тьерри о моей книге, которая в настоящее время оказалась предметом судебного разбирательства: «Цветы Зла». Г-н Эдуар Тьерри с действительно похвальной осторожностью превосходно объяснил, что эта книга адресована узкому кругу читателей; он хвалил ее только за литературные качества, которые ему угодно было за ней признать, и сделал замечательное заключение, сказав, что отчаяние и грусть были единственной, но достаточной моралью книги, о которой идет речь.

Разве я не обязан Вам, господин Министр? Я обязан Вам гораздо большим, нежели эти жалкие утехы литературного тщеславия. Я долго не решался Вас поблагодарить, потому что не знал, как к этому подступиться. Может быть, г-н Пельтье сказал Вам, что мадам Опик, которую муж оставил без состояния, говорила со мной, перед тем как покинуть Париж, о той роли, которую Ваше Превосходительство сыграли в дискуссии Государственного Совета. На моих глазах мать написала Вам личное благодарственное письмо, подписать которое я не посмел из-за нелепой робости. Сегодня я пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам свою признательность за эту прелюбезную услугу, действительно личную.

Вчера я намеревался обратиться к г-ну Хранителю печати со своего рода тайной защитительной речью, но подумал, что подобный шаг означает почти признание своей вины, а я совсем не чувствую себя виновным. Напротив, я очень горд тем, что создал книгу, которая вызывает ужас и страх перед Злом. Таким образом, я отказался воспользоваться этим методом. Если мне придется защищаться, я сумею защитить себя подобающим образом.

А потому, господин Министр, почему бы мне попросту не сказать Вам, что я прошу Вашей защиты, в той мере, в какой Вы сочтете ее возможной, именно Вашей, человека, который по складу ума еще более, чем по положению, является естественным защитником Литературы и Искусств? А литература и искусства, к сожалению, никогда не чувствовали себя достаточно защищенными. Но поверьте, если Вам непозволительно мне ее предоставить, я все равно буду считать, что премногим обязан Вам, и по-сему прошу принять уверения в благодарности и почтении, с которыми я,

господин Министр,
остаюсь смиренным и покорным слугой
Вашего Превосходительства.

58. МАДАМ САБАТЬЕ

[Париж.] Вторник, 18 августа 1857

Сударыня,

Вы ни на миг не поверили, что я мог Вас забыть, не так ли? Из тиража я оставил Вам один отборный экземпляр, и если он в переплете, недостойном Вас, это не моя вина, а вина моего переплетчика, которому я заказал нечто гораздо более изысканное.

Поверите ли Вы, что эти несчастные (я говорю о судье, прокуроре и т. д.) осмелились обвинить среди прочих два стихотворения, написанных для моего дорогого Божества («Вся целиком» и «Слишком веселой»)?

Второе стихотворение досточтимый Сент-Бёв назвал лучшим в книге.

Сегодня я впервые пишу Вам своим настоящим почерком. Если бы я не был обременен делами и письмами (судебное заседание послезавтра), я воспользовался бы этим случаем, чтобы извиниться за свои безумства и ребячества. Впрочем, разве не отомстила за Вас сестричка? Ах! маленькое чудовище! Однажды, когда мы повстречались, я прямо похолодел, когда она рассмеялась

мне в лицо и сказала: *«Вы все еще влюблены в мою сестру и все так же пишете ей прекрасные письма?»* Я сразу же понял, что, во-первых, если думал скрываться, это мне не удалось, а во-вторых, что за Вашим очаровательным личиком прячется малосострадательная душа. Влюбленными бывают повесы, а поэты — *идолопоклонники*, а Ваша сестра, мне кажется, не создана для того, чтобы понимать вечные истины.

Позвольте же мне, пусть я и рискую Вас потешить, вернуться к этим объяснениям, которые так потешили эту безумную малышку. Представьте себе смесь мечтательности, симпатии и почтения с тысячью ребяческих выходов, полных серьезности, — и у Вас получится нечто похожее на то очень искреннее чувство, которое я не в состоянии определить лучше.

Забыть Вас невозможно. Говорят, что существовали поэты, которые прожили всю свою жизнь, глядя на дорогой образ. Я на самом деле думаю, что (но в этом я не беспристрастен), *верность — один из признаков гениальности*.

Вы — больше, чем образ, о котором грезят и которым дорожат, Вы — мое *суеверие*. Когда я делаю какую-нибудь большую глупость, я говорю себе: *«Мой Бог! Если бы она об этом узнала!»* Когда я делаю что-нибудь хорошее, говорю себе: *«Вот то, что приближает меня к ней — душой»*.

И в последний раз, когда я имел счастье (вопреки своему намерению) встретить Вас — ибо Вы не знаете, как тщательно я Вас избегаю, — я говорил себе: «Было бы странно, если бы эта коляска ждала ее, может быть, мне выбрать другую дорогу». — А затем: «Добрый вечер, сударь!» — боготворимый голос, звук которого чарует и рвет мне душу. Я ушел, повторяя всю дорогу «Добрый вечер, сударь!», пытаюсь подражать Вашему голосу.

Я видел своих судей в прошлый четверг. Не скажу, что они некрасивы, они чудовищно уродливы, и, должно быть, их души похожи на лица.

У Флобера была императрица¹²⁵. Мне недостает женщины. И престранная мысль, что, быть может, Вы смогли бы, благодаря Вашим связям и каким-нибудь извилистым каналам, донести до одного из этих тугодумов разумное слово, завладела мной несколько дней тому назад.

Судебное заседание послезавтра утром, в четверг.
Чудовища именуются:

Председатель	ДЮПАТИ
Имперский прокурор	ПИНАР (самый опасный)
Судьи:	{ ДЕЛЕВО
	{ ДЕ ПОНТОН Д'АМЕКУР
	{ НАКАР

6-я Исправительная палата.

Но оставим все эти пошлости.

Помните, что некто думает о Вас, что в его мыслях никогда не было ничего пошлого и что он немного обижен на Вас за Вашу лукавую *веселость*.

Я очень горячо прошу хранить в тайне все, что я могу Вам доверить. Вы моя постоянная Соучастница и — моя Тайна. Не что иное, как эта близость, в которой я сказал свое слово давным-давно, позволило мне отважиться на столь непринужденный тон.

Прощайте, сударыня, преданно целую Ваши руки со всем моим Обожанием.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Все стихи между 84 и 105-й страницами — Ваши¹²⁶.

59. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

[Париж.] Вторник, 25 августа 1857

Дорогой друг, пишу Вам наспех пару строк исключительно как свидетельство раскаяния в том, что не ответил на Ваши теплые чувства. Но если бы Вы знали, в какую пропасть ребяческих занятий я был погружен! И статья о «Госпоже Бовари» была отложена еще на несколько дней! Какой перерыв в жизни, такое смешное приключение!

Комедия была разыграна в четверг¹²⁷. Длилась долго. Итог: 300 франков штрафа, 200 — для издателей, изъятие стихов под номерами 20, 30, 39, 80, 81 и 87. Ночью напишу Вам подробнее.

Вы знаете, что я всегда Ваш.

Ш. БОДЛЕР

59 bis. ЭМИЛЮ ДЕШАНУ¹²⁸

[Париж.] Вторник, 25 августа 1857

Второпях, до наступления 4 часов, я пишу Вам записку, чтобы доказать, что я не презренный, не отверженный.

Каждый день я повторял себе: «Презренный ты человек», но каждый день был заполнен невыносимой беготней.

Я не смог устоять перед искушением забросить Ваши стихи в типографию (для журнала «Ле Презан»). Они будут набраны *только после Вашего согласия*.

Сегодня вечером я напишу подробнее и буду иметь удовольствие спокойно сказать Вам о своей признательности и об уважении к Вашему благородному поколению.

Преданный Вам

Ш. БОДЛЕР

60. ИМПЕРАТРИЦЕ

[Париж,] 6 ноября 1857

Потребовалась вся небывалая самонадеянность поэта, чтобы осмелиться обратить внимание Вашего Величества на случай такой ничтожный, как мой. Я имел несчастье быть осужденным за сборник стихов, озаглавленный «Цветы Зла», и даже ужасная откровенность названия не стала для меня достаточной защитой. Мне казалось, что я создал произведение прекрасное и ве-

λικое, а главное — светлое; оно было осуждено как мрачное, так что мне предписано переделать книгу и удалить несколько отрывков (*шесть из ста*). Должен сказать, что Юстиция обошлась со мной удивительно галантно и что даже те слова, в которых вынесен приговор, свидетельствуют о признании моих высоких и чистых намерений. Но штраф, преумноженный непостижимыми для меня судебными издержками, явно превосходит возможности вошедшей в поговорку бедности поэтов, и, ободренный доказательствами уважения, которые я получил от высокопоставленных друзей, и в то же время уверенный, что Сердце Императрицы открыто для сострадания всем невзгодам, как духовным, так и материальным, я задумал, после десяти дней колебаний и нерешительности, воззвать к милостивой доброте Вашего Величества и просить Вас вступить за меня перед г-ном Министром Юстиции¹²⁹.

Соблаговолите, сударыня, принять уверения в чувстве глубокого уважения, с которым я имею честь быть самым преданным и послушным слугой

Вашего Величества.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

наб. Вольтера, 19

61. МАДАМ ОПИК

[Париж,] 30 дек[абря] 1857

Конечно, мне есть из-за чего пожалеть себя, а главное, я удивлен и встревожен этим состоянием. Поможет ли переезд, ничего не могу сказать. Является ли это физическим недугом, который подавляет разум и волю, или это душевное малодушие, которое угнетает тело, — не знаю. Но то, что я чувствую, — так это страшный упадок духа, ощущение невыносимого одиночества, постоянный страх перед каким-то неясным несчастьем, полное неверие в собственные силы, абсолютное отсутствие желаний, невозможность найти хоть какое-нибудь развлечение. Станный успех моей книги и не-

нависть, которую она вызвала, некоторое время интересовали меня, но потом я снова сник. Видите, дорогая матушка, такое состояние вполне серьезно для человека, ремесло которого — порождать на свет и отделывать вымыслы. — Я без конца спрашиваю себя: «К чему это? К чему то?» Здесь подлинный дух сплина. — Конечно, вспоминая, что я уже испытывал подобные состояния и выходил из них, я мог бы не так сильно тревожиться о себе; но не помню, чтобы когда-нибудь прежде я падал так низко и так долго барахтался в состоянии тоски. Прибавьте сюда постоянную безнадежность из-за бедности, дерганье и перерывы в работе из-за старых долгов (*будьте спокойны, это не сигнал тревоги, рассчитанный на Вашу слабость. Время еще не подошло*, ПО МНОГИМ ПРИЧИНАМ, главные из которых — эта слабость и эта лень, которые я сам за собой признаю), обидный, отвратительный контраст между моей духовной почтенностью и этой зыбкой и нищенской жизнью, и, наконец, если уж все до конца, странные приступы удушья, а также кишечные и желудочные расстройства, которые преследуют меня вот уже целый месяц. Что бы я ни съел — удушье и колики. Если мораль способна принести физическое здоровье, то упорная и постоянная работа вернет мне здоровье, но ведь следует напрячь волю, а воля ослабла — порочный круг.

Если предположить, что мне хватит января, коли его правильно использовать, для того чтобы закончить то, что можно сделать только в Париже, а в феврале поехать и поработать у Вас над новыми вещами, смог бы я найти, если не в Онфлере, то, по крайней мере, в Гавре, учителя фехтования? Вернувшись к занятиям фехтованием, я удовлетворил бы потребность в физических упражнениях; и еще, смогу ли я найти, не в Онфлере, а в Гавре, бани, где можно было бы принимать душ и холодные обливания?

Коротко хочу сказать Вам, что мне помешало, нет, не поехать к Вам (я не мог), а ответить. Я боялся и огорчить Вас, и быть непонятым. На следующий день после смерти отчима Вы мне сказали, что я Вас опозорил, что Вы запрещаете мне (еще до того как я мог бы подумать, обращаться ли к Вам с этой просьбой) рассчитывать жить рядом с Вами. Потом Вы заставили меня принести унижительные уверения в дружеских чувствах г-ну Эмону. Будьте справедливы ко мне, матушка, я вынес все это с покорно-

стью и мягкостью, которые диктовались Вашим плачевным положением. — Но позднее, когда Вы писали письма, где были только брань и горечь, после Ваших упреков за эту проклятую книгу, которая, в конце концов, всего лишь *произведение искусства*, которое вполне поддается оправданию, Вы пригласили меня навестить Вас, дав понять, что отсутствие г-на Эмона предоставляло мне возможность пожить в Онфлере, как *если бы этот г-н Эмон был вправе закрывать или открывать передо мной двери к моей матери*, но заботливо посоветовали мне не делать в Онфлере долгов, — в то время, честное слово, я был так сбит с толку, так удивлен, что, вполне допустимо, я был несправедлив. Видите, какой долгий след оставило это письмо в моей памяти. Я не знал, на что решиться, что ответить; прочитав его, я впал в состояние невыразимого возбуждения и наконец, по прошествии двухнедельных колебаний, не зная, что предпринять, решил вообще ничего не делать.

Полагаю, матушка, Вы никогда не подозревали о моей невыносимой чувствительности. — Теперь мы так одиноки и так слабы, ибо я полагаю, что на брата нечего рассчитывать. Не попытаться ли нам стать радостью друг для друга?

Я должен сообщить Вам об одной неприятной истории, которую охотно скрыл бы от Вас, если бы она не указывала на то, что могут произойти и другие оплошности подобного рода. Наверняка это г-н Эмон расстарался. Несколько месяцев назад я обнаружил у торговца в пассаже «Панорамы» картину отца (нагая женщина, видящая во сне две обнаженные фигуры). У меня совсем не было денег, даже для того чтобы дать задаток, а потом в невыносимом потоке каждодневной суеты я и думать об этом забыл. — Как Вы полагаете, много ли таких промахов было совершено? — Мой отец был жалким художником; но все это старье имеет для меня моральную ценность.

Прощайте, дорогая матушка; напишите, что Вы думаете о своем здоровье, подходит ли Вам пребывание там и что Вы еще хотите жить долго-долго ради меня.

Обнимаю Вас и представляю себе, что Вы тоже меня обнимаете.

Ш А Р Л Ь

62. ВИЛЬМЕССАНУ, ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ «ФИГАРО»

[Париж,] [9] июня 1858

Сударь,

6 июня в «Фигаро» появилась статья («Люди будущего»), где я читаю: «некий г-н Бодлер якобы сказал, услышав имя автора “СОЗЕРЦАНИЙ”: — Гюго! Что такое этот Гюго?»¹³⁰.

Г-н Виктор Гюго стоит так высоко, что не нуждается в восхищении кого бы то ни было; но это выражение, которое в устах первого встречного оказалось бы свидетельством глупости, в моих устах звучит как невообразимая чудовищность.

Далее автор статьи дополняет свои инсинуации: «Г-н Бодлер теперь проводит жизнь, ругая романтизм и понося на чем свет стоит МЛАДО-ФРАНЦУЗОВ. Можно угадать причину такого поведения; гордыня вчерашнего Жувара¹³¹ подталкивает сегодняшнего Бодлера уничтожать своих учителей; но ему следует засунуть свое знамя в карман; зачем плевать против ветра?»

Если говорить на простом французском языке, это означает: «Г-н Шарль Бодлер — неблагодарный человек, который клеветает на учителей своей юности». Мне кажется, что, переводя этот отрывок, я смягчил его.

Я полагаю, сударь, что автор этой статьи — молодой человек, который еще не в состоянии отличить то, что позволено, от того, что не позволено. Он как будто шпионит за мной; явно осторожничая, ибо я его в глаза не видел.

Энергия, с которой «Фигаро» меня преследует, может внушить иным неблагонамеренным лицам или лицам столь же неосведомленным о Вашем характере, как Ваш журналист — о моем, мысль о том, что эта газета надеется снискать большее снисхождение правосудия в тот день, когда я буду просить защиты у того самого суда, что некогда меня осудил¹³².

Заметьте также, что в области критики (чисто литературной) я придерживаюсь столь либеральных взглядов, что мне по душе даже вольности. Если Ваша газета решит зайти еще дальше той критики, с которой она выступила в мой адрес (лишь бы в ней

не говорилось, что я бесчестный человек), мне это только в радость, ведь я лицо незаинтересованное.

Сударь, я пользуюсь случаем, чтобы сказать Вашим читателям, что все шутки по поводу моего сходства с писателями эпохи, которую никто не смог заменить, наполняют меня как нельзя более законным себялюбием и что мое сердце полно признательности и любви к знаменитым людям, которые одарили меня своей дружбой и советами, — тем, которым, в общем-то, я всем обязан, как это было точно замечено Вашим сотрудником.

Соблаговолите принять, сударь, уверения в моих изысканнейших чувствах.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

63. СЕНТ-БЁВУ

[Париж,] 14 июня 1858

Дорогой друг, я только что прочел Ваше сочинение о «Фанни»¹³³. Надо ли Вам говорить, насколько это очаровательно и как это удивительно видеть перед собой ум, который разом и пышет здоровьем, здоровьем геркулесовским, и в то же самое время отличается самым утонченным, самым острым, самым самочным характером? (По поводу слова «самочный» — я решил Вас послушаться и прочитать сочинение известного стоика¹³⁴. Несмотря на почтение, с которым я должен относиться к Вашему авторитетному мнению, я совсем не хочу, чтобы не оставалось места для галантности, рыцарства, мистичности, героизма — в общем, для всей этой преувеличенности и неводержанности, каковые, как ничто, очаровательны, даже в добропорядочности.)

С Вами следует быть циником; потому что Вы слишком проныцательны, чтобы хитрость не стала опасной. Ладно. Эта статья пробудила во мне страшную зависть. Столько сказано о Лёве-Веймаре¹³⁵ и о его заслугах перед французской литературой! Не найдется ли смельчак, чтобы сказать то же самое обо мне?

Какими нежностями, могущественный мой друг, добиться мне этого от Вас? Но ведь это не будет несправедливостью. И не Вы ли почти даровали мне такую возможность в самом начале? И разве «Приключения Пима» не повод для *общего* обзора? Вы так любите играть во всех глубинах, не хотите ли осмотреть глубины *Эдгара По*?

Вы догадываетесь, что моя просьба об этой услуге связана с намерением навестить г-на Пельтье. Когда мало денег и приходится обедать у старой любовницы, забываешь обо всем; но бывают дни, когда брань всех дураков вдруг ударяет Вам в голову, и тогда приходится умолять старого друга Сент-Бёва.

Действительно, на днях меня буквально втоптали в грязь, и (пожалейте меня, в первый раз чувство собственного достоинства мне изменило) я имел слабость ответить.

Я знаю, насколько Вы заняты и завалены делами, лекциями, выполнением всех Ваших обязанностей и обязательств и т. д. Но если бы иногда люди не проявляли немного чрезмерности в благодеяниях, в доброте, где были бы герои благодеяний? И если бы порой не говорили слишком хорошо об иных смельчаках, как отмылись бы они от той грязи, которой обливают их те, кому хочется говорить о них только гадости?

Наконец, я скажу Вам, как всегда, — да будет на все воля Ваша.

Всёцело Ваш. Я люблю Вас, как и Ваши книги, даже больше.

Ш. БОДЛЕР

64. ЭРНЕСТУ ФЕЙДО

[Париж.] Понедельник 14 июня 1858

Сударь,

В тот же самый вечер, как я получил Вашу книгу, я прочел ее, и утро не успело наступить, как я прочел ее во второй раз. Это действительно хорошая книга, основательная, ничего лишнего,

все ее составляющие хорошо пригнаны друг к другу, — словом, книга, которой суждена долгая жизнь. Полученное мной впечатление было таким острым, что я тотчас же стал Вам писать, не заботясь о том, чтобы осведомиться, дает ли мне право на такую фамильярность то, что я имел удовольствие встретить Вас единственный раз у нашего общего друга, и вот я начал письмо, полное только что полученных впечатлений, прямо-таки статью, которая чуть не вылилась в сорок страниц, если бы я не остановился на десяти, полагая более подобающим и скромным просто поблагодарить Вас за этот *настоящий подарок* и за все то удовольствие, которое Вы мне доставили. А потом дни, всегда наполненные разными заботами, потекли один за другим, и я без конца откладывал свою работу на завтра.

Я одалживал другим свой экземпляр, пустил его по рукам. Я услышал споры наивные, глупые, острые, и, невзирая на замечательную благопристойность Вашей книги, я снова услышал вопли задетого лицемерия. (Среди энтузиастов есть несколько человек, которые спрашивают, *существует ли особый тираж — несколько экземпляров на лучшей бумаге.*)

В целом Вы имеете право гордиться. Вы обладаете удивительно мощными аналитическими способностями. Вы придаете анализу *лирический* оборот и интонацию, которая является естественной для человека с тонкой нервной системой и *праздного*, единственного на самом деле человека, который подходит для любовных испытаний.

Из Ваших произведений я читал только несколько очаровательных стихотворений в прозе о Временах года, и я был далек от того, чтобы ожидать подобного проявления такого мощного и совершенно современного таланта.

Я разложил Вашу книгу на составляющие, я проанализировал ее конструкцию, и я нашел, или думаю, что нашел, методу, при помощи которой Вы ее написали. Я уверен, что от меня ничто не ускользнуло, ни искусство идей, ни искусство стиля (современная утонченность, парижский пейзаж, форма, которую принимают страдания и наслаждения человека нашего времени).

Вопреки тем, кто ропщет во имя попоранного целомудрия, я восхищаюсь благопристойностью способов выражения, которая увеличивает глубину испытываемого ужаса, и еще — это превосходное искусство и умение предоставить читателю возможность самому обо всем догадаться. — И вправду, лучше и не показывать ужасные следствия этих двух вещей — таких обыкновенных, наивных и легковесных, как *любовь и адюльтер*. И это непомерное чистосердечие любовника, который считает себя мужем и который, сам того не зная, становится натурально смешным, наподобие тех животных, что выглядят серьезными.

Но знаете ли Вы, что этого мужлана, толстяка-геркулеса, который *хочет* быть всех сильнее по жизни и таковым и является, знаете ли Вы, что этого всепобедителя, наделенного всемогущей милостью успеха, полюбят многие впечатлительные люди, причем предпочтут его *другому*?

Мне было бы любопытно узнать, прочла ли Жорж Санд Вашу книжку и какое впечатление она могла бы из нее вынести¹³⁶.

Я чувствую, что вот-вот вернусь к своей *статье*. Довольствуюсь тем, что прошу Вас принять уверения в моей всецелой симпатии. Вы даже не догадываетесь, насколько живой.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

65. АЛЬФОНСУ ДЕ КАЛОНУ¹³⁷

[Париж.] Среда 10 нояб[ря 18]58

Милостивый государь,

Хотя я все еще заставляю слишком долго себя ожидать, я не вполне собой недоволен. Я буду у Вас завтра вечером или послезавтра утром.

«Опиум» появится, очевидно, 30-го числа¹³⁸. Уверю Вас, было не очень-то легко уместить в ТЕСНОМ пространстве описание очень сложной книги, причем не опуская ни одного нюанса.

Вы сами увидите; это совсем другая интонация, чем в «Гашише»; это более *непосредственно* (на первый взгляд) и более отрывочно. Большое место занимают биографические детали; кроме того, что они забавны, они совершенно необходимы, чтобы служить ключом крайне субъективной фантазмагии «Опиума». Будем надеяться, что г-н Де Квинси напишет в Ваше издание прекрасное благодарственное письмо.

Ш. БОДЛЕР

Я начал писать о Ваших художниках; если Вы не против, я назову этот этюд «Мыслящие художники»¹³⁹; в заглавии будет легкий оттенок иронии, которая придаст ему остроту. Относительно Вашего друга г-на Жанмо¹⁴⁰, я начну с ходу (я хочу сказать, обратившись только к памяти и его стихотворному опусу), и если позже мы придем к выводу, что нужны уточнения, я поеду в Лион.

Работа над «Поэмами-ноктюрнами»¹⁴¹ начата.

Работа над новыми «Цветами Зла» также начата; но только я Вам отдам стихи не раньше, чем их будет достаточно, чтобы заполнить ЦЕЛЫЙ ЛИСТ. Суд требует заменить всего лишь шесть отрывков. Я заменю, может быть, *двадцать*. Профессора-протестанты с горечью будут констатировать, что я неисправимый католик. Я сделаю так, чтобы меня действительно поняли, — пасть как нельзя более низко, потом взлететь высоко. Благодаря такой методе я смогу опуститься до самых омерзительных страстей. Только абсолютно недобросовестные люди не поймут намеренной безличности моих стихов.

Что же до разброда, из-за которого я принимаюсь сразу за три вещи, пусть это Вас не беспокоит; такой у меня метод.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

Возможно, я попрошу у Вас позволения поместить в «Мыслящих художников» оценку «Юмористических сонетов»¹⁴². Все эти лионцы крепко стоят на ногах. Я знал когда-то Лион. Художники, поэты, философы — все они похожи друг на друга.

66. АЛЬФОНСУ ДЕ КАЛОНУ

[Париж.] Суббота 8 января 1859

Милостивый государь,

Прошу Вас об огромной, огромной услуге; поверьте, я не испытываю из-за этого никакого смущения; теперь мы уже довольно хорошо знакомы.

Первый аванс, который Вы мне заплатили, был более чем компенсирован «Гашишем». Второй аванс почти компенсирован имеющейся у Вас частью «Опиума», который пойдет в пандан «Гашишу», и более чем компенсирован, если прибавить цену стихотворений, что я Вам передал. Поэтому я имею право думать, что Вы мне доверяете и позволите мне попросить у Вас третий аванс, но на этот раз крупный; *monstrum ingens*¹⁴³: речь идет о 1000 франков, которых, может быть, хватит, чтобы помочь мне сбежать из Парижа. Знаете, вот уже год, как я упрямо вынашиваю этот проект. Я чудовищно тоскую; все мое время растрачивается в бесплодной беготне, так что я и вправду боюсь, что смогу разродиться последними страницами «Любителя опиума» только там, в том укромном уголке, о котором я Вам говорил.

Я знаю, что это довольно неудобная привычка — вот так брать деньги вперед, а потом их отрабатывать, но я всегда так делал: у Маласси, у Мишеля Леви и во всех газетах. И потом мне действительно не терпится сбежать отсюда; г-жа Опик ожидает меня, а так как было бы нехорошо беспокоить старую отшельницу, я скрываю от нее мои трудности и причины моей задержки.

После «Опиума», как Вам известно, будут «Художники-идеалисты»¹⁴⁴. Главную мысль Вы уже знаете. Век безумен и несет вздор по каждому поводу, но в особенности по поводу искусства из-за ЕРЕТИЧЕСКОГО смещения добра и красоты. Всякий искатель чистого идеала в области искусства — еретик в глазах Музы и искусства. Поэтому я буду говорить о художниках-идеалистах как о больных; иногда в них проявляется гениальность, но это больной гений, и т. д. и т. д...

После художников никаких литературных смесей, никогда, никогда, ни за золото, ни за серебро. Только романы или стихи. По поводу романов, раз уж я Вам пишу с полной откровенностью, позвольте представить несколько мелких соображений. Я мог бы и здесь развернуть мой вечный тезис: *Мораль* ищет *добро*, наука — *истину*, поэзия и иногда роман ищут лишь *прекрасное*. Каждый человек, который не умеет приложить свои способности к соответствующим целям, не является ни философом, ни художником; так вот, в Вас я вижу порой некую робость, и это охлаждает меня. Если бы я видел в Вас больше смелости и склонности к новизне, если бы я видел в Вас более прочную опору и находил в Вас большую поддержку, я мог бы дать Вам целую серию новелл удивительной природы, и в них не было ничего ни от Бальзака, ни от Гофмана, ни от Гюте, ни даже от По, а он ведь сильнее всех.

Когда мы к этому придем, я, предупреждаю Вас заранее, обращусь к Вашей доброжелательности и попрошу у Вас обновления нашего договора. 250 франков — это недостаточно для мозга, который может родить только при помощи акушерских щипцов. Ум, склонный к комбинированию и анализу, — самый медлительный из всех и всегда собой недоволен. Я принадлежу к тем (и нас очень немного), кто считает, что всякое литературное сочинение, даже критическое, должно быть сделано и отделано вручную ввиду определенной развязки. Все, даже сонет; судите сами, что это труд!

Мне кажется, я Вам все сказал; мне никогда не стать богачом, а мой талант раскроется лишь в одиночестве. До того как обратиться к Вам (по поводу этого аванса, который, возможно, спутает Ваши счета), я подумывал обратиться к одному министру, ведающему фондами для поддержки литературы. Но, кроме того, что в этом отношении я щепетилен (в последние годы я прибегал к этому средству раза два или три), хочу заметить, что, прежде всего, есть литераторы еще беднее, чем я, потом эти вечные проволочки, ну и, если сказать напрямик, министерства наши небогаты.

Когда просишь об услуге у друга, нужно его за это поблагодарить заранее. Это для меня прекрасный случай, чтобы Вас по-

благодарить не только за Вашу любезность, но и за все ценные литературные связи, которые Вы задействовали ради меня. Когда у меня появилась идея писать для «Ревю контампорен» и когда Вы мне сами это предложили, многие предупреждали меня о неминуемых дразгах и многочисленных сложностях. Но вот ведь что прекомично: не кому-то, а именно автору «Цветов Зла» была предоставлена в имперском издании гораздо большая свобода действия, чем где бы то ни было. И Вы мне предоставите еще большую свободу, не правда ли?

Уф! Вот уж предлинное письмо. — Пропавшая рукопись. — Сердечно Ваш, и передайте мое почтение г-же де Калон.

Ш. БОДЛЕР

67. ШАРЛЮ АССЕЛИНО

[Онфлер,] 20 февраля 1859

Дорогой мой, я буду Вам премного обязан, если Вы мне сообщите, вышла ли в свет моя «Пляска смерти»; *с посвящением Кристофу?*¹⁴⁵ Этюд должен был выйти в пятнадцатом номере. От де Калона, которому я отослал корректуру, я не получил ни слова.

Не могли бы Вы зайти в типографию Дюсесуа и сказать, чтобы они не тянули с корректурой Готье¹⁴⁶? Поскольку это было написано в чертовской спешке, я бы хотел ее просмотреть не торопясь. Но малейшая задержка с моей стороны в отсылке корректуры еще больше отдалит выход в свет статьи. У них было более чем достаточно времени, чтобы ее набрать; напомните им, что мне нужно прислать все (гранки и *рукопись*) в запечатанной бандероли с надписью «Деловые бумаги, г-ну такому-то, от господина такого-то» и с маркой. Намекните им также, что было бы очень важно для читателя, газеты и для меня, чтобы все было напечатано целиком, каким бы длинным ни вышел текст. Это создано для того, чтобы прочесть за один присест. Привет Гарде¹⁴⁷,

Валлону¹⁴⁸, Сазонову¹⁴⁹, Бабу¹⁵⁰, Буайе. Скажите Ламадлену¹⁵¹, что я написал несколько кощунственных вещей в духе Вольтера. Возможно, мне за это будет стыдно. К счастью, они написаны в лирическом стиле.

Если завтра вечером у меня будет «Готье» целиком, я точно смогу все отослать обратно послезавтра, а выйти статья могла бы в воскресенье.

Теперь о другом: постарайтесь добыть для меня у Эдуара Уссе¹⁵² все гравюры Мериона¹⁵³ (виды Парижа), мне нужны хорошие оттиски на китайской бумаге. Как говорит Дорина¹⁵⁴, *чтобы украсить нашу спальню*. Естественно, не нужно их записывать на мой счет; ведь я мог бы их купить. Теперь, когда прощена моя медлительность, я предполагаю, что это дело не слишком трудное.

В первых числах марта я поеду в Париж с чудовищным паке-том для Мореля: «Ворон» с пресловутым комментарием, «Метод композиции», который внушил Вам ужас¹⁵⁵; статья об *испанской живописи* (последние приобретения, но хотя об этом уже что-то было, статья должна пойти) и несколько *поэм-ноктюрнов*.

Я тысячу раз прошу у Вас прощения за то, что столько говорю о себе. Естественно, что мне необходимо поболтать с кем-нибудь. Впрочем, это редкий случай. Здесь я скоро разучусь говорить. У меня оживленная переписка с Маласси, который, по его словам, по возвращении был принят с триумфом. Это римская семья, сказал он мне.

Что до Вас, то Вы меня здорово рассмешили, описывая, как он грезит о новых скандалах в то время, пока ему готовят розги.

А Вы что поделяваете? Как себя чувствуете? Здесь стоят жуткие холода. Мне говорят, что тепло. Разумеется, не так холодно, как в Париже, но в другом роде. Холодно или жарко, здесь всегда влажно; никогда не бывает сухого воздуха. Поэтому мне кажется, что здесь *холоднее*.

А это совершенное чудовище, *старый шалопай*¹⁵⁶, что с ним? Вот ведь порочный человек, который умеет вызвать любовь к себе!

Местная хроника: я узнал от работающих в саду рабочих, что как-то раз, давно уже, кто-то застал жену мэра, когда она отда-

валась в исповедальне. Мне об этом рассказали, так как я спросил, почему церковь Святой Екатерины закрыта в часы, когда нет службы. Видимо, кюре с тех пор принял предосторожности против святотатства. Невыносимая особа, недавно она мне заявила, что знакомая с художником, чья роспись красуется на фронтоне Пантеона¹⁵⁷, задница у нее, что и говорить, превосходная. Не включает ли в себе эта провинциальная история плотских утех в святом месте всю классическую соль приснопамятных французских скабрезностей?

Остерегитесь рассказывать эту историю людям, которые могли бы разболтать в Онфлере, что Вы знаете ее от меня: ведь тогда мне придется бежать из этого спокойного уголка.

С этих пор мэр вынужден стирать рога, которые рисуют на его дверях.

А кюре, которого все называют здесь славным малым, — человек почти замечательный и даже эрудированный.

Я написал большое стихотворение, посвященное Максудюкани: от него содрогнется вся природа, но особенно любители прогресса¹⁵⁸. Прошу передать мое почтение Вашей семье и пишите мне. — Всецело преданный Вам

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Пожмите руку Банвилю и передайте ему, что я счастлив его скромным счастьем¹⁵⁹.

Ах, Боже мой! А дерево Вейо¹⁶⁰! Маласси никак не опомнится.

68. СЕНТ-БЁВУ

[Онфлер,] 21 февраля 1859

Мой дорогой друг, я не знаю, получаете ли Вы «Ревю Франсез». Но из опасения, что Вы это все-таки прочтете, я выражаю решительный протест против одной строчки (по поводу «Цветов Зла») на странице 181, где автор, человек, впрочем, весьма умный, проявляет несправедливость в отношении Вас¹⁶¹.

Однажды в одной газете меня обвинили в неблагодарности по отношению к столпам старого Романтизма, *которому я обязан всем*, как, вполне справедливо впрочем, говорил этот мерзопакостный засранец¹⁶².

На сей раз, перечитывая эту несчастную строчку, я сказал себе: боже мой! Сент-Бёв, знающий мою верность, но знающий и то, что я связан с автором, может вдруг подумать, что я был способен подсказать этот пассаж. — На самом деле все наоборот; я множество раз ссорился с Бабу, чтобы доказать ему, что Вы делаете всегда все, что должны и можете.

Недавно я говорил с Маласси об этой большой дружбе, которая делает мне честь и которой я обязан столькими хорошими советами. Злодей не оставлял меня в покое, пока я не преподнес ему письмо, которое Вы мне послали во время моего процесса¹⁶³ и которое, может быть, послужит планом для предисловия.

Написаны новые *цветы*, и весьма прихотливые. Здесь, на покое, ко мне вернулось мое краснобайство. Одно стихотворение («Пляска смерти») должно появиться пятнадцатого числа в «Ревю контампорен». Ибо отчасти из-за моего договора, а также в силу своего рода героического дендизма я остался с побежденным¹⁶⁴. Если Вам известно что-то новенькое или о ситуации де Калона или о развитии нового журнала, будет очень любезно с Вашей стороны мне об этом сообщить.

Я не знаю, советовались ли с Вами и каково Ваше мнение по этому поводу. Мое таково, что папаша Бюлоз должен радоваться и что особенно в области литературы нет ничего лучше монархии. Лучше первый встречный, чем редколлегия.

Я болтаю как человек, которому не с кем поговорить. Извините меня.

Я не забыл Вашего Кольриджа; но вот уже месяц я не получаю книг, а просмотреть 2400 страниц По — так себе работенка.

Пишите мне, *если будет время*. Всецело Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Онфлер. Кальвадос (этого адреса достаточно).

Как дела у *Старого Шалопая* (д'Оревиля)?

69. МАКСИМУ ДЮКАНУ

Шарль Бодлер.
Онфлер, Кальвадос.
Этого адреса достаточно.

[Онфлер,] 23 февраля 1859

Мой дорогой Дюкан, я записал номер Вашего дома, а где — не знаю. Снова потерял. Поэтому адресую письмо г-же Сабатье.

Я уже давно задумал одну вещь, которая была бы Вас достойна и свидетельствовала бы о моей симпатии к Вашему таланту. Получилось ли это у меня, судить Вам; но главное, получилось ли у меня Вам понравиться — вот в чем вопрос. Если систематически байронический тон этого небольшого стихотворения Вам не понравится, если Вы будете шокированы, например, моими шутивными выпадами против прогресса или же тем, что Путешественник мой признается, что в целом свете не видел ничего, кроме банальности, или уж еще не знаю чем, то скажите мне об этом без всякого стеснения; я напишу для Вас что-нибудь другое с совершенно такой же радостью. В здравом уме я не мог бы опубликовать эту вещь с посвящением Вам, не испросив у Вас сначала дозволения.

Я *обязан* дать эти стихи в «Ревю контампорен», который никто не читает. Но у меня есть все основания полагать, что Калон придет от них в ужас, в таком случае я буду волен поместить их, где мне заблагорассудится, и это будет не так уж плохо. Теперь вот *Monstrum ipsum*¹⁶⁵:

70. НАДАРУ

14 мая 1859
Онфлер

Мой добрый Надар, я будто душа, обреченная на вечные муки. По собственному легкомыслию я отпустил мать в небольшое пу-

тешество, не попросив у нее денег, и вот теперь я здесь один, у меня есть и мясо из лавки, и хлеб и т. п., но у меня нет ни единого су, и я оказался во власти целой кучи неудобств, проистекающих из этого бедствия. Я подумал, что, если тебя это не очень затруднит, ты будешь милосерден и вышлешь мне (увы, немедленно!) перевод на 20 франков, которые я тебе верну первого числа следующего месяца, если согласен не слишком сильно смеяться над таким обещанием. Мне правда нужно будет поехать в Париж. Я могу получить твой ответ послезавтра утром, если тебе будет угодно подумать обо мне до 5 часов. *III. Бодлеру, Онфлер, Кальвадос*; этого адреса совершенно достаточно.

Чтобы ты представил себе мои затруднения, а только они могут извинить столь смешную просьбу, вообрази, что мне *необходимо* провести несколько часов в Гавре (только не подумай, что в целях разврата или загула) и что я не могу этого сделать ввиду отсутствия того, о чем идет речь.

2

Здесь есть кафе, которое — случай необыкновенный — получает твою газету¹⁶⁶, так что я имею удовольствие наблюдать перед собой весь парад безумств, несправедливостей, похвал дуракам, — в общем, все причуды, составляющие всю исключительность натуры Надара. Недавно тебе довелось, насмехаясь над людьми, которые страстно любят или любили кошек, спутать По с Гофманом. Знай же, что у По нет никаких КОШЕК, кроме одного черного кота, которому вырезают глаз, вешают на суку и чей восприимчив, тоже косой, помогает раскрыть преступление¹⁶⁷. Недавно, не знаю почему, тебе пришла фантазия бросить мне в лицо неприятные слова из-за какого-то бельгийского или польского поэта. Мне тягостно слыть за Принца Падали¹⁶⁸. Ведь ты не читал многих моих вещей, в которых сплошной мускус и розы. Впрочем, ты настолько безумен, что, может быть, сказал себе: вот старик порадуетя!

Ты был бы сущим ангелом, если бы пошел на поклон к некоему Моро, торговцу картинами, на улицу Лафит, в особняк Лафит. (Я и сам ему поклонюсь, предложив пространный обзор испанской живописи, над которым сейчас работаю.) Вот бы тебе удалось получить разрешение сделать фотографический снимок с диптиха «Герцогиня Альба» Гойи (это архи-Гойя, архиподлинник). Копии (в натуральную величину) находятся в Испании, где их видел Готье. В одной раме Герцогиня в национальном костюме, в другой — лежит на спине обнаженная и в той же самой позе. Сама банальность позы усиливает очарование картин¹⁶⁹. Если бы мне случилось когда-нибудь прибегнуть к твоему премерзкому жаргону, я сказал бы, что Герцогиня — *престранная сучка*; злобная, волосы как у Сильвестра, грудь закрывает подмышку, да еще страдает косоглазием, разом и сходящимся, и расходящимся. А если наш сущий ангел окажется при деньгах, я бы посоветовал тебе их купить; такой случай больше не представится. Вообрази себе Бонингтона¹⁷⁰ или Девериа¹⁷¹, галантных и свирепых. Владелец хочет за них 2400 франков. Это, конечно, сущая мелочь для страстного любителя испанской живописи, но в то же время и очень много в сравнении с тем, что ему пришлось за них заплатить. Ведь он признался мне, что купил картины у сына Гойи, который жил в невероятной нужде. — Если ты скажешь этому человеку, что хочешь сделать с картин несколько фотографий, он побоится тебе разрешить, собственно, из-за того, что имя твое хорошо известно. Впрочем, поскольку красоту картин Гойи понимают обычно плохо, будет достаточно сделать только две репродукции, одну для тебя, другую для меня. Если ты пойдешь на это, не делай их слишком маленькими. Это отнимет у них какую-то долю их характеристики.

Что мне особенно неприятно, когда я все это тебе пишу, так это то, что я прекрасно понимаю, что, читая мои рекомендации, ты будешь хохотать как сумасшедший. — Но я еще не закончил.

Что это за немецкий художник, который написал что-то вроде волшебной или фантастической охоты, что продается у Гупиля? Мне все советуют к нему обратиться. Я не хочу, чтобы вечный друг Маласси Дюво¹⁷² делал фронтисписы для статей о По (портрет в эмблематических гирляндах), «Опиума и гашиша», новых «Цветов» и «Редкостей».

Ты сделаешь меня совершенно счастливым, если у кого-нибудь из толпы твоих знакомцев узнаешь *биографические* сведения об Альфреде Ретеле¹⁷³, авторе «Пляски мертвецов в 1848 году» и «Благой Смерти», которая идет в пандан к «Первому вторжению холеры в Оперу». Знаком ли ты с Кнаузом¹⁷⁴? Он должен что-то знать об этом.

Я сейчас в большом затруднении; до публикации «Редкостей» мне надо написать еще несколько статей о живописи (последние!), а сейчас я пишу «Салон», не видев его. *Но у меня есть буклет*. Если не считать того, что по нему довольно утомительно рассматривать картины, это замечательный метод, рекомендую. Боишься перехвалить или переругать, а в результате добиваешься непредвзятости.

Нужно ли тебе говорить о том, что из всех моих просьб самая настоящая — та, что касается *денежного перевода*?

Умоляю тебя, друг мой, не пиши мне, как ты это любишь, шуток на конверте.

Прошу прощения, что мешаю тебе при твоей ужасной занятости. Всецело твой

Ш. БОДЛЕР

71. НАДАРУ

16 мая 1859,

Онфлер

Дорогой мой друг, так как ты не из тех, кто насмехается над длинными письмами, ты не останешься внакладе; я с лихвой расплачусь за твои деньги — у меня два свободных часа. Прежде всего благодарю тебя не только за 20 франков, но главным образом за *одну превосходную и очаровательную фразу из твоего письма*. Вот подлинная и незыблемая декларация дружбы. Я не очень-то привык к нежностям.

Что же до комплиментов в мой адрес, то мое тщеславие ими пользуется, предоставляя тебе несколько отрывков, которые ты, без сомнения, еще не читал и которые вместе с другими неизданными вещами оживят, как надеюсь, мою одряхлевшую книгу. Ты сможешь убедиться, что я почти не прислушиваюсь к критике и погряз в своей *неисправимости*.

Теперь продолжаю письмо.

Если стихи Карского¹⁷⁵ (так ли?) действительно хороши, ты должен достать мне экземпляры, но насколько я мог понять, они в Париже не продаются.

Да, я хочу, чтобы ты преуспел в деле с Моро ради меня, но я убежден также, что и тебе будет приятно иметь хорошие снимки с этих необыкновенных картин.

Так ты не знаешь гравюры на дереве РЕТЕЛЯ? «Пляска мертвецов в 1848 году» продается сейчас за франк (шесть досок). «Благая Смерть» и «Вторжение холеры в Оперу» продаются, я думаю, за 7 франков. Это в немецкой книжной лавке, которая торгует также немецкими гравюрами, на улице Риволи около Пале-Рояля. Кто-то мне сказал, что Ретель расписывал какую-то церковь (кажется, в Кельне); а другие говорят, что он умер, третьи — что он в сумасшедшем доме. У меня есть его вещи, о которых я говорил выше, и мне хотелось бы знать, есть ли другие его гравюры.

Немецкого художника, имени которого я не знаю, мне указал Рикар¹⁷⁶, который утверждает, что у того талант как раз в области иллюстраций и фронтисписов. На эту *охоту* следует взглянуть.

Да, конечно, я подумывал о Доре; я только не припоминаю, сами ли я, хорошенько подумав, отказался от него из-за какой-то ребячливости, так часто проглядывающей сквозь его талант; или же это из-за антипатии, которую питает к нему Маласси. В последнем, впрочем, я не очень уверен.

Вот книги и брошюры, которые я собираюсь опубликовать в скором времени: *сборник критических статей о По* (здесь будет портрет (я беру на себя предоставить детали, необходимые для портрета), окруженный аллегорическими фигурами, изображающими основные идеи его творчества, — примерно как голова Иисуса Христа среди атрибутов Страстей) — все это, если возможно, в неистово романтическом стиле;

— «Опиум и гашиш»: аллегорический фронтиспис, изображающий все наслаждения и муки, которые я живописал;

— «Собрание критических статей об изящных искусствах и литературе». Думаю, Маласси не захочет фронтисписа.

— Второе издание «Цветов». Здесь будет древовидный скелет, ноги и ребра образуют ствол, руки, раскинутые крестом, покрыты только что распустившимися листочками и почками, они прикрывают множество горшочков с ядовитыми растениями, расставленных рядами, как в теплице. Эта идея появилась у меня, когда я листал историю «Плясок Смерти» Гиацинта Ланглуа¹⁷⁷.

Вернусь к Доре. У него необыкновенный талант придавать облакам, пейзажам и домам положительно сверхъестественный характер; это меня вполне бы устроило; но люди! Даже в лучших его рисунках всегда есть что-то наивное. Что до «Божественной комедии», ты меня очень удивил. Как ты мог выбрать этого поэта, самого серьезного и самого печального? Но ты, впрочем, видишь, что я-то хочу вернуться к системе древних фронтисписов, но в ультраромантическом стиле.

Ну и чтобы закончить с этим, среди просмотренных кандидатов я остановился на Пангии¹⁷⁸ и Нантёе¹⁷⁹. Но я не знаю, согласится ли Пангии, что же касается Нантёя, я боюсь, как бы он не перелил воды в свое вино, боюсь также, что он не сумеет воссоздать те крайности выразительности, которые некогда предоставил к услугам Виктора Гюго. Тем временем эти два

имени имеют для меня то преимущество, что смогут воплотить романтический смысл в полном согласии с моими вкусами, отвечая самым своим фанфаронством неблагодарности и небрежности нашего века.

Но кроме всего прочего, совершенно неприлично обратиться к именитому художнику и предложить ему небольшую работу, в которой со мной ему будет сложно, прежде чем я буду совершенно уверен в том, *что она будет достойно оплачена*.

Если ты все-таки, учитывая все эти ограничения, сможешь мне кого-то порекомендовать, не задевая пока меня самого, заранее выражаю тебе мою благодарность.

Что касается Салона, увы! Я приврал, совсем немножко! Я сходил туда ОДИН раз, чтобы поискать что-нибудь новенькое, но нашел очень мало; что до старых мастеров или просто уже известных, я доверился своей старой доброй памяти, возбуждая ее буклетом. Повторяю, это неплохая метода, при условии если в совершенстве знаешь *свой личный состав*.

Среди прочих воистину изысканных вещей, на которые никто и никогда не обратит внимания, посмотри в большом квадратном зале, в глубине слева, где нагромодили кучи преуморительных религиозных творений, на две небольшие картины.

Первая: 1215, «Сестры милосердия» Амана Готье.

Вторая: 1894, «Молитва к Деве Марии» Альфонса Легро. Стилль не особенно возвышенный, но картина очень проникновенна.

Среди скульптур я тоже нашел (в одной из аллей Сада, недалеко от выхода) вещь, которую можно назвать *скульптурно-романтической виньеткой*, она очень красива: девушка и скелет, возносящиеся ввысь, как на Успении; скелет обнимает девушку. Правда, скелет частично скрыт и как бы окутан саваном, под которым он угадывается. Поверишь ли: я *три раза строчку за строчкой прочел* каталог скульптуры, и было совершенно невозможно найти там что-нибудь похожее. По-видимому, животное, сделавшее эту красивую штуку, назвало ее «Любовь и дичь» или другим названием в духе Конт-Каликса¹⁸⁰, раз невозможно найти название в буклете. Прошу тебя, постарайся найти название и имя автора¹⁸¹.

Что до «Герцогинь Альба», я бы тебе повторил, что, если бы ты не был в очень стесненном положении, было бы неплохо заполучить эти картины за умеренную цену.

Поскольку ты счел уместным набросать в конце письма немножко политики, я сделаю то же самое. Я себя двадцать раз убеждал, что не интересуюсь политикой, но при каждом важном вопросе меня вновь и вновь охватывают любопытство и страсть. Очень давно уже я наблюдал за этим итальянским вопросом и ожидал его. Гораздо раньше истории Орсини. Было бы несправедливо говорить по этому поводу, что Наполеон выполнил завещание Орсини¹⁸². Тот был честным человеком, но слишком потропился. Император уже давно размышлял об Италии и надавал множество обещаний всем приезжающим в Париж итальянцам. Я восхищаюсь тем, с какой покорностью он отдается фатальности; но его спасает сама эта фатальность; кто сегодня думает о Морни, о Гран-Сентраль, о Бомоне-Васси и о сорока тысячах мерзостей, которые так недавно нас занимали¹⁸³? Вот Император и чист. Ты увидишь, дорогой мой, что ужасы, совершенные в Декабре, скоро забудутся. В общем и целом, он отнимает у Республики честь великой войны. Читал ли ты великолепную речь Жюль Фавра в Законодательном собрании в последние дни прошлого месяца или в первых числах мая? Он четко обосновал необходимость и неотвратимость революции. Председатель и министры его прерывали. А он, похоже, говорил от имени Императора. А когда по поводу Гарибальди виконт де Латур, ничтожный бретонский ханжа, сказал, что Франция питала надежду не запачкаться подобными союзами, председательствующий (Шнейдер) остановил его, сказав, что депутат не имеет права оскорблять союзников Франции, *кем бы они ни были*.

Политика, дорогой друг, — бессердечная наука. Ты никак не хочешь этого признать. Если бы ты был Иезуитом и Революционером, каким и полагается быть каждому настоящему политику, каким он неизбежно является, ты бы не сожалел так об отброшенных в сторону друзьях. Понимаю, что внушаю тебе ужас; но скажи, заметил ли ты, как кстати вышла *дипломатическая переписка Жозефа де Местра*, опубликованная г-ном Кавуром¹⁸⁴? В этих

письмах, замечу, Папа изображен Полишинелем. Какой удар против Австрии! Пьемонт держал эти письма в запасе и вбросил их в подходящий момент.

Я думаю только, что Император, устраивая все к лучшему, будет покрыт славой и всеобщим благословением, трудности возникнут, когда придет время воспользоваться плодами победы.

Что же до личных горестей, друг мой, смирение и еще раз смирение.

Когда я приеду к тебе, то расскажу о своих горестях, а они накапливаются; наверное, ты почувствуешь ко мне жалость. Я искренне думаю, что жизнь должна быть постоянным страданием, за исключением разве что узкого круга молодых людей, умных, богатых (*и не имеющих семьи!*), которые не ценят своего счастья.

Твой

Ш. Б.

А теперь, если хочешь посмеяться, почитай Лимейрака, Витю и Гр[анье] де Кассаньяка. Оказывается, мы отправляемся в Италию, чтобы задушить гидру революции. Если говорить серьезно, все это бессмысленное лицемерие.

72. НАДАРУ

[1859 ?]

КЛЕРЖОН В АДУ¹⁸⁵

(Входит решительно, как все робкие люди.)

Сразу просит принести *устав* Ада и пытается уличать Чертей в грехах.

Уже на первом общем собрании выступает с жалобами, утверждая, что огонь *подменили*.

Испуганный ропот всех Проклятых, которые находят, что и так достаточно жарко.

«ДА НЕТ ЖЕ!» — говорит Клержон.

Также жалуется на то, что *некоторые посторонние люди* проскользнули в Ад, тогда как заслуживают не больше чем *Чистилища*. «Мы хотим видеть здесь только равных, — говорит он. — Каждому следует доказать, что он совершенный злодей!

Я надеюсь, что у меня достаточно заслуг, чтобы потребовать у каждого предъявить свои».

Так как он всем осточертел, его швыряют в бездонную пропасть, откуда он вскоре поднимается с беспремерной ловкостью. Потому что надежда быть замеченным Прозерпиной придает ему силы, пропорциональные трудностям подобного предприятия.

Он проскальзывает в *Щели*, ему одному известные, и отправляется ожидать выхода Королевы Ада у *маленькой дверцы*.

Он следует за ней по тайной лестнице, и едва она входит в спальню, он бросает на комод пятнадцать франков, которые Черти, обыскивая его при входе, забыли у него отнять. — *Это для Вас, крошка!* — восклицает он зычным голосом. — Вот как проклятый, ТАКОЙ КАК Я, умеет унижить Королеву, изменяющую своему мужу!

Прозерпина, которая за шесть тысяч лет еще не видела такого грубияна, хочет повеситься на шнурке от звонка.

Но Клержон времени не теряет; он воспользуется самыми последними секундами; он обесчестит Прозерпину; он переспит с ней, не зря же он старался. Он бросается на нее и втыкает свою елду ей прямо в глаз.

Прозерпина испускает душераздирающий крик!!!!

Весь Ад встает вверх ногами. Клержон, довольный беспорядком, который произвел, подпирает бок кулаком и восклицает неподражаемым фальцетом: *Ха! Ха!*

Тем временем Плутон, который в глубине души добрый малый, спрашивает его, зачем он делает подобные глупости, и Клержон

ему отвечает, сунув руку в карман жилета: — Я полагал, что в Аду отнюдь не неуместно обнаружить свое благородство; ха! ха! Если я ошибся (*со смирением и достоинством*), я готов понести все те наказания, которые вы приберегаете для тех, чья дерзость превосходит ваши ожидания.

Плутон добродушно возвращает ему очки, упавшие в этой заварушке.

Хотя никто на него не сердится, а окривевшая на один глаз Прозерпина только и нашлась, что сказать: «Ну и проказник!», Клержон полагает, что благоразумнее было бы удрать.

От каждого его шага дрожат горы. Он удирает! Он удирает!

На покрытой раскаленными углями равнине он замечает Надара, который ловит саламандр для своей коллекции, и кричит ему на бегу:

— *Кусай себе локти, Славный Надар! Мы и без тебя победили!*

Ведь он уверен, что поймел Прозерпину!

Как ты видишь, замысел жив и поныне, несмотря на прошедшие пятнадцать лет!

72 bis. ФИРМЕНУ МЕЙЯРУ¹⁸⁶

[Алансон,] 6 июля [1859]

Сударь, я нахожусь у моего друга Огюста в Алансоне и просматриваю Вашу остроумную книгу о *парижской Франции*. Я был бы уж совсем дурно воспитанным человеком, если бы не принял с удовольствием все то лестное, что Вы говорите по моему поводу. Но я вынужден Вас уведомить, что я не сухощав, не костляв и совсем не столь отвратителен, как попытались представить меня на страницах «Фигаро». Что же до анекдота об орехах и детских мозгах, который я уже где-то читал, то он есть игривая выдумка моего друга Форсе, художника, ученика Делакруа.

Мне самому однажды показали некоего господина Бодлера, который был весьма неприятен, и эта путаница нисколько не порадовала мое тщеславие! Поверьте, тем не менее, сударь, что я не способен оставить без внимания все лестное в Вашей статье, обратившись с жалобой в стиле г-на Леузона-Ледюка¹⁸⁷.

Ш. БОДЛЕР

Еще одно слово или, если позволите, совет: в таких легковесных сочинениях, сочетающих в себе биографию и критику, не стоит намекать на то, что человек мог разрушить свое здоровье развратом. Притом *плотские страсти* никогда и никому не придавали оригинальности.

Прошу Вас простить мне этот легковесный *постскрипtum*.

73. ВИКТОРУ ГЮГО

[Париж.] Пятница
[23 ?] сентября 1859

Сударь, я очень нуждаюсь в Вашей помощи и взываю к Вашей доброте. Несколько месяцев тому назад я написал о моем друге Теофиле Готье довольно большую статью, которая вызвала такой хохот среди дураков, что я счел возможным превратить ее в небольшую брошюру, хотя бы для того чтобы доказать, что я ничуть не раскаиваюсь. — Я попросил работников газеты прислать Вам номер. Не знаю, получили ли Вы его; но от нашего общего друга г-на Поля Мёриса я узнал, что Вы были так добры, что написали мне письмо, *которого я не получал*. В «Артисте» сочли возможным послать его на домашний адрес, по которому я уже давно не проживаю, вместо того чтобы отправить его в Онфлер, мое настоящее местожительство, где ничего не пропадает. Я не могу догадаться, имеет ли Ваше письмо прямое отношение к статье, о которой идет речь, но как бы то ни было, я испытываю горькое сожаление. — Письмо от Вас, сударь, а ведь мы так давно не виделись, от Вас, кого я в жизни видел всего два раза, причем лет

двадцать тому назад, представляет собой нечто невероятно приятное и драгоценное! — Следует, однако, Вам объяснить, почему я допустил такую поразительную неучтивость, что послал Вам свое сочинение без сопроводительного письма, без выражения уважения, без свидетельства моего почтения и верности. Один из тех дураков, о которых я говорил (дурак слишком остроумный, я хочу сказать, ума колкого, но небольшого), сказал мне: «Как! Вы имели наглость послать эту статью г-ну Гюго! Вы не чувствуете разве, что доставите ему неприятность!» — Вот уж, конечно, ужасная глупость. И вот, сударь, хотя я и знаю, что гений естественно включает в себя как дух критики, так и обязательную снисходительность, я оробел и не посмел Вам написать.

Теперь я должен объясниться. Я знаю Ваши сочинения наизусть, и Ваши предисловия доказывают мне, что я вышел за рамки теории о связи морали и поэзии, которую Вы обычно излагаете. Но в наше время, когда мир с ужасом бежит искусства, когда люди позволяют одурачивать себя куцей идеей полезности, мне показалось, что не будет ничего дурного, если я несколько усилю противоположную мысль. Возможно, выступление мое было слишком громким. Это для того, чтобы получилось в самый раз. Наконец, даже если в мои размышления примешалось немного азиатского фатализма, я думаю, меня можно извинить. Ужасающий мир, в котором мы живем, придает нам тягу к уединению и фатальности.

Главное, я хотел вернуть мысль читателя к той замечательной литературной эпохе, истинным королем которой были Вы и только Вы. Она живет во мне, подобно сладостному детскому воспоминанию.

Относительно же писателя, который стал героем моей статьи и чье имя послужило поводом для моих критических размышлений, я могу Вам сказать, *строго конфиденциально*, что я сознаю изъяны его удивительного ума. Сколько раз, размышляя о нем, я испытывал огорчение, что Богу было не угодно проявить к нему совершенное великодушие и щедрость. В статье я не лгал, я просто обходил острые углы, кое-что скрывал. Если бы я был призван поклясться перед правосудием, и если бы мое исключительно

правдивое свидетельство могло повредить существу, обласканному самой Природой и милому моему Сердцу, то я бы с гордостью солгал, клянусь Вам; ведь законы стоят ниже чувства, ведь дружба по природе своей является непоколебимой, непокорной. Но перед Вами ложь кажется мне абсолютно бессмысленной.

Вы нужны мне. Мне нужен голос более звучный, чем мой собственный и чем голос Теофиля Готье, — Ваш диктаторский голос. Я хочу чувствовать себя защищенным. Я покорно напечатаю все, что Вы сообразовали мне написать. Умоляю Вас, не стесняйтесь себя. Если в гранках статьи Вы найдете что-то достойное порицания, знайте, что я обнародую Ваше осуждение покорно и без лишнего стыда. Разве не станет Ваша критика мне лаской, ведь она сама по себе огромная честь?¹⁸⁸

Стихи, посылаемые вместе с этим письмом, давно уже играли в моем мозгу¹⁸⁹. Второй отрывок был сочинен как *подражание Вам* (посмейтесь над моим самомнением, я сам над ним смеюсь), после чтения некоторых стихов из Ваших сборников, в которых такое великолепное милосердие соединяется с такой трогательной простотой. В художественных галереях я часто видел жалких подражателей, которые копировали работы мастеров. Хорошо ли, плохо ли были сделаны эти копии, но художники, сами того не подозревая, вносили в них что-то от себя, от своей натуры, великой или банальной. Может быть (быть может!), это и будет извинением за мою дерзость. Когда «Цветы Зла» снова выйдут в свет, насыщенные материалом, превышающим в три раза то, что изъято по воле Правосудия, я буду иметь удовольствие предпослать этим стихам имя поэта, произведения которого меня многому научили и составили истинное наслаждение моей молодости.

Вспоминаю, что после той публикации Вы адресовали мне один странный комплимент по поводу моего *клейма*, названного Вами *наградой*¹⁹⁰. Тогда я этого не понял, потому что был во власти гнева из-за потери времени и денег. Но сейчас, сударь, я это понимаю *очень хорошо*. Я распрекрасно чувствую себя со своим *клеймом* и знаю, что отныне, к какому бы литературному жанру я ни обратился, я вовек останусь чудовищем и оборотнем.

С некоторых пор, благодаря амнистии, Ваше имя у всех на устах. Простите ли Вы мне то, что на *четверть секунды* меня охватило беспокойство? Вокруг меня все говорили: наконец Виктор Гюго вернется! — Я же находил, что слова эти делали честь сердцу этих славных людей, но не их уму. Вы написали заметку, которая нас утешила¹⁹¹. Я прекрасно понимал, что поэты *стоят* всех Наполеонов и что Виктор Гюго не может быть менее велик, чем Шатобриан.

Мне говорят, что Вы живете в высоком и поэтическом жилище, которое похоже на Ваш дух, и что Вы чувствуете себя счастливым среди грохота волн и ветра. Ваше счастье никогда не сравнится с Вашим величием. Мне говорят также, что Вы испытываете сожаления и ностальгию. Наверное, это неправда. Но если это так, Вам хватило бы одного дня в нашем печальном, нашем скучном Париже, в нашем Париже-Нью-Йорке, чтобы Вас окончательно излечить. Если бы у меня не было здесь обязанностей, я удалился бы на край света. — Прощайте, сударь; если когда-нибудь мое имя будет с благосклонностью упомянуто в Вашем благословенном семействе, я буду счастлив.

Ш. БОДЛЕР

Гранки мне не нужны. Еще какое-то время я буду в Париже, отель «Дьеп», улица Амстердам.

73 bis. ВИКТОРУ ГЮГО

[Париж,] 10 октября 1859

Тысяча благодарностей, сударь. Вы обошлись со мной как с человеком, и так, как мне и хотелось¹⁹². Как мне выразить Вам свою благодарность, я еще не знаю, но я найду такой способ.

Сегодня вечером я ужинаю у г-на Мёриса, мы с огромной радостью будем говорить о Вас.

Я только что прочел «Легенду»¹⁹³. Испытал что-то необыкновенное; нечто похожее на ощущения «Любителя опиума», которому

видится, как нации, расы, века проникают сквозь стену его комнаты и проходят перед его глазами.

Искренне Ваш, полностью Ваш. От Всего Сердца.

Ш. БОДЛЕР

74. ИППОЛИТУ ДЕБОРД-ВАЛЬМОРУ¹⁹⁴

[Париж,] 30 нояб[ря 18]59

Милостивый государь,

Один из моих друзей, г-н Крепе, предпринимает вместе с г-ном Жидом крупное и весьма интересное издание. Это галерея французских поэтов с самых истоков. Портрет и выдержки из каждого из них. Мне было поручено воздать должное Вашей замечательной матери, и я полагаю, что нашел для этого подобающие слова. Г-н Крепе боится, что не найдет соответствующего великодушия у г-на Шарпантье. Если возникнут трудности с правами на публикацию цитат, не могли бы Вы их сгладить? И не могли бы Вы в то же время и с той же целью написать для г-на Крепе рекомендательное письмо на имя г-на Поля де Мюссе?

Примите, сударь, уверения в моей симпатии и моей преданности.

Ш. БОДЛЕР

75. ВИКТОРУ ГЮГО

[Париж,] 7 декабря 1859

Сударь,

Вот стихи, написанные для Вас и с мыслями о Вас¹⁹⁵. Надо судить их глазами не строгими, но отеческими. Шероховатости будут

сглажены позже. Для меня было важно сразу же высказать все те внушения, что может содержать в себе какое-то происшествие, образ, а также то, как вид страдающего существа, животного или птицы, обращает мысль ко всем, кого мы любим, кого нет с нами и кто страдает, кто лишен чего-то такого, что уже никогда не обрести.

Соблаговолите принять мой маленький символ как слабое свидетельство симпатии и восхищения, которые внушает мне Ваш гений.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Простительное тщеславие толкает меня на то, чтобы обратиться к Вам с небольшой просьбой. Я знаю, что г-н Мёрис послал Вам номер «Ревю интернасьональ», где напечатана статья о «Легенде веков». В том же номере есть отрывок поэмы По о зарождении и разрушении Миров¹⁹⁶. Я ужасно боюсь, как бы Вам не вздумалось это прочитать. Это напечатано *более чем неподобающе* и вызовет жалкое впечатление о По и его переводчике. Нет необходимости говорить Вам, что, когда издатель перепечатает это сочинение, для Вас будет оставлен экземпляр. Я питаю страшное и почти личное тщеславие в отношении этого поэта и не хочу, чтобы он и я вместе с ним были обесчещены в Ваших глазах из-за глупости наборщика.

Простите за эти трепетные суеты ремесла.

Ш. Б.

76. ВИКТОРУ ГЮГО

Париж, 13 декабря 1859

Сударь, я с удовлетворением узнал, что г-н Мерион и его издатель и друг г-н Делатр решили послать Вам экземпляр прекрасных композиций некоторых видов Парижа, которые один из них на-

рисовал и гравировал, а другой, тоже художник в своем роде, заботливо издал. Я пользуюсь этим случаем, чтобы присоединить к ним отрывок из одной работы об изящных искусствах, в которой Ваше имя снова явилось под моим пером. Вы ведь в изгнании; разве это не самый удобный случай, чтобы Вам поклониться?

.....Здесь недостает не только морских пейзажей, а это такой поэтический жанр!¹⁹⁷ (Я не считаю маринами военные баталии, которые разыгрываются на воде.) Не хватает также жанра, который мне хотелось бы назвать пейзажем больших городов, то есть того слияния красоты и величия, которое проистекает из огромного скопления людей и памятников, сложного и глубокого очарования вековой столицы, состарившейся в славе и бедах жизни. Несколько лет тому назад один сильный и особенный человек, как говорят — морской офицер, начал серию офортов с самых живописных видов Парижа. По четкости, тонкости и точности рисунка г-н Мерион напоминает старых и самых превосходных офортистов. Я редко видел, чтобы так изображалась естественная и торжественная поэзия огромного города. Величие собранного камня, колокольни, указующие в небо, словно персты, обелиски заводов, выблевающие клубы дыма прямо под небесные своды, поразительные строительные леса вокруг реставрируемых памятников, накладывающие на твердь архитектуры свою ажурную архитектуру столь парадоксальной красоты, бурное небо, начиненное гневом и злобой, открывающиеся дали проспектов, углубляющиеся при мысли о всех заключенных в них драмах, — здесь не забыт ни один из этих сложных элементов, из которых складывается болезненный и славный пейзаж цивилизации. Если бы эти превосходные эстампы увидел Виктор Гюго, они, наверное, пришлось бы ему по душе; он обрел бы достойное изображение своих строк:

Изида в темном покрывале,
Гигантским пауком прозвали

Тебя, владычицу идей!
 Ты всюду протянула нити,
 Источник, спрятанный в граните,
 Как будто шепчущий: «Прильните!»
 Всем поколениям людей.

Грозе на откуп отдан город!¹⁹⁸

Пер. Р. М. Дубровкина

Но жестокий демон сразил мозг г-на Мериона; таинственный бред смешал способности, которые казались столь же крепкими, сколь и блестящими. Внезапно прервались его труды и нарождающаяся слава. И с тех пор мы с тревогой ожидаем утешительных новостей об этом моряке, ставшем в один день могучим художником, который попрощался с величавыми приключениями Океана, чтобы живописать черное величие самой беспокойной из всех столиц мира.

Еще мне жаль, и здесь, наверное, я, сам того не ведая, повинуюсь обыкновениям своей молодости, романтического пейзажа или даже пейзажа романического, что существовал уже в восемнадцатом веке. Наши пейзажисты слишком травоядные существа. Они не питаются в свое удовольствие видами руин; небеса и пустыни внушают им страх, если не считать редких мастеров вроде Фромантена¹⁹⁹. Мне жаль огромных озер, что воплощают неподвижность в счастье и в отчаянии, высоких гор, поднимающихся лестницами от земли к небу, откуда все, что казалось большим, кажется крохотным, замков и крепостей (да, мой цинизм доходит даже до этого), зубчатых стен средневековых аббатств, что отражаются в сумрачных прудах, гигантских мостов, головокружительных ниневийских построек, — словом, мне жаль всего того, что следовало бы выдумать, если этого не существовало.

...В общем, среди пейзажистов я нашел лишь таланты исключительно благоразумные или детские, отличающиеся превеликой леностью воображения. Ни у кого из них я не обнаружил естественного и столь естественно выраженного очарования саванн и прерий Кэтлина (держу пари, они даже не знают, кто такой Кэтлин²⁰⁰), не нашел сверхъестественной красоты пейзажей

Делакруа, равно как великолепного воображения, разливающегося, подобно тайне по небесам, по рисункам Виктора Гюго. Я говорю о его рисунках тушью; ведь всем ясно, что в поэзии наш Поэт — король пейзажистов.

ШАРЛЬ БОДЛЕР — «Салон 1859 года»

77. ШАНФЛЕРИ

[Париж, середина декабря 1859]

В 11 или в 6 часов ежедневно.

Дорогой друг,

Дюранти сказал мне: «Шанфлери купил несколько вещей Гиса²⁰¹». Я наудачу вхожу к ужасному Торговцу с площади Пигаль (исключительно по наитию, поскольку Дюранти не дал мне никаких указаний) и говорю ему: «Ведь это Шанфлери Вы продали Гиса?» — «Да, сударь. — И он даже сказал мне, *что он купил их для Вас*». Тогда я мысленно Вас поблагодарил, и теперь весь в ожидании.

Не передадите ли Вы мне также книгу?

Искренне преданный Вам

ШАРЛЬ БОДЛЕР

78. АЛЬФОНСУ ДЕ КАЛОНУ

Четверг, 5 января [1860]
(Полночь)

Дорогой де Калон,

Я долго колебался, не зная, не навестить ли мне Вас сегодня вечером. Мне помешало мое отвращение к спорам! Я хочу написать

Вам со всей откровенностью и хочу также, чтобы Вы мне поверили, когда я утверждаю, что пишу Вам без всякой обиды.

От дружбы, которую Вы мне, похоже, внушили, ничего не убедит, но я хочу предупредить Вас, что, сколь добрым и сердечным Вы бы ни были, я больше не буду следовать Вашим указаниям, кроме уже оговоренных исправлений. Потому что я, разумеется, считаю своим долгом предоставить Вам конец «Опиума».

Конечно, я буду и впредь держаться договора, предоставив Вам до двенадцати листов (по окончании «Опиума» за мной останется около четырех) своих текущих сочинений; но я хочу, чтобы прекратились все эти колебания, сокращения и переделки. Иначе говоря, после того как я Вам выдам объем в двенадцать листов, я буду считать себя свободным независимо от того, примете Вы их или отвергнете.

Примите же во внимание, с какими предосторожностями я высказываю вещи, которые мне крайне неприятно говорить. Мое имя и мой литературный талант должны были бы — и так обычно и было — оградить меня от этих жалких придилок классического *главного редактора*, и даю Вам честное слово, Вы первый, к кому я отнесся с такой почтительностью.

Вот и этим утром! Я долго искал и обдумывал начало статьи. Наконец я нашел начало, которое по своей торжественности похоже на первые звуки оркестра. Но бабах! Вы считаете, что было бы более правильным поместить в начале некролог.

И это о писателе, коего мне известны десять томов, а написал он их, может быть, все тридцать!

О человеке, который является главой целой школы! Двадцать строчек некролога! Возьмите кого угодно в свидетели.

Подводя итог, повторю:

Существует некая степень возраста и науки, когда подобные наставления неуместны. Вы вредите мне и, разумеется, вредите самому себе; я обещал сократить два отрывка во второй части, которые я рассматриваю как классические для этого автора, — я это сделаю. Но потом я взбунтуюсь.

Покажите мое письмо любому из Ваших друзей (конечно, умному человеку) и увидите, что Вам скажут.

Впрочем, искренне Ваш, не сомневайтесь в этом.

Если бы подобный разрыв должен был произойти и если бы я оказался в чем-то Вашим должником, поверьте, я сумел бы расплатиться.

Ш. БОДЛЕР

79. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж.] Вечер воскресенья,
8 января 1860

Я пишу Вам поздно вечером, и оно того стоит.

Г-н Мерион прислал мне свою карточку, и мы повидались. Он мне сказал: «Вы живете в отеле, название которого должно было Вас привлечь, я предполагаю, по сходству с Вашими вкусами». — Тогда я посмотрел на конверт его письма. Там было: *Отель «Фивы»*, и все-таки письмо его до меня дошло²⁰².

На одном из своих офортов он заменил небольшой воздушный шар тучей хищных птиц, а когда я ему заметил, что столько орлов в парижском небе кажутся неправдоподобными, он ответил, что все это не лишено оснований, потому что *эти люди* (правительство императора) часто запускали орлов, чтобы, следуя ритуалу, изучать предсказания, и что это было напечатано в газетах, даже в «Монитёр».

Я должен сказать, что он никоим образом не скрывает своего почтения ко всяческим суевериям, но он их плохо объясняет и повсюду видит интриги.

На другом своем офорте он мне указал, что тень, отбрасываемая одной из опор Нового моста на боковую стенку набережной, в точности представляет собой профиль сфинкса, что с его стороны это не было умышленным и что он сам заметил эту странность только через некоторое время, вспомнив при этом, что рисунок был сделан незадолго до государственного переворота. Так

вот, из всех современных существ Принц больше всего похож на *сфинкса* — как по своим поступкам, так и своим обликом.

Он меня спросил, читал ли я новеллы некоего Эдгара По. Я ответил, что знаю их лучше, чем кто-либо, и на это есть причины. Тогда он меня резко спросил, верю ли я в то, что этот Эдгар По реально существовал. Я же его, естественно, спросил, кто же написал все эти новеллы. Он мне ответил, что они написаны *компанией весьма ловких литераторов, что это чрезвычайно могущественное общество, которое в курсе всего на свете*. Вот один из его доводов: «Возьмем “Убийство на улице МОРГ”. А я ведь тоже рисовал *Морг*. Или: “Орангутанг”. Меня все время сравнивают с обезьяной. Эта обезьяна убивает *двух женщин, мать и дочь*. Я тоже несу моральную ответственность за смерть *двух женщин, матери и дочери*. Я всегда принимал это сочинение как намек на свои несчастья. Вы доставили бы мне превеликое удовольствие, если бы смогли установить для меня точную дату, когда Эдгар По (если предположить, что у него не было помощников) сочинил этот рассказ, тогда можно будет проверить, совпадает ли дата с событиями моей жизни».

Он мне говорил с восхищением о книге Мишле о Жанне д’Арк; но он убежден, что книгу написал не Мишле²⁰³.

Одной из главнейших его забот стала каббалистическая наука; правда, он толкует ее странным образом, любой каббалист поднял бы его на смех.

Не вздумайте смеяться над всем этим с какими-нибудь злыднями. Ни за что на свете я не хотел бы навредить талантливому человеку...

После того как он оставил меня, я стал спрашивать себя, как это случилось, что я так и не обезумел, хотя по состоянию своего рассудка и нервов имел все шансы сойти с ума. Серьезно, я воздал небесам фарисейскую хвалу.

Я совершенно помирился с Гисом. Он человек очаровательный, весьма умный и не невежда, как большинство наших литераторов.

80. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж,] 16 февраля 1860

Будет ли учитываться в наших делах вексель на 1500 франков, который был выслан позже и уже внесен в счета платежей? В таком случае я попросил бы у Дюранти чек лишь на триста с небольшим франков. Я не боюсь взять на себя всю ответственность, полагая, что в случае нужды Вы мне поможете и решив, к тому же, сделать все, чтобы самому выплатить, как можно большую часть. Притом мне отвратительна мысль снова прибегать к услугам Буайе и этого дурака Кристофа.

Из 2000 франков Вам от меня причитается:

1°	500,	минус проценты
2° у Вас теперь вексель на	1500	
3°	плюс	80
		<hr/>
		2080

Нам еще нужно заплатить (25-го и 28-го) 2350 франков²⁰⁴.

Поскольку Вы скоро приедете в Париж, я сам передам Вам гранки Примечаний²⁰⁵.

Сразу же напишите мне, когда Вы приезжаете, чтобы я мог заказать ужин.

Я совершенно не разделяю Вашу иллюзию по поводу того, что можно будет легко сделать 350 страниц из трех листов «Ревю контампорен». Напоминаю, что Вам приходилось делать книжки из более весомого материала.

В скобках хочу сказать, что мне было бы приятно узнать Ваше мнение об общем облике книги и, в особенности, об «Опиуме». Де Квинси — автор до ужаса болтливый и то и дело отклоняется от темы, так что было крайне нелегко придать этому сочинению некий драматизм и внести в него порядок. Кроме того, мне нужно было соединить личные ощущения с мнениями автора оригинала и сделать из них сплав, части которого были бы неразличимы. Удалось ли мне это?²⁰⁶ Мой вопрос проистекает не из

детского тщеславия; он продиктован одиночеством, в котором я пребываю, ведь я дошел до такой степени восприимчивости, что для меня почти невыносимо говорить с кем бы то ни было; тогда как, с другой стороны, не могу не признать, что всегда беспокоюсь о своих трудах, которые так медленно двигаются, иногда по моей вине, иногда из-за обстоятельств, достаточно ли они основательны, чтобы предлагать их читателям.

Отношения с Калоном стали прохладными. Я ему должен то ли 200, то ли 300 франков; но у него есть мои стихи. Вдобавок я ему совершенно спокойно заявил, что обещанные ему фрагменты появятся в «Ля Пресс», что я больше не могу в моем возрасте и с моим именем выносить его утомительную и бесполезную педагогику, и что главный редактор литературного издания имеет право вмешиваться только в том случае, когда его самого может скомпрометировать та или иная религиозная или политическая максима.

Я сохранил три отрывка из моего первоначального текста для нашего переиздания²⁰⁷.

Какая тоска! Я сижу без гроша, и в прохладных отношениях с матерью. Бестактность людей, которые мне должны, или тех, что дают мне красивые обещания и не держат слова, привели меня к необходимости просить мать заплатить по векселям в Онфлере. Мне стыдно за это. Я должен матери 10 000 франков, которые я занимал, когда она была богата, и мне не подобает терзать ее теперь, когда она осталась без средств к существованию. Возможно, я прибегну к Вашей помощи, чтобы расквитаться с *Деродом*. Когда ссоришься с людьми, им надо платить. А мне не заплатили; мне должны еще 400 франков, которые я хотел бы отправить мадам Опик. И заметьте себе, что я был *оскорблен*, ОСКОРБЛЕН глупцами, которые и орфографии-то не знают²⁰⁸. Если бы я не был по уши в делах, я бы дал пощечину этому хаму прямо у него в кабинете. Боюсь, что г-н Закари Астрюк, слышавший мои неосторожные слова в одном привокзальном ресторанчике, приложил свою руку к этой ссоре. Вдобавок — вот кошмар! — они потеряли несколько страниц рукописи, и мне придется их восстанавливать. (Не разглашайте моих подозрений по поводу г-на Астрюка.)

Целая куча неприятностей! Тут еще Гис, вот персонаж действительно фантастический, вдруг решил, что ему уютно написать о *Венере Милосской*! И пишет мне из Лондона с просьбой прислать ему список всех работ и гипотез по поводу статуи. Я ведь представлял Гиса Шанфлери и Дюранти; но они заявили, что это просто невыносимый старик. Решительно, *реалисты* — не *наблюдатели*; они не умеют забавляться. У них нет философского терпения.

А еще Мерион! Нет, это невыносимо. Делатр попросил меня написать текст для альбома. Ладно! Вот повод написать фантазии в десять, двадцать или тридцать строк на темы прекрасных гравюр, философические мечтания парижского фланера. Но в дело вмешивается г-н Мерион, он понимает все иначе: «Нужно писать так: направо видно то; налево видно это. Надо порыться в старых книжках. Надо все уточнять: здесь на самом деле было двенадцать окон, но художник сократил их до десяти, наконец, нужно сходить в мэрию и узнать, когда точно снесли ту или иную постройку». Г-н Мерион говорит, вперив очи в потолок и не слушая никаких соображений.

Можете посмеяться, но сохраните в тайне: наш добрый, наш восхитительный Асселино сказал мне, когда я его — а он понимает в музыке — упрекнул, что он не был на концертах Вагнера, 1) *что это далеко, так далеко от его дома* (зал Итальянцев)! 2) *к тому же ему сказали, что Вагнер РЕСПУБЛИКАНЕЦ!*

Я ему ответил, что все равно пошел бы, будь он даже роялист, что все это не мешает ни глупцу, ни гению. — Я не смею больше говорить о Вагнере; мне слишком за него попало. Эта музыка одно из величайших наслаждений моей жизни; вот уже лет пятнадцать я не чувствовал такого подъема.

Теперь сифилис: Вы сами не поверили бы, до какой степени Вас питают иллюзии. Это почти фанфаронство. Сифилис грозит всем, и Вы — не исключение. Вы мне говорите о язвах, о болезненных наростах в гортани, так что больно глотать, об удивительных приступах *слабости*, об отсутствии аппетита; все симптомы налицо, да или нет? Даже если у Вас не было слабостей, более в суставах и локтях, отеков и опухолей даже на шее, у самого черепа, что это доказывает? Только то, что правильное ле-

чение (сассапарель, йодистый калий) избавило Вас на время от всех этих напастей. Внутреннее поражение не имеет сифилитического происхождения, говорите Вы. А доказательство? Что касается внешней язвы, я ее видел, и Вы знаете, что я Вам сразу же сказал. Вообще, помните, что лечение сифилиса по своей природе превосходно и способствует омоложению, и что не бывает лечения от сифилиса без ртути.

Ваш

Ш. Б.

Когда эта промышленная выставка, на которой Вы хотите показать «Цветы Зла»?

О «Цветах» писали также в «Салю пюблик», в отзыве на «Юмористические сонеты». Статьи я не читал.

Вы пропустили прекрасную распродажу цветных литографий. Там был замечательный Лафайет Дебюкура²⁰⁹, прекрасный, как Рейнольдс²¹⁰.

81. РИХАРДУ ВАГНЕРУ

[Париж.] Пятница 17 февраля 1860

Сударь,

Я всегда представлял себе, что, сколь ни привычен к славе великий художник, он не останется равнодушен к искреннему комплименту, когда комплимент этот подобен крику признательности и когда он, к тому же, может иметь *единственную* в своем роде ценность, поскольку исходит от француза, то есть от человека, не слишком способного на порыв энтузиазма и родившегося в стране, где в поэзии и живописи разумеют не больше, чем в музыке. Прежде всего, я хочу сказать, что обязан Вам *величайшим музыкальным наслаждением, испытанным мной в жизни*. Я не в том

возрасте, когда развлекаются писанием писем знаменитостям, и я бы как следует подумал, прежде чем письменно выразить Вам свое восхищение, если бы каждый день взгляд мой не натывался на недостойные, смехотворные статьи, в которых прилагаются все усилия, чтобы обесчестить Ваш гений. Вы не первый человек, сударь, по поводу которого мне пришлось страдать и краснеть за свою страну. Наконец возмущение толкнуло меня на то, чтобы засвидетельствовать Вам свою благодарность; я сказал себе: я хочу отличаться от всех этих придурков.

В первый раз, когда я пошел к «Итальянцам»²¹¹, чтобы послушать Ваши произведения, я был неважно настроен и даже, признаюсь, полон дурных предчувствий; но меня можно извинить; меня так часто обманывали; я слышал столько музыки от шарлатанов с большими амбициями. Но Вами я был тотчас же побежден. То, что я испытал, невозможно описать, и если Вы соблаговолите не смеяться, я попытаюсь Вам это перевести. Сначала мне показалось, что я уже знаю эту музыку, и позже, по размышлении, я понял, откуда шел этот мираж; мне казалось, что это *моя* музыка, я узнавал ее, как любой человек узнает то, что ему назначено полюбить. Всякому другому, но не человеку умному, такая фраза показалась бы невероятно смешной, в особенности ежели она написана тем, кто, подобно мне, *не разбирается в музыке* и чье образование ограничивается знакомством (правда, очень приятным) с несколькими прекрасными отрывками Вебера и Бетховена.

Далее, качество, которое меня главным образом поразило, — это было величие. Это представляет собою великое, и это толкает к великому. Повсюду в Ваших сочинениях я обретал торжественность величественных звуков, величественных сторон Природы, торжественность великих человеческих страстей. Сразу же чувствуешь себя захваченным и покоренным. Одним из самых странных отрывков, принесших мне новое музыкальное ощущение, был отрывок, предназначенный живописать религиозный экстаз. Эффект, произведенный *вводом гостей и свадебным торжеством*, огромен. Я сразу же почувствовал величественность жизни, что более обширна, нежели наша. Еще одно: часто я ис-

пытывал чувство довольно причудливой природы — гордость и наслаждение от того, что ты понимаешь, что ты проникаешься, что ты охвачен истинным сладострастием и которое к тому же подобно радости воспарить в воздух или раскачиваться на волнах. В то же время сама музыка дышала порой гордостью жизни. Вообще же эти глубинные гармонии похожи, как мне показалось, на те возбуждающие средства, что ускоряют пульс воображения. И наконец, я также испытал ощущения — прошу Вас не смеяться, — которые проистекают, скорее всего, из направления моего ума и моих частых занятий. Везде есть что-то возвышенное и возвышающее, что-то стремящееся ввысь, что-то чрезмерное и превосходное. Например, если воспользоваться сравнением, взятым из живописи, то я воображаю перед собой широкое пространство темно-красного цвета. Если это красное изображает страсть, я вижу, как оно постепенно, всеми переливами красного и алого, превращается в раскаленное пекло. Было бы трудно, даже невозможно достичь большего накала; и все-таки последняя вспышка прочерчивает еще более ярко-белую борозду на том белом, что служит фоном. Это, если хотите, как последний вскрик души, дошедшей до пароксизма.

Я начал было записывать кое-какие размышления об отрывках «Тангейзера» и «Лоэнгрина», которые мы слышали; но вынужден был признать, что выразить все невозможно.

Я могу продолжать это письмо до бесконечности. Если Вы смогли его прочитать, благодарю Вас. Мне остается добавить всего несколько слов. С того дня как я услышал Вашу музыку, я повторяю себе без конца, особенно в дурные часы своей жизни: «Вот бы послушать сегодня вечером немножко Вагнера!» Конечно, есть и другие люди, похожие на меня. Вообще говоря, Вы, наверное, почувствовали удовлетворение от публики, чей инстинкт гораздо выше дурной учености журналистов. Почему бы Вам не дать еще несколько концертов, добавив новые отрывки? Вы научили нас предвкушению новых наслаждений; имеете ли Вы право лишать нас остального? — Еще раз, сударь, я Вас благодарю; в дурные часы Вы призвали меня вернуться к самому себе и великому.

Ш. БОДЛЕР

Я не пишу своего адреса, потому что Вы, может быть, подумали бы, что я хочу Вас о чем-то попросить²¹².

82. АРМАНУ ФРЭССУ²¹³

[Париж.] 18 февраля 1860

Сударь,

Ваши статьи и Ваше письмо с очевидностью требуют ответа. Что касается меня лично, я, прежде всего, Вас благодарю; Вы уже много раз говорили обо мне, и всегда *очень хорошо*, я хочу сказать, очень лестным образом и в то же время с удивительной проницательностью. — Перечитываю свою фразу; нахожу ее бесцеремонной и даже способной насмешить. Такое впечатление, будто Вы проницательны потому, что делаете мне комплименты. — В статье о Гюго Вы, кажется, оробели и были смущены. Вам не удалось отделить ту *долю вечной красоты*, что есть в Гюго, от смешных *суеверий*, внушенных ему событиями, то есть современной глупостью или *мудростью*, верой в прогресс, спасение рода человеческого воздушными шарами и т. п. Как таковая Ваша статья представляет собой самое лучшее и самое умное из того, что я когда-нибудь читал. — Чаще всего друзья Гюго столь же глупы, как и его враги; из чего следует, что правдивое слово не будет произнесено. Здесь, если не считать Вильмена, моего друга д'Оревильи и г-на Э. Ренана, никто не обладает мудростью и критической прозорливостью. Я лишь однажды слышал ясное и справедливое мнение о «Легенде веков» — от Т. Готье, за ужином; никогда раньше самые сложные эстетические вопросы не были так хорошо разобраны; никогда еще не были так хорошо обозначены *достоинства и недостатки*. Но в силу дурных времен и обстоятельств суждения эти не будут напечатаны. — Я передаю номер «Салю пюблик» с Вашей статьей г-ну *Полю Мёрису*, который обязательно переправит его на Гернси²¹⁴; это тем более вероятно, что г-жа Гюго сейчас в Париже.

Я возвращаюсь к г-ну Сулари. Ваша работа превосходна и полна очарования. Вы чувствуете поэзию как истинный *дилетантист*²¹⁵.

Так и надо ее чувствовать. По выделенному мной слову Вы можете догадаться, что я несколько удивился по поводу Вашего восхищения Мюссе. Исключая возраст первого причастия, когда все, что касается публичных женщин и шелковых ленточек, представляется почти религией, я терпеть не могу этого *мэтра щеголей*, его бесстыдства избалованного мальчишки, взывающего к небесам и пеклу из-за дешевых ресторанных историй, мутного потока грамматических и просодических ошибок, наконец, его полную неспособность постичь труд, благодаря которому мечта становится предметом искусства. Вы когда-нибудь придете к тому, чтобы безумствовать только от совершенства, и будете презирать все эти излияния невежества. Прошу прощения за то, что так горячо говорю о некоторых вещах; бессвязность, банальность и небрежность вызывают у меня слишком, может быть, острое раздражение.

В Вашей статье есть в самом деле замечательный пассаж: там, где Вы говорите об этих сильных характерах, придающих творениям человеческого духа, созданным по воле случайных обстоятельств, какое-то роковое и произвольное единство. Что г-н Сулари великий поэт, это сейчас для всех очевидно, а для меня это было очевидно, как только я прочел первые его строчки. Что же это за придурок (может статься, знаменитый человек), который так поверхностно трактует Сонет и не видит его пифагорейской красоты? Потому как чем строже форма, тем могущественнее являет себя идея. Сонету все к лицу: и буффонада, и изысканность, и страсть, и мечта, и философское размышление. В нем есть красота тщательно обработанного металла или камня. Замечали ли Вы, что кусочек неба, увиденный сквозь подвальное оконце, или между двумя трубами, двумя скалами, или через аркаду и т. д., дает более глубокое ощущение бесконечности, чем широкая панорама, открывающаяся с вершины горы? Что же до долгих поэм, мы знаем, что о них думать: это прибежище тех, кто не способен писать кратких.

Все, что превосходит длительность того внимания, с которым человеческое существо может воспринимать поэтическую форму, *поэмой* не является.

Позвольте мне сказать, что Вы не поняли того, что я писал Вам относительно сходства, которым я *тешил свое тщеславие*. Все,

что Вы мне по этому поводу говорите, я и сам думал и знал. Если бы это было не так, что бы здесь было пикантного, любопытного и забавного? Я могу Вам сообщить что-то еще более странное и невероятное: в 1846 или 1847 году я ознакомился с несколькими отрывками из Эдгара По; я испытал шок; в то время как полное собрание сочинений в одном издании появилось только после его смерти, я имел терпение поддерживать связи с американцами, живущими в Париже, чтобы позаимствовать у них подшивки газет, которые выпускал По. И так я обнаружил, поверьте мне, если Вам будет угодно, поэмы и новеллы, мысль о которых была уже во мне, но только смутная, расплывчатая, неупорядоченная, мысль, которую По сумел согласовать и довести до совершенства. Таково происхождение моего энтузиазма и моего долготерпения.

Когда Вы будете писать статью о По, я вышлю Вам новые тома. Первый был полностью переработан, притом что уже были готовы клише. Несколькими грубыми ошибками меньше, это уже кое-что. Эти жалкие однофранковые издания нашпигованы опечатками, и я с прискорбием думаю, что мне так никогда и не удастся выпустить достойное издание сочинений По.

«Эврика» в этом году выйдет у Мишеля Леви²¹⁶, это многотрудное чтение, которое, может быть, заставит Вас бросить книгу. Несколько отрывков были напечатаны в одном журнале, который не буду называть, — пропущенные фразы, обрезанные абзацы, несуржицы набора, опечатки кишмя кишат, словно блохи в прибрежной грязи какой-нибудь испанской реки. Так что если Вы их и найдете, не читайте. С этой просьбой я обратился ко всем своим друзьям.

До «Цветов», весьма прибавивших в объеме, у Маласси появятся «Эстетические редкости» и «Искусственный рай». Все это готово.

За вычетом двух-трех друзей, людей весьма занятых, мне редко случается поговорить о литературе, так что извините меня за эту болтовню.

Не подумайте также ничего плохого, если я Вас спрошу, поскольку Вы живете в Лионе, кто такой г-н Ж. Тиссёр²¹⁷ и были ли сфотографированы композиции г-на Жанмо («История одной души»).

Я должен написать работу, куда включу Каульбаха, Альфреда Ретеля, Шенавара и Жанмо, и не прочь иметь перед глазами как можно больше документов.

Передайте мои поздравления г-ну Сулари, и если Вы ему скажете о замечании, которое сделали Вы и в то же время делаю я, обязательно добавьте, что именно я имею в виду. Мне было бы стыдно, если бы кто-то мог подумать, что я понимаю его иначе.

Всецело и от всего сердца Ваш, сударь,

Ш. БОДЛЕР

83. ЖОЗЕФЕНУ СУЛАРИ

[Париж.] 23 февраля 1860

Сударь и друг (позвольте именовать Вас таким образом, о чем я уже Вас просил), я, разумеется, не стал бы дожидаться от Вас письма, чтобы поблагодарить за Вашу книгу, если бы я знал, куда адресовать благодарственные слова. Я перечел ее в третий раз, и мне нет надобности говорить, что я Вас давно знаю и что, как только книга Ваша вышла из печати, я смог насладиться всем ее неповторимым вкусом, всеми ее пьянящими свойствами.

В этом новом издании, к большой моей радости, я нашел неизвестные мне отрывки, в числе коих сонет, обращенный к корректору, представляющий мне поистине чудом. Но позвольте мне по этому поводу (коль скоро Вам угодно водить дружбу с педантом, Вы сами причина всех бед) представить Вашему вниманию несколько замечаний.

Вы даруете предощущение и вкус совершенного, Вы один из редких счастливых, предназначение коих есть ощущать *искусство* в его предельной изысканности; и потому у Вас нет права нарушать испытываемое нами наслаждение толчками и неровностями. — Тем не менее, в конце этого сонета есть одна фраза (которую я перевожу прозой): «Должно быть, в мире ином грешил ты великим грехом гордости, дабы так покарал тебя Бог» и т. д. Это «дабы» ловко опущено в поэтическом изложении. Вполне

возможно, строго говоря, это и не ошибка во французском языке, но г-н Сулари, которого не может стеснять поэтический размер, не должен позволять себе подобный французский.

Вы ведь не будете на меня сердиться за то, что я читаю Вас с такою требовательностью, не правда ли? Впрочем, я мог бы наговорить Вам много лестного. Вы умеете воспроизводить душевные порывы и музыку размышления; *Вы любите стройную соразмерность*; Вы придаете сонету драматический характер и даете ему развязку; Вы понимаете силу сдержанности и т. п. Все эти прекрасные качества вызовут уважение у всех, кто *умеет предаваться размышлениям и мечтаниям*, но, поскольку Вы, кажется, желаете полной откровенности с моей стороны, я скажу, что Вам следует (равно, как и мне) *похоронить мысль* о широком признании. Выражение неудачно, поскольку невозможно потерять то, чем не обладал. Правда, в утешение СЕБЕ мы можем с уверенностью сказать, что *все великие люди глупы*; глупы все те, кто представляет или является представителями множества. Такова кара, налагаемая на них Господом Богом. Оба мы, Вы и я, не настолько *глупы*, чтобы заслужить, чтобы нас избрали в соответствии со всеобщим избирательным правом. То же самое справедливо и в случае еще двух замечательно одаренных людей — Теофиля Готье и Леконта де Лилля. Верно и то, что нам будут дарованы более сильные и тонченные радости, которые останутся неизвестными толпе.

Примите, сударь, самые сердечные уверения в моей преданности.

Ш. БОДЛЕР

84. ШАНФЛЕРИ

[Париж, 28 февраля 1860]

Мой дорогой Шанфлери,

Я получил проект каталога²¹⁸. Вам, как всегда, пришла в голову блестящая мысль. Очевидно, что роман приобрел огромное, прежде невиданное влияние и в самой литературе, и в тех радостях,

которые он доставляет читателям. Между тем мы знаем наделенных редким талантом критиков, тратящих массу времени на описания всевозможных водевильных пустяков, и мало кто из них прилагает усилия к тому, чтобы оценить различные направления, оттенки и методы романистов. Доводилось нам даже видеть, что такого рода сочинения, поистине замечательные и яркие, оставались незамеченными критикой. В различные эпохи составлялись «Библиотеки» романов, чаще всего неудачные, но тем не менее полезные и свидетельствующие о всеобщем читательском пристрастии к этому литературному жанру, однако собрание критических заметок о романистах древности и современности представляло бы оттого не меньшую ценность. Сделайте это, и это будет большое дело. Я не обещаю Вам своего постоянного сотрудничества, но время от времени смогу писать заметки о некоторых авторах, которых знаю лучше прочих. Никогда не работал я с таким удовольствием, как под Вашим руководством.

Я тотчас же написал г-ну Вагнеру, дабы от всего сердца поблагодарить его²¹⁹. Я намереваюсь нанести ему визит, но не сразу. Все мое время отнимают дела довольно печального свойства. Если Вы увидите с ним раньше меня, передайте ему, что почти за счастье пожать руку гениального человека, освищенного *сбро-дом* фривольных умников.

Премного преданный Вам

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Если посчитаете это уместным, можете вычеркнуть последние строки²²⁰.

85. ЖОЗЕФЕНУ СУЛАРИ

[Париж,] 28 февраля 1860

Милостивый государь,

Благодарю Вас за прекрасные стихи и скажу Вам откровенно: мне досадно, что они не были опубликованы. Когда чувствуешь, что

заслуживаешь симпатии, любое ее свидетельство не покажется излишним.

Не казните себе по поводу погрешностей второго издания Вашей книги. «Юмористические сонеты» будут непременно переиздаваться, и Вы сможете исправить все, что пожелаете.

Что за странная мысль пришла Вам в голову, будто я могу забыть о Вас, когда издам книгу! До публикации «Цветов» выйдет в свет еще одна книга, и для Вас будет отложен превосходный экземпляр.

Вы, вероятно, видели на днях упоминание Вашего имени в письме Сент-Бёва главному редактору «Монитёр». Мне чрезвычайно лестно оказаться в одной компании с моим другом Флобером и таким человеком, как Вы²²¹; но это довольно тяжело, когда речь заходит о г-не Фейдо, «Фанни», «Даниэле» и т. д.; Вам хорошо известно, что, сколько бы нас ни хвалили, пусть даже самые утонченные умы, нам все равно этого мало. Есть друзья, которыми не поруководишь. На днях я приеду в Лион, угольный город, который я некогда знал, и даже слишком хорошо, и мы познакомимся с Вами несравненно лучше, чем посредством переписки.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

86. МАДАМ САБАТЬЕ

[Париж,] 4 марта 1860

Ежели сказать Вам, что я безмерно печален; что никогда ранее не был в таком смятении; что испытываю потребность в уединении, Вы мне не поверите. Но ежели я Вам скажу, что у меня распух нос, что он покраснел, как яблоко, что в таких случаях я не вижу даже с мужчинами (и тем более с женщинами), не сомневаюсь, что Вы мне поверите.

Главное затруднение преодолено. Я встретился с Фейдо, который не упустил столь прекрасную возможность послушать, как

говорят о нем, и поговорить о себе. К счастью, предвидя подобный случай, я подготовился в уединении. Собрав в кулак всю свою смелость, я сказал: «Ваше произведение выше всяких похвал, Вы возвышенны и т. д., но и т. д.». Он дал мне понять, что с ним не пройдут никакие «но». Знаете, говорю Вам совершенно откровенно, он смущает меня больше, чем сам Виктор Гюго, и мне было бы легче сказать Гюго: «Вы глупы», чем сказать Фейдо: «Вы не всегда возвышенны». — И к тому же сегодня вечером (прибавим и это к числу моих несчастий) посреди толпы, где я полагал себя в полной безопасности, один Ваш знакомый *еврей*, г-н Эйльбют, вцепился в меня и завел разговор об искусстве с такой лихорадочностью, что мне показалось, будто я сейчас упаду без чувств или наброшусь на него.

Видите, с Вами мне приятно предаваться злословию. Ежели верно, что всегда надобно беречь сообщников, мне хотелось бы постоянно говорить Вам колкости обо всех на свете, *дабы не иметь самой возможности расстаться с Вами*.

Очень рад тому, что Вы заметили мою фразу о Ваших глазах. Все дело в том, что они весьма некрасивы (когда им того хочется).

Совершенно серьезно уверен, что вскоре настроению моему откроются более радостные горизонты и что на этой неделе я сам приду к Вам просить прощения за то, что *делал вид*, будто бы Вас забыл. При мне, вероятно, будет альбом²²².

От всего сердца всецело Ваш

Ш. Б.

Вот 8 франков, о которых я так надолго запомнил: за экипаж.

87. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж, 11 марта 1860]

Весьма затрудняюсь, дорогой друг, написать Вам ответ касательно дела с Мерионом. В деле этом у меня нет никаких прав, никаких. Г-н Мерион с каким-то тихим ужасом отверг саму идею

текста, состоящего из двенадцати небольших стихотворений или сонетов; он отверг идею о поэтических медитациях в прозе. Дабы не огорчать его, я обещал ему сделать текст наподобие путеводителя или краткого указателя, который я оставлю без подписи, за что возьму три экземпляра альбома с хорошими литографиями. Таким образом, Вам самому придется иметь с ним дело. Он проживает в д. 20 по улице Дюперре. Если для Вас это важно, я солгу Крепе и скажу ему, что первому я написал Вам.

Дело это представилось моему уму вполне простым. С одной стороны — несчастный безумец, не умеющий вести свои дела и создавший прекрасное произведение, с другой стороны — Вы, которому я желаю выпустить как можно больше хороших книг. Как говорят журналисты, я предусмотрел для Вас двойное удовольствие — соединить приятное с полезным.

По этому случаю вспомните о Домье! о свободном Домье, которого вышвырнули за порог «Шаривари» в середине месяца и заплатили только за полмесяца! Домье свободен, и у него нет другого занятия, кроме живописи. Вспомните о «Фарсалии» и об Аристофане. Эту идею надобно, подобно часам, снова завести. Оба замысла возникли уже лет пятнадцать как²²³. Вот Вам дело одновременно приятное и полезное.

— Я даю торжественное обещание строжайшей обязательности в работе над гранками «Рая» и «Цветов». Но ведь это Вы не будете готовы к сроку. *Вы не сможете быть готовым. Шести недель недостаточно*, а Вам известно, что больше всего на свете мне не хотелось бы *неудачных изданий*, как с точки зрения элегантно-сти, так и с точки зрения корректуры.

На сегодня все.

По всей видимости, мне надобно будет возвратиться в Онфлер в конце месяца, чтобы забрать все мои рукописи, но я непременно буду извещать Вас обо всех своих перемещениях.

Ш. Б.

Де Калон проживает в д. 57 по улице Пигаль. Вексель оплачивается *там*, а не в кассе.

88. АЛЬФОНСУ ДЕ КАЛОНУ

[Париж, середина марта 1860 ?]

Милостивый государь,

Вы конечно же догадались, почему я не собираюсь встречаться с Вами. До получения от Вас записки я мог полагать, что мы с Вами в ссоре или что Вы выкинули из издания мои стихи.

Увы! Ваша критика нацелена именно на те слова, *замыслы, черты*, кои я относил к *своим лучшим свершениям*. Достаточно будет описать Вам замыслы. (Движение обычно предполагает шум, и не зря Пифагор связывал музыку с *движением* сфер. Но мечта, которая разъединяет и разлагает на части, создает *новизну*. Слово «королевский» облегчит читателю понимание метафоры, где воспоминание сравнивается с Коронай из башен, наподобие тех, что клонят долу чело *богинь плодородия, изобилия и мудрости*. В двадцать лет любовь ничтожна (и чувством, и умом), а в сорок она многому *научена*.) Могу Вас заверить, что все это складывалось отнюдь не второпях²²⁴.

Вы увидите зато, что я исправил множество прискорбных недочетов, сильно меня мучивших.

Я добавил один сонет, который, смею надеяться, Вам понравится. Просмотрев исправления, Вы сочтете естественным, что я прошу Вас о второй корректуре.

Всецело и совершенно преданный Вам

Ш. БОДЛЕР

Замечу мимоходом, что весь набор оставляет желать лучшего.

89. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж, около 20 апреля 1860]

Вы правы. Строго говоря, воля не есть *орган*. И тем не менее, насилья таким образом язык, мне хотелось донести некую идею.

Ежели бы я сказал, что воля — *флюид*, Вы бы это стерпели. И все же я присоединяюсь к Вашему мнению: не надо противоречить умственным обыкновениям читателей. — Точно так же и по той же причине я присоединяюсь к Вашему мнению и касательно употребления «они суть» вместо «они есть», что соответствует, что бы Вы на то ни говорили, более чистому и более правильному французскому языку (Паскаль, Боссюэ, Лабрюйер, Гез де Бальзак, Оноре де Бальзак и т. д.).

Как выражается Шанфлери, нам свойственны некоторые безотчетные предубеждения, вынуждающие нас говорить иначе, чем большинство людей нашего века.

Недавно я прихватил почитать у Мишеля «Государственный интерес»²²⁵. Хотя итальянская живость и избыток импровизации выливаются порой в стиль, который грешит вялостью и отрывистостью, в целом книга великолепна. Особенно предисловие (Вам его надо обязательно прочесть), оно исполнено какого-то воздушного, эфирного, фатального и смиренного красноречия, напоминающего лучшие образцы классической французской чистоты. Глава о Макиавелли, от коего Феррари, однако, отделяет себя, тоже совершенно удивительна. В целом, Гений там повсюду входит в соглашение с Судьбою: «Дай мне постичь *твои законы*, и я освобожу тебя от пошлых радостей жизни, *от пустых утешений Заблуждения* (sic!)».

Я пересмотрел свои счета и посылаю Вам краткий отчет, который наверняка пригодится.

10 мая	1000	{	у Жуссе, отель «Дьеп» (он приличнее, чем тип с набережной Вольтера)
	1000		
	400		улица де Боз-Ар
20 мая	1013		
23	820		

Таким образом, мы учтем сначала один из Ваших векселей у Желиса, а затем один из векселей Кристофа или Дюранти в Алансоне, дабы покрыть 2400 франков 10 мая.

С «Цветами», таким образом, надобно поторопиться, чтобы не выпустить книгу в разгар лета. Мне надобно тотчас же ехать в Онфлер. Для начала мне хотелось бы получить тысячу франков. Убежден, что такие деньги будут. В *самом худшем случае*, я поеду в конце месяца и пожертвую, если потребуется, *предисловием* и *тремя начатыми отрывками*, тогда на внесение правки, которое так Вас заботит, уйдет не более *часа*.

Со всею очевидностью, завтра или послезавтра мы получим ответ Синюре.

Бракмон вызывает у меня беспокойство²²⁶.

Всецело Ваш

Ш. Б.

Настоятельно рекомендую Вам этот вариант правки. Вы поймете почему. —

90. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж, 23 апреля 1860]

Вот поистине удручающее письмо. Даже в журнале «Ревю интернациональ» меня не унижали так *своими* глупостями, как Вы унизили меня *моими*. Разбираю Ваше письмо по пунктам.

1° О женском *мире*, *mundi muliebri*²²⁷. Как смеете Вы приписывать мне столь странную грамматическую форму? Вспомните о *Султане*, который, восхищаясь женщиной, говорит о ее *обво-рожительной стройности* и *флорентийского* рода красоте. — Неужели Вам не пришло в голову, что Калон, который *является страшным педантом*, должно быть, скажет себе (подписавши в печать): «Ну и невежда этот Бодлер! Он принимает окончание аблатива множественного числа (*bonis*) за окончание генитива единственного, которое всегда заканчивается на *i*». — Что до остальной Вашей критики, ответом будет проделанная работа моего воображения, которую должен проделать и наделенный *умом* читатель: что именно с такой страстью любит ребенок в

своей матери, няне, старшей сестре? Единственно лишь существо, которое его кормит, чешет, моет и баюкает? Он любит еще и ласку, чувственное сладострастие. Для ребенка эта ласка выражает себя в женщине, которая даже того не подозревает, через все ее женские прелести. И он любит мать, сестру, кормилицу за приятное щекотанье атласа и мехов, за аромат груди и волос, за легкое позвякивание драгоценностей и за переливание шелковых ленточек, за весь *mundi muliebris*, начинающийся с сорочки и сказывающийся в самом убранстве комнаты, на которое женщина накладывает отпечаток *своего пола*. Итак, я прав. — «Однако, — возразите Вы, — у Вас тут ошибка во французском, когда Вы говорите о *мире* в женском роде». Это верно, и дабы показать, что эта ошибка сознательная и намеренная, я подчеркиваю слово *мир*. Поскольку критика Ваша и в самом деле не лишена справедливости, я постараюсь угодить Вам переработкой и прошу Вас сказать мне, *будет ли она Вам угодна*.

(Я требую второй корректуры, дабы у меня было время проверить у Сазонова, Фаулера²²⁸ и кого-нибудь еще, нет ли ошибок в моей заметке на смерть Де Квинси. Завтра я напишу фармацевтические примечания и смогу сказать Вам, каким образом разрешился вопрос о причитающихся экземплярах.)

Что до пресловутой ошибки, она не относится к слову *mundi*, прекрасно передаваемому в предыдущих строках словами «атмосфера», «аромат», «грудь», «колени», «волосы», «одежды», *balneum unguentatum*; она относится, повторяю, не к слову *mundus* как переводу «мир», но к *миру* как истолкованию *tundus*.

2° Что до всего остального, то все в самом деле серьезно. Мне действительно страшно не по себе оттого, что я написал, что *корм* может утолить *жажду* и что «я *есмь Бог, у которого есть*». Мне чудится, что все это заметят, что «Фигаро» обильно *покормит* свое остроумие и что я уже никогда не смогу открыть эту книгу, не столкнувшись с этими чудовищными вещами. Любите ли Вы меня настолько, чтобы изготовить два оттиска? Ежели Вы на то согласитесь, постарайтесь, чтобы в них не вкрались новые ошибки.

Прилагаю обложку.

Я черкну Гису, чтобы попросить у него краткую сводку английских газет, пишущих о французской литературе.

Черкните несколько слов в ответ. Преданный Вам

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Итак: «Бог, который есть» и «беспощадный аппетит», если это согласуется с остальной фразой.

На оборотной стороне обложки: *Шарль* или по крайней мере *Ш*. Вы прекрасно понимаете, что эти два оттиска, если Вы на них согласитесь, и вторая корректура не задержат выхода нашего издания.

Правильно *окраска*, а не *краска*.

91. АЛЬФОНСУ ДЕ КАЛОНУ

[Париж, 28 апреля 1860]

Милостивый государь,

С глубоким огорчением вынужден заметить Вам во второй раз, что *МОИ стихи не правят*. Поэтому будьте любезны изъять их из печати.

Вы достаточно знакомы со мной, дабы быть уверенным, что я возьму Вам остающийся аванс новеллой или статьей по искусству.

Тысяча поклонов²²⁹.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

92. АЛЬФОНСУ ДЕ КАЛОНУ

[Париж,] 28 апреля 1860

Сударь,

Письмо, которое я сегодня получил и которое лишь усугубляет неуместность Вашего предыдущего письма, сильно навредит на-

шим отношениям, кои, представляется мне, не могут прерваться полностью и немедленно, кроме как в случае, если Вы сами того пожелаете. Я даже не испытываю потребности заставить Вас признать Вашу неправоту в этом деле. Не имеет никакого значения, признаете Вы или нет, что в вопросах искусства и поэзии у меня больше опыта, нежели у Вас. Обращаю же против Вас употребленные в Вашем письме выражения. Вам угодно разорвать отношения, зачастую доставлявшие мне удовольствие, *тем хуже для Вас. Менее всего ожидали Вы получить такое письмо от меня.* Отчего же? Разве я скрывал от Вас когда-либо, что наряду с услужливостью я всегда находил в Вас недостатки, наличие коих в редакторе литературного журнала способно вызвать возмущение самых покладистых умов? Разве не уступал я Вам многократно, разве не просил Вас умерить этот директорский тон?

Я знаю себя и я знаю Вас, посему не намереваюсь встречаться с Вами. Вам угодно теперь, вопреки моему желанию, послать в типографию не перечитанные мною стихи. Я непременно пойду завтра на улицу Кок-Эрон, дабы исправить то, что нуждается в исправлении. От всего сердца желаю, чтобы эти поправки совпали с изменениями, которые Вы намеревались внести. — Ваше письмо меня скорее огорчило, нежели разозлило. Однако я его бережно сохраняю. Желаю непременно, чтобы и Вы сохранили мое. Даже Вам оно сможет послужить свидетельством того, что я человек благоразумный!

Ваш покорный слуга

ШАРЛЬ БОДЛЕР

93. ЭЖЕНУ КРЕПЕ

[Париж, пятница, 11 (?) мая 1860]

Дорогой мой, все прекрасно, исключая остаток в 100 франков. Я нахожу весьма разумным, что Вы желаете получить сначала ру-

копись, но срок в неделю — это слишком. Быть может, есть способ уладить это: до понедельника никаких денег, но в понедельник 200 франков за готовую статью о Гюго; с Вашей стороны это будет, бесспорно, небольшая уступка; но, с другой стороны, до понедельника я не могу сделать какой-то другой выбор; я намерен посвятить все мое время Гюго и полагаю, что именно я могу написать о нем как нельзя более богато, и к тому же остаток (я имею в виду 200 франков) будет минимальным.

Это подводит меня к вопросу об объеме заметки. — Я не собираюсь писать статью в шестнадцать страниц. — Я запомнил, сколько Вы платите за страницу. — Столь низкие темы меня совсем не занимают. — Я постараюсь высказать на десяти страницах максимум все, что думаю здравого о Гюго.

Признайте, что, упрекая меня за краткость первых заметок, Вы попадаете в странное противоречие. Вы, наверное, запомнили, что я только того и желал, чтобы меня не ограничивали в объеме, и что именно Вы навязали мне столь ужасные условия.

Я мог бы с удовольствием написать десять страниц о Готье, Барбье, Петрюсе Бореле.

Ежели Вы отводите десять страниц на Буало, сколько ж отведете Вы тогда на Ронсара и Гюго?

Подытожим: я напишу Гюго, дабы предупредить его, что я, сирый и убогий, вступаю во все права свободы в своих рассуждениях о нем. — Полагаю необременительной (абсолютно необременительной, тут я бессилен) небольшую услугу, о которой Вы меня просите в отношении цитат. — Я не буду касаться политики; впрочем, не считаю возможным обсуждать политические сатиры, *даже чтобы их опорочить*; однако если мне пришлось о них заговорить, хотя я считаю политические перебранки признаком глупости, то я принял скорее сторону Гюго, чем Бонапарта, как он показал себя в ходе политического переворота. — Стало быть, писать о том невозможно. — Тем не менее я коснусь социального вопроса, утопии, смертной казни, новейших религий и т. п.

Я только что получил от Гюго письмо, против обыкновения очень сердечное и, что еще более необычно, очень остроумное (по поводу Мериона).

Все это, безусловно, упрощает наше дело.

Ответьте мне по *всем* пунктам. Напишите, кого еще, кто отвечал бы мой природе, я мог бы взять среди *наших современников*, чтобы расквитаться с новым долгом.

Я верну Вам корректуру вместе со статьей о Гюго.

Вы знаете, что я все записываю. Стало быть, я записал и долг в 245 или 265 франков. Но у меня нет под рукой этой записи. Повторяю также, что если Вы продолжите публикации такого рода, «Мэтьюрин»²³⁰ его оплатит. А если Вы ограничитесь лишь нынешней книгой, я выдам Вам *чек* на кого угодно.

Всецело Ваш

Ш. Б.

Если я не приду к Вам в понедельник в 11 часов, приходите ко мне в 5.

Извините за отсутствие почтовой марки.

94. ФИЛОКСЕНУ БУАЙЕ

[Париж, 15 мая 1860]

Мой дорогой Буайе! Книга моя, как мне кажется, еще не сброшюрованная, скоро выйдет из печати. Новая книга всегда дает повод встретиться с теми, кого давно не видал; я подразумеваю, что смогу сказать людям, которые могут оказаться для Вас полезными, все, что я о Вас думаю. Вы знаете, кого я имею в виду, если планы Ваши не переменились.

В свою очередь и я прошу Вас об одной услуге, довольно странной. НАДОБНО задать Крепе ХОРОШУЮ головомойку, не подавая виду, что мысль о том исходит от меня. Я совершенно вне себя, ошеломлен, без сил. «Это вступление представляет собой общее место, оно тривиально и к тому же бесполезно; не должно уделять столько места тому-то, поскольку Вы так мало уделили его сему-то (это по его вине). Вы говорите дерзко о таком-то (что

есть, напротив, лестное высказывание) и т. д... т. д... т. д... т. д... т. д... т. д... т. д... т. д... т. д... т. д...»

Дабы его ублажить, я *погубил* уже три заметки. Оказывается, надобно их ВСЕ переделать. А я их правил уже ТРИ РАЗА. И все из-за того, что я не похож на буржуа; это тщеславие подталкивает его к тому, чтоб мучить людей, умеющих читать и писать. Я только что избежал *необходимой ссоры* с Калоном, в глупости коего больше колкости, но меньше упорства. Повторяю, я без сил.

Помните, что я Вам говорил: другие были бы не так щепетильны, как я. Однако с помощью Маласси, матери, друзей, Бога или Дьявола я отыщу способ швырнуть в лицо этому придурку его деньги, кои, по его мнению, дают ему все права. И в возмещение ущерба еще потребую, чтобы печатники сделали мне оттиски каждой статьи.

Расскажите об этом Бабу, если увидите с ним. Но ни слова Асселино. Я ему уже жаловался, и он все время повторяет мне, что я трус. Однако ж это не моя вина, ежели этот Крепе ожесточился против меня сильнее, чем против кого-либо другого.

Всецело Ваш. Сердечный поклон г-же Буайе.

Ш. БОДЛЕР

Забавная деталь: он полагает, что я посмеялся над ним, написав о Петрюсе Бореле. Он думает, что Борель — шут, недостойный войти в коллекцию самого *Крепе*. А то, что значительность, бывает, определяется обстоятельствами, ему неизвестно. Добавлю без всякой задней мысли: вытащите меня из этих дебрей, в которые сами завели²³¹.

Я узнал, что недавно за дружеской трапезой он завел речь, *inter rosula*²³², о политическом достоинстве. Наверное, это смешно; но принцип тут сходный, а результаты более утомительные. Его достоинству претит, что работа сделана хорошо, хотя сделана не им. — Дорогой мой, меж нами уместны и дозволены любые откровенности. Говорю Вам всерьез: *защитите меня*. Впрочем, по тону этого письма Вы распознаете состояние моих нервов.

Ш. Б.

95. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

[Париж,] 26 июня 1860

Мой дорогой Флобер, горячо благодарю Вас за Ваше превосходное письмо. Ваше наблюдение поразило меня²³³, и, погрузившись откровенно в воспоминания о своих мечтаниях, я заметил, что меня всегда неотступно преследовала идея невозможности понять некоторые внезапные поступки или мысли человека, не предполагая вмешательства сторонней ему злой силы. — Вот уж признание, краснеть за которое меня не заставит весь заговорщицкий XIX век. — Заметьте, что я не отказываюсь от удовольствия перемнить свое мнение или впасть в противоречие с самим собою. — На днях, с Вашего позволения, по дороге в Онфлер я сделаю остановку в Руане; однако, предполагая, что Вы, как и я, терпеть не можете неожиданностей, я постараюсь загодя Вас предупредить. — Вы говорите мне, что я много работаю. Это что, жестокая насмешка? Многие, не считая меня, находят, что я почти ничего не делаю.

Работать — значит работать беспрестанно; это значит не предаваться более ни чувствам, ни мечтаниям, а быть чистой волей в непрерывном движении. Быть может, я этого достигну.

Всецело Ваш. Ваш горячо преданный друг

Ш. БОДЛЕР

Я всегда мечтал прочесть (полностью) «Искушение» и другую, единственную в своем роде книгу, из которой Вы не опубликовали ни единого отрывка («Ноябрь»). А как продвигается «Карфаген»²³⁴?

96. СЕНТ-БЁВУ

[Париж, воскресенье, 1 июля 1860]

Дорогой друг,

Из предосторожности пишу Вам заранее, так как предчувствую, что мне не посчастливится Вас застать.

Недавно я писал г-ну Даллозу примерно в следующих выражениях:

«Напечатайте же отзыв об “Искусственном Рае”! Я знаком в “Монитёр” с г-ном таким-то, с г-ном таким-то и т. д.».

Ответ Даллоза:

«Эта книга достойна пера Сент-Бёва. (Это не я сказал.) Нанесите ему визит».

Сам я не осмелился бы об этом подумать. Возможно, Вас от этого удерживают многочисленные доводы, о которых я частично догадываюсь, а возможно также, что книга Вам не нравится.

Тем не менее, я как никогда испытываю потребность в поддержке, и мне следовало бы донести до Вас, насколько затруднительно мое положение.

Все, что было написано об этом эссе, совершенно лишено здравого смысла.

P. S. Несколько дней тому назад, но на сей раз из одной лишь потребности повидать Вас, подобно Антею, тянущемуся к Земле, я отправился на улицу Монпарнас. По пути я проходил мимо лавки, где торговали пряными хлебцами, и мной овладела навязчивая мысль, что Вы любите пряные хлебцы. Заметьте, что нет ничего лучшего на десерт с вином, а я чувствовал, что попаду к Вам как раз к ужину. Надеюсь, что Вы не приняли кусок этого хлеба, украшенный ангеликой, за шутку шалопая и просто съели его.

Если Вы разделяете мои вкусы, рекомендую Вам, ежели сумеете найти, английский хлебец, он такой твердый, такой черный, и настолько плотный, что в нем совсем нет ни дырочек, ни пор, он нашпигован анисом и имбирем. Его режут на тонкие, как ростбиф, ломтики, которые можно намазывать маслом или конфитюром. — Всецело Ваш. Любите же меня. — Я переживаю великий кризис.

Ш. БОДЛЕР
ул[ица] Амстердам, 22

97. ЖЮЛЮ БАРБЕ Д'ОРЕВИЛЬИ

[Париж, 9 июля (1860 ?)]

Дорогой Старый Шалопай,

Думайте обо мне! Remember, Esto memor!

Моя стальная глотка на всех наречиях вещает!²³⁵

что значит: испытывая желание, я уподобляюсь часам с боем. Мне кажется, что тиканье мое говорит на всех языках. Кроме шуток, Вы мне нужны. Вот превосходно сделанная книга (Вы знаете, что я разумею под этим), по отношению к которой допущена несправедливость. Вы обладаете поэтическим голосом, посему говорите. — В «Ле Деба» и «Ревю эропеен» пишут, что сомнительно, чтобы *мое моральное здоровье пошло на поправку, несмотря на аффектацию строгой морали*, которую я выказываю на бумаге. Критика пока еще не ставила своей задачей проникнуть в сознание человека. Но меня уже ничем не удивишь в наше время, когда министр заявляет, что назначение романа в том, чтобы совершенствовать *сознание масс*, и когда полиция (возомнившая себя самой Моралью) выводит из кафе слишком хорошо одетых девиц.

Мне говорят (верно ль это?), что Ваши необычайные упражнения по поводу гг. Обрие и А. Помье побудили Гранье просить Вас забыть на некоторое время о литературных новинках.

Зато должен признаться, что статья Ваша об отце Лакордере отменно хороша (кроме первой главы, страшно запутанной). В ней есть истинная гордость, христианская аристократичность, которой покоряюсь даже я сам. Меня удивляет лишь то, что Вам не пришло в голову сопоставить, по аналогии, так называемую религиозную живопись нынешних времен (альбомную пачкотню) со старой религиозной живописью (самим Микеланджело), которая подавляет своим величием. Эта вставка напрашивалась сама собой.

Я провел два вечера с Подлецом Вейо. Он обезоружил меня своей глупостью. Я отказываюсь от намерения мстить ему. Он

насквозь утилитарен, как всякий истинный демократ. — Я хотел было провести его по нескольким значным местечкам; но он трепещет перед любой опасностью, грозящей его невинности.

В ближайшее время я собираюсь сбежать из отеля «Дьеп», дом 22 по улице Амстердам, где я неизменно пребываю в 11 и в 5 часов.

Приходите же, Несчастный. Я покажу Вам прекрасные вещи (не имеющие отношения к литературе).

ШАРЛЬ БОДЛЕР

98. ЖОЗЕФЕНУ СУЛАРИ

[Париж,] 12 июля 1860

Мой дорогой Сулари, я тысячу раз неправ по отношению к Вам, но всякий большой поэт — сущий ребенок, и я уверен, что в душе Вы меня простили²³⁶. В жизни так много всего нехстати! Я прочел Ваши очаровательные стихи и был восхищен стройной организованностью (без которой не бывает истинного поэта) плана Вашей поэмы и Вашим глубоким пониманием аллегории.

Позвольте мне обратиться к Вам как к старому другу и дать два поручения:

1. Передайте г-ну Арману Фрессу выражения моей искренней дружбы и потерзайте его немного на тот предмет, чтобы он оказал мне честь написать отзыв о «Рае».

2. Справьтесь, сколько г-н Перрен²³⁷ платит за лист (большого формата ин-октаво) и сколько времени ему нужно, чтобы напечатать книгу в 800 страниц. Мне говорят, что он предаст меня мукам мученическим, ежели я ему вверюсь.

Искренне преданный Вам

Ш. БОДЛЕР

Я забыл Ваш адрес.

99. АЛЬФРЕДУ ГИШОНУ

[Париж,] 13 июля 1860

Сударь, признаться мне в столь сильной любви к Эдгару По означает приятнейшим образом польстить мне, поскольку это равносильно тому, чтобы сказать, что меж нами есть сходство. Посему, не откладывая, пишу Вам ответ.

Полагаю, что Вы совершили ошибку, купив те отрывки, о которых идет речь. Я давно готовлю хорошее издание, куда не буду включать философское сочинение «Эврика», которое должно выйти в собрании Леви ценой в 3 франка; и там помещу неизданные отрывки. Впрочем, я предупреждал Вас, что они были весьма неважно напечатаны, в особенности «Демон странности»²³⁸, где не только не воспроизведена фигуративная, заведомо абсурдная, орфография, но были даже пропущены целые строки и слова, что делает многие фразы невразумительными. Есть также погрешности в «Генезисе поэмы»²³⁹.

Если мне удастся поднять это дело, на что я имею основания надеяться, мы примемся за него будущей зимой. Это будет, вероятно, издание большого формата ин-октаво на 800 страницах.

Существуют два портрета. Один из них, открывающий посмертное издание произведений По (у Редфилда, в Нью-Йорке), есть воспроизведение живописного полотна, находившегося у Грисволда. Этот Грисволд, американский писатель, взявшийся привести в порядок бумаги По, не только весьма плохо справился с делом, но еще и оклеветал своего покойного друга во вступлении к изданию; — другой портрет украшает иллюстрированное издание стихов, большого формата ин-октаво, выпущенное в Лондоне. Мое книжное собрание находится не в Париже, и я запомнил имя издателя.

Есть другие издания, а также и другие портреты, но они каждый раз лишь воспроизводят в более или менее измененном виде эти два.

Если мне удастся осуществить задуманное, я их воспроизведу с исключительной тщательностью. На одном из них (в американском издании) у По характерный облик джентльмена — бакенбар-

ды без усов, стоячий воротничок. Изысканность необыкновенная. Другой портрет (в лондонском издании стихов) сделан по отпечатку дагеротипа. Тут он выглядит на французский манер — усы без бакенбард, отложной ворот рубашки. — На обоих портретах у него огромный лоб, что в ширину, что в высоту; весьма задумчивый вид и улыбка на устах. Вопреки громадной мужской силе, исходящей от верхней части головы, у него, в сущности, очень женственное лицо. Глаза большие, очень красивые и очень мечтательные. — Полагаю, что будет полезно дать оба портрета.

Примите, сударь, уверения в моем глубочайшем уважении.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

100. ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

[Париж, конец июля 1860?]

Мой дорогой Теофиль,

Г-н Дюранти верно будет просить у тебя какую-нибудь небольшую комедию для театра марионеток. Будь *таким*, каков ты есть, когда чувствуешь, что надо *таковым* быть, то есть *самым очаровательным из всех людей*.

Помни, что ты не можешь доставить ему большего удовольствия, как прочитав «Несчастье Генриетты Жерар»²⁴⁰. Эта книга *достойна* твоего внимания. Больше мне нечего тебе сказать.

Твой искренне преданный друг

ШАРЛЬ БОДЛЕР

101. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж, конец августа 1860]

Вот еще и фронтиспис завиднелся на горизонте, я погиб. Как можете Вы доверять толкование рядовой идеи рядовому художни-

ку? Бракмон постарается сохранить в своей гравюре все, что возможно. Эти цветы были абсурдны. Не хватало лишь посмотреть книги об аналогиях, символическом языке Цветов и т. д. — Если серьезно, хотите хороший совет? Ежели Вы непременно желаете, чтоб был фронтиспис, вырежьте аккуратно ножницами рисунок Ланглуа и попросите Бракмона сделать только *факсимиле*, не больше, но и не меньше: скелет, ветви, змей, Адам, Ева — в общем, все. Только так Вы придете к чему-нибудь приемлемому. *Лишь бы он не позволил себе чего-нибудь добавить.* Этот фронтиспис уже даже и не наш, но он подходит к книге в настоящем своем виде; он обладает тем достоинством, что может соответствовать любой книге, поскольку вся литература идет от греха. — Я говорю совершенно серьезно. — Если Вы этого не сделаете, Вам ничего, кроме нелепостей, не получить.

А вместо этого что же Вы делаете?

Вы предлагаете Бракмону комбинацию, которая всегда останется неясной для его ума. Вы снова подвергаете себя той же самой опасности — опасности остаться непонятым (он даже не понимает, что это такое — древоподобный скелет, поскольку он даже не пожелал придерживаться Вашего наброска). Ему не изобразить грехов в виде цветов.

Поверьте мне, вырежьте страницу из Вашей книги, а потом Вы ее аккуратно вклеите. Упорно настаивайте на том, что надо *в точности скопировать все изображение, ничего не прибавляя и ничего не изменяя.*

Он захочет сохранить часть нарисованного им скелета, у которого отвратительные пропорции, ноги шагают (почему?) и таз частично скрыт цветами. И наконец, ему никогда не удастся превратить ветви в руки, поскольку кисти доходят до самого края страницы.

Поверьте — либо *Ничего*, либо *Рабская Копия* макаберного образа Ланглуа.

Убежден, что Бракмону до сих пор еще не удалось Вас понять.

Что касается книги критических статей:

Да, наверное. Скоро выйдут два последних отрывка — «Гис» и «Живописцы-философы».

Я был готов к Вашей конечной гипотезе касательно философии истории. — Ваш ум знаком мне, как будто он мое порождение. Думается, это пережитки философских воззрений 1848 года. Прежде всего, разве Вы не улавливаете воображением, что, каковы бы ни были изменения человеческих племен, с какой бы стремительностью ни осуществлялось разрушение всего и вся, неизбежные антагонизмы должны сохраниться и что отношения, принимая разные цвета и формы, остаются теми же самыми?

Это есть, ежели Вы согласны с такой формулировкой, вечная гармония через вечную борьбу.

Кроме того, я полагаю (в силу абсолютного единства созидательной силы), что следовало бы обратиться за консультацией по поводу Вашей гипотезы к какому-нибудь философу-натуралисту, наподобие, например, моего сводного брата; неужели Вы воображаете, чтобы какой-нибудь вид животных мог поглотить все остальные? И разве Вы не видите, что в самой Вашей идее, которая предполагает поглощение всех народов одним-единственным, человек, наивысшее из животных, должен был бы поглотить, вобрать в себя всех животных? — И наконец, ежели и верно, что множество родов (животных) исчезло, верно и то, что народились другие, предназначение коих в том, чтобы пожирать своих соседей или быть пожранными ими; — верно и то, что если некоторые человеческие племена (в Америке, например) исчезли, то народились и другие племена, чье предназначение в том, чтобы продолжать борьбу и сохранять антагонизм, следуя в том извечному закону пропорциональных чисел и сил. Вам хорошо известно изречение Святого Августина, ныне взятое на вооружение доктринерами самопроизвольного зарождения микроскопических существ: «Бог творит в каждую секунду времени». Отсюда надобно заключить, что и борьба продолжается в каждую секунду времени.

Вы вынуждаете меня выступать в качестве философа и ввергаете меня в вопросы, коих я не изучал.

Возвращаюсь к «Цветам». БОЛЕЕ КРУПНЫЙ ШРИФТ, ЧЕМ ПРЕЖДЕ, прошу Вас. — И я возвращаюсь к ужасному Бракмону.

Я дал ему *карт-блани* в таких пределах:

Древоподобный скелет, *древо познания добра и зла*, в тени коего цветут семь смертных грехов, представленных в виде аллегорических растений.

Что же касается древа, я велел ему обязательно обратиться к известной нам превосходной гравюре²⁴¹.

Ему уже объясняли, что такое *древоподобный скелет*, и Вы видите, как он это понял. Он не видит в *Древе познания добра и Зла* внятной ему пластически выразимой идеи.

И Вы, и я вместе с Вами говорили ему обратиться к известной нам превосходной гравюре. К чему все это было?

Нужно, чтобы он просто ее срисовал, воспроизвел, скопировал в целиком и полностью и во всех деталях.

Всецело Ваш

Ш. Б.

И Вы ему даете *карт-блани*!

Я виделся с Феррари, который воспользовался парламентскими каникулами, чтобы приехать сюда. Мне показалось, что его сильнее занимает продажа его книг, чем объединение Италии. Мне показалось также, что он готов на любую комбинацию, и даже волен войти в какое угодно министерство, хоть к Кавуру, хоть к Гарибальди, хоть к Мадзини.

Я посоветовал ему попроситься министром к императору Марокко; он сильно смеялся, но можете мне поверить, что он не так от этого далек.

Последние перлы парижской глупости:

«Гарибальди — это больше чем храбрый и знающий офицер, Гарибальди — *Религия*!» (Поль Мёрис).

«Ортодоксален Гарибальди, а папа — еретик!» (Луи Журдан).

«Вот наконец чертовски крепкий молодец, который всех разгонит подчистую. Держу пари, что не пройдет и двух месяцев, как он будет в Вене!» (Матьё).

По поводу пчел: «Эти милые республиканочки...»! (Леон Пле)

102. АРСЕНУ УССЕ

[Нейи, начало января 1861]

Мой дорогой Уссе,

Я был бы Вам бесконечно обязан, если бы Вы напечатали этот бедный сонет, совершенно жалкий и совершенно одинокий, в ближайшем или по крайности в следующем за ним номере «Артиста». Я рассчитываю, что моя книга²⁴² поступит в продажу между 15 и 20 января.

Мне говорили, что Вы стали совладельцем и соредактором «Ля Пресс». Рекомендую себя Вашей памяти. Будьте покойны, я *неспособен* к излишествам. Я не умею писать романов в десяти томах, ни даже в двух.

Искренне Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

103. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж,] 16 января 1861

Мой дорогой друг,

Я довольно суров к самому себе, однако от всех своих приключений я уже заболел. В состоянии полной оторопи я поручил Бруазу представить Вам отчет о моих действиях, поскольку сам не был расположен писать Вам.

Я отдал ему деньги по всем вексям и остался должен 230 франков. Если бы я свободно располагал своим временем, я (сам) уже

дважды получил бы деньги. Я занимаюсь этим сейчас, и *очень скоро* отдам их ему. Мне хотелось бы сделать еще больше, и Ваше огорченное письмо, полученное мною вчера утром, подтверждает, что это дело срочное. Я снова вернусь к этому предмету.

В последние две недели моя удаленность от Парижа не способствовала большим тратам. Сверх того, вынужденные расходы составили 20 франков у Танре, 25 у Шварца, 10 у Желиса и 74 у Лемерсье (по делу Мореля).

Сумма, которую я должен получить до конца этого месяца, достигает 400 франков.

Прежде всего, мне хочется облегчить душу и сказать Вам то, чего я не говорил никому. Вы сможете судить, что я перенес и что я все еще переношу. Я сбежал из Нейи, дабы сохранить собственное достоинство, не желая оставаться в постыдной и смешной ситуации. В течение двадцати пяти дней против меня находился человек, проводивший все дни напролет в комнате своей сестры, с 8 утра до 11 вечера, мешая мне, таким образом, предаться моему единственному удовольствию, а именно беседе с этой старой и немощной женщиной²⁴³. Когда я захотел дать ему понять, устами его сестры, что мои крайне стесненные обстоятельства или какой-либо непредвиденный случай могут потребовать с его стороны усилий, дабы облегчить положение его сестры, он сказал мне в ответ решительное *нет*, нет сейчас и нет в будущем. Позже он вернулся к этому предмету, предлагая сделать что-либо, ежели я, со своей стороны, передал бы права на то, что может остаться от моего личного состояния. Мыслимо ли представить себе человека, который вернулся черт знает откуда, свалился с луны и который никогда особенно не тревожился о своей сестре и только показывает первые признаки преданности и *осмеливается* при этом требовать гарантий от того, кто в течение девятнадцати лет делал то, что не было велением долга? И это еще не все! Средь плача и рыданий, я вырвал у бедного создания признание, что он, вот уже год как, *проживая у нее*, ОДОЛЖИЛ ей 200 франков!!... Приношу Вам тысячу извинений, мой дорогой Маласси, за то, что рассказываю Вам эти непристойности. — Мне пришлось жить меж весьма странным типом и несчастной жен-

щиной, рассудок коей ослабел. Я бежал, я и сейчас еще нездоров от возмущения, ум мой притупился, и, поверите ли, мне трудно писать более часа кряду.

Несколько дней назад Вы обрадовали меня, написав, что все может быть спасено *стойкостью, терпением и скрытностью*. Во вчерашнем письме Вы пишете нечто прямо противоположное и говорите о полном крахе. Возможно ли, что эти изменения в Ваших мыслях происходят от перемены надежд на уныния или же Вам недостает отважной поддержки Вашего семейства? Ваше начинание ведет, в конечном счете, к славе и, возможно, к деньгам, посему не отступайте. В случае полного краха помните о «Цветах» и о «Рае», которым я придаю столько значения.

Что до моего долга, я вижу лишь один выход, а именно возвращать Вам непрерывно, но мелкими суммами. Перерывши свои бумаги, я вижу, что сумел за восемнадцать месяцев выплатить гостинице «Дьеп» *огромную* сумму. Я сделаю то же самое и для Вас. Говорю чистосердечно, я этого желаю.

Мне нет надобности говорить Вам про несостоятельность Де Бруаза. Он прожигает жизнь.

Кстати, Де Бруаз полагал, что я забегая *вперед*, я полагал *противное*. Вы полагаете, *что и то и другое неверно*. Поразмыслите об этом, когда сможете.

Завтра утром я наверняка получу от Вас нетерпеливое письмо. Я не смогу открыть без страха. Письмо, звонок колокольчика, всякий пустяк заставляют меня вздрагивать. Воля моя находится в прежалком состоянии, и если не окунуться с головой в работу, *из гигиены и всему наперекор*, я пропал.

Еще одно слово, касательно Вашего брата Эдуара, хоть сие ко мне и не относится. Некто, чьего имени я Вам называть не должен, встретил его на костюмированном балу в компании каких-то вертопрахов, где он держал страннейшие речи, говоря то о взятии на себя обязательств, то об основании чего-то. *Все это*, говорил он, *будет зависеть от некоего ответа из Алансона*. Неужели безумец задумал газетенку для молодежи?

Всецело Ваш

Ш. Б.

103 bis. ЖЮЛЮ ДЕЗО²⁴⁴

[Париж,] 19 февраля 1861

Сударь,

Я бы зашел к Вам сегодня, если бы наброски г-на Гиса были готовы. Я самолично выбрал их немало из остающихся у него, одни — на тему Февральской революции, другие — на тему Крымской войны, есть на другие сюжеты. Он упорствовал, однако, в том, что невозможно представить эти наброски, не почистив их немного. Возможно, я смогу принести их Вам завтра. Во всяком случае, я переделал написанную о нем заметку и прилагаю ее к письму.

Что до меня, милостивый государь, Вы со мной едва знакомы, так что простите мне мою навязчивость. Вы сами понимаете, что мы прибегаем к благосклонности Министра лишь в самом крайнем случае и в самый последний момент. Не могли бы Вы представить теперь на подпись касающееся меня дело, за что я был бы Вам чрезвычайно признателен? У меня более почти нет свободного времени для работы.

Мне бы хотелось, чтоб Вы немного узнали того, кому оказываете одолжение. Вот книга, которая испытала некогда большие беды и которой я придаю большое значение²⁴⁵. Быть может, на досуге у Вас найдется время ее просмотреть. Прошу принять Вас, сударь, уверения в совершенной благодарности.

ШАРЛЬ БОДЛЕР
улица Амстердам, 22

Заметка, посвященная г-ну Константену Гису

Поскольку г-н Гис недавно потерял место в «Иллюстрийтед Лондон Ньюс» вследствие смерти г-на Ингрема (потерял не только место, но и ренту, которую он получал с момента возникновения газеты, коему содействовал), он встречался в Лондоне с г-ном де Пегины, давно с ним знакомым, как я полагаю, через посредничество графа д'Орсе.

Г-н де Пегины задумал использовать в переустройстве отделов, ведающих прессой, глубокие познания г-на Гиса в области английской прессы и самого английского духа. Однако это переустройство продвигается крайне медленно, а г-н Гис, таланты которого обогатили множество людей, беден и без места.

Выгодно отличаясь двоякой одаренностью, г-н Гис предстает одновременно и литератором (пишущим на двух языках), и художником. Ему принадлежит множество приобретших большую известность рисунков, которыми мы восхищались в иллюстрированных изданиях. В английском издании «Иллюстрейшн» он автор всего того, что относится к Февральской революции, к английским театрам и, наконец, к Крымской войне, в которой он участвовал, сопровождая английские войска и делая ежедневные зарисовки на местах военных действий. Беда г-на Гиса в том, что вследствие странного аристократического предрассудка он отказывался подписывать свои произведения.

Незавидное место, о котором он просил в Министерстве внутренних дел, должно позволить его художественному таланту проявить себя в более спокойных обстоятельствах, хотя мне представляется несомненным, что он внесет в исполнение своих скромных обязанностей тот пыл, который он вкладывает во все, за что берется. Но, по правде говоря, его место — в сопровождении действующей армии, экспедиции, дипломатических миссий, повсюду, где есть какое-либо грандиозное зрелище, достойное изучения.

Г-н Гис — человек весьма родовитый²⁴⁶, что, по моему разумению, отнюдь не такой пустяк, как это обычно считается, отец его, адмирал, служил Республике, потом Первой империи. Гисы издавна входили во все дипломатические миссии и экспедиции.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Я написал большую работу о его произведениях, но размеры этой работы таковы, что было бы бестактно представить ее в полном виде г-ну Дезо или г-ну Министру.

104. ОГЮСТУ ВАКРИ²⁴⁷

[Париж,] 4 апреля 1861

Мой дорогой Вакри,

Я был бы совершенно неблагодарным человеком, если бы не выразил Вам свою признательность. У меня есть отвратительная привычка мучиться во время спектаклей и даже совсем не понимать представляемую пьесу. Вы же так удерживали мое напряженное внимание на протяжении 7 актов, что можете утверждать, что сотворили чудо²⁴⁸.

Уже много лет, как я не был на представлении драмы. И вот, наконец, драма, одна из наилучших, исполненная стройной упорядоченности и логики и во всем возвышенная. Замечательнее всего то, что, несмотря на тщательную выверенность логических построений, внимание зрителя никогда не ослабевает, оно, кажется, даже удваивается, из страха оказаться не на высоте всех красот произведения.

Как счастливы Вы в Вашем умении извлечь таким образом все, что может содержать в себе идея! Скажу чистосердечно, без обмана и лести, Вы подарили мне одно из живейших наслаждений моей жизни, чего я не испытывал уже давно. Не говоря уже обо всем мастерстве, которое Вы обнаружили, мне хочется похвалить Вас прежде всего за то, что Вы основали действие, всегда исполненное жизни и страсти, на чистейшей абстракции, на *такой смутной и неосязаемой идее, как идея чести* (это не я так говорю). Мне кажется даже, что поначалу публика была слегка оглушена подобной *необычностью*. Она так давно ничего подобного не видела!

Я нахожу, что Ваш наймит, которого Вы так мне расхваливали, слишком тщательно исполняет свою роль, слишком отточенно *декламирует*. Эта манерность придает его комической партии безжизненность холодной закуски. Я нахожу, что персонаж (актер) выходит за пределы задуманной для него роли и нарушает общую перспективу произведения.

Что до Рувьера, непременно скажите ему, если его увидите, как он меня порадовал. Вы должны были быть довольны им, довольны тем, как он велик и изыскан в героизме.

А теперь я вернусь туда еще раз, наверное уже за собственные деньги. Однако же если мне будет необходима Ваша помощь, обращусь я к Вам без стеснения.

Хочу еще раз посмотреть всю моральную механику этой вещи. Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

105. МАДАМ ОПИК

[Париж, 6 мая 1861]

Моя дорогая матушка! Если ты и в самом деле обладаешь гением материнства и если ты еще не устала, приезжай в Париж, приезжай меня навестить, и даже забрать меня отсюда. Тысяча ужасных причин мешает мне поехать в Онфлер, дабы искать там то, чего я так желаю, — немного мужества и материнской ласки. В конце марта я писал тебе: «Увидимся ли мы когда-либо?» Я переживал один из тех кризисов, когда открывается ужасная истина. Не знаю, что бы я отдал за то, чтоб провести несколько дней подле тебя, тебя, единственного существа, на котором держится моя жизнь, — дней восемь, или три, или несколько часов.

Ты теперь не очень внимательно читаешь мои письма, ты думаешь, что я обманываю или, по крайней мере, что я преувеличиваю, когда говорю о своем отчаянии, нездоровье и ужасе перед жизнью. Говорю тебе, что я хотел бы тебя повидать и что я не могу помчаться в Онфлер. В твоих письмах встречается множество заблуждений и ложных идей, которые можно исправить в разговоре и которые невозможно разрушить даже томами переписки.

Каждый раз как я берусь за перо, чтобы описать тебе мое положение, я страшусь, страшусь убить тебя, погубить твое слабое здоровье. Я же беспрестанно пребываю на грани самоубийства, а ты об этом и не подозреваешь. Я думаю, что ты любишь меня страстно, слепо, у тебя такой возвышенный характер! Я же любил тебя страстно в детстве; позже, под гнетом твоей несправедливо-

сти ко мне, я не выказывал тебе достаточного уважения, как если б материнская несправедливость могла оправдать недостаток сыновнего уважения; часто я в том раскаивался, хотя по привычке своей ничего об этом не говорил. Я более уж не дитя, неблагодарное и неистовое. Длительные размышления о моей судьбе и твоём характере помогли мне осознать все мои преступления и все твоё великодушие. Однако зло в конце концов свершено, свершено из-за твоей опрометчивости и моих проступков. Наше предназначение состоит, несомненно, в том, чтобы любить друг друга, жить друг для друга, завершить нашу жизнь как можно более достойно и кротко. И тем не менее ужасные обстоятельства, в которых я нахожусь, приводят меня к убеждению, что один из нас погубит другого и что в конце концов мы погубим друг друга. После моей смерти ты не проживешь долго, это очевидно. Я — единственное, что побуждает тебя жить. После твоей смерти, особенно если б причиной ее стало вызванное мной потрясение, я убил бы себя, это бесспорно. Смерть твоя, о коей ты говоришь часто с излишней смиренностью, никак не исправила бы моего положения: опекунство сохранилось бы в неизменности (отчего бы этому перемениться?), ничто не было бы заплачено, и помимо страданий я испытывал бы *ужасное ощущение полного одиночества*. Убить мне себя самому, нелепо, не правда ли? «Значит, ты оставишь свою старую мать совсем одну?» — скажешь ты. Клянусь честью! ежели у меня и нет на это безусловно-го права, я полагаю, что число страданий, перенесенных мною за *почти тридцать лет*, могло бы меня извинить. «А Господь!» — скажешь ты. Я желаю от всего сердца верить (с какой искренностью, никто, кроме меня, не может этого знать), что стороннее и незримое существо с участием относится к моей судьбе; но как сделать так, чтобы в это поверить?

(Мысль о Боге напоминает мне об этом проклятом кюре. Я не хочу, чтоб ты советовалась с ним, находясь во власти страданий, которые причинит мое письмо. Этот кюре враг мне, возможно, из чистой глупости.)

Возвращаясь снова к самоубийству, мысли о коем, не преследуя меня постоянно, возвращаются периодически, — есть здесь

одно обстоятельство, которое должно тебя успокоить. Я не могу покончить с собой, не приведя в порядок мои дела. Все мои бумаги находятся в Онфлере, в страшном беспорядке. Стало быть, понадобилось бы проделать в Онфлере большую работу. А очутившись там, я не смог бы уже оторваться от близости к тебе. Ибо ты, несомненно, предполагаешь, что мне не хотелось бы осквернить твой дом мерзким поступком. Впрочем, это свело бы тебя с ума. Отчего самоубийство? Из-за долгов? Да, и однако, с долгами можно справиться. Это связано особенно с чудовищной усталостью, проистекающей от непереносимой и *слишком затянувшейся* ситуации. Каждую минуту я получаю подтверждение того, что у меня более нет вкуса к жизни. Когда я был молод, ты совершила большую неосторожность. Твой опрометчивый поступок и мои давние погрешности тяготят меня, обступают со всех сторон. Положение мое жестокое. Есть люди, которые меня приветствуют, есть те, кто мне льстят, есть, возможно, и те, кто мне завидуют. Литературное мое положение более чем приличное. Я могу делать все, что захочу. Все будет напечатано. Поскольку ум мой устроен так, что не располагает к популярности, мне не заработать много денег, но я оставлю по себе большую славу, я знаю это, — лишь бы мне достало мужества жить. Но душевное мое здоровье — в отвратительном состоянии, может быть загублено. У меня есть замыслы: «Мое обнаженное сердце», *романы*, две *драмы*, одна из которых для «Комеди Франсез». Будет ли все это когда-нибудь осуществлено²⁴⁹? *Не думаю*. Положение мое в том, что касается кредитоспособности, просто чудовищно — именно в этом самое страшное зло. У меня ни минуты покоя. Надругательства, оскорбления, публичные унижения, о которых ты не можешь иметь никакого представления и которые притупляют воображение, парализуют его. Я зарабатываю немного, это верно, но ежели бы у меня не было долгов и *ежели бы я не имел больше состояния*, Я БЫЛ БЫ БОГАТ, подумай хорошенько над этими словами, я мог бы давать тебе деньги, я мог бы, ничем не рискуя, помогать Жанне. Мы о ней еще поговорим. Это ты вызвала меня на объяснения. — Все деньги уходят на ведение расточительного и нездорового образа жизни (поскольку я живу

очень плохо) и на оплату или, скорее, частичное погашение старых долгов, судебных исполнителей, гербовую бумагу и т. д.

Теперь я перейду к вещам позитивным, то есть нынешним. Ибо, по правде говоря, мне надобно, чтоб меня спасли, и спасти меня можешь только ты. Мне хочется все высказать сегодня. Я сейчас одинок, у меня нет ни друзей, ни любовницы, ни собаки и ни кошки, коим я мог бы излить свои жалобы. Есть лишь портрет отца, но он хранит молчание.

Я пребываю в том ужасном состоянии, которое испытал осенью 1844 года²⁵⁰. Это такое смирение, что хуже любого исступления.

Однако физическое мое здоровье, которое важно для тебя, для меня самого, для того чтобы я мог делать то, что должно, — вот еще один вопрос! Мне надобно об этом поговорить, хоть ты и не уделяешь этому достаточно внимания. Я не хочу говорить об этих ужасных нервных расстройствах, которые разрушают меня изо дня в день и лишают меня всякого мужества, об этих приступах рвоты, бессонницах, кошмарах, внезапных обмороках. Я и так слишком часто говорил тебе об этом. Однако мне незачем тебя стыдиться. Ты знаешь, что в ранней молодости я заразился сифилисом, от которого, как полагал, позже совершенно излечился. В Дижоне, после 1848 года, болезнь снова дала о себе знать, причем с большой силой. И снова она была залечена. Сейчас она вернулась и приняла новую форму, проявляясь в пятнах на коже и в необыкновенной усталости всех суставов. Можешь мне поверить, *я хорошо в этом разбираюсь*. Возможно, из-за печали, в которую я погружен, владеющий мною страх преувеличивает беду. Но мне необходим строгий режим, а при той жизни, что я здесь веду, я не смогу полностью ему себя подчинить.

Оставляю все это в стороне, мне хочется вернуться к моим мечтаниям; перед тем как перейти к одному плану, о котором я хочу тебе рассказать, хочу напиться их уладами. Кто знает, смогу ли еще раз открыть тебе свою душу, *которую ты никогда не могла ни оценить, ни узнать!* Пишу эти слова без колебаний, настолько твердо я знаю, что они верны.

В детстве моем был период страстной к тебе любви, послушай и прочти это без страха. Никогда прежде я так много тебе об этом

не говорил. Помню одну прогулку в фиакре; ты только что вышла из лечебницы, куда была помещена, и, чтобы доказать, что ты думала о своем сыне, показывала мне сделанные пером рисунки. Теперь веришь, что у меня чудовищная память? Позднее, то было на площади Сент-Андре-дез-Арк в Нейи. Долгие прогулки, беспрестанные ласки! Я вспоминаю набережные, такие печальные вечером. А! то было для меня доброе время материнской нежности. Прошу прощения, что называю *добрым временем* то, что, наверное, было плохим для тебя. Но я всегда живо присутствовал в твоей душе, ты всегда принадлежала мне одному. Ты была мне одновременно и идолом, и товарищем. Тебя удивит, быть может, что я так страстно говорю о столь давнем времени. Меня самого это удивляет. Быть может, прежние времена столь живо рисуются моему воображению оттого, что мной снова овладело желание умереть.

Ты знаешь, какое жестокое воспитание пожелал дать мне позднее твой муж; мне сорок, но я не могу думать без боли ни о коллежах, ни о страхе, который внушал мне отчим. И однако, я его любил, да впрочем, теперь у меня достаточно благоразумия, чтобы отдать ему справедливость. Но ведь он был так упорен в своей неловкости. Ладно, оставим это, я уже вижу слезы у тебя на глазах.

В конце концов я спасся бегством, и с тех пор был полностью предоставлен самому себе. Я потерял голову от наслаждения, не прерванного возбуждения; путешествия, красивая мебель, картины, женщины и т. д. За что сегодня несу жестокое наказание. Что же до пресловутого Опекунства, могу сказать лишь одно — сегодня я понимаю огромное значение денег и сознаю важность всего, что к ним относится; мне представляется, ты могла поверить, что действовала правильно и мне во благо; однако меня все время преследует один и тот же вопрос — как получилось, что тебе не пришла в голову такая мысль: «Дух благонравия, быть может, никогда не был присущ моему сыну в той же степени, что и мне, но, может быть, он станет человеком замечательным в других отношениях. Как поступлю я в таком случае? Обреку ль его на двойное существование, исполненное противоречий, существо-

вание достойное, с одной стороны, и постылое и презренное — с другой? Обреку ль его влачить до старости прискорбное клеймо, которое вредит ему, вызывает бессилие и тоску?» Бесспорно, не будь созван этот Опекунский совет, все было бы растрачено. И пришлось бы, конечно, обрести вкус к работе. Опекунский совет был созван, *все растрачено, и я стар и несчастен.*

Возможно ли обновление? Весь вопрос в этом.

Это возвращение к прошлому имело одну цель — показать, что меня можно во многом извинить, если даже не полностью оправдать. Ежели в написанном мною ты чувствуешь упрек, знай, по крайней мере, что это никак не уменьшает моего восхищения твоим великодушным сердцем, моей признательности за твою преданность. Ты всегда приносила себя в жертву. Все, что у тебя есть, это гений самопожертвования. Более милосердия, нежели разума. Но я прошу тебя о большем. Я прошу у тебя одновременно совета, поддержки, полного взаимного согласия меж нами, дабы я смог выбраться из создавшейся ситуации. Умоляю тебя, приезжай, приезжай. У меня почти не осталось ни нервных сил, ни мужества, ни надежды. Я вижу перед собой непрерывную череду ужаса. Я вижу, что моя жизнь в литературе навеки стеснена. Я вижу катастрофу. Ты вполне можешь попросить остановиться на неделю у друзей, у Анселя к примеру. Не знаю, что б я отдал, дабы тебя увидеть, обнять тебя. Я предчувствую катастрофу, и я не могу поехать сейчас к тебе. В Париже мне плохо. Дважды я уже совершал неосторожный поступок, который ты расценила бы строже, я кончу тем, что совсем потеряю голову.

Я прошу тебя о твоём счастье и прошу тебя о твоём²⁵¹, покуда мы способны еще познать *сие*.

Ты позволила мне открыться тебе, рассказать о моем плане, вот он: я прошу о полумере. Отчуждение от моего наследства крупной суммы, ограниченной, к примеру, 10 000 франками: 2000 — для немедленной выплаты мне, 2000 — для передачи в твои руки, дабы защитить тебя от предвиденных или непредвиденных нужд, нужд повседневной жизни, платья и т. д... на год (Жанна будет помещена в лечебницу, где будет оплачиваться только самое необходимое). О ней, впрочем, я поговорю чуть позже. На это меня

толкнула опять-таки ты. И наконец, 6000 франков будут отданы в руки Ансея или Марена, они будут расходоваться медленно, постепенно, с осторожностью, так чтобы возместить, возможно, более 10 000 франков и дабы воспрепятствовать всякому потрясению, всякому скандалу в Онфлере.

Это даст целый год спокойствия. Я был бы страшным глупцом и страшным негодяем, если б не воспользовался этим для обновления моих сил. Все деньги, приобретенные за это время (10 000 франков, быть может, только 5000 франков), *будут переданы в твои руки*. Я не стану скрывать от тебя ни одного моего дела, никакого моего дохода. Вместо того чтобы затыкать дыры, эти деньги будут наконец употреблены на долги. — И так же в дальнейшем, в последующие годы. Таким образом, с помощью обновления, которое будет происходить у тебя на глазах, *быть может*, я смогу *все оплатить*, без сокращения моего капитала на более чем 10 000 франков, не считая, правда, 4600 франков предшествовавших лет. И дом будет спасен. Ибо это одно из соображений, которые я непрестанно имею в виду.

Ежели бы ты согласилась на этот блаженный план, я был бы не прочь переехать в конце месяца, быть может, тотчас же. Я согласен, чтобы ты приехала за мною. Ты понимаешь прекрасно, что есть целая тьма деталей, которым не найдется места в письме. Одним словом, я желал бы, чтобы всякая сумма оплачивалась лишь после твоего согласия, после зрелого обсуждения между нами, — в общем, чтобы ты стала *моим подлинным Опекунским советом*. Неужели нам придется соединять столь ужасную мысль со сладостной идеей материнства!

К сожалению, в этом случае пришлось бы проститься с малыми суммами, с малыми барышами, 100 франков там, 200 франков сям, кои обещает текучка парижской жизни. Зато у нас будут крупные вложения финансов и большие книги, дохода от которых придется ожидать подольше. — Советуйся лишь сама с собою, со своей совестью и с твоим Богом, поскольку тебе дано счастье веровать в Него. Осторожно делись своими мыслями с Анселем. Он добр, но у него ограниченный ум. Он не в состоянии поверить, что своенравный шалопай, которого ему приходилось

пробирать, может быть значительным человеком. Вместо того чтобы думать единственно о деньгах, подумай немного о славе, о покое и о *моей жизни*.

В этом случае, повторю, я приезжал бы не на пару недель, не на один-два месяца, а жил бы у тебя постоянно, кроме тех случаев, когда бы мы вместе наезжали в Париж.

Работу над гранками можно осуществлять по почте.

Еще одна из твоих ложных идей, которую надобно исправить и которая не сходит у тебя с пера. *Я никогда не скучаю в одиночестве, я никогда не скучаю подле тебя*. Я знаю лишь, что мне будут докучать твои друзья. На это я согласен.

Несколько раз мне приходила в голову мысль созвать семейный совет либо предстать перед судом. Известно ли тебе, что у меня нашлось бы что сказать, хотя бы следующее: *я опубликовал восемь книг в ужасных условиях. Я могу зарабатывать себе на жизнь. Меня убивают долги моей юности*.

Я не сделал этого из уважения к тебе, из почтения к твоей страшной чувствительности. Сблагороди быть за то мне признательной. Повторяю тебе, я обязал себя прибегнуть лишь к твоей помощи.

Начиная со следующего года я выделю Жанне доход с остающегося капитала. Она удалится жить куда-либо, дабы не быть в полном одиночестве. Вот что с ней приключилось. Чтоб от нее отделаться, ее брат запихал ее в госпиталь, и, выйдя оттуда, она обнаружила, что он распродал часть ее мебели и платья. За четыре месяца, что прошли с тех пор, как я сбежал из Нейи, я дал ей всего 7 франков.

Я умоляю тебя, покоя, дай мне покоя, работы и немного нежности.

Очевидно, что в моих делах в настоящее время есть страшно неотлагательные вещи; так, я снова совершил проступок, прибегнув к неизбежным банковским махинациям и растратив на личные долги не принадлежащие мне сотни франков²⁵². *Я был просто вынужден сделать это*. Само собой разумеется, я полагал, что смогу тотчас же возместить ущерб. Один человек в Лондоне не отдает мне 400 франков долга²⁵³. Другой, что должен

мне 300 франков, находится в путешествии. Как всегда, непредвиденное. — Сегодня я проявил *ужасающую смелость*, признавшись в письме к заинтересованному лицу в моем проступке. Что будет за сцена? НЕ знаю. Но я хотел снять груз со своей совести. Надеюсь, что из уважения к моему имени и моему таланту до скандала дело не дойдет и что это лицо согласится подождать.

Прощай, у меня больше нет сил. Снова входя в подробности в отношении здоровья, скажу, что вот уже почти три дня, как я не спал и не ел, горло перетянуто. — И надобно работать.

Нет, я не прощаюсь с тобой, поскольку надеюсь снова тебя увидеть.

О! прочти внимательно это письмо, постарайся меня понять.

Я знаю, что оно произведет на тебя болезненное впечатление, но ты несомненно почувствуешь в нем нотки смиренной нежности и даже надежды, которые тебе доводилось слышать слишком редко.

И я люблю тебя.

Ш. Б.

106. ФЕРЕНЦУ ЛИСТУ²⁵⁴

[Париж, около 10 мая 1861]

Сударь,

Я встретился сегодня с г-жой Вагнер, сообщившей мне, что Вы получили мою брошюру о Вагнере и что были бы рады со мной повидаться. Я решил предупредить Ваш визит, опасаясь, что Вы меня не застанете, поскольку у меня сейчас множество дел. Мне известно, что Вы уезжаете 20-го. Я приду Вас повидать. Вот уже много лет, как я желаю найти случай засвидетельствовать Вам все то расположение, которое внушают мне Ваша личность и Ваш талант.

Ш. БОДЛЕР

107. НЕИЗВЕСТНОМУ

[Париж,] 11 июля 1861

Сударь, когда речь идет о моих произведениях, я ни у кого не оспариваю свободы судить о них, это дело вкуса. Я не намерен доказывать человеку, на которого они наводят скуку, что он заблуждается, не полюбив их.

Здесь вопрос в другом, я выражаю свое мнение о прославленном музыканте²⁵⁵, я отвечаю на критику, ей и надо доказывать мне неточность моих высказываний.

К великому счастью, позволительно также пытаться урезонить клеветников, коих не может оправдать даже нужда заработать себе на пропитание, когда они пишут статьи столь же злобные, сколь бесполезные.

Когда я читаю в газетенках (периодических, если им это удастся, и всегда безвестных), что я продаю свои рукописи немецким газетам, чувство собственного достоинства подсказывает мне никак не защищаться от подобных обвинений.

Злобная критика не трогает меня, когда она подписана незнакомцем, однако она производит на меня тягостное впечатление, когда исходит от тех, кто, подобно Вам, мне кое-чем обязан.

Искусство в целом представляет собой поле спора, но было бы чрезвычайно странно, если б музыка стала полем боя.

На этом, сударь, все.

Ш. БОДЛЕР

108. ФИЛИБЕРУ РУВЬЕРУ

Париж, 6 нояб[ря] 1861

Мой дорогой Рувьер,

Вот еще один энтузиаст, имя которого Вам, быть может, известно и который непременно хочет получить позволение сделать с Вас портрет в полный рост (в театральном костюме) для Выставки.

Г-н Легро²⁵⁶ принадлежит к числу моих друзей. Он автор «Анжелюса», о котором я написал даже меньше хорошего, чем думаю, а также двух больших картин, которые Вы можете увидеть на выставке на Итальянском бульваре. Вы прекрасно друг с другом поладите, *я это знаю*. Г-ну Легро известно, что Вы художник. Попросите у него также разрешения посмотреть его офорты. Они Вас заинтересуют.

Со всей моей преданностью. Мои поклоны г-же Фруадюр.

Мне неизвестен Ваш новый адрес. Посылаю это письмо в театр.

Г-н Легро проживает в доме 289 по улице Сен-Жак.

Ш. БОДЛЕР

109. МАРИО ЮШАРУ²⁵⁷

[Париж, ноябрь 1861]

Сударь,

Прежде всего, я должен поблагодарить Вас за то удовольствие, которое доставило мне чтение «Реймона». Но поскольку Вы просили меня о предельной откровенности, я свободно прибегну к оной, не боясь Вас задеть.

Роман показался мне распадающимся на две заметно отличные друг от друга части: первая — «Мимолетные влюбленности» (меня она не сильно затронула); вторая, в которой я нашел мощь и возвышенность в духе замыслов Годвина²⁵⁸ (как видите, похвала сильна) — это *драма*, разыгрывающаяся меж сыном и отцом.

Эти две части совершенно различны, они даже и написаны по-разному. Первая изобилует отступлениями и вставками, действие развивается медленно. Многие из этих отступлений имеют для меня малопривытный привкус (например, насмешки над Байронизмом. Зачем приходить на помощь гг. Прюдомам²⁵⁹? Они и так достаточно сильны).

Вторая часть основательна, будит мысль и спаяна в единое целое, подобно драме.

Таким образом, именно *суровые, горькие* стороны Вашего произведения вызвали у меня сочувствие. *Игривые* его стороны меня едва ли не оскорбили. Впрочем, все эти отступления от основного действия неизменно выливаются в разрушение *магии* книги, веры читателя и правдоподобности всего приключения. Вы слишком часто говорите «я», а когда говорят «я» (за исключением книг, где «я» — основная тема), тем самым отвлекают внимание читателя от наслаждения, вызываемого интересом к книге.

Тип «англичанина» изображен превосходно и вызывает расположение.

Рассказ о страданиях покинутой матери (род вдовства, отягощенного бедностью) очень хорош.

И что касается сцены узнавания отца и сына, подавленность отца, мгновенная перемена его характера — все сделано отменно.

Но я вновь настаиваю на странности впечатления, которое оставляет книга, кажущаяся составленной из двух не связанных меж собою книг.

Еще одно неприятное замечание.

Ваши персонажи слишком часто изъясняются на языке светских людей. Мне кажется, лучше бы они пользовались менее *подлинным* и менее *светским* стилем.

Как видите, сударь, я повиновался Вам, повиновался вплоть до опасности вызвать Ваше неудовольствие. Принося еще раз мою благодарность (и мои извинения), прошу Вас принять выражение моих наилучших чувств.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

110. АБЕЛЮ ВИЛЬМЕНУ

Непременному секретарю Французской академии

[Париж,] 11 декабря 1861

Сударь,

Имею честь известить Вас, что я желаю быть внесенным в список кандидатов, претендующих на одно из свободных сейчас в

Академии кресел, и прошу Вас оказать мне любезность сообщить Вашим коллегам о моих намерениях по этому поводу.

Возможно, что в глазах слишком снисходительных у меня есть несколько работ, дающих право на признание: позвольте Вам напомнить *книгу поэзии*, наделавшую больше шума, чем хотелось; *перевод*, способствовавший признанию во Франции великого и неизвестного поэта, строгое и тщательное *исследование* наслаждений и опасностей, заключающихся в *Возбуждающих средствах*; и наконец, множество *брошюр и статей* о ведущих художниках и литераторах моего времени.

Однако в моих собственных глазах список этот, сударь, явно недостаточен, особенно в сравнении с теми более многочисленными и необычными произведениями, которые виделись мне в мечтах. Поверьте мне, сударь, и я очень прошу Вас передать это другим, скромность моя совсем не напускная; она диктуется не только обстоятельствами, но также и моей совестью, столь же строгой, как совесть всех великих честолюбцев.

Говоря по всей правде, основное соображение, побуждающее меня добиваться Ваших голосов, состоит в том, что если бы я решился добиваться их, лишь *почувствовав себя того достойным*, то я не стал бы добиваться этого *никогда*. Я подумал, что, быть может, лучше попытаться немедленно; если имя мое известно некоторым из Вас, может статься, дерзость моя найдет хороший прием и несколько *чудом* полученных голосов послужат мне великодушным ободрением и повелением достичь большего.

Прошу Вас, сударь, сообразоволив принять и передать Вашим коллегам уверения в моем глубоком уважении.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

111. ШАРЛЮ АССЕЛИНО

[Париж, декабрь 1861 ?]

Мой дорогой друг,

Что касается Эмиля Ожье, постарайтесь разузнать не о возможности привлечь его на мою сторону (думаю, что это невозможно),

а о том, смогу ли я представиться ему, *не подвергаясь опасности*, что означает, не изменяя самому себе.

Связан ли он с Понсаром?

Думаете ли Вы, что я мог бы, не совершая бестактности и с некоторыми шансами на удачу, попросить Жанена замолвить несколько слов о моем деле? Всецело Ваш

Ш. Б.

улица Амстердам, 22

Известно ли Вам, что у него (Ожье) изменился адрес?

112. АЛЬФРЕДУ ДЕ ВИНЬИ

[Париж, около 16 декабря 1861]

Сударь,

На протяжении многих лет я мечтал быть представленным Вам, как одному из самых наших драгоценных мэтров. Выдвижение моей кандидатуры во Французскую академию дало мне в последнее время предлог самому представиться Вам. Но, узнав о тяжелом состоянии Вашего здоровья, я счел своим долгом воздержаться от посещения из скромности. Однако вчера г-н Патэн сказал мне, что Вы чувствуете себя значительно лучше, и тогда я решился навестить Вас и утомить в течение нескольких минут своим присутствием.

Убедительно прошу Вас немедленно выставить меня безо всяких церемоний, если Вы опасаетесь, что визит, как бы краток он ни был, рискует Вас утомить, даже если речь идет о визите одного из самых горячих и преданных Ваших поклонников.

Ш. БОДЛЕР

113. АЛЬФРЕДУ ДЕ ВИНЬИ

[Париж, около 16 декабря 1861]

Сударь,

Я вернулся к себе совершенно ошеломленный Вашей добротой, и поскольку мне очень хочется, чтобы Вы имели обо мне лучшее представление, посылаю Вам несколько больше того, о чем Вы просили.

В двух брошюрах («Рихард Вагнер», «Теофиль Готье») Вы найдете несколько страниц, которые Вам понравятся.

Вот «Рай», которому я имею слабость придавать некоторое значение. Первая часть полностью написана мною. Вторая представляет собой анализ книги Де Квинси, в который я добавлял местами собственные мысли, однако с большой скромностью.

Вот также «Цветы», последний экземпляр на хорошей бумаге. Говоря по правде, он давно уже предназначался для Вас. Все старые стихотворения переделаны. Все новые я пометил карандашом в оглавлении.

Единственная похвала, которой мне хотелось бы для этой книги, заключается в признании, что это не альбом стихов, что у нее есть начало и конец. Все новые поэмы были написаны в согласии с единственным в своем роде обрамлением, которое я некогда нашел.

Прилагаю старый номер журнала, где Вы найдете опыт нового начинания, которое, возможно, Вас заинтересует²⁶⁰. Жюль Жанен и Сент-Бёв нашли в нем известную прелесть. — Что касается моих статей об искусстве и литературе, у меня под рукой нет ни одного экземпляра.

Если я смогу раздобыть экземпляр старого издания «Цветов», я его Вам pošлю.

И вот наконец стихи По. Не буду обращать Ваше внимание ни на что в особенности, все в равной мере представляет интерес. Не возвращайте мне этот томик, у меня есть второй экземпляр.

Еще раз благодарю Вас, сударь, за тот очаровательный прием, который Вы мне оказали. Как бы ни были возвышенны мои пред-

ставления о Вас, я на него не надеялся. Вы даете новое подтверждение тому, что большой талант всегда соединяется с замечательной добротой и изысканной снисходительностью.

ШАРЛЬ БОДЛЕР
улица Амстердам, 22

114. ВИКТОРУ ДЕ ЛАПРАДУ²⁶¹

[Париж.] Понедельник, 23 декабря 1861

Сударь,

Я настолько ошеломлен и подавлен кучей дел, что мне до сих пор не удалось найти свободной минуты сказать Вам, как я собирался вначале, насколько, как поэт, я был удручен и оскорблен министерским произволом, который совсем недавно поразил в Вас одного из наших лучших и серьезнейших поэтов. Я говорю это с тем большей искренностью, что чувствую, как столь жесткие меры вскоре повредят (в глазах людей поверхностных) и тому, кого назовут Вашим разоблачителем. А он принадлежит к моим стариннейшим друзьям. Министр, наносящий удары Вам, компрометирует и его. И тем не менее, резкость литературной критики не обязательно означает желание причинить вред. Он безвиновен и наказан одновременно²⁶². — В последние дни у меня был случай побеседовать об этом деле с гг. Патеном и де Виньи, и я видел, что все это вызывает у них огорчение. Несмотря на теорию, которой придерживается министр, мы во Франции никогда не привыкнем считать преподавателя слугой, все наше воспитание этому противится. — Недавно я встречался с г-ном Полем Шенаваром и просил его замолвить перед Вами слово за меня. Возможно, Вам неизвестно, что я вознамерился выставить свою кандидатуру в Академию, как если бы в моей жизни, и так уже столь сложной, не хватало мучительных приключений и как если бы я не испытал уже немало тяжких ударов. Ах! Сударь, что за заботу взвалил я

себе на плечи! Мне говорили: «Большая часть этих господ ничего о Вас не знают, а некоторые, к несчастью, знают Вас». Если бы я решился, я претендовал бы на кресло отца Лакордера, поскольку он был религиозным деятелем и *Романтиком*; но мне сказали, однако, что моя кандидатура сама по себе уже достаточно скандальна, даже если не усугублять это желанием наследовать монаху; тогда я подавил свое восхищение отцом Лакордером и сделал вид, что желаю получить кресло Скриба.

Шенавар сделал что мог, дабы отвратить меня от моего безумия; но поскольку оно мной овладело, надобно упорствовать в нем до конца. Он сказал мне, что Вы принадлежите к одной из партий (мне неизвестно, на какие партии делятся обитатели Парнаса, и *прослыви я даже глупцом, я не хочу справляться об этом*). Я отвечал ему, однако, что твердо полагал Вас роялистом и, к несчастью, придерживаюсь идей, противоположных Вашим, тем не менее я неукоснительно пользуюсь своим правом быть нелепым, и, несмотря на очевидный долг каждого республиканца быть безбожником, я всегда оставался ревностным католиком, что создает меж нами общность, не говоря уж о той, что зиждется на поэтическом размере и рифме. Тогда, должен Вам признаться, мой друг Шенавар разразился смехом; философ, изощренный резонер не смог учуять католика под покровом «Цветов Зла». И все-таки, предположив, что это произведение исполнено дьявольского духа, существует ли что-нибудь, если так можно выразиться, более католическое, нежели Дьявол?

Говоря серьезно, сударь, я сделал большую глупость и упорствую в ней, дабы придать ей видимость разумного действия. Вынужденный говорить о своих заслугах, я представляюсь первыми тремя томами моих переводов Эдгара По, четвертый (трактующий о чистых науках под этим немислимым заголовком «Эврика») находится в печати; — моими прискорбными «Цветами Зла» (возможно, у Вас нет последнего исправленного издания, дополненного тридцатью пятью новыми отрывками, согласованными с общим планом. Я постараюсь отправить его Вам); — моим трактатом о Возбуждающих средствах («Искусственный рай»), которому я обязан этой невероятной глупостью, высказанной

г-ном Вильменом с не поддающейся описанию торжественностью: «Токсикология, сударь, — это еще не Мораль!» Вполне вероятно, это яснее ясного, но разве нет необходимости говорить о Морали в связи с Токсическими веществами?; — а также представляюсь весьма значительным числом эссе о современных литераторах, о художниках, скульпторах, граверах, музыкантах и т. д.

Все это, признаюсь, почти ничто, особенно в сравнении с тем, что мне мечталось.

Извините меня, сударь, за длинное письмо, но мне хочется облегчить душу от усталости, причиненной мне первыми визитами, пред человеком мне незнакомым, но в котором я угадываю некоторое расположение. Говоря по правде, эти визиты довели меня до нервного изнеможения. Я вполне наказан за свое неуместное честолюбие. Быть может, я не буду иметь удовольствия встретиться с Вами, когда Вы приедете в Париж. Быть может, вскоре я спасусь бегством на морское побережье, после того как дам возможность пожурить или побранить меня всем академикам, нанести визит которым меня обязывают условности. (Однако, я не уеду, не выказав моего почтения Монсеньору Орлеанскому. Мне хочется довести свою глупость до конца тщательно и добросовестно.) Итак, прошу Вас считать это письмо равноценным официальному визиту. Если и есть случай, когда республиканские формулировки не кажутся смешными, это, бесспорно, когда дело касается поэтов. На сем основании, сударь, соблаговолите принять мое братское приветствие.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Если Вы общаетесь с г-ном Жозефом Сулари и г-ном Арманом Фрэссом, передайте им мои дружеские чувства. Если Вы знаете г-на Жанмо, скажите ему, что давно уж я надеюсь воздать ему должное и что я готовлю большую работу, которая будет называться «Художники-философы», «Мыслящие художники» или как-нибудь в этом роде. Мне хорошо знакома лионская атмосфера, которую отличает совершенно особый характер²⁶³. —

115. АРСЕНУ УССЕ

[Париж.] Рождество. 1861

Мой дорогой Уссе,

Вы умеете так хорошо заполнять свой день, сохраняя при этом видимость незанятости, что, наверное, найдете несколько минут, чтобы посмотреть этот образчик поэм в прозе, который я Вам посылаю. Я давно уже покушаюсь осуществить подобный замысел и намереваюсь посвятить его Вам. В конце месяца я предоставлю Вам все, что будет сделано (заглавие: «Одинокый гуляльщик» или, может быть, лучше «Парижский бродяга»). Будьте же снисходительны, ибо Вы сами сделали несколько опытов в том же роде и знаете, насколько это сложно, особенно если хочешь избежать того, чтобы это выглядело так, будто речь идет лишь о замысле, который еще только предстоит облечь в стихотворную форму.

Я счел уместным совершить тяжкое безумство; я имею в виду мою кандидатуру в Академию. Вы, как мне сказали, прошли через это, то есть Вы знаете, что это за ужасная одиссея, одиссея без сирен и без лотоса. Вы меня чрезвычайно одолжите, если дадите знать об этой неслыханной кандидатуре в Вашей колонке в «Курье де л'Артист» и в «Ля Пресс» под именем «Пьер де л'Этуаль»²⁶⁴. Быть может, Вы тоже выставили свою кандидатуру. Но клянусь, Вы можете быть ко мне великодушны, не подвергая себя опасности. Впрочем, Вы были бы великодушны и в случае опасности. — К тому же Вы с легкостью поймете меня, если я Вам скажу, что, не питая на свой счет никаких иллюзий, я из удовольствия превратил себя в козла отпущения за всех обойденных фортуной литераторов.

Мне хотелось привезти Вам две рукописи: одну — для «Ля Пресс» (о которой мы говорили) и одну — для «Л'Артист»; в последней я продвинулся дальше. Уже много лет, как я мечтаю о моих поэмах в прозе.

В то же время я попрошу Вас заплатить мне за уже написанную часть или даже за все в целом, поскольку после внезапного и одновременного разорения «Ревю фантезист» и «Ревю эропеен» я

буквально разорен; но поскольку сейчас начало года, поскольку Вы, возможно, стеснены в средствах и к тому же непозволительно вот так ни с того ни с сего сваливаться на людей, и, наконец, поскольку мне хотелось бы согласовать безотлагательное удовлетворение своих нужд с Вашими интересами, то за неимением денег я попрошу у Вас письменное обещание напечатать стихотворения, при таких условиях я смогу обратиться к кошельку одного своего друга, который всегда для меня открыт.

Положительная сторона этой работы в том, что можно остановиться, где захочешь. Мне представляется, что Этцель найдет, из чего тут составить романтический томик с иллюстрациями.

Отправной моей точкой был «Гаспар из Тьмы» Алоизиуса Бертра²⁶⁵, который Вам, без сомнения, известен. Но я очень скоро почувствовал, что не в силах упорствовать в стилизации и что произведению этому подражать невозможно. Я смирился с тем, чтобы быть самим собою. Пусть хотя бы я буду занимателен, Вы ведь будете довольны, не правда ли?

Я уже давно хотел предложить Вам этот томик, но вот узнаю, что Вы совершаете чудо, или, по крайней мере, желаете его свершить, решив обновить «Л'Артист». Это было бы прекрасно, поскольку обновило бы нас обоих²⁶⁶.

Наконец, как бы то ни было и что бы Вы для меня ни сделали, заранее Вас благодарю. Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

116. [ЖЮЛЮ ДЕЗО]

[Париж,] 30 декабря 1861

Сударь,

Вполне естественно, ежели Вы забыли, что за последнее время я два раза виделся с Вами и сообщал Вам о своем намерении обратиться к Вам и к г-ну Министру, с тем чтобы добиться облегчения в незаслуженных затруднениях. Я долго мешкал, тянул вплоть до

последнего дня года, как Вы сами можете убедиться. В моем поведении есть немало деликатности, а главное — сильное нежелание прибегать к кому-либо, помимо себя самого, когда случаются денежные затруднения, и, наконец, у меня есть убеждение, *наверняка достойное презрения*, что нет персоны менее достойной внимания, чем ученый, поэт или художник. С тех пор как я имел удовольствие с Вами встретиться, появились новые обстоятельства, отягчающие мое положение, в особенности крах двух журналов, одного за другим на протяжении месяца, — двух журналов, которые служили мне опорой, в том числе *«Ревю эропеен»*. Не мне судить, хорошо ли поступило правление, пожертвовав изданием, им некогда основанным, быть может, все сделано правильно, но я знаю, что есть писатели, не лишенные заслуг, которые не могут снова обратиться к г-ну де Калону; я, например, возместил ему очень значительную сумму, дабы иметь право с ним расстаться, и по причине моего имени, положения и возраста я не могу согласиться на смехотворные цены, которые он предлагает своим сотрудникам. Впрочем я не питаю к нему ни неприязни, ни злобы и ни за что на свете не желал бы ему навредить.

Одним словом, сударь, положение мое таково, что я вынужден обратиться к Вам. Я никогда не сомневался в Вашей доброжелательности, но Вы догадываетесь, что искусному мастеру и правда тяжело признаваться, что ремесло его не может его прокормить. Один раз, *один-единственный раз, как исключение*, я желал бы просить г-на Министра сообразовоить выделить мне одно из тех пособий, что действительно помогают выйти из положения человеку в стесненных обстоятельствах, предоставив ему более или менее продолжительную передышку, например 1000 франков. Это обеспечило бы меня на три месяца. Уже более трех лет лежит у меня под спудом драма, предназначенная для одного из крупных театров на Бульваре, — плохо написанная, плохо выстроенная, так и не завершенная вследствие тысячи жизненных неприятностей — масштабная патриотическая драма политического характера (без придворных нелепостей), в которой мне хотелось бы соединить литературное начало со зрелищностью больших представлений. Это точно хорошая идея, и мы, поэты, мы просто вынуждены прибегать к таким идеям, вынуждены на-

ходить себе прибежище в *Экс-Центрических* кругах, поскольку в литературных Центрах (например, «Комеди Франсез») хотят играть лишь водевили, без длинных монологов.

Если б я мог получить от г-на Министра то, о чем прошу Вашего посредничества, я немедленно скрылся бы в уединении, дабы уверенно завершить это предприятие.

Полагаю, сударь, что моя просьба будет некстати. Вы можете сослаться на исчерпанный бюджет, на проволоочки, без которых не обходится любая администрация, наконец, на десятидневный срок, который должен пройти между днем подписи министром и днем выплаты в Министерстве финансов. Тем не менее я рассчитываю на то, что Ваша несомненная доброжелательность победит все затруднения, в том числе и те, что всегда сопутствуют началу нового года.

По выказываемой мною настойчивости Вы можете догадаться о безотлагательности содействия, о котором я ходатайствую. Могу Вам сознаться, дабы прибавить комичности в дело довольно грустное, что в последнее время, после того как я выставил официально мою кандидатуру на выборы в Академию, я был лишен, понятно почему, удовольствия преподнести собрание своих произведений членам Академии, которые пожелали бы их прочесть. Этой комичной детали, раз уж комичен всякий, кто желает быть оцененным по заслугам, будет довольно, чтобы доказать Вам, что письмо это (быть может, несколько раздраженное по тону) предназначено Вам одному, если только Вы не сочтете должным показать его г-ну Министру. Г-н Фульд знал меня, г-н Валевски не знает. В конечном счете, я буду Вам бесконечно обязан, если Вы сообщите г-ну Беллаге только самую суть моей просьбы. Не имея чести быть тесно знакомым с Вами, я написал Вам письмо почти задушевное. Надеюсь, что поступил правильно, поскольку мне известен ум человека, к которому я обращаюсь. —

Вместе с моей благодарностью соблаговолите принять, сударь, уверения в моих наилучших чувствах.

ШАРЛЬ БОДЛЕР
улица Амстердам, 22

117. ЭДМОНУ ТЕКСЬЕ²⁶⁷

[Париж,] 30 декабря 1861

Мой дорогой Тексье, в Вашей еженедельной хронике в «Сьекль» (не вышедшей в одно из последних воскресений) я не заметил сначала касающейся меня превосходной фразы²⁶⁸. Потом мне указали на нее, и я Вас за нее благодарю. Невозможно было сказать лучше: «Вот кандидат, который несомненно провалится, но не вызовет у нас смеха». Вы предупредили опасность.

Вот и январь. Надо сообщить Вам мой адрес для посылки гранок «Гиса». Мне придется немедленно известить Маласси, которому, быть может, по-прежнему непременно хочется выпустить брошюру, дабы он мог условиться с Вашей типографией. Строки переделывать не будем, просто разделим столбцы на две или три части.

(Если бы у нас было свободное время и если б мы могли потратить на эту затею некоторую сумму денег, можно было б представить попутно со статьей рисунки Гиса, из числа самых необыкновенных и самых необычных. Однако эту мечту можно послать к черту, прежде всего потому, что уже слишком поздно, а еще и потому, что мы не сможем найти тех, кто сумеет передать в деревянной гравюре все своеобразие Гиса, и наконец, потому, что в этом случае нам потребуется сам Гис, а человека менее покладистого и более причудливого еще поискать.)

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР
улица Амстердам, 22

118. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

[Париж, 24 января 1862]

Мой дорогой Флобер, я совершил безрассудство, безумие, которое сейчас упорством своим превращаю в мудрость. Если бы у

меня было достаточно времени (но это было бы надолго), я бы поразвлек Вас рассказами о своих академических визитах.

Мне сказали, что Вы в весьма тесных отношениях с Сандо²⁶⁹ (который несколько дней тому назад сказал одному из моих приятелей: «Так г-н Бодлер пишет прозой?»). Я был бы Вам бесконечно обязан, если б Вы написали ему, что Вы обо мне думаете. Я повидаю его и объясню ему смысл своей кандидатуры, которая так поразила некоторых из этих господ²⁷⁰.

Уже очень давно я хотел послать Вам брошюру о Вагнере и еще что-нибудь, однако у меня самого нет ни одной книги, что весьма нелепо для кандидата.

Сент-Бёв опубликовал в прошлый понедельник в «Ле Консти-т్యюсьонель» мастерски написанную статью о кандидатах, в сущности памфлет, от которого можно помереть со смеху.

Всецело Ваш и Вам преданный

Ш. БОДЛЕР
улица Амстердам, 22

119. СЕНТ-БЁВУ

[Париж, около 24 января 1862]

Ну вот, еще одна услуга, которой Вы меня обязали! Когда же это закончится? — И как Вас благодарить?

Я пропустил Вашу статью. Этим объясняется опоздание, с которым я пишу Вам письмо.

В нескольких словах, дорогой друг, опишу Вам тот особый род удовольствия, который Вы мне доставили. — Меня сильно задевало (но я не подавал и вида), когда я слышал, как на протяжении многих лет меня выставляли каким-то бирюком, угрюмым и невозможным человеком. Как-то раз в одной скверной газете я прочел несколько строк о моем отталкивающем безобразии, способном отдалить от меня всякую симпатию (это было жестоко в отношении мужчины, который так любил запах женщины). От

одной дамы я как-то услышал: «Странно, у Вас вполне пристойный вид; а я думала, что Вы всегда пьяны и дурно пахнете». Она знала меня по легенде.

Наконец-то, дорогой мой друг, Вы разобрались с этим делом, и я Вам очень за это признателен; я всегда утверждал, что мало быть ученым, главное в том, чтобы быть любезным человеком.

Касательно того, что Вы называете моей *Камчаткой*, — ежели бы я почаще получал поддержку в столь сильных выражениях, думаю, у меня бы достало сил превратить ее в необъятную *Сибирь*, правда Сибирь жаркую и населенную. Когда я думаю о Вашей деятельности, Вашей исполненности жизненных сил, мне становится стыдно. К счастью, характеру моему свойственны перепады и кризисы, которые замещают во мне, хотя и весьма недостаточно, постоянную силу воли.

Неужели теперь мне, неисправимому поклоннику «Желтых лучей» и «Сладострастия», поклоннику Сент-Бёва-поэта и романиста, придется нахваливать в нем журналиста? Как удастся Вам достичь этой твердости пера, позволяющей все сказать и играючи преодолеть любую сложность? Статья эта не памфлет, поскольку она воздает по справедливости. Одно меня в ней особенно поразило: я нашел в ней все то красноречие, с которым Вы ведете беседу, с присущим ему здравым смыслом и живостью.

(По правде говоря, я бы с удовольствием выступил Вашим соавтором (извините мне эту заносчивость); я мог бы подарить Вам две-три благоглупости, которые Вы допустили по неведению. Как-нибудь в непринужденной беседе я Вам про них расскажу.)

А эта Ваша утопия! Решительное средство, чтоб изгнать из выборов *расплывчатость*, коей так дорожат вельможи! Ваша утопия придала мне новой гордости. Ведь я тоже отдал дань утопии и реформе; не подталкивали ли меня к этому остатки революционного духа, как это уже было некогда, когда я сочинял проекты конституции? Правда, разница в том, что Ваш проект вполне осуществим, и, возможно, недалек тот день, когда он будет действительно принят²⁷¹.

П[уле]-Маласси горит желанием сделать брошюру из Вашей великолепной статьи, но он не осмеливается прийти к Вам, он думает, что Вы на него сердитесь.

Обещайте мне, прошу Вас, найти несколько минут на то, чтоб ответить на следующее:

Сильная грусть, необходимость работать и физические боли, в том числе от одной старой раны, прервали мои операции.

У меня есть наконец пятнадцать экземпляров основных моих книг. Составлен список раздачи, он невелик.

Я думаю, что правильной политикой было бы выбрать кресло Лакордера. Там среди претендентов нет литераторов. Таков был мой изначальный замысел, и не осуществил я его, *дабы не ослушаться Вас* и не показаться чересчур эксцентричным. Если Вы одобряете мою идею, до следующей среды я напишу г-ну Вильмену письмо, в котором скажу кратко, что выбор кандидата не должен быть направляем единственно лишь желанием успеха, но должен также быть проявлением уважения к памяти покойного. К тому же Лакордер священник-романтик, я отношусь к нему с любовью. Быть может, я вверну в письмо слово «Романтизм», но не стану этого делать без Вашего одобрения.

Нужно будет, чтобы этот страшный фразер, этот столь важный и столь мало любезный человек прочел мое письмо; даже в самой простой беседе он не говорит, а проповедует с напыщенностью и физиономией (но без чистосердечия) мадемуазель Ленорман²⁷². Мне довелось видеть эту мадемуазель в профессорском облачении, она сидела в своем кресле съевшись, будто *Квазимодо*, и пред г-ном Вильменом у нее было преимущество очень располагающего голоса.

Ежели вдруг г-н Вильмен дорог Вашему сердцу, я тотчас же возьму все свои слова обратно и из любви к Вам буду стараться считать его любезным человеком.

Однако же не могу удержаться от мысли, что как папист я стою большего, чем он... и тем не менее католик из меня весьма сомнительный.

Несмотря на мою тонзуру и седину, мне хочется поговорить с Вами так, будто я маленький мальчик. Моя мать, которая сейчас очень скучает, беспрестанно просит у меня *новинок*. Я послал ей

Вашу статью и понимаю, какую радость доставит она ее материнскому сердцу. Благодарю и за себя, и за Нее.

Всецело преданный Вам

Ш. БОДЛЕР

улица Амстердам, 22

120. АЛЬФРЕДУ ДЕ ВИНЬИ

[Париж.] Воскресенье, 26 января [18]62

Сударь,

Я глубоко убежден, что Вы считаете меня неспособным забыть хоть на минуту ни оказанный Вами восхитительный прием, ни данное Вами позволение рассчитывать на Ваш совет. В конце декабря и начале этого месяца я совершил множество бесполезных усилий, чтобы встретить некоторых из этих господ, коих мне очень хотелось увидеть, — гг. Сандо, де Саси, Ронсара, Сен-Марка Жирардена, Легуве²⁷³. Затем у меня случился очередной приступ невралгических болей (*единственные мои заслуги пред г-ном Вьенне*²⁷⁴); затем — сильная душевная боль из тех, что *не хотят, чтобы о них говорили* (как выражаются англичане); кроме того, физическое недомогание; и, наконец, просто необходимость работать. Этого более чем достаточно для объяснения моего отчаяния в столь парадоксальном начинании, на которое я решился. Тем не менее, я снова берусь за него, и весьма твердо. Теперь у меня есть нужное количество экземпляров моего скромного литературного багажа, и я могу совершить несколько почтительных подношений.

Все начало февраля я посвящал визитам.

Принимая все во внимание, я не досажую, что так долго мешкал; это позволило мне поразмыслить над множеством вещей, ранее мне почти неизвестных.

До того как принять окончательное решение, я желал бы узнать Ваше мнение. Согласно Вашему ответу я до среды напишу г-ну

Вильмену письмо, предназначенное для сообщения господам членам Академии.

В этом письме, составленном в несколько вольной форме, каким может быть письмо человека неискушенного, будет сказано в основном, что за отсутствием совершенного сходства между работами покойного и произведениями кандидата восхищение, испытываемое последним, представляется мне достаточным основанием выбора в случае двух вакантных кресел;

Что, если следовать такой теории, наисовершеннейшему кандидату следовало бы отойти на задний план, коль скоро в жизни и произведениях покойного он не находит ничего другого, кроме поводов к систематическому восхищению, то есть симпатии и восторга;

Что, поскольку отец Лакордер возбуждает во мне такую симпатию не только ценностью того, что он говорил, но и красотой, которой он обладал свои речи, представляя воображению наделенным не только истинно христианским характером, но и романтическим колоритом (я изложу это иначе), я прошу г-на Вильмена известить своих коллег, что я претендую на кресло отца Лакордера.

Мне кажется, я выиграю этим способом несколько лишних дней и, оказавшись один против г-на де Брольи, поскольку Филарет Шаль снимает свою кандидатуру, смогу, пожалуй, получить несколько голосов литераторов.

И наконец, чувство и инстинкт убеждают меня, что надобно всегда вести себя *утопически*, то есть с уверенностью, будто тебя изберут, хотя ты сознаешь, что этого не будет.

В первый раз, когда я рассказал о своем замысле Сент-Бёву, он сказал мне со смехом: «Прекрасно, узнаю Ваш характер; Ваша попытка меня не удивляет; готов держать пари, что Вам хватит отваги выставить свою кандидатуру на Лакордера». Я и вправду хотел так поступить, но шутка меня смутила, и я побоялся показаться чересчур эксцентричным, особенно в глазах людей, которые вовсе меня не знают.

Ежели бы мне было угодно представить наистрожайшее доказательство *необходимости такой симпатии*, я бы сочинил

критическо-биографический этюд об отце Лакордере и напечатал его прямо в день объявления избранного кандидата; но это был бы верх расточительности, и если в этой затее появится даже тень бесцеремонности, я ее брошу.

Я не буду принимать решения до получения от Вас ответа. Должен Вам сказать, что я написал примерно такое же письмо моему доброму другу Сент-Бёву и ожидаю ответа и от него.

Я был серьезно болен, но даже если отвлечься от здоровья, лени, работы и многих других соображений, я испытывал смущение при мысли появиться перед Вами после посылки моих книг.

Вы только вообразите себе, сударь, чем являются для нас, сорокалетних литераторов, те, кто нас всему научил, кто нас занимал и чаровал нашу юность, — наши мэтры, что там говорить!

Быть может, Вы не поняли, почему я послал Вам скромную газету, где есть несколько моих стихов: все дело в сонете, посвященном *некому солнечному закату*, где я попытался выразить *мое почитание*²⁷⁵!

Прошу Вас, говорите со мною без церемоний, ибо в материях, в коих мне недостает опыта, мне не стыдно показаться маловразумительным.

Прошу Вас, сударь, принять еще раз уверения в моей благодарности и моей самой преданной симпатии.

ШАРЛЬ БОДЛЕР
улица Амстердам, 22

121. АЛЬФРЕДУ ДЕ ВИНЬИ

[Париж, 30 января 1862]

Сударь,

Вот грозная статья Сент-Бёва, манифест.

Вот также два шестистишия прекрасных баллад Т. де Банвиля, которые Вас, несомненно, заинтересуют.

Я могу не стыдяться печатать сонеты в «Ле Бульвар», поскольку такой поэт, как Банвиль, согласен составить мне там компанию.

Все невероятные похвалы, которыми Вы соблаговолили осыпать мои стихи, побуждают меня опасаться за мои разглагольствования в прозе. Но Вы пробудили во мне жажду Вашего расположения.

Рядом с Вами, сударь, так легко забыться, что вчера я запаматовал сказать Вам про хороший и плохой эль. Поскольку Вы хотите испробовать этот режим, бойтесь как чумы (это отнюдь не преувеличение, я действительно переболел) любой бутылки с этикеткой «Harris». Это страшная отравка.

Хотя «Allsopp» и «Bass» хорошие производители (особенно «Bass»), следует остерегаться даже этих марок, поскольку, вероятно, существуют подделки. Самым разумным для Вас будет обратиться в одно из двух порядочных заведений, на которые я Вам укажу, и брать их надежный эль.

На улице де Риволи, почти у площади Согласия, некий Гу держит контору наемных квартир и одновременно торгует испанскими винами и английским пивом и ликерами.

Затем, в двух шагах от меня, наверное в доме 26 по улице Амстердам, в таверне «Сент-Остин». Не надо путать ее с другой таверной, расположенной неподалеку и принадлежащей немцам. Пиво и портер там отличного качества и недорого.

Полагаю, что Гу помимо обыкновенных сортов эля торгует также очень старым элем. Но он чрезвычайно крепкий.

Вы ведь не усматриваете ничего дурного в том, что я вмешиваюсь во все детали Вашего режима и делюсь с Вами своим парижским опытом.

Глубоко преданный и благодарный Вам

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Я пока не могу найти своего перевода «Ворона» с эссе «Философия творчества»²⁷⁶, которое служит ему комментарием.

122. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

[Париж,] 31 января 1862

Мой дорогой Флобер,

Вы истинный воин и заслуживаете чести войти в состав священного воинства. Вы слепо верите в дружбу, что подразумевает истинную политику.

Но выходит, что Вы, как законченный отшельник, не читали достославной статьи Сент-Бёва об Академии и кандидатах! О ней судачат целую неделю, и, должно быть, она наделала страшного шума в Академии.

Максим Дюкан говорит мне в лицо, что я обещен, но я упорно продолжаю наносить визиты, хотя некоторые из академиков и заявили (хотя правда ль это?), что они меня даже и не примут. Я совершил безрассудство, в котором не раскаиваюсь. Даже если я не получу ни единого голоса, я не стану в этом раскаиваться. Будут выборы 6 февраля, но я постараюсь вырвать два-три голоса на последних (в кресло Лакордера, 20 февраля). Я буду один (разве что возникнет еще один сносный кандидат) против жалкого и смехотворного принца де Брольи, сыночка герцога, здравствующего академика. Поговаривают, что он избран заранее²⁷⁷. Эти люди кончат тем, что будут *избирать* своих привратников, если те будут орлеанистами.

До скорой встречи. Мы, вероятно, увидимся. Я по-прежнему мечтаю об уединении, и ежели уеду до Вашего возвращения, то загляну к Вам на несколько часов. — Туда. —

Как же Вы не угадали, что под Бодлером подразумевались: Огюст Барбье, Т. Готье, Банвиль, Флобер, Леконт де Лиль, то есть *чистая литература*? Это было тотчас же понято некоторыми друзьями и вызвало ко мне расположение.

С благодарностью, всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

Замечали ли Вы, что писать металлическим пером — все равно что идти в деревянных башмаках по шатким камням?

123. ГЮСТАВУ ФЛОБЕРУ

[Париж]

Понедельник 3 февраля [18]62

Мой дорогой друг,

Г-н Сандо был мил, его жена была мила, и думаю, я был так же мил, как они, поскольку мы все вместе возносили хором похвалы в Вашу честь, так гармонично, что это походило на настоящее трио, исполняемое опытными артистами.

Что до моего дела, то Сандо упрекнул меня, что я застал его врасплох. Следовало бы повидаться с ним раньше. Тем не менее он поговорит обо мне с некоторыми из своих друзей в Академии, и *быть может, быть может*, ему удастся, сказал он, вырвать несколько протестных голосов при голосовании за место Лакордера. Это все, чего я хочу.

В самом деле, г-жа Сандо питает к Вам сильное восхищение, и Вы имеете в ее лице самого пылкого защитника и панегириста. Это пробудило во мне сильное чувство соперничества, и мне удалось найти несколько поводов для похвал, о которых она забыла.

Вот письмо Сандо. А вот газета, которая, быть может, позабавит Вас.

Всецело Ваш. До скорой встречи.

Ш. БОДЛЕР

124. СЕНТ-БЁВУ

[Париж]

Понедельник вечером [3 февраля 1862]

Мой дорогой друг, я сильно стараюсь угадать часы, которые Вы отводите отдыху, и мне не удастся этого сделать.

Следуя Вашему совету, я не написал ни слова; но, набравшись терпения, продолжаю наносить визиты, чтобы стало понятно,

что я желаю на выборах преемника в кресло Отца Лакордера собрать несколько голосов *Литераторов*.

Я думаю, что Жюль Сандо будет говорить с Вами обо мне. Он сказал мне весьма любезно: «Вы застали меня врасплох, но я справлюсь, можно ли для Вас что-нибудь сделать».

Я дважды виделся с Альфредом де Виньи, оба раза он уделил мне по три часа. Это восхитительный, дивный человек, но он мало способен к действию, более того, он разубеждает во всякой попытке действия. Однако он проявил ко мне самое горячее расположение. — Вы не знаете, что январь был для меня месяцем печалей и невралгических болей, к которым добавились старые болячки. Говорю это, чтобы объяснить небольшой перерыв в моих демаршах.

Я видел Ламартина,
 Патена,
 Вьенне,
 Легуве,
 де Виньи,
 Вильмена (о ужас!),
 Сандо.

Честное слово! не могу вспомнить остальных. Я не смог застать ни Понсара, ни г-на Сен-Марка Жирардена, ни де Саси.

Я наконец отослал несколько экземпляров книг *десятерым* из тех, с чьими произведениями я знаком. На этой неделе я увижу некоторых из этих господ.

Я напечатал в «Ревю анекдотик» незамысловатый разбор Вашей великолепной статьи (без подписи; мое поведение предосудительно, не так ли?). Что же до самой статьи, я послал ее г-ну де Виньи, который не был с ней знаком и изъявил мне свое желание ее прочесть.

Что до политиканов, у которых я не могу встретить никакого сладострастия, я объеду их всех в экипаже. Они увидят лишь мою визитную карточку, но не мое лицо.

Сегодня вечером я читал Вашего «Понмартена». Простите мне, что я скажу: «Как много загублено таланта!» В Вашем расточи-

тельстве есть нечто приводящее меня в негодование. Мне кажется, что если бы я когда-нибудь написал: «Самые благородные начинания порой находят поддержку Простофиль», то считал бы свою работу законченной. Но Вы обладаете особым талантом будить мысль и подсказывать разгадку. — Вы восхитительно любезны даже с самыми преступными скотами. Господин Понмартен — величайший ненавистник литературы²⁷⁸.

(Известно ли Вам, что поговаривают, будто его отец сделал состояние, скупая имущество эмигрантов? Может статься, это клевета, но ежели это правда, основное направление его мысли становится от этого еще забавнее.)

Я отослал Вам небольшую подборку сонетов. В скором времени отправлю Вам много фрагментов «Мечтаний» в прозе, не считая огромной работы «Художники нравов» (карандаш, акварель, литография и гравюра).

Не спрашиваю Вас, хорошо ль Вы себя чувствуете. *Это и так достаточно заметно.*

Обнимаю Вас и жму Вашу руку. — Я прямо от Вас.

ШАРЛЬ БОДЛЕР
улица Амстердам, 22

125. АБЕЛЮ ВИЛЬМЕНУ

Непременному секретарю Французской академии

[Париж.] Понедельник, 10 февраля 1862

Сударь,

Прошу Вас вычеркнуть мое имя из списка кандидатов на место почившего отца Лакордера и сообразовоить известить Ваших коллег о том, что я снял свою кандидатуру.

Позвольте мне, милостивый государь, поблагодарить Вашими устами тех господ академиков, кого я имел удовольствие посетить, за чрезвычайно любезный и сердечный прием, который они

соблаговолили мне оказать. Да пребудут они в убеждении, что я сохраню о них драгоценные воспоминания.

Прошу Вас, г-н Непременный секретарь, принять уверения в моем глубоком уважении.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

126. АЛЬФРЕДУ ДЕ ВИНЬИ

[Париж, 4 апреля 1862]

Сударь,

Я видел, как Вы страдаете, и часто об этом думаю.

Один из моих друзей, *желудок которого находится в весьма прискорбном состоянии*, сказал мне, что Герр, английский кондитер, чей торговый дом расположен *на углу улицы Кастильоне и улицы Риволи*, изготавливает мясные желе, приготовленные на крепком вине, наверное мадере или хересе, которые *легко и с удовольствием* переваривают *самые расстроенные желудки*! Это род мясного конфитюра на вине, более плотный и питательный, чем обед из разных блюд.

Я предположил, что эти сведения достойны быть Вам переданными.

Искренне преданный Вам

ШАРЛЬ БОДЛЕР

127. ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

[Париж,] 4 августа 1862

Мой дорогой Теофиль,

Было бы очень мило с твоей стороны, ежели бы ты сказал несколько любезных слов о предприятии офортистов²⁷⁹. Это хоро-

шая идея, и в этом собрании найдутся произведения, которые тебя пленят. Без сомнения, надобно поддержать этот жанр, против которого ополчились все ничтожества.

Между прочим, я должен поблагодарить тебя, поблагодарить от всего сердца, за твою статью обо мне, напечатанную в *коллекции Крепе*²⁸⁰. Первый раз в моей жизни меня хвалят так, как мне бы того самому хотелось.

Всецело твой

Ш. БОДЛЕР

128. МАДАМ ОПИК

[Париж.] Воскресенье, [10] августа 1862

Дорогая матушка, ты, наверное, скучаешь, не правда ли, и очень сильно? Я скоро приеду. Я уже принял все меры предосторожности, то есть сделал для себя просто невозможным не уехать в конце месяца.

Думаю, найдется немного примеров столь промотанной жизни, как моя; но поистине странно, что я не получаю от того никакого удовольствия.

Мне не хочется рассказывать тебе (впрочем, у меня и нет на то времени), как необыкновенно много я борюсь с самим собою, с отчаянием, с фантазиями; — мне не хочется также в сотый раз убеждать тебя в том, что ты единственное существо, которое меня интересует. Мне кажется, что, поскольку я уже говорил тебе это, ты должна мне верить. Я чувствую, что пребываю в кризисе, что для меня наступил такой момент, когда надобно принять важное решение, то есть сделать нечто такое, что будет полной противоположностью тому, что я делал раньше: надобно любить одну лишь славу, беспрестанно работать, даже и *не надеясь на заработок*, отказаться от всех наслаждений и стать тем, что называется величайшим образцом величия. Наконец, попытаться составить *небольшое* состояние. Я презираю людей, любящих деньги, но страшно боюсь зависимости и нищеты в старости.

Итак, я приеду к тебе или, скорее, вернусь домой 31-го, 1-го, 2-го или 3-го. Поскольку ты меня так любишь, что согласна приложить старание и интересоваться единственно тем, что интересует меня, я сумею вознаградить тебя и доказать, что я тебя знаю и люблю, что я знаю вес и цену истинному материнскому сердцу.

Наконец-то! Наконец! Полагаю, что в конце месяца я смогу бежать от личины человеческой²⁸¹. Тебе трудно было бы представить, как низко пало парижское племя. Это уже не тот очаровательный и любезный мир, который я знал когда-то: художники не знают ничего, литераторы не знают ничего, даже правописания. Все эти люди стали отвратительны, хуже, быть может, даже людей светских. *Я старик*, ископаемое, ко мне питают неприязнь, поскольку я менее невежественен, чем остальные смертные. Вот что значит декаданс! Помимо д'Оревилли, Флобера, Сент-Бёва, я ни с кем не могу найти взаимопонимания. Один лишь Т. Готье способен понять меня, когда я говорю о живописи. *Жизнь внушает мне отвращение*. Повторяю: я бегу личины человеческой, но особенно личины французской.

У меня приготовлена для тебя изумительно прекрасная книга, однако я много для того потрудился: «Новое описание Парижа, составитель Себастьян Мерсье, Париж во время Революции 93 года, до Бонапарта». Это великолепно²⁸².

Ты, вероятно, получила «Отверженных», которых я послал (назочно только после Пасхи), воображая (напрасно, быть может), что до Пасхи тебе не хотелось читать романов, — сверх того две статьи — мою и д'Оревилли. Книга эта отвратительна и нелепа. По этому случаю я обнаружил, что владею искусством лжи²⁸³. Он написал, дабы отблагодарить меня, совершенно смехотворное письмо. Это доказывает, что великий человек может быть глупцом.

Твой Шатобриан (бельгийское издание) задержан в Министерстве внутренних дел²⁸⁴.

По возвращении я верну тебе деньги.

У меня есть еще двадцать дней, чтоб условиться с «Ля Пресс», «Ле Деба», «Ле Монд иллюстре», «Ля Ревю британник» и т. д., да-

бы они могли платить по моим долгам, несмотря на мое отсутствие.

Я тебя люблю и обнимаю. Скажи мне, что ты чувствуешь себя хорошо (ежели это так) и что ты будешь жить еще долго, очень долго, для меня и только для меня. Как видишь, мне свойственны свирепость и эгоизм любовной страсти.

Ш. Б.

Завтра я проведу весь день в Фонтенбло. Мучительная повинность!

129. МИШЕЛЮ ЛЕВИ

[Париж, август—сентябрь 1862 ?]

В третье издание, которое я назову «Окончательным изданием», я добавлю десять-пятнадцать пьес и сверх того большое предисловие, где объясню свои уловки и метод и преподам всем *искусство делать так же*. И если у меня неостанет мужества сочинить эту глубокую буффонаду, я просто добавлю вместо предисловия статью Т. Готье о «Цветах Зла», напечатанную в четвертом томе «ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ».

Всецело Ваш

Ш. Б.

130. ПЬЕРУ-ЖЮЛЮ ЭТЦЕЛЮ²⁸⁵

[Париж]

Воскресенье, 23 нояб[ря] 1862]

Мой дорогой Этцель,

В последний раз, как я имел удовольствие встретиться с Вами, мне надо было Вам сказать так много, что я, естественно, вооб-

ще не сказал ничего стоящего. Среди несказанного осталась одна вещь, которую я принимаю близко к сердцу. Г-н Катюль Мендес представил Вам рукопись под названием «Фривольности любви»²⁸⁶. Я был бы счастлив, если бы Вы согласились напечатать этот том. Если бы речь шла о совсем плохом сочинении, я был бы неправ, высказывая подобное желание. Но я знаю Мендеса, он умен, наделен вкусом и часто весьма изящен. Он не должен был написать бесспорно неприемлемой книги.

До скорой встречи. Всецело Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

131. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Париж,] 13 декабря 1862

Поистине, дорогой друг, тот, по чьей воле Вы сели в долговую тюрьму, сыграл со мной жестокую шутку, ибо я очень рассчитывал на то, что Вы будете вести мои дела²⁸⁷. Как я неловок!

Этцель сделал весьма хорошее предложение по поводу двух произведений, которые пойдут друг другу в пандан²⁸⁸. Он хотел *выпустить* их, тщательно подготовив публикацию, но только одним изданием, что не позволяет мне достичь моей цели.

Мишель по-прежнему томит меня ожиданием. Я отступаю, следуя традиции мечтателей, перед лицом реальности.

Какого черта Вы предлагаете мне кого-то для ведения моих дел? Мне надобно научиться вести дела самостоятельно.

Но как Вы ко мне несправедливы! Что сделать, дабы угодить Вам? Вы спрашивали у меня о литературной газете. Как и все узники, Вы полагаете, что на воле что-то происходит. Новостей нет никаких, разве только Вы не намекали на «Сына Жибуайе»²⁸⁹. Но Вам хорошо известно, что меня не заботят эти мерзости.

Что до «Саламбо», это действительно успех, большой успех. Издание в две тысячи экземпляров раскуплено за два дня. *Достоверно*. Прекрасная книга, имеющая множество недочетов,

которая приводит в ярость всех насмешников, особенно Бабу. *Находятся и такие, что ставят в упрек Флоберу подражание античным авторам.* То, что сделал Флобер, мог сделать лишь он. Слишком много старого хлама, но много и истинно величественного — эпического, исторического, политического, даже в изображении животных. Есть нечто поразительное в жестах всех этих созданий. Что до 30 000 франков, это вздор, вздор!²⁹⁰ Почему Флобер это допустил? Хорошо, пусть будет 30 000 франков! но права на «Бовари», договор на которую истекал, снова проданы, следственно, 15 000 франков, затем, в течение десяти лет, проценты с 30 000 франков. — Полагаю, что Флобер получил 12 или 13 тысяч франков (за обе книги), но одновременно.

Шанфлери и Лафизельер сказали мне, что не смогли пока еще Вас повидать. В таком случае мои угрызения совести были безосновательны, ибо меня действительно мучила совесть, что не поспешил Вас навестить.

Но когда это закончится? И когда можно будет Вас посетить? Мне не терпится это узнать. Дайте мне знать, как обстоят дела у Вашей матушки. Быть может, мне придется написать ей недели через две или через месяц. Что до меня, я чувствую себя скверно, и все мои немощи, физические и моральные, тревожно усиливаются.

Мне нужен врач-кудесник наподобие Месмера или Калиостро или могила Париса. Я не шучу.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

Я забыл сказать кое-что важное, что Вы навряд ли бы сами угадали, предложи я Вам это сделать. Я виделся с г-жой Поль Мёрис по поводу Легро, который написал с Гюго прекрасный портрет. Она расспрашивала меня о том, что у Вас нового, засыпала меня вопросами с поразительным волнением (подобно тому как я всех спрашиваю о Вас), а потом я увидел, как глаза ее набухли, шея тоже напряглась, и я думаю, что она расплакалась бы, если бы тут не объявили о посетителе.

Право, я был бы очень горд, вызывая такой интерес даже у *седовласой женщины*. Что до ее мужа, его не видать. Погружен в какую-то новую *машинерию*²⁹¹.

132. МАЙОРУ ИППОЛИТУ ЛЕЖОНУ²⁹²

[Париж,] 1 января 1863

Мой дорогой Лежон,

Нет смысла пересказывать Вам причины, мешающие мне принять Ваше приглашение. Вы слишком любезны, чтобы не найти их недостаточными. Считайте, что мне хочется уединиться на несколько дней и что я заставляю себя избегать даже друзей. Я похож на жену китайца, которая сгорает от желания принять подношения воздыхателя, но хочет сохранить ненарушенными супружеские обеты. Объясните это г-же Лежон и передайте ей, что лишь с большим трудом отказываюсь я от удовольствия провести подле нее несколько часов.

Горячий дружеский привет Сильвестру и д'Оревилю. — Расскажите следующий анекдот дорогому Старому Шалопая:

Не так давно один из моих друзей, разговаривая с монахом из Солема, сказал ему, что в один прекрасный день я, может быть, посету его монастырь, дабы отдохнуть там от мирских забот. И этот честный малый ответил: «Боже мой! если он приедет, мы примем его. Мы принимаем даже каторжников». На первый взгляд, кажется нелепым, что мое имя может быть известным какому-то монаху и что сей монах почитает меня достойным каторги. Я нашел тому объяснение. — За несколько дней до того Реймон Брюкер был проездом в монастыре в Солеме²⁹³.

Я сам любитель крепких шуток, но эта меня поразила.

Надеюсь, что Вы не сочли дурным розыгрышем плохой шоколад, посланный лично *господину* Лежону. Я расскажу Вам, что меня к тому вынудило.

Всецело Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

133. ШАНФЛЕРИ

[Париж, около 4 марта 1863]

Мой дорогой друг,

Я очень люблю Вас, но Вы настоящий упрямец! Я так и знал, что письмо будет показано. Надо полагать, Вы горячо стремитесь скомпрометировать мое достоинство в этом обществе, где уже скомпрометировали себя? Я сделаю все, что в моих силах, чтобы *угодить Вам*, но в моих силах будет не так уж много.

Когда я Вам писал, то уже навел справки. Вам известно, как люблю я девок и как ненавижу философствующих дам²⁹⁴. Что до обеда, *да, но у меня дома в воскресенье в полдень*.

Всецело Ваш

Ш. Б.

134. ШАНФЛЕРИ

[Париж,] 6 марта 1863

Мой дорогой друг,

Сфинкс и диковинный человек — это Вы сами, и странность Ваша *весьма естественна*, ибо она не может быть создана искусственно. Помилуйте! Вы стараетесь написать мне в нелюбезном тоне, поскольку я говорю Вам, что не люблю дурного общества! Друг мой, я всегда испытывал к нему отвращение; сброд, глупость, преступность обладают пикантностью, которая может доставлять удовольствие в течение лишь первых нескольких минут; но дурное общество — это брожение пены, что скапливается на краях нашего общества! Невозможно! — Вы утверждаете, что мое письмо таит в себе *скрытый* смысл. Я поясню Вам этот смысл, который, однако, по моему мнению, должен был броситься Вам в глаза:

Шанфлери наделен веселым нравом и обожает мистификации, что мне тоже не чуждо. Шанфлери открыл комический мир, заполоненный незамужними женщинами, девицами на выданье, которых никак не выдать, педантками, играющими в любительниц философии. Шанфлери известно, как и мне, что женщина не способна понять и двух строчек из катехизиса. Но он желает, чтобы я разделял его радость, он желает также позабавиться, столкнув меня с этой глупой особой. (В том письме я Вам ответил, однако, что готов на все, чтобы угодить Вам, но что радости мне это не доставляет.)

Вот Вам скрытый смысл. Что до Вашей проповеди в конце письма, в которую Вы помещаете столь чудную похвалу своей персоне, мне здесь совершенно нечего сказать, разве что, когда так хорошо думаешь о самом себе, не слишком великодушно обременять этими своими мыслями других. Очевидно, что Вы являетесь собой человека счастливого, *счастливого самим собой*, я же не таков, ибо всегда собою недоволен.

Позвольте мне сказать Вам также, что Ваше письмо пронизано насмешливым и обидчивым тоном, который не подобает людям наших лет в отношениях друг с другом. Подумать только! слово «достоинство» приводит Вас в столь сильное возмущение, да еще по отношению к старому другу!

Умоляю Вас, придите ко мне в воскресенье в полдень, иначе Вы заставите меня думать, что сердитесь.

Всецело Ваш

Ш. Б.

Вам нравится смешное. Прочтите последнюю *беседу* Ламартина (об «Отверженных») ²⁹⁵. Это занимательное чтение, с удовольствием рекомендую Вам. Поскольку Вы так деликатны, прошу Вас не усматривать никакой связи между этой рекомендацией и моим письмом.

Ответьте мне тотчас же. — Посылаю Вам ложное заявление, о котором Вы просите.

135. МАДАМ МАНЕ-МАТЕРИ

[Париж,] 28 марта 1863

Сударыня,

Я горячо благодарю Вас за любезное приглашение. Вы знаете, что чувства, которые питаю я к Вашему сыну, не относятся к числу моих заслуг; и то, что Вы говорите по этому поводу, слишком любезно; мне трудно было бы не полюбить его характера, равно как его талантов.

Примите выражение моего глубочайшего почтения к Вам, сударыня.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

136. ЖЕРВЕ ШАРПАНТЬЕ²⁹⁶

[Париж,] 20 июня [18]63

Сударь,

Я только что прочел оба отрывка («Искушения» и «Доротею»), напечатанные в «Ревю насъональ». Я обнаружил в них чудовищные изменения, внесенные уже после моей подписи «в печать». Именно по этой причине, сударь, я уходил из многих газет и журналов.

Ведь я говорил Вам: уберите *весь отрывок*, если находите, что *запятая* в нем не на месте, но не убирайте запятую; если она есть, значит, она должна быть.

Всю свою жизнь я учился построению фраз, вот почему я не боюсь вызвать усмешку, когда утверждаю, что то, что я отдаю в печать, обладает *совершенной законченностью*.

Неужели же Вы всерьез думаете, что «*формы ее тела*» то же самое, что «*ее выгнутая спина и остроконечная грудь*»? — В особенности когда речь идет о чернокожих с восточных побережий²⁹⁷.

Неужели Вы полагаете, что *аморально* называть *одиннадцатилетнюю девочку зрелой*, в то время как известно, что Айша (а ведь она не была рожденной в Тропиках негритянкой) была еще моложе, когда Магомет брал ее в жены?

Сударь, я искренне благодарен Вам за любезный прием, который Вы оказали мне на страницах своего издания; но *я знаю, что пишу*, и рассказываю лишь о том, *что видел*.

Если бы еще меня предупредили своевременно, я мог бы снять весь отрывок.

Примите выражение глубочайшего моего почтения.

Ш. БОДЛЕР

137. ЭТЬЕНУ КАРЖА²⁹⁸

[Париж,] 6 окт[ября 18]63

Мой дорогой Каржа,

Мане показал мне фотографию, которую нес к Бракмону²⁹⁹; поздравляю Вас и благодарю. В ней нет совершенства, *поскольку совершенство здесь невозможно*; но мне редко доводилось видеть что-либо столь замечательное.

Мне неловко просить Вас, и я не знаю, как мне Вас благодарить; но ежели Вы не уничтожили негатив, сделайте мне *несколько* отпечатков. «Несколько» означает «сколько сможете». И я настоятельно прошу Вас: в случае если я кажусь Вам бестактным, непременно дайте мне знать, — но не в слишком суровой манере.

Мане сообщил мне самую неожиданную новость. Сегодня вечером он отправляется в Голландию, откуда привезет себе *жену*. У него есть свои оправдания, ибо, похоже, его жена красива, очень добра и весьма артистична. Не чудовищно ли, что столько сокровищ таится в одной особе женского пола³⁰⁰?

Жду ответа, если письмо вручат Вам лично.

Всецело Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

138. НАДАРУ

[Париж,] 10 окт[ября 18]63

Я полагаю, мой дорогой друг, что ты будешь удовлетворен этими посланиями³⁰¹. Обращаю твое внимание, что письмо, адресованное г-ну Чарльзу Алджернону Суинберну, следует отослать почтой или иным образом сразу по прибытии твоем в Лондон, даже если ты и не захотел бы его использовать в своих целях, поскольку содержание его имеет мало общего с тем, что ныне заботит тебя.

Желаю тебе всевозможных успехов.

Дружеский поклон жене.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

139. ЧАРЛЬЗУ А. СУИНБЕРНУ

[Париж,] 10 окт[ября 18]63

Сударь,

Один из моих друзей, из моих самых старинных друзей, едет в Лондон; — это г-н Надар, знакомство с которым, несомненно, доставит Вам удовольствие. Не окажете ли Вы мне любезность, поспособствовав моему другу во всем том, в чем без сомнения поспособствовали бы мне, доведись мне обращаться к общественности у Вас на родине. Указания, советы, реклама — ему много чего надобно.

Я бесконечно признателен Надару за то, что он обратился ко мне с просьбой о письмах к моим весьма редким лондонским почитателям; он тем самым заставил меня расквитаться с Вами за мой давний неоплаченный долг. Я говорю о восхитительной статье (о «Цветах Зла»), что Вы напечатали в сентябре 1862 г. в журнале «Спектэйтор».

Однажды г-н Р. Вагнер бросился мне на шею с благодарностью за мою брошюру о «Тангейзере», сказав следующее: *«Никогда бы не подумал, что французский литератор с такой легкостью смог*

столько всего понять». Не отличаясь ревностным патриотизмом, я принял в его похвале именно ее утонченность.

Позвольте мне, в свою очередь, сказать Вам: «*Никогда бы не подумал, что английский литератор столь верно сумеет постичь французскую красоту, французские притязания, французскую просодию*». Однако, прочтя стихи, изданные в том же номере (*Август*), и проникшись чувством разом и столь реальным, и столь неуловимым, я уж более не удивлялся; лишь поэт способен хорошо понять поэта³⁰².

Позвольте мне все же сказать Вам, что, защищая меня, Вы заходите слишком далеко. Не такой уж я *моралист*, каковым Вы столь любезно меняставляете. Я просто полагаю (как, несомненно, и Вы), что всякая поэма, всякий *превосходно сделанный* предмет искусства совершенно естественно и в силу необходимости несет некую *мораль*. Но это дело читателя. Сам я питаю решительное презрение в отношении всякого исключительно морального *притязания* поэзии.

Пришлите мне, пожалуйста, свои опубликованные работы; Вы доставите мне тем самым огромное удовольствие. — Я готовлю к печати несколько книг: я пошлю их Вам по мере выхода.

Примите, сударь, живейшее выражение моей благодарности и расположения.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

В Париже — дом 22 по улице Амстердам.

В Онфлере — улица Небур.

Я пробуду в *Париже* до конца сего месяца и проведу весь декабрь в *Брюсселе*.

140. ДЖЕЙМСУ МАКНИЛУ УИСТЛЕРУ

[Париж,] 10 октября 1863

Сударь,

Один из лучших и старейших моих друзей, г-н Феликс Надар, едет в Лондон с целью, думается мне, *поведать публике* о приключении-

ях, которые он пережил, летая на своем воздушном шаре, а также, я полагаю, *для того, чтобы поделиться с англичанами своими убеждениями относительно некоего нового механизма, которым необходимо заменить шар.*

Вы помните, что мы немного беседовали о чтениях и моих шансах выступить в Лондоне. Окажите мне любезность, пожаловав Надара всеми теми советами и указаниями, которыми Вы одарили бы меня; иными словами, все, что Вы сделаете для г-на Надара, запечатлется в моем собственном сердце. Впрочем, увидев его, Вы и сами не сможете не полюбить его.

Передавайте мой привет Легро и не забудьте показать Надару Ваши восхитительные офорты. Я предвкушаю удовольствие, которое они ему доставят.

Примите выражение глубочайшего моего почтения.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Пользуясь случаем, передаю с ним также письмо г-ну Ч. А. Суинберну, чтобы выразить тому величайшее свое раскаяние за забывчивость и очевидную мою неблагодарность.

Ш. Б.

В Париже

дом 22 по улице Амстердам.

В Онфлере

улица Небур.

В Брюсселе еще не знаю, на какой адрес.

141. ПОЛЮ ШЕНАВАРУ

[Париж,] 25 ноября 1863

Мой дорогой Шенавар,

Горячо благодарю Вас за Ваше послание. Вы сами догадались, что я считаю Вас одним из самых желанных своих читателей. Ваше

письмо было мне тем более приятным, что статьи, о которых идет речь, вызвали много *брани*; правда, *бранящиеся особы* принадлежат к классу тех, кто на дух не переносит *похвалы элегантности*³⁰³.

Возможно, Ваше письмо будет иметь утомительные для Вас последствия. Из-за него я набираюсь смелости послать Вам гранки других работ.

Не знаю, хотели ли Вы заключить в слово «ниша» какой-то каламбур. Во всяком случае, шутка была вполне невинна, а впрочем, знайте, что уже давно я Вам готовлю намного *более просторную нишу* (впору для статуи)³⁰⁴.

Всецело Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

142. ВИКТОРУ ГЮГО

[Париж,] 17 де[кабря] 1863

Сударь,

Невзирая на то что я стараюсь не обращаться с какими бы то ни было просьбами к лицам, к которым испытываю сильнейшую любовь и уважение, сегодня я хотел бы просить Вас оказать мне одну *значительную, непомерную* услугу. Я недоволен парижскими издателями, и, полагая, не без основания, что мне не воздают должное, я принял решение поискать заграничного издателя для трех томов своих сочинений: первый — «Искусственный Рай», два других — «Размышления о моих современниках» (изящные искусства и литература). Я решил, дабы всемерно привлечь внимание к этим сочинениям, провести в Брюсселе сеансы публичного чтения избранных отрывков, разумеется лучших, к примеру: «О сущности смеха», «Эжен Делакруа, его творчество, мысли и нравы», «Живописец современной жизни», «Эдгар По, его жизнь и его сочинения», «Виктор Гюго», «Теофиль Готье», «Т. де Банвиль и Леконт де Лиль», «Рихард Вагнер», — и даже подкрепить

свои суждения цитатами из названных авторов; ибо я не склонен преувеличивать осведомленность бельгийцев.

Мне стало известно, что г-н Лакруа³⁰⁵ собирается нанести Вам визит. Вы оказали бы мне преогромную услугу, сообщив ему, что хорошего Вы думаете о моих книгах и обо мне самом, и рассказав ему о моих планах относительно чтений. Это будет, повторяю, невероятно огромной услугой, ибо г-н Лакруа должен питать абсолютное доверие к Вашему суждению, и я надеюсь, что чтения убедят его окончательно.

Я часто спрашиваюсь о Вас; мне отвечают, что Вы чувствуете себя превосходно. Здоровье служит гению! Как Вы счастливы, сударь!

Я думаю отправить Вам вскорости «Цветы Зла» (снова дополненные) вместе со «Сплином Парижа», который будет им в пан-дан³⁰⁶. Я постарался заключить в эту книгу всю свою горечь и все дурное настроение, которые меня переполняют. — Несколько дней тому назад я должен был послать Вам «Эврику» (четвертый том моих переводов из *По*), книгу весьма необычную, притязающую на то, чтобы раскрыть способы сотворения и разрушения миров; но г-н Леви, в силу скупости своей, решил вычеркнуть из списка рассылки моей книги все те имена, которые не могут быть полезными лично ему. Когда-нибудь я исправлю *свои* — или, скорее, *его* — ошибки по отношению к Вам.

Я отправлюсь в Брюссель в последние дни месяца. Если Вы сможете уделить десять минут Вашего времени, чтобы написать мне, я буду безмерно счастлив, и это придаст мне уверенности в моей экспедиции. Но я догадываюсь, как могут утомлять Вас письма, а я ни за что на свете не хотел бы стеснять Вас.

В Париже я проживаю по адресу: дом 22 по улице Амстердам. Где я буду жить в Брюсселе, пока не знаю.

Прощайте, сударь; я заверяю Вас в моих теплых чувствах и моем восхищении Вами. — Вы подобны могущественному самодержцу и исполняете, как видите сами, все несносные обязанности, свойственные верховной власти. У каждого есть к Вам какая-то просьба.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

143. ФИЛИППУ ШЕНЕВЬЕРУ³⁰⁷

[Париж, март 1864]

Мой дорогой друг,

Незнание Вашего адреса, а также немоощь воли, что всякий раз вынуждает меня переносить мои обязательства на неопределенный срок, помешали мне отблагодарить Вас за Ваши очаровательные сказки³⁰⁸. Не сердитесь на меня и поверьте, я никогда не забываю хорошее.

Грядет выставка. Я жажду рекомендовать Вам двух моих друзей, один из которых уже имел честь снискать Ваше расположение: г-на Мане и г-на Фантена. Г-н Мане посылает «Эпизод боя быков» и «Христа с ангелами».

Г-н Фантен посылает «В честь Эжена Делакруа» и «Тангейзера на Венериной горе». Вы увидите, какими чудесными свойствами обладают эти картины, и в какую бы категорию они ни попали, сделайте все возможное с Вашей стороны, чтобы для них нашлось хорошее место.

Ваш признательный друг

ШАРЛЬ БОДЛЕР

144. АНРИ ФАНТЕН-ЛАТУРУ

[Париж,] вторник, 22 марта 1864

Сударь,

Г-н Суинберн передал для меня книгу и визитную карточку, но, как и в прошлом году, забыл оставить свой адрес, так что я не знаю, куда писать ему о своей благодарности. Вот уж совсем не английская непредусмотрительность.

Скажите ему непременно, что я был бы счастлив узнать его парижский адрес и отблагодарить его лично. Предупредите его так-

же, что уже давно я отправил ему с г-ном Надаром письмо, которое ему не было доставлено и вернулось в Париж. Мне представляется вполне уместным, чтобы г-н Чарльз Суинберн написал г-ну Надару записку, в которой попросил бы это письмо. Однако, если это может каким-либо образом ранить этого большого избалованного ребенка, пусть г-н Суинберн воздержится. Я сам передам его адрес Надару.

Не посоветовавшись с Вами, я написал Шеневьеру с просьбой расположить в хорошем месте Ваши картины и картины Мане. Мне думается, я поступил правильно, ибо, когда картины Мане были доставлены, Шеневьер тотчас же попросил их посмотреть.

Всецело Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

[ЗАПИСКА]³⁰⁹

Рафаэль	
Микеланджело	
Рубенс	
Веронезе	
Рембрандт	
Веласкес	
Гете	
Байрон	
Шекспир	
Ариосто	Бетховен
Данте	
Вергилий	
Гайдн	
Моцарт	
Вебер.	

145. ЭДУАРУ МАНЕ

[Париж, начало апреля 1864]

Мой дорогой друг,

У меня есть Амонтильядо, которое мне приказано распить с Вами. Могу ли я позволить себе напроситься сегодня вечером к Вашей матушке на ужин?

К слову сказать, удар копьём был действительно нанесен в правую сторону. Вам надобно будет до открытия выставки пойти и переменить положение раны³¹⁰. Сверьтесь, пожалуй, с Евангелием. Остерегайтесь давать недоброжелателям повод к насмешкам.

Всецело Ваш

Ш. Б.

146. ЖЮДИТ ГОТЬЕ³¹¹

[Париж,] 9 апреля 1864

Сударыня,

Не так давно я обнаружил у одного из своих друзей Вашу статью из «Монитёр» от 29 марта, гранки которой Ваш отец показывал мне некоторое время назад. Не сомневаюсь, что он рассказал Вам об удивлении, которое я испытал, читая Вашу статью. Если я не выразил Вам своей благодарности тотчас же, то исключительно из робости. Мужчина, даже не слишком робкого десятка, может почувствовать себя крайне неловко перед лицом очаровательной юной особы, пусть даже он знал ее совсем маленькой, — в особенности когда та оказывает ему услугу, — и он может опасаться быть либо слишком почтительным и слишком холодным, либо отблагодарить ее с излишней же пылкостью.

Первым моим впечатлением, как я говорил, было удивление — впечатление, впрочем, всегда приятное. Затем, когда я уже не мог более сомневаться, я испытал чувство, которое мне трудно объ-

яснить: оно состояло наполовину из удовольствия быть столь хорошо понятым, наполовину же из радости сознавать, что у одного из самых старых и самых драгоценных друзей моих есть дочь, воистину достойная его.

В столь точном анализе «Эврики» Вам удалось сделать то, что я в Вашем возрасте не сумел бы осуществить, то, что целая толпа весьма зрелых мужчин, почитающих к тому же себя просвещенными, неспособны свершить. Наконец, Вы доказали мне то, что я охотно считал бы невозможным, а именно что девушка может находить в книгах серьезное развлечение, которое совершенно не похоже на столь глупые и вульгарные развлечения, что наполняют жизнь всех женщин.

Если бы я вновь не опасался оскорбить Вас, злословя Ваш пол, я бы сказал, что Вы принудили меня усомниться в тех отвратительных мнениях, которые я выковал в себе по отношению к женщинам вообще.

Не возмущайтесь этими комплиментами, столь причудливо смешанными с непристойностями; я теперь в том возрасте, когда себя уже не исправишь, даже ради самой лучшей и самой очаровательной особы.

Уверяю Вас, сударыня, что я навсегда сохраню воспоминание о доставленном Вами удовольствии.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

147. ЭДУАРУ МАНЕ

[Брюссель,] 27 мая 1864

Мой дорогой Мане,

Благодарю Вас за Ваше сердечное письмо. Передавайте мой дружеский привет Вашей матушке и Вашей жене. Ежели у Вас имеются приятные новости о судьбе Ваших картин, напишите мне. Отвечаю на Ваши поздравления.

Бельгийцы — глупцы, лжецы и воры. Я оказался жертвой самого бесстыдного мошенничества. Обман здесь является нормой и

не считается позором. Я еще не приступил к большому делу, ради которого прибыл сюда, однако все, что со мною происходит, не предвещает ничего хорошего; — не говоря уже у том, что меня принимают здесь за агента французской полиции. — Никогда не верьте тому, что Вам будут говорить о простодушии бельгийцев. Хитрость, подозрительность, ложная любезность, грубость, надувательство — это да.

Всецело Ваш

Ш. Б.

148. МИШЕЛЮ ЛЕВИ

Шарль Бодлер,
отель «Гран Мируар»
улица Монтань

Брюссель
1 июня 1864

Мой дорогой Мишель,

Это моя последняя попытка сказать Вам все. Похоже, я мало что значу для Вас, во всяком случае *много меньше, нежели я мог себе вообразить*, поскольку не в состоянии добиться, чтобы Вы уделите мне хоть *полминуты* Вашего времени, написав мне всего три строчки.

Вы заставили меня подписать бумагу, дающую Вам право позволять Бог вести кому вносить правку в гранки моих работ. Все для того, чтобы причинять мне *непрестанную тоску, обусловленную моей несчастной природой*. — 17-го числа Вы выслали мне корректуру, которую я отправил Вам обратно 18-го с просьбой сделать вторую корректуру и умоляя повременить с печатанием книги до моего возвращения во Францию.

Пока я ездил к господину Ропсу³¹² в Намюр, пришла еще одна корректура (второй лист, но *не вторая корректура первого*). Я даже не знаю, получили ли Вы первую.

А теперь суть дела: — Такое произведение, как «Мари Роже», являясь по сюжету уголовным расследованием — как «Убийство на улице Морг»³¹³ — требует *скрупулезной точности в малейших*

деталей, а в случае цитат из начала — абсолютного сходства при повторении этих цитат в конце.

Не нужно быть великим литератором, чтобы понимать важность всего того, что я говорю Вам, и я знаю, что Вы читали Эдгара По, во всяком случае, довольно для того, чтобы понять меня.

Кроме того, в силу своей дальнорзости, стараясь читать чересчур мелкий шрифт, я допустил премилую неточность, *которая фигурирует теперь по всему тексту произведения.*

Если первый оттиск напечатан, я прошу, чтобы переделали все, пусть даже ради нескольких слов, которые необходимо повторить в двух-трех местах. На сегодняшний момент у меня нет денег. Я вернусь в Париж с деньгами, но даже если бы их у меня не было, я знаю, что по прибытии в Париж я раздобуду средства, чтобы оплатить набор, бумагу и тираж этого первого оттиска. *Вы не можете мне в этом отказать.* Вам известно, дорогой мой, что я тешу свое тщеславие лишь одной добродетелью — любовью к своему ремеслу. Не позорьте меня и не лишайте возможности второй правки.

Вчера я написал об этом г-ну Ноэлю Парфэ. Ежели я не получу от Вас ответа на следующие два вопроса:

— Издана ли первая корректура «Мари Роже» и могу ли я прочесть ее?

— Могу ли я перечесть «Мари Роже» всю разом, за один день и за один прием?

— то я не знаю, что сделаю.

Отныне я не буду ездить в Намюр, в Антверпен или в Брюгге, даже в личных целях, не уведомив Вас. — За рекламу «Антракта» благодарю Вас.

Если через несколько дней Вы встретите в «Фигаро» начало серии «Бельгийские письма» за подписью Шарля де Фейи³¹⁴, обратите на них внимание. (Никогда не знаешь, что может случиться у г-на де Вильмессана) — Всецело Ваш, но *ответьте мне*, прошу Вас. — Ш. Б.

149. ТЕОФИЛИУ ТОРЕ³¹⁵

Брюссель. Таверна «Глоб»

[Около 20 июня 1864]

Милостивый государь,

Не знаю, помните ли Вы меня и наши давние беседы. Как быстро летят годы! Я прилежно читаю написанное Вами и хочу выразить Вам благодарность за удовольствие, которое Вы доставили мне, взяв под защиту моего друга Эдуара Мане, воздав ему должное, хотя бы *немного*. Однако в высказанных Вами суждениях имеются мелкие неточности, которые надо бы исправить³¹⁶.

Г-н Мане, которого люди считают безумцем и бешеным, является весьма лояльным человеком, очень простым в обращении, делающим все возможное, чтобы быть благоразумным, но, к своему несчастью, он родился под знаком романтизма.

Слово «подражание» несправедливо по отношению к нему. Г-н Мане никогда не видел *Гойи*, г-н Мане никогда не видел *Греко*. Г-н Мане никогда не бывал в галерее Пурталес³¹⁷. Все это покажется Вам невероятным, но это так.

Я и сам с изумлением и восхищением обнаружил эти таинственные совпадения.

В те времена, когда мы наслаждались этим чудным испанским музеем³¹⁸, который тупоумная французская республика, побуждаемая непомерным уважением к частной собственности, возвратила принцам Орлеанским, г-н Мане был еще ребенком и служил на борту корабля.

Ему столько раз говорили о его *подражании* Гойе, что теперь он сам стремится его посмотреть.

Верно то, что он видел картины Веласкеса, где, я не знаю.

Вы сомневаетесь в том, что я говорю? Вы сомневаетесь в том, что столь удивительные геометрические параллели могут существовать в природе. Ну что ж! Меня вот обвиняют в подражании Эдгару По! Знаете ли, отчего я с таким терпением переводил По? Оттого что он на меня походил. В первый же раз, открыв одну из его книг, я с ужасом и восторгом обнаружил не только сюжеты,

о которых сам помышлял, но и ФРАЗЫ, продуманные мною, а написанные им двадцатью годами ранее.

Et nunc, erudimini, vos qui judicatis³¹⁹.....! Не сердитесь; но сохраните в одном из уголков Вашего сознания доброе воспоминание обо мне. Всякий раз, когда Вы постараетесь оказать услугу Мане, я буду Вам признателен.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Я отнесу эти каракули г-ну Берарди, чтобы он Вам их передал.

Наберусь мужества или, скорее, абсолютного цинизма тщеславия. Сошлитесь на мое письмо или, по крайней мере, на несколько строк из него. Я изложил Вам чистую правду³²⁰.

150. НАРСИСУ АНСЕЛЮ

[Брюссель,] 14 июля [1864] — Четверг

Мой дорогой Ансель,

Все пропало. *Шник* не может снискать успеха в столь подозрительно настроенном городе. Я был болен (постоянная диарея, сердцебиение, желудочные спазмы) целых *два с половиной месяца!* Чудесное путешествие! Тем не менее я хочу извлечь из него хоть какую-то пользу и пишу о Бельгии книгу, отрывки которой появятся в «Фигаро». Вопрос о нравах (нравы, политика, духовенство, вольнодумцы) я уже изложил! Теперь нужно посетить Антверпен, Брюгге, Намюр, Льеж, Гент и т. д. В общем, я сумею написать забавную книгу, испытывая при этом сильную скуку. Все здесь против меня. Мне во вред было все, но в особенности моя нескрываемая симпатия к иезуитам. Вероятно, Вам известно о том чрезвычайном положении, в котором находятся Палата и министерство. Я ожидал услышать звуки выстрелов, увидеть баррикады. Но народ этот слишком глуп, чтобы драться за идеи. Если бы речь шла о подорожании пива, тогда другое дело.

Отошлите мне поскорее 150 франков за август. Частью я оплачу отель, а часть оставлю себе, ровно столько, чтобы мне хватило на поездки в эти пять городов. К счастью, расстояния здесь невелики, а жизнь (отвратительная, впрочем) недорога.

Я рассчитываю получить от Вас 150 франков в субботу утром. Поеду в воскресенье утром. Заметьте, что вот уже шесть недель как я не брал у Вас никаких денег.

Здесь все помнят об аванюре Прудона, я об этом расскажу. Я встретил *в свете* (!) депутата, который более других поспособствовал этому отвратительному возмущению³²¹. — Я еще буду здесь, когда в Париже появятся первые фрагменты моей книги. А здесь все читают «Фигаро». Я больше ни с кем не вижусь и не скрываю своего презрения в отношении окружающих.

Однако, постараюсь нанести визит архиепископу города Малин. Я слышал колокол вольнодумцев; теперь хочу услышать другой.

Я уже как свои пять пальцев изучил вопрос благотворительности, вопрос дотаций, вопрос образования, вопрос избирательного ценза, вопрос Антверпена, вопрос кладбищ. И т. д.

Какой нелепый и тяжелый народ!

Здесь все сделано руками иезуитов, а им никто не благодарен.

Теперь, чтобы уж высказаться до конца, следует признать, что духовенство тоже неповоротливо и необразованно. Увы! Это фламандцы.

Только бы Вы были не в отъезде!

Всецело Ваш

Ш. Б.

Скоро отброшу в сторону все эти мерзости и займусь здешней живописью и архитектурой. — Если Вы в отъезде, распорядитесь все же, чтобы мне выслали деньги.

Я буду во Франции 15 августа.

Вы получите это письмо в пятницу утром — подумайте обо мне до 5 часов.

151. НАДАРУ

[Брюссель,] 30 августа [18]64

Мой дорогой Надар,

Скорее всего, меня уже не будет в Брюсселе на праздниках, ибо все свое время с 8 по 20 сентября я собираюсь посвятить поездкам по провинции.

Поскольку у тебя было благородное намерение предложить мне место в корзине твоего шара, не позволишь ли ты мне передать это благодеяние в пользу г-на О'Коннелла, *наилучшего попутчика*, думается мне, которого ты мог бы найти? Ты знаешь о моем недоверии по отношению к господам бельгийцам. Так что я не покажусь тебе подозрительным, расхваливая г-на О'Коннелла (который, впрочем, и не бельгиец, о чем свидетельствует его фамилия)³²². Если ты желаешь познакомиться с человеком веселым, ловким в любом виде спорта, хорошо разбирающимся в любом механизме и обожающим все мыслимые приключения, ты в нем найдешь все эти качества. Он весьма простодушно забрал себе в голову представиться тебе через Артюра³²³, который, как ты знаешь, во Франции слывет королем бельгийцев, а в Бельгии — императором французов и, естественно, похваляется тем, что его волю исполняют в обеих странах.

Я сказал г-ну О'Коннеллу, что все это довольно глупо и что, я думаю, будет намного лучше, если я сам пошлю г-ну Надару записку. Я отпишу ему, что написал тебе и что, если меня не будет, когда ты приедешь, ему надобно будет лишь нанести тебе визит.

Здесь всякий говорит: «*Я поднимусь в воздух вместе с Надаром*» (эти люди опускают слово «господин», фамильярность присуща деревенщине и провинциалам). Однако, по моему мнению и по мнению редких здесь здравомыслящих людей, все эти любители воздушных путешествий разбегутся в последний момент.

Этот г-н О'Коннелл изрядно насмешил меня несколько дней тому назад; ни с того ни с сего перед кучей народа он ляпнул, обратившись к Артюру: «Мой бедный Артур, Вы, как и я, из породы рогоносцев...» — *Не передавай мои шутки по поводу Артюра.*

Этот малый уже несколько раз чуть не навлек на меня ссоры; он следит за каждым моим шагом, дошел до того, что просматривает мои бумаги.

(Теперь, благодаря своим изысканиям, он вполне убежден в *твоей осторожности* и... *надежности* твоего воздушного шара; и поэтому думаю, что он *почти* решился.)

Друг мой, ты был прав. Я вечно *цепляюсь*. Можешь ли ты поверить, что я, именно я мог *избить* бельгийца? Невероятно, не правда ли? Чтобы я мог побить кого-то?! Это абсурд. А самое чудовищное было в том, что я был кругом неправ. Посему, когда дух справедливости возобладал, я побежал за этим человеком, чтобы принести ему свои извинения. Но не смог отыскать его³²⁴.

Адрес г-на О'Коннелла: *шоссе д'Эшт, 115*.

Я слегка расчувствовался, прямо как Этцель, совершенно понапрасну, обнимаю тебя.

Ш. Б.

Мое почтение г-же Надар.

Быть может, я сам поприветствую тебя в Париже дня через три-четыре.

152. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Брюссель,] 31 окт[ября] 1864 —
полночь —

Мой дорогой, я так несчастен от этой рассеянной жизни, не приносящей удовольствия, что соглашаюсь на ту странную работу, которую Вы мне предложили, рассматривая ее как средство, принуждающее меня остаться дома и получить облегчение от иных забот³²⁵. Приклейте полоски на поля Вашего перевода и обеспечьте меня латинским изданием и двумя глоссариями. Что до оплаты, *то как* Вам будет угодно; — платите, как хотите: наличными или банковскими билетами, или спишите часть моего долга. Добавлю, однако, следующее: я надеюсь, что это начинание заставит Вас доверить мне перевод «Сатирикона», сочинения, на

котором я с гордостью оставил бы свое имя, а также критическую работу о *Лакло*³²⁶.

Всецело Ваш

Ш. Б.

Имеются ли у Вас оба латинских издания? Было бы хорошо, если бы то, которое Вы мне дадите, не имело особой ценности и я мог его исчеркать карандашом. С широкими полями. — Формат почтовой бумаги.

153. НАРСИСУ АНСЕЛЮ

[Брюссель.]

Воскресенье 18 декабря 1864

Мой дорогой Ансель, возвратившись из Намюра, куда я ездил погостить у г-на Ропса, я обнаружил Ваше последнее письмо и отвечаю, прежде всего, на постскриптум, который я нашел несколько странным, позвольте признаться Вам в этом. Как могли Вы подумать, что я способен дважды воспользоваться одним и тем же начислением — сначала самими деньгами, а затем письменным поручительством на ту же сумму. Подобное поведение определяется весьма сильным словом «бесчестье». Ежели я Вам не отослал само поручительство, так это потому, что оно уже давным-давно уничтожено.

Вы желаете объяснения загадки, а именно, почему я манкировал нашей встречей. Я назначал встречи многим другим помимо Вас — Мишелю Леви, например. В последний момент, прямо перед отъездом, — невзирая на страстное желание увидеться с матерью, невзирая на глубокую тоску, в которой я живу, тоску еще более тяжкую, нежели та, что причиняла мне французская глупость и от которой я так *страдал* на протяжении многих лет, — *меня охватил ужас* — какой-то *собачий страх*, ужас при мысли снова оказаться лицом к лицу с моим адом — пройтись по Парижу, не имея возможности расплатиться по долгам, что

обеспечивало бы мне истинный отдых в Онфлере. Тогда я написал в газеты и своим парижским друзьям, а также человеку, которому я препоручил там свои текущие дела, а именно продажу четырех томов, тех самых, что я *так credulously*³²⁷ подарил этому гнусному Лакруа.

(Мне в руки попал документ, который позволит мне жестоко отомстить этому придурку. Быть может, мне достанет кровожадности им воспользоваться³²⁸.)

Итак, теперь я жду из Парижа самых важных для меня новостей. Возможно, они вынудят меня умчаться в Париж 25-го или 26-го, невзирая на опасность попасть в новогоднюю суетолюку.

Что до книги, которую Вы полюбопытствовали прочесть («Наполеон III и т. д., изложенные не-дипломатом»³²⁹, — полная немецких нелепостей, но написанная, однако, человеком мыслящим), я могу добавить несколько подробностей.

Сам я Вам ее не повезу. Любой француз вызывает весьма сильное подозрение на таможне, так что я переправлю ее контрабандой (1,50 за том). Так намного надежнее. Я прибегну к контрабанде и для пересылки своих собственных вещей, которые могут вызвать подозрение. — К этой книге нужно добавить еще две, весьма любопытные, которые вышли некоторое время назад.

«Диалог в аду между Макиавелли и Монтескьё», 1 том (автор — парижский адвокат, имя которого я запомнил)³³⁰.

Произведение, написанное человеком весьма сведущим, но не в достаточной степени художником.

«История Крымской войны», предваренная пространным очерком об основании новой Империи, написанная г-ном Кинглейком (г-н Кинглейк, по-моему, является депутатом Палаты общин), 3 тома³³¹.

Сочинение, в котором встречается немного английской глупости (у каждой нации есть своя глупость), но в целом написанное человеком весьма серьезным и очень искренним.

Что до прочих запрещенных сочинений, они множатся на глазах, но это совершенные отбросы.

Всецело Ваш. Я должен написать матери.

Ш. Б.

Нет нужды говорить Вам, что я оплачу все заранее. Впрочем, это необходимо, — хотя контрабанда, разумеется, не несет ответственности за вещи.

154. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Брюссель, 1864–1865]
5 часов, в «Эрмитаже»³³²

Мой дорогой, я дошел до Вас,
Чтоб речь услышать человечью;
Как тот, кто средь папуасов
Афин былых пытал бы встречу.

Раз к топинамбурам
Господь сослал меня,
Глупцам я предпочту Придурков,
— Из коих сам, увы, наверняка.

И передайте от меня малышке Фанни
(Что не ответит Вам «Нини»;
Коль не осел ее приветит)

Писаки славного почтение,
— А также другу Лекривену
И... малышке Жанне.

Ш. Б.

155. МАДАМ ПОЛЬ МЁРИС

[Брюссель.]
Вторник, 3 января 1865

Милостивая Государыня,

Мне было бы крайне неприятно, мне просто запрещено встретить наступление нового года, *не пожелав, чтоб оный был добр*

и счастлив для Вас. Все мы нуждаемся в таком пожелании, а что до меня, то я испытываю настоящую нежность по отношению к людям, которые поздравляют меня с Новым годом в приятной мне манере.

Нужно ли говорить, сколь сильно я люблю Вас? Нужно ли говорить, сколь сильно я желаю Вам покоя, благополучия и этих тихих радостей, кои необходимы даже самым мужественным душам?

Следует ли мне говорить, как много я думал о Вас (всякий раз, когда я упрасивал какого-нибудь бельгийца исполнить фрагмент из Вагнера, всякий раз, когда мне приходилось вести спор о французской литературе, всякий раз, когда мне предоставлялся случай убедиться в этой бельгийской глупости, о которой Вы столько мне говорили)?

Я прослыл здесь за *агента полиции (очаровательно!)* (из-за этой расчудесной статьи, что я написал о шекспировском празднестве)³³³, за *педераста* (я сам распространил этот слух; и мне *поверили!*), потом прослыл за *корректора*, присланного из Парижа, чтобы править гранки *непристойных сочинений*. *Придя в отчаяние оттого, что мне во всем верят*, я пустил слух, будто убил своего отца и потом *съел его*; что если мне и позволили бежать из Франции, так это в благодарность за услуги, которые я оказывал французской полиции, и МНЕ ПОВЕРИЛИ! *Я плаваю в бесчестье, как рыба в воде.*

Сударыня, не отвечайте мне; несмотря на весь Ваш ум, Вам было бы затруднительно ответить на подобное письмо. Простите эту выходку уму, что ищет порой себе конфиденентов и ни на минуту не прекращал думать о Вашем расположении и доброте³³⁴.

Я молюсь о Вашем счастье (ибо я молюсь за всех, кого люблю) и умоляю Вас не забывать обо мне в Ваших молитвах, *когда Вы исполнитесь смирением, равным Вашему уму.*

Передайте Вашему мужу мои новогодние поздравления.

ШАРЛЬ БОДЛЕР
Брюссель, отель «Гран Мируар»,
улица Монтань

156. МАДАМ ПОЛЬ МЁРИС

[Брюссель.]

Пятница 3 февраля 1865

Когда получаешь столь очаровательное письмо, а главное, столь неожиданное и столь мало заслуженное, первейший долг — ответить на него немедленно; стало быть, я виноват, поскольку откладывал на протяжении целого месяца, тридцати дней, удовольствие ответить Вам и Вас отблагодарить. Я мог бы сказать Вам, и это правда, что часто бываю болен; но это было бы неудачным оправданием, поскольку насморк, невралгия и лихорадка никогда не длятся месяцами. Я предпочитаю сказать Вам правду, дело в том, что я слишком склонен злоупотреблять снисходительностью своих друзей; а также в том, что в этом отвратительном климате царит какая-то особая неведомая атмосфера, которая не только отупляет ум, но и ожесточает сердце и толкает нас к забвению нашего долга.

Вы можете догадаться, сударыня, сколь сильное Вы доставили мне удовольствие, ведь я признался, что мне было так стыдно за то, что я понаписал Вам непомерных глупостей, смущаясь перед Вами едва ли больше, чем перед самым близким товарищем, что, не имея сил разбить забронзовевшие рамки, в которые заключено теперь это письмо, и даже не надеясь получить хоть какой-то ответ, я уже придумывал всякие ухищрения, чтобы добиться от Вас прощения. Так что, читая Ваш ответ, столь неожиданный, я испытал двойное удовольствие: прежде — удовольствие оттого, что Вы *заговорили*, а затем — удовольствие от удивления. Итак, надо признать, что Вы решительно обладаете самыми прекрасными достоинствами в мире.

Я хочу немедленно ответить на некоторые строки Вашего письма, что меня особенно растрогали. Нет, уверяю Вас, у меня нет вовсе никакой *особенной печали*. Я всегда пребываю в дурном настроении (а это болезнь), ибо страдаю от окружающей меня глупости и потому что недоволен собой. Однако во Франции, где глупости меньше, где глупость более лощеная, я тоже стра-

дал; — и если бы даже мне было решительно не в чем упрекнуть себя, я все равно бы был недоволен собой, поскольку мечтал бы о лучшем. Так что где бы я ни был, в Париже, в Брюсселе или в каком-нибудь незнакомом городе, я уверен, что буду болен и неизлечим. Есть такая мизантропия, которая наступает не по вине дурного характера, а по причине слишком обостренной чувствительности и вкуса, который слишком легко оскорбить. — Почему же я остаюсь в Брюсселе — который я ненавижу? — *Прежде всего, потому, что я здесь*, и потому, что в моем нынешнем состоянии мне было бы плохо повсюду, — затем, потому, что я наложил на себя епитимью; — я наложил на себя епитимью до тех пор, пока не излечусь от пороков (это происходит довольно медленно), а также до тех пор, пока некий господин, коему я препоручил мои литературные дела в Париже, не решит некоторые вопросы.

Поскольку Вы прощаете мне все и позволяете любой тон, я скажу Вам, что эта столь ненавистная Бельгия уже оказала мне огромную услугу. *Она научила меня обходиться без всего.* Это немало. Я помудрел из-за невозможности удовлетворять свои желания. Я всегда любил удовольствие, и, быть может, именно это причинило мне наибольшее зло. В маленьком морском порту я с удовольствием изучаю жизнь порта, корабли, которые приходят и уходят, с удовольствием выпиваю в кабачке с ребятами, которые по положению ниже меня, но чувства которых мне интересны. Здесь нет ничего. Даже бедняки не вдохновляют меня на щедрость. В Париже есть дружеские ужины, музеи, музыка и женщины. Здесь нет ничего. О лакомствах не может быть и речи. Вам известно, что не существует бельгийской кухни и что эти люди не умеют ни варить яйца, ни жарить мясо. Вино здесь пьют как нечто редкое, драгоценное, восхитительное и случайное. Мне думается — черт меня возьми! — эти животные пьют его из тщеславия, чтобы напустить на себя вид, будто они в нем разбираются. Дешевое молодое вино, которое в жажду пьют стаканами, — явление здесь неведомое. Учтивости — еще меньше. Вид бельгийской женщины вызывает у меня смутное желание испариться. Если бы Бог Эрос захотел мгновенно все свое пламя обратить в лед, ему достаточно было бы взглянуть в лицо какой-нибудь бельгийки.

Прибавьте к тому, что грубость женщин, ни в чем не уступающая грубости мужчин, сразу рушит все их обаяние, если бы эти несчастные создания были наделены им хотя бы в небольшой степени. Несколько месяцев тому назад я, заблудившись, оказался посреди ночи в каком-то неизвестном мне пригородном районе; я спросил дорогу у двух юных барышень, которые отвечали мне: «Gott for damn!» (или Domn!) (я не совсем правильно пишу это; ни один бельгиец ни разу даже не смог мне сказать, как пишется любимое национальное ругательство; но это соответствует «Черт подери!») Так вот, они, эти распрекрасные юные барышни, ответили мне: «Отвали! Черт тебя подери!» — Что до мужчин, то они никогда не изменят своей страсти к грубости. Однажды, когда был сильный гололед, я увидел, как упала актриса местного театра. Она довольно сильно ушиблась, а когда я изо всех сил старался помочь ей подняться, проходивший мимо бельгиец пнул как следует муфту, что валялась на дороге, сказав при этом: «А это? Вы что, забыли?» — Быть может, это был депутат, министр, князь, быть может, сам король. Парижский рабочий учтиво поднял бы ее и передал бы даме.

Как я говорил Вам, я с удовольствием пригласил бы всех сластолюбивых пожить немного в Бельгии. Они быстро излечились бы, а через месяц-другой отвращение *вернуло бы им невинность*.

Другая услуга, которую оказала мне эта страна проходимцев. — Вы неоднократно шутили над моей склонностью к мистицизму! — Уверяю Вас, Вы сами стали бы здесь набожной, — из самолюбия, из необходимости быть непохожей на других. Вид всех этих четвероруких безбожников всерьез утвердил меня в религиозных мыслях. Даже о *католиках* не могу сказать ничего хорошего. Либералы все сплошь атеисты, католики суеверны, те и другие страшно грубы, и над обеими партиями довлеет равное лицемерие.

Еще два сугубо бельгийских анекдота — чтобы развлечь Вас.

Однажды официант в кафе, обслуживая меня, сказал: «Вы, значит, ходите в церковь, сударь? На Рождество Вас видели в такой-то церкви». Я ему отвечал: «Никому не говорите об этом!» Но про

себя подумал: «Об этом будут говорить в Совете министров». — Два дня спустя я встречаю одного бельгийца, который говорит мне: «А! Так Вы ходите на мессу! Gott for domn! (всегда одно и то же проклятие, которое я не знаю, как писать). ЧТО ВАМ ДЕЛАТЬ НА МЕССЕ, ЕСЛИ У ВАС НЕТ МОЛИТВОСЛОВА?» Это чисто бельгийский ход мысли. Они не молятся без молитвослова. Думают только по правилам. Однако в одном бельгиец все-таки грешит против истины — молитвослов ему ни к чему, поскольку написанных молитв он все равно не понимает.

Однажды меня с великим пафосом ведут к министру, который владеет дорогостоящей коллекцией картин. В конце меня подводят к Бартолини кисти Энгра. Вот здесь-то и надо было прийти в восторг. Но меня не предупредили. Я сказал: «Это, вероятно, Энгр. Руки и лицо излишне велики; в этом не чувствуется *стиля*, и потом, грязновато-красный цвет. У Энгра есть великий предшественник, гений которого намного сильнее. Это Давид». Тогда министр поворачивается к моему провожатому (ибо, думается мне, что и *меня* тоже выставляли напоказ) и деликатно спрашивается у него: «Мне кажется, впрочем, что некоторое время назад Давид стал *расти в цене?*» Я не мог этого вынести; и отвечал, что достаточно уже того, что у людей одухотворенных он никогда в *цене не падал*³³⁵.

Еще одна услуга, которой я обязан Бельгии! передайте это Бракмону. Здесь я утратил иллюзии в отношении Рубенса³³⁶. Покидая Париж, я был слишком высокого мнения об этой дубине. Рубенс — это единственная разновидность джентльмена, которую Бельгия могла произвести на свет, а именно: хам, одетый в шелка. Лучшей картине Рубенса я предпочел бы ныне кусочек римской бронзы или египетскую ложечку — из дерева.

Передавайте мой искренний дружеский привет Вашему мужу. Привет Фантену и Мане. — Г-н Шарль Гюго просил передать Вам, что хранит о Вас добрые воспоминания. — Говорят, его отец намеревается переехать жить сюда. Черт возьми! Я чуть было не забыл весьма важный и весьма интересный вопрос о Ваших туалетах. Вы правильно сделали, что заговорили со мной об этом, Вы ведь знаете, что меня это интересует. Я почти столь же эрудирован в

том, что касается моды, сколь Маласси в том, что касается старых книг и ботаники. Ибо несчастный взялся за ботанику (не за энтомологию, поскольку в здешних лесах не водятся насекомые, да и птиц тоже раз, два и обчелся; звери просто бегут от бельгийцев). Я вообразил себе Ваши туалеты; и они напомнили мне о временах, что живут в моем сердце.

Что до прически, то, к стыду своему, признаю, что я не столь ясно себе ее представил. Впрочем, я заметил бы Вам лишь одно: когда у столь очаровательной дамы белокурые волосы, какую бы прическу она ни носила, она должна заботиться о том, чтобы *демонстрировать* свои белокурые волосы. Это ее красит.

Галантно целую Ваши руки и крепко их пожимаю.

Ш. Б.

157. МАДАМ ОПИК

[Брюссель.] Суббота 11 февраля 1865

Моя дорогая матушка, я тянул с ответом на твое письмо, поскольку надеялся, что смогу сообщить важное известие из Парижа. Но пока что ничего нет, — не считая второй плохой новости. Вслед за «Ревю де Пари», что дышит на ладан, приключилась история и с «Фигаро», откуда я ожидал получить 400 франков. «Фигаро» безусловно отвергает все, что я туда отправил, поскольку это слишком выходит за пределы, доступные их читателям. Вероятно, тем самым мне вежливо хотят сказать, что мои писания скучны. Беда в том, что отрывки, посланные в «Ревю де Пари» и «Фигаро», были выбраны из пятого тома моих переводов из Эдгара По, и поскольку том скоро выйдет из печати, у меня не будет времени напечатать их где-нибудь еще.

Как я вроде бы уже говорил тебе, чувствуя, что мне никогда не уладить свои дела самому, я поручил одному субъекту заниматься всеми моими литературными делами за некоторую плату, взимаемую, само собой разумеется, с заключенных договоров³³⁷.

Сначала я ожидал получить ответ: «да» или «нет», а затем «это составит столько-то процентов». Никакого ответа не последовало. Молчание — знак согласия. Я заключил из того, что он занялся мною и что он оставляет за собой право сообщить мне свои условия после первой совершенной сделки. — Но потом, правильно ли я выбрал этого человека? Вот важный вопрос. Я выбрал того, кто давно занимается этим ремеслом для других литераторов, кто сам ведет книготорговлю и дела у него идут неважно. Выбрал я его именно потому, что он в стесненных обстоятельствах, надеюсь, что он увидит в моей литературной участи способ заработать себе денег. — (Я убежден — ты, верно, сочтешь мою гордость чрезмерной, — что, как бы мало ни оставил я по себе литературных произведений, они будут весьма хорошо продаваться после моей смерти. Что до авторских прав, получать их будет некому, разве что я умру раньше тебя. Для книготорговцев это будет выгодным делом.)

Я более не мечтаю о состоянии. Я мечтаю лишь оплатить свои долги и суметь издать томов двадцать, частое переиздание которых обеспечит мне более или менее постоянную ренту. Кроме всеобщего потрясения основ, это почти так же надежно, как рента или акции. — Как сожалею я о том странном помешательстве, в силу которого уступил права на перевод за 2000 франков наличными, из которых даже су не смог истратить на себя самого. Эти пять томов давали примерно от 400 до 600 франков ренты в год, несмотря на узость моих прав. Вот на какие глупости толкают нас кредиторы. Никогда более не заключу я подобной сделки, разве только за огромную сумму или за пожизненную ренту.

Да, ты тысячу раз права по поводу семи лет. Нет, Ансель не смог бы оплатить мои долги, имея в своем распоряжении 14 000 франков, *но мы могли бы*, как ты говоришь, *прожить эти дни счастливо*. Ах! Какая ужасная фраза!

Я хорошо знаю ту теорию невезения, про которую ты мне говоришь, и хорошо знаю и себя самого.

Это *опасная добродетель* — быть наделенным большей чувствительностью, большей возвышенностью или деликатностью, чем большинство собратьев, товарищей, чем, наконец, толпа.

— *Еще более опасный порок* — в малодушии, унынии и привычке упускать бесплодно годы, постоянно откладывая все на завтра. Когда я завален не сделанной к сроку работой, я нахожу в себе по этому случаю достаточно усердия, и это доказывает, что я не вовсе бессилён. Усердие мое неистово, но не постоянно. Однако, когда уж и душевное превосходство человека обращено *против него самого*, тем более ему надо быть *терпеливее, упорнее, настойчивее*. Я в совершенстве владею наукой жизни, но у меня нет сил применить ее на практике. Понимаешь ты теперь, почему мы видим, как стольким более чем посредственным авторам удается так хорошо преуспеть и заработать столько денег? Все работает на них, прежде всего их посредственность, прибавь к этому возможности, предоставляемые усидчивостью.

Не знаю уже, сколько раз ты говорила мне о присущей *мне легкости*. Этот весьма часто употребляемый термин применим лишь к умам поверхностным. Легкость мысли? Или легкость выражения? Никогда не было у меня ни той ни другой, и должно бросаться в глаза, что небольшое сделанное мною есть результат весьма мучительного труда.

Время от времени я снова принимаюсь за свои «Поэмы в прозе». Надобно их завершить. Я знаю, что издатель переиздаст «Цветы Зла» только после публикации «Поэм в прозе». Непереиздаваемые книги забываются, и это потерянные деньги. — Надобно, однако, обладать некоторым душевным спокойствием, дабы сочетать мысли, образы и слова. А я очень далек от этого спокойствия.

Тебе мнилось, что я ни к кому не испытываю дружеских чувств. Я не говорю по этому поводу о тебе, поскольку, питаю я к тебе лишь дружбу, я был бы шалопаем. Но есть в Париже три-четыре человека, выказавших мне такие знаки дружбы, что я им бесспорно многим обязан.

Ты пишешь мне о доступных тебе в Онфлере развлечениях, от которых ты все время отказываешься, поскольку повсюду с тобой *отягощенное печалью сердце*! Умоляю тебя, пользуйся этими случаями, соглашайся на все, дабы развлечься. Хотя я сам запаздываю по отношению к массе вещей — деньгам, обязанностям, работе, не стоит все же отчаиваться.

Я не могу назвать простудой то, что я пережил — и что еще не вполне прошло. Не осмеливаюсь даже спуститься и выйти на улицу. Это род острого головного ревматизма, с приступами и возобновляющимися припадками. Много раз мне казалось, что я от этого избавился, и затем, без всякой видимой причины, на следующий день у меня снова случался припадок. —

(Я думал, что в необитаемом доме были и другие принадлежащие мне ящики.)

Целую тебя. Не забывай меня. Я ужасно скучаю.

Ш А Р Л Ь

Что до жара, он, слава богу, прошел! — Но умоляю тебя не тревожиться беспрестанно из-за этих моих недугов. Это просто недомогания, которые быстро пройдут, если я буду в хорошем расположении духа.

158. НАРСИСУ АНСЕЛЮ

[Брюссель.] Воскресенье 12 февраля 1865

Мой дорогой друг, благодарю Вас. Я буду помнить, что уже получил 300 франков в счет этого года — и 500 за восемь последних месяцев прошедшего. Что до сумм, полученных в последние четыре месяца, я не записывал их для памяти. Пишите мне, как только сможете, не только потому, что мне не терпится узнать, как обстоят наши дела, и удостовериться, что все мои безделицы пребывают у Вас в полной сохранности, но еще и потому, что я смертельно скучаю. Общество одного лишь человека может доставить мне здесь удовольствие, а он живет у черта на куличках, на окраине одного из предместий³³⁸.

Полагаю, что будет благоразумным, когда Вы снова встретитесь с Жакине, сверить вместе с ним, *с описью в руках*, наличие всех предметов. В этой описи имеются небольшие дополнительные указания, на кои следует обратить внимание, например: *Рисунок, который надобно укрепить* (если он не укреплен), что

значит, его надобно подвергнуть обработке, которая воспрепятствует его стиранию. — *Плохо обрамленный рисунок, обрамить заново*; — и.т.д. ... — Этот Жакине ловок лишь в наведении чистоты, а так человек весьма беспорядочный.

Тысяча извинений за все причиняемые мной хлопоты. Никогда я не бесился так, как в последние дни, когда, ожидая известий, я получал одни лишь плохие новости и был совершенно неспособен к действию. Вот уж десять дней, как я надеюсь получить одно важное известие касательно моих литературных интрижек, и Ничего, Ничего, Ничего!

Сегодня утром в первый раз за долгое время я основательно поел, чревоугодничал как ребенок. Но это было преждевременно. Чувствую, как у меня снова начинается мигрень.

Несколько дней тому назад я просмотрел подборку весьма любопытных писем Прудона, адресованных бельгийским друзьям. Меня приходил навестить Теофиль Торе (Вы помните его, последние годы он подписывается как Вильям Бюргер). Мы не виделись лет двадцать или около того. Я получил от встречи с ним огромное удовольствие. Впрочем, сейчас я склонен находить гениальность у любого француза. Торе, хоть он и республиканец, всегда отличался элегантными манерами. Он рассказал мне, что как-то раз путешествовал с Прудоном, однако был вынужден расстаться с ним из-за того отвращения, которое вызывала в нем напускная простота Прудона, напускная грубость во всем, деревенская бесцеремонность. — Таким образом, можно одновременно быть *блистательно умным человеком и мужланом*, — равно как можно одновременно обладать *необычным дарованием* и быть *глупцом*. Это прекрасно доказал нам Виктор Гюго. — Кстати, последний собирается поселиться в Брюсселе. Он купил дом в квартале Леопольда. Похоже, что меж ним и Океаном возникла размолвка. Либо он не в силах более переносить Океан, либо *он сам* Океану наскучил. — Стоило с таким старанием обустраивать замок на скале! Что до меня, то одинокий, всеми покинутый, я продам домик моей матушки лишь в самом крайнем случае. — Но у меня еще больше гордости, чем у Виктора Гюго, и я чувствую, я знаю, что никогда не буду так глуп, как он. — Повсюду хорошо (лишь

бы только хорошо себя чувствовать и иметь под рукой книги и гравюры), *даже пред лицом Океана*.

Прудон никогда не встречался с Виктором Гюго, весьма вероятно, что он читал его стихи, но когда ему дали почитать «Отверженных» (позор Виктора Гюго), он написал примечания к каждой строчке первых двух томов. Это, наверное, было пре-забавно: логика, исправляющая отсутствие таковой! — Однако, бельгийский владеец книги (восхититесь бельгийцем!), сочтя ее испорченной, тщательно стер все примечания. И вот, такой памятник утрачен!

Кто это написал на обороте конверта с Вашим письмом: «Привет и Собратство!» Или «Братский привет», или «Братские приветствия», — надпись, залепленная маркой? — *Ваши друзья* не изъясняются таким слогом. Тем не менее, это напомнило мне энтузиазм и забавы Февраля! Как давно все это уже было³³⁹!

Известно ли Вам, что сыновья короля Леопольда получают с согласия их папеньки ренту от императора Наполеона III в качестве возмещения утраченной ими части наследства Орлеанского дома (на которое наложен арест)? — Низкие души! Обреченные династии! — Наш Император, быть может, и отменный шельмец, но он любит славу больше денег, и тем он занимателен. — Впрочем, я проверю это, прежде чем печатать. — Но это непросто.

Мне не терпится увидеть «Жизнь Цезаря» и узнать, действительно ли Наполеон-Луи обладает литературным дарованием³⁴⁰.

Мое почтение г-же Ансель.

Сердечно Ваш. Не забывайте обо мне.

Ш. Б.

159. МИШЕЛЮ ЛЕВИ

[Брюссель,] 15 февраля 1865

Мой дорогой Мишель, я не книготорговец, и полагаю, что Вы не питаете никакого доверия к моим идеям.

Тем не менее, может стать, идея моя недурна.

За те девять месяцев, что я пребываю здесь, я ни разу не говорил с г-ном Лакруа, ни разу с ним не виделся из-за того инстинктивного ужаса, который он мне внушил!

Как-то раз я беседовал с Вербукховеном³⁴¹ и предложил ему идею — поскольку он обсуждал, кого перевести из иностранных писателей — опубликовать новый перевод «Мельмота Скитальца»³⁴² — забытого произведения, бывшего уставом Романтизма и предметом восхищения Бальзака и Виктора Гюго. Что касается Романтизма, в этом я хорошо разбираюсь. —

И я узнаю, что господа эти только что дали заказ на перевод мадемуазель Жюдит. Так искалечить шедевр! Я знаю, как эти господа делают свои переводы — по 25 франков за лист, — заказывая их людям, не знающим языка. Я держал в руках «Историю Крымской войны» Кинглейка (там нет имени Лакруа, поскольку у него патент на книготорговлю в Париже, это могло бы быть опасным), и я угадывал искажения смысла, даже не имея пред глазами английского текста.

Заказать верный подлинному духу произведения перевод «Мельмота Скитальца» Мэтьюрина могло бы стать *выгодным делом*, наверняка даже беспроигрышным в денежном отношении. Потом, отчасти это было б и почетно. Вы сможете найти среди Ваших многочисленных знакомых образованного литератора, который сделает Вам хороший и *буквальный* перевод за *честную*, умеренную цену, значительно превышающую, однако, ту, что Лакруа платит своим чернорабочим. Пусть Ваш переводчик работает проворно, и Вы погубите предприятие Лакруа.

Само собой разумеется, *что обо мне нет и речи*. Я посвятил много времени Эдгару По потому, что он немного на меня походит. Я не переводчик.

Быть может, Вы дружны с мадемуазель Жюдит? — В таком случае идея моя пропала.

Я нашел *бельгийские* приемчики чрезмерно *неучтивыми*, и мне представилось уместным подсказать Вам одну проделку, которая, возможно, сулит выгодное дело и *благородное* деяние. — Задержите, насколько это возможно, публикацию «Новелл» По; я без единого су и крайне заинтересован получить последние крохи.

Как видите, я славный человеконенавистник, если использовать словечко Байрона³⁴³, полагаю, впрочем, что написать *хорошую* книгу о Бельгии меня подтолкнуло негодование.

Читали ль Вы постыдную статью в «Эрасте» против Генриха Гейне и «сатанинских поэтов»? Я пишу на нее ответ.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

Поблагодарите же меня, коль скоро Вы никогда не пишете.

160. МАДАМ ПОЛЬ МЁРИС

[Брюссель.] Суббота 18 февраля 1865

Ваши письма, сударыня, неизменно исполнены доброты, но удовольствие, доставляемое этой добротой, не мешает мне видеть Ваше сатирическое дарование, о котором я, впрочем, всегда подозревал. — Особенно был я тронут сказанным Вами о чувствах г-на Мёриса по отношению ко мне. Поблагодарите его от меня.

Мане уже написал мне пару слов касательно этой истории с «Мельмотом». Я был раздражен по двум соображениям: первое — я всегда был проникнут странным чувством, что прекрасное надо скрывать в тайне и наслаждаться им аристократически втайне; второе — я прекрасно помню, что восемь месяцев тому назад я беседовал с Вербукховеном о книгах, которые следовало бы воскресить. Он не знал Мэтьюрина, и я объяснил ему, кто это был такой. Он сказал мне: «Я поговорю об этом с Лакруа». Однако, я не предлагал себя в качестве переводчика. Подобные работы меня пугают. Я потратил много времени на перевод Эдгара По, и самая большая польза была в том, что несколько доброхотов сказали, будто я позаимствовал у По *свои* стихи, которые, по правде говоря, были написаны за десять лет до того, как я познакомился с творениями последнего.

На переводы я смотрю как на способ, с помощью которого ленивый чеканит звонкую монету. — Дело это, в том виде как я его

излагаю, не противоречит Вашему рассказу. Единственно лишь, сам того не ведая, я устроил дела мадемуазель Жюдит. Я не предлагал своих услуг, но когда эти господа решили опубликовать Мэтьюрина, вежливость обязывала их предложить эту работу тому, кто навел их на мысль о ней.

Тогда я написал двум парижским издателям, Мишелю Леви и Жюльену Лемеру, советуя им быстро заказать этот перевод. Но я опять не предлагал своих услуг. Признаюсь, что я испытал бы некоторое удовольствие, если б удалось сыграть злую шутку с г-ном Лакруа, — *с которым, впрочем, я незнаком, никогда не разговаривал и никогда не здоровался.*

А теперь отвечу на некоторые из соображений, которые Вы излагаете мне с таким изяществом. Прежде всего, Мёрис ошибается, считая Мэтьюрина сложным для понимания автором. Это самый простой, самый прозрачный и самый ясный английский язык. Сложность, если она и есть, состоит не в том, чтобы понять, а в том, чтобы суметь выразить. Автору этому присущи некоторая причудливость и крайняя страстность чувств и к тому же привычка к избыточным метафорам, — говоря кратко, стиль его странен и принадлежит другому времени. Это *старый романтик*, и дабы суметь достойно передать его дух, надо быть *старым романтиком*.

А сотрудничать с мадемуазель Жюдит — это-то уж совсем безумная мысль.

Что до критической и библиографической части работы, если предположить, что эти господа на то согласятся, я вижу тут еще одно неудобство. Делая такую работу, следовало б объяснить, кто такой Мэтьюрин, какое место занимает он в истории современной литературы, что такое «сатанинская литература», в чем он соприкасается с Байроном и т. д., и т. д. — Однако представьте себе, как чудно будет выглядеть подобное предисловие, если перевод не дает достаточно высокого представления о восхваляемом авторе! — Хочу верить, что перевод мадемуазель Жюдит будет хорош, но мне известно, что переводы, заказываемые Лакруа, как правило, чудовищны. Я просматривал некоторые из них. Они делаются по *принципу экономии средств* и людьми, которые, будучи

вынуждены в силу своего положения знать два языка, не знают из них как следует даже одного. (Посмотрите, например, «Историю Крымской войны» Кинглейка. Искажения смысла угадываются без помощи оригинала.) Наверное, было бы хорошо, если б Вы прочитали мое письмо Мёрису. Он найдет вполне естественным, что Мане и Вы предупредили меня.

В любом случае, поблагодарите его за интерес, который он проявил ко мне в этой истории.

Я совсем не разделяю Ваши строгие взгляды на женщин, сильно обнажающих свои прелести. Это доставляет большую приятность тем, у кого нет жен, потерять которых они опасались бы, тем, что поставили себя вне человеческих интересов и ищут лишь зрелища. Полагаю даже, что приятно это и тем, кто заинтересован укрыть своих жен от чужих взглядов. Это придает им гордости.

Никогда не говорите со мной про гг. Ст.... Впрочем, им всем можно позавидовать, особенно Артюру, полагающему, что все женщины готовы броситься ему на шею. Но *странности* в этом нет никакой, *по крайней мере в этой стране*. Каждый бельгиец, когда речь идет о нем самом, убежден в одном и том же.

Примите уверения в моей неизменной дружбе.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

P. S. — Подобно Вам, я порицаю всех этих мужланов, избегающих женского общества; однако в оправдание их надо сказать, что женщины теперь не столь любезны, как прежде.

161. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Около 1 марта 1865]

Господину Э. Р.³⁴⁴

Мой дорогой друг, только что прочел Ваши занятные заметки о Прудоне и нашел на странице 11 шестьдесят восьмого номера

«Ля Петит Ревю» историю, давно мною Вам рассказанную и претерпевшую в Вашей памяти некоторые изменения.

«Некий гражданин лицезрел его в редакции “Ле Пепль”, и т. д.»

Этим гражданином, друг мой, был я. Как-то вечером я зашел за гражданином Жюлем Вьяром в редакцию «Репрезантан дю пепль».

Прудон был там в окружении своих сотрудников, которым он раздавал указания и советы для очередного номера газеты.

Мало-помалу все разошлись, и я остался с ним наедине. Он сказал мне, что Вьяр уже давно ушел, и мы стали беседовать. Поскольку в разговоре я сообщил ему, что у нас было с ним несколько общих друзей, в том числе Рикур, он сказал мне: «Гражданин, вот и время ужинать. Не желаете ли вместе поужинать?»

Мы пошли в небольшую кулинару, незадолго до того открывшуюся на улице Нев-Вивьен. Прудон говорил без умолку, страстно, пространно, посвящая меня, незнакомого ему человека, в свои планы и прожекты, отпуская при этом массу острот, так сказать, произвольно.

Я заметил, что наш полемист ел непомерно много и почти ничего не пил, в то время как моя сдержанность в еде и сильная жажда сильно контрастировали с его отличным аппетитом. «Для литератора, — сказал я ему, — Вы едите на удивление много».

«Это потому, что мне предстоят великие дела», — отвечал он мне с такой простотой, что я не мог догадаться, говорит ли он всерьез или паясничает.

Должен добавить, — поскольку мельчайшим деталям Вы придаете часто вполне обоснованную важность, — что по окончании ужина, когда я позвонил гарсону, дабы оплатить наш общий счет, Прудон столь живо воспротивился моему намерению, что я согласился, чтоб он достал свой кошелек. Но он немного удивил меня, оплатив лишь свой собственный ужин. — Быть может, Вы заключите из этого о его решительном пристрастии к равенству и избыточной любви к праву?

Всецело Ваш

Ш. Б....

162. СЕНТ-БЁВУ

[Брюссель,] 15 марта [18]65

Дорогой друг,

Пользуюсь появлением книги «Гротески и арабески» как поводом напомнить Вам о себе. — Иногда по утрам я беседую о Вас с г-ном Мюллером, из Льежа, рядом с которым я сижу за завтраком, — а вечером, после ужина, перечитываю вместе с Маласси «Жозефа Делорма». Вы определенно были правы: «Жозеф Делорм» — это канун «Цветов Зла». Сравнение для меня блистательное. Будьте добры, не считайте его обидным для Вас.

А как предисловие к «Жизни Цезаря»? В достаточной ли мере оно исполнено духа *предназначения*?

Всецело Ваш

Ш. Б.

Брюссель

Улица де ля Монтань, 28.

163. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Около 22 апреля 1865]

*[Сонет в извинение за то,
что автор не смог поехать с другом в Намюр³⁴⁵]*

Коль едете Вы в город,
Что именит стеною крепостною
И лирой рабской
Славного пиита и Кастрата,

Коль едете Вы на приволье
Вкусить изысканных утех,
Не поскупитесь на доброе слово,
Дражайший Пустобрех

(Как я бы сделал сам),
Сказав, что люблю там
Полубезумного беднягу Ропса,

Что Римской премии не удостоен,
Хотя талант его и строен,
Как пирамида самого Хеопса.

164. СЕНТ-БЁВУ

[Брюссель.] Четверг 30 марта 1865

Мой дорогой друг,

Благодарю Вас за замечательное письмо; разве можете Вы написать какое-то иное письмо? Когда Вы называете меня «мой дорогой мальчик», Вы меня разом и умиляете, и смешите. Несмотря на седовласую шевелюру, делающую меня похожим на академика (*за границей*), я очень нуждаюсь в ком-то, кто любит меня достаточно сильно, чтоб называть своим дитятей. Не могу, однако, не вспомнить историю про бургграфа лет ста двадцати, который в беседе с бургграфом восьмидесятилетним сказал: «Замолчите, молодой человек!»³⁴⁶ (в скобках, и строго между нами, скажу, что если б я писал трагедию, то побоялся бы разбрасываться штрихами *такой же силы* и достичь тем самым *иной цели*, нежели та, в которую я метил бы).

Однако, примечаю, что в письме Вашем не содержится даже намека на «Гротески и арабески», которые я просил Мишеля Леви передать Вам. Отсюда я вправе заключить, что этот книготорговец, будучи из расы тех, кто распыл нашего Спасителя, мог вполне естественным образом сэкономить один экземпляр за Ваш счет. Впрочем, клянусь Вам, что у меня нет намерения выманить у Вас какую бы то ни было *рекламу* этой книги. Зная, как прекрасно Вы умеете распределять Ваше время, я стремился лишь предоставить Вам возможность еще раз насладиться удивительно тонкой сме-

сю логики и ощущений. Есть люди, которые найдут, что пятый том уступает предшествующим, но мне это безразлично.

Мы с Маласси не так уж изнываем от скуки, как Вы полагаете. Мы выучились *обходиться без всего* в стране, где *ничего нет*, и мы поняли, что некоторые наслаждения (например, доставляемые беседой) возрастают по мере того, как сокращаются иные потребности.

Что до Маласси, то скажу Вам, я восхищен его упорством, живостью и неисправимой веселостью. Он достиг поразительно обширных познаний в том, что касается книг и гравюр. — Все его занимает и все служит его просвещению. — Лучше всего мы развлекаемся, когда он старается представить себя безбожником, а я исхитряюсь изобразить иезуита. Вам известно, что я могу стать набожным из духа противоречия (в особенности *здесь*), подобным же образом, дабы превратить меня в нечестивца, достаточно было бы свести меня с *неряхой* кюре (неряхой в телесном и духовном смысле). — Что до издания нескольких *игривых* книг, корректуре которых он предавался с таким же религиозным пылом, какой вложил бы в издание Боссюэ или Лойолы, то я даже извлек из того совсем небольшую и совсем неожиданную пользу, *а именно лучшее понимание французской Революции*. Когда люди начинают развлекаться определенным образом, это диагноз грядущей революции³⁴⁷.

Нас только что покинул Александр Дюма. Этот честный малый приезжал показать себя с обычным для него простодушием. Толпясь вокруг него, дабы ухватить и пожать его руку, бельгийцы подсмеивались над ним. Это низко. Человек может вызывать к себе уважение своей *жизненной силой*, африканской энергией, это правда. Но я полагаю, что, помимо меня, многие другие любители серьезной литературы были увлечены «Графиней де Монсоро» и «Бальзамо».

Поскольку мне не терпится вернуться во Францию, я написал Жюльену Лемеру, препоручив ему свои делишки. Я хотел бы собрать в трех-четыре томах лучшие из своих статей о *возбуждающих средствах*, о *художниках* и *поэтах* (прибавив к тому серию «Рассуждений о Бельгии»). Если в одну из Ваших редких про-

гулок Вы будете проходить по Гентскому бульвару, подстегните свою добрую волю и порасскажите, что хорошего Вы обо мне думаете³⁴⁸.

Должен признаться, что недостает трех важных отрывков; один из них — «Дидактическая живопись» (Корнелиус, Каульбах, Шенавар, Альфред Ретель); другой — «Биография Цветов Зла»; и наконец, последний — «Шатобриан и его семья». — Вы знаете мое неисправимое пристрастие к этому старому ДЕНДИ. — В целом, работы немного: наверное, дней на десять. У меня богатый запас заметок.

Простите меня, если я вмешиваюсь в деликатное дело, меня извиняет желание видеть Вас довольным (предполагая, что некоторые вещи могли бы Вас удовлетворить) и видеть, что Вам отдают должное. Я слышу, что многие говорят: «Скажите на милость! Сент-Бёв еще не сенатор?» — Много лет тому назад я говорил Э. Делакруа, не стесняясь особо в выражениях, о том, что многие из молодых его поклонников предпочли бы все время видеть его парией и мятежником. (Я намекал на то упорство, с которым он выставлял свою кандидатуру в Академию.) Он отвечал мне: «Сударь, если б мою правую руку парализовало, как член Академии я имел бы право преподавать, и, даже допуская, что я по-прежнему буду в добром здравии, Академия может оказаться мне полезной, чтобы оплатить мои счета за кофе и сигары». В двух словах, думаю, что в представлении многих людей, совсем непохожих на меня, складывается нечто вроде обвинения Вас в неблагодарности по отношению к правительству Наполеона. — Не правда ли, Вы ведь простите мне, что я престаю пределы приличия? Вы знаете, как я Вас люблю, и к тому же я болтлив, как человек, редко имеющий возможность побеседовать.

Я только что прочел длинную речь Эмиля Олливе. Это ни на что не похоже. Кажется, будто он говорит с уверенностью человека, который держит про запас великую тайну³⁴⁹.

Читали ль Вы мерзкий фельетон Жанена, направленный против поэтов меланхолических и насмешливых (по поводу Генриха Гейне)? — *И Вьенне процитирован среди великих поэтов Франции!* — А две недели спустя фельетон в защиту Цицерона!

Он что, принимает Цицерона за сторонника орлеанистов или за академика?

Г-н де Саси говорит: «*Цицерон — это НАШ Цезарь, НАШ!*» О нет, не правда ли?

Сердечно Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Без всякого перехода, скажу Вам, что я только что нашел великолепную меланхолическую оду Шелли, сочиненную на берегу Неаполитанского залива, которая заканчивается следующими словами: «Знаю, я не из тех, кого полюбят люди, но я из тех, кого они не забывают!» В добрый час! Вот истинная поэзия.

Четверг 4 мая 1865

Мой дорогой Сент-Бёв, взявшись за перо, чтобы черкнуть несколько слов поздравлений по поводу Вашего назначения³⁵⁰, я обнаруживаю письмо, которое писал к Вам 30 марта и которое не было отправлено, возможно, по моей рассеянности или забывчивости прислуги в гостинице.

Перечитываю — оно мне кажется ребяческим, детским. Но все-таки посылаю его. Если оно Вас посмешит, вместо того чтобы сказать «тем хуже», я скажу «тем лучше». Зная Вашу снисходительность, я совсем не боюсь оголиться перед Вами.

К тому, что я написал про Жюльена Лемера, добавлю, что я закончил отрывки, о которых шла речь (исключая книгу о *Бельгии*, завершить которую здесь у меня недостает упорства), и что, будучи вынужден ехать в Онфлер, дабы найти там остальные фрагменты, входящие в заявленные Лемеру книги, я, вероятно, буду в Париже 15-го числа, с тем чтобы немного его потерзать. Если Вы с ним случайно увидите, можете ему об этом сообщить.

Что до Маласси, то суд 12-го числа. Он уверен, что его осудят на пять лет. Тяжело то, что это закрывает ему пути во Францию на пять лет. В том, что это лишает его на некоторое время средств к существованию, я не вижу особой беды. Он займется чем-нибудь другим. Напрасно он рассчитывал на всемирный разум, бросая

вызов обязательной стыдливости общества. Я не ханжа, но у меня никогда не было ни одной из этих дурацких книг, пусть даже хорошо изданных и с прекрасными гравюрами.

Увы! «Поэмы в прозе», которым Вы снова послали слова ободрения, сильно запаздывают. Я постоянно взваливаю на себя трудные работы. Сочинить *сотню* трудоемких безделиц, требующих неизменно хорошего расположения духа (хорошее состояние духа надобно даже для того, чтобы писать на печальные темы) и причудливой возбужденности, которой надобны зрелища, толпа, музыка, даже свет уличных фонарей, — вот что я задумал совершить! Я дошел до *шестидесяти* и не в состоянии двигаться далее. Я испытываю потребность искупаться в *людском множестве*, если использовать здесь выражение, справедливо поразившее Вас своей неправильностью³⁵¹.

Монселе³⁵² приезжал сюда. Я прочел Вашу статью. Меня восхитила Ваша гибкость и способность проникнуть в душевные глубины самых различных дарований. Однако этому-то дарованию недостает чего-то такого, что мне не удастся определить. Монселе ездил в Антверпен, где есть великолепные вещи, в особенности образчики чудовищного иезуитского стиля, который мне так сильно нравится, и с которым я знаком лишь по часовне лионского коллеги, созданной из мрамора различных тонов; в Антверпене есть музей весьма необычного свойства, с массой произведений неожиданных даже для тех, кто способен поставить фламандскую школу на подобающее ей место. И наконец, городу присущ величаво-торжественный вид старой европейской столицы, чья внушительность усиливается большой рекой. Полагаю, этот славный малый ничего такого не увидел. Он видел лишь изобилие жареной картошки, которую он ходил есть по ту сторону Эско. Впрочем, он прелестный человек.

Решительно поздравляю Вас от всего сердца. Вот Вы теперь и сравнялись (официально) со множеством посредственностей. Что мне за дело? Вы ведь этого желали, не так ли? Быть может, испытывали в этом потребность? Вы довольны, стало быть, я рад.

Всецело Ваш

Ш. Б.

165. ЭДУАРУ МАНЕ

[Брюссель.] Четверг 11 мая 1865

Мой дорогой друг, благодарю Вас за славное письмо, которое г-н Шорнер принес мне сегодня утром, а также за музыку³⁵³.

У меня с некоторых пор возникло намерение проехать дважды через Париж, раз по дороге в Онфлер, раз на обратном пути; я доверился одному лишь безумцу Ропсу, рекомендуя ему сохранить это в секрете, поскольку у меня едва достанет времени на то, чтобы пожать руку двум-трем друзьям. Но, судя по тому, что говорит мне г-н Шорнер, Ропс рассказал об этом кому только мог, из чего естественным образом следует, что многие полагают, будто я в Париже и считают меня неблагодарным и забывчивым.

Если Вы увидите с Ропсом, не придавайте слишком много значения некоторым внешним проявлениям, сильно отдающим провинциализмом. Ропс любит Вас, Ропс понял, чего стоит Ваш ум, и даже доверил мне некоторые наблюдения, сделанные им над людьми, ненавидящими Вас (поскольку, похоже, Вы удостоены чести внушать ненависть). Ропс *единственный подлинный художник* (в том смысле, в каком я, и, быть может, лишь я один, понимаю слово «художник»), которого я встретил в Бельгии.

Мне надобно еще поговорить с Вами о Вас самом. Надобно постараться показать Вам, чего Вы стоите. Ваши притязания поистине нелепы. *Над Вами насмеваются*, Вас раздражают *шутки*, Вам не умеют воздать должное и т. д., и т. д. Полагаете, что Вы первый, кто оказался в таком положении? Вы что, думаете, что Вы более гениальны, чем Шатобриан или Вагнер? Однако, над ними ведь тоже много смеялись? Они от того не умерли. И дабы не слишком тешить Ваше тщеславие, скажу, что оба — Шатобриан и Вагнер — это образцы для подражания, каждый в своем роде, при этом они находятся в окружении, необычайно богатым талантами, а Вы, *Вы всего лишь первый среди царящего в искусстве Вашем упадка*. Надеюсь, что Вы не рассердитесь на меня за эту *бесцеремонность*, с которой я к Вам обращаюсь. Вы знаете, какое дружелюбие я к Вам питаю.

Мне хотелось составить *личное* впечатление об этом г-не Шорнере, по крайней мере настолько, насколько бельгиец может рассматриваться как *личность*. Должен сказать, он был очень любезен, и сказанное им соответствует тому, что мне известно от Вас, и тому, что некоторые умные люди говорят о Вас: «*Есть недостатки, неудачи, нехватка уверенности в себе, но есть неотразимое очарование*». Мне все это известно, я был одним из первых, кто это понял. Он добавил, что картина, изображающая обнаженную женщину с негритянкой и с кошкой (это действительно кошечка?), намного лучше картины на религиозный сюжет³⁵⁴.

Ничего нового касательно Лемера. — Полагаю, что я сам поеду его встряхнуть. Что до того, чтоб закончить «Бедную Бельгию», я к тому неспособен, ослаб, смертельно устал. Мне надо пристроить целую кучу «Поэм в прозе» в двух-трех журналах. Но я не в состоянии больше ходить по делам. Я страдаю от болезни, которой у меня нет, как тогда, когда был мальчишкой и жил на краю света. И однако же, я не патриот.

Ш. Б.

166. МАДАМ ПОЛЬ МЁРИС

[Брюссель.] Среда 24 мая 1865

Надобно, сударыня, быть весьма заядлой кокеткой или вообще не верить в дружбу, дабы приветствовать болезнь в надежде, что она придаст Вам привлекательности. Клянусь Вам, Вы не нуждаетесь в прикрасах, обязанных случаю, и добавлю также, что надобно быть слишком уж легковерной, дабы полагать, что болезнь привлекает к себе дружеское внимание. Она может привлечь дружбу истинную (внушенную *моим* Богом, поскольку я плохо представляю себе, *какому Богу молитесь Вы*, разве что это Бог, которому молятся гг. Рожар, Мишле, Бенжамен Гастино, Марио Прот, Гарибальди и аббат Шатель)³⁵⁵. Однако она никогда не привлекает к себе дружбу обыкновенную, поверхностную. Помню, как од-

нажды, когда я оказался в состоянии весьма серьезном, я четыре раза просил одного из моих друзей навестить меня. В конце концов, за него ответил мне его отец, который просил извинить сына, поскольку тот, *испытывая непреодолимое отвращение к крови*, был не в силах прийти повидать меня. Я поправился, снова встретился с моим другом и никогда не подшучивал над его страхом перед кровью.

Меня радует, что Вам порой немного нездоровится. — Идите через горнило испытаний, они всякому идут на пользу. Я не буду груб настолько, чтобы говорить Вам, подобно этому тупице Вейо: «Ежели Вы страдаете, это значит, что Вы грешили!» Я полагаю, это хорошо, если невинные страдают. Я не слишком учтив, не правда ли? И осмеливаюсь писать женщине, не приправляя свое письмо любезностями и пошлым вздором. Сколько раз, находя Вас столь милой, столь очаровательно ласковой и доброй, я испытывал желание броситься Вам на шею и расцеловать! Но это было бы *неприличным*, а Вам известно, какое уважение я питаю к *приличиям*, и потом, дабы завершить мою исповедь, я подумал: «Она женщина, стало быть, она не поймет, какой смысл я вкладываю в это объятие». Уф! Сделав сие признание, никогда о том больше говорить не буду.

Когда Вы увидите с Мане, перескажите ему то, что я Вам говорю, что горнило больших и малых испытаний, насмешки, оскорбления и несправедливость прекрасны и что он будет благодарным созданием, если не будет признателен по отношению к несправедливости. Я прекрасно знаю, что ему будет не просто понять мою теорию. Художники всегда желают быстрого успеха, но Мане наделен такими поистине блестящими способностями, такой непринужденностью, что было бы печально, если бы он пал духом. Ему не удастся исправить вполне недостатки своего характера. Но *характер* у него есть, это главное, и, похоже, он не подозревает, что чем сильнее несправедливость, тем лучше положение дел, — при условии что он не потеряет головы (Вы сумеете сказать все это ему шутя, не ранив его самолюбия).

Некоторое время тому назад я был *вынужден* отобедать у г-жи Юго. Двое сыновей ее бодро читали мне наставления, но я, быв-

ший республиканцем задолго до них, прикинулся добродушным простаком и про себя вспоминал скверную гравюру, изображающую Генриха IV на четвереньках, катающего своих детей на спине. — Г-жа Гюго развернула предо мной величественный план *интернационального воспитания* (полагаю, что это новая забава великой партии, которая готова осчастливить род человеческий). Не обладая талантом легко говорить во всякое время, особенно после обеда, особенно когда мне хочется помечтать, я насилу смог объяснить ей, что были великие люди *ДО интернационального воспитания*; и что, поскольку юноши стремятся лишь есть пирожные, тайком пить ликеры и ходить к девицам, великих людей не станет ПОСЛЕ. — К счастью, меня считают безумцем и выказывают мне должную снисходительность.

Вполне всерьез, вполне определенно, я приеду позвать Вам руку между 1 и 5 июня. — Если в разговоре с Вашим мужем будет упомянуто мое имя, передайте ему мои дружеские пожелания и объясните почему, хоть я и не придерживаюсь его мнений, у меня есть право считать себя *порядочным человеком*.

Знаменитый ... также прочел мне двухчасовую проповедь (он считает это беседой), в конце которой я лишь сказал ему: «Сударь, находите ли Вы в себе достаточно сил, дабы любить засранца, который думает иначе, чем Вы?» У простофили от этого дыхание сперло!

Всецело Ваш и глубоко преданный Вам

Ш. Б.

167. ШАНФЛЕРИ

[Брюссель,] четверг 25 мая 1865

[...] Я хотел сказать, что сатирический гений Домье не имеет ничего общего с гением сатанинским³⁵⁶; уместно ли говорить об этом в наше время, когда портреты иных исторических персонажей, Иисуса Христа например, искажаются своекорыстными придурками?

[...]

У Мане значительное дарование, дарование, которое выстоит. Но у него слабый характер. Мне кажется, он огорчен и даже оглушен этим скандалом³⁵⁷. Что еще меня поражает, так это радость всех придурков, полагающих, что он пропал.

168. КАТЮЛЮ МЕНДЕСУ

[Брюссель,] 3 сент[ября] 1865

Мой дорогой Мендес,

Благодарю Вас за письмо и за то, что помните обо мне. Быть может, вскоре я смогу доставить Вам удовольствие разговором об английских поэтах или критическим этюдом о «Цветах Зла».

Давным-давно у меня тоже была мысль, аналогичная Вашей, а именно сделать цикл поэтических чтений (прерываемых критическими замечаниями), которые составили бы нечто вроде перспективы французской поэзии или ее генеалогического древа. Есть столь прекрасные, столь мало известные стихи!

Главная опасность, таящаяся в Вашем начинании, — это опасность превратить его в ярмарку, в выставку бессилия и тщеславия, выставку посредственностей. *Пять-шесть поэтов каждый вечер!* Боже милостивый! В века *плодотворные*, не нашему чета, их найдется, *быть может*, десяток!

Это напоминает мне концовку статьи в одной бельгийской газете, по поводу похорон (*гражданских*) Армеллини³⁵⁸.

— Тщательное описание катафалка.

— А затем: «.....За ним следовало БЕСЧИСЛЕННОЕ МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ СВОБОДОМЫСЛЯЩИХ».

А сколько их было за все известное истории время?

Отставив в сторону шутки, желаю Вам удачи и прошу Вас передать мои горячие дружеские пожелания Леконту де Лилю, а также этому славному Филоксену Буайе, с которым я не виделся много лет и о котором часто вспоминаю. — Полагаю, он сможет оказать Вам значительные услуги.

Всецело Ваш. — В здешних краях царит невралгия. Вот почему я отвечаю Вам с таким опозданием.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Примечание.

«... затем два-три молодых человека *вроде меня*». Вы обнаруживаете тут, дорогой друг, ложную скромность, которая меня неприятно поражает. Вам прекрасно известно, что я знаю все Ваши стихи, и я мог бы удивить Вас, прочитав наизусть некоторые из них, — читанные мною один лишь раз.

169. СЕНТ-БЁВУ

[Брюссель,] 3 сент[ября] 1865

Мой дорогой друг, Вы проявили бы такую доброту и любезность, если бы смогли уделить пять минут из Ваших повседневных занятий и написать мне несколько строк!

Я вернулся сюда (в Брюссель) 15 июля. В деле Лемера—Гарнье нет ничего нового с 9 августа, когда я получил от Лемера письмо, оповещающее меня о том, что он три раза встречался с Ипполитом Гарнье³⁵⁹ и надеялся заключить договор до 12-го, поскольку 12-го Гарнье должен был снова отправиться в путешествие. — С тех пор полное молчание. Лемер ведет себя как слишком усердный ученик Пифагора³⁶⁰. И потом, ему неизвестно, что представляют собой нервы людей, живущих в изгнании, без новостей и без общения.

(Провалилось ли дело? Или оно было отложено до возвращения г-на Гарнье, а последний все еще пребывает в отсутствии? Тут ничего не угадаешь.)

Однако, ежели бы я знал, *обращались ли за советом к Вам*, это могло бы значительно продвинуть меня в моих догадках. Скажите мне, пожалуйста, я прошу Вас лишь об этом. Если к Вам обращались за советом, это доказало бы мне, что дело продвинулось. Тем не менее, если Вам, знающему меня так же хоро-

шо, как я сам себя знаю, захочется поборанить мою слабость, мое уныние, побораните меня, побораните. Ваша брань доставит мне удовольствие и по крайней мере докажет мне, что Вы пребываете в добром здравии.

Если бы я мог заполнить десять страниц впечатлениями, полученными мной от последней присланной Вами книги, то мог бы Вас славно позабавить³⁶¹. Я читал ее долго, поскольку от чтения в поезде у меня болят глаза и в здешнем скверном климате я измучен невралгией. — Теперь я знаю этого г-на Делейра³⁶², но Вы так хорошо мне его растолковали, что мне кажется, будто я знал и других Делейров. Это уже не отдельный человек; это тип.

Ваша переписка легиона святош и ультрароялистов времен Реставрации, вызвала у меня безумный смех (я здесь почти совсем не смеюсь).

Но что более всего поразило меня в Вашей книге в целом, это справедливый, взвешенный тон, добродушный юмор философа, позволяющий Вам видеть хорошее даже в том, к чему Вы не питаете любви. Мне никогда не обрести такой добродетели.

Что до Родена и книг, выражающих ненависть народа к религиозному собратству, Вы забыли о Кюстине и его книге «Свет как он есть», вышедшей несколько раньше, чем сочинения Э. Сю³⁶³. Уверяю Вас, книга Кюстина показалась мне весьма удивительной; Бальзак находил ее излишне мизантропической и критиковал за то, за что позднее критиковали «Человеческую комедию». Я имею в виду неопубликованную статью Бальзака, обнаруженную Дютаком.

Ваша работа, посвященная Лакордеру, блистательна. Есть в Ваших этюдах множество *очень важных* мелочей, которые, хочу сказать, наводят на размышления и доставляют наслаждение при их постижении. Мне хорошо известны слабые стороны отца Лакордера, но я по-прежнему люблю величественных ораторов, как я люблю музыку и живопись. В этом отношении Вы можете быть спокойны, чувственность моя ослабеет со временем, как у всех людей.

Я перечел статью о «Саламбо» и ответ Флобера³⁶⁴. Наш превосходный друг определенно прав, когда с важностью защища-

ет свою грезу. Вы тоже были правы, со смехом дав ему понять, что порой не совсем ловко важничать, но в некоторых местах Вы смеялись, быть может, слишком громко.

Видите, как мне скучно, раз я болтлив до того, что говорю с Вами о Ваших же книгах!

Простите и любите меня.

Ш. БОДЛЕР
улица Монтань, 28
Брюссель

170. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Брюссель.] Воскресенье
1 октября 1865

Мой дорогой друг,

Вы были бы весьма любезны, прислав мне справку о цене одного экземпляра «Жюстины» и где его можно найти *немедленно*³⁶⁵; — а также о цене «Афродит», «Дьявола во плоти»³⁶⁶; — и каковы, по Вашему мнению, *Моральные и литературные характеристики* других непристойностей, вроде тех, что были сочинены Мирабо и Ретифом.

Какого черта собирается делать досточтимый господин Бодлер с этой кучей отбросов?

У досточтимого господина Бодлера довольно таланта, дабы изучать преступление в собственном сердце. — Эта справка предназначена одному великому человеку, полагающему, что он может изучать его по писаниям других³⁶⁷.

Я получил из Парижа необычное письмо, Похоже, из-за меня в издательском доме Гарнье появились «братья-враги».

Это означает, что Огюст настроен против меня, а Ипполит — за...

Тем временем, я испытываю недостаток во всем, и здесь мне строят скверную рожу.

Сегодня утром ко мне приходил полицейский, дабы сказать, что я давно уже нахожусь в Брюсселе и что он просит меня затребовать из Франции выписку из свидетельства о рождении.

Есть ли это признак недоброжелательности или просто следствие какого-либо предписания?

Из-за медлительности Лемера к тому времени, когда сделка будет заключена, все будет проедено вперед.

Всецело Ваш

Ш. Б.

Артюр полагает, что *совершенно правильно делают, что следят за иностранцами.*

171. [ШАРЛЮ] ГЮГО

[Брюссель, около 20–25 октября 1865]

[...] Если «Песни улиц и лесов» опубликованы, напомните обо мне Вашему отцу. Довольно естественно, чтобы он забыл обо мне среди множества своих дел.

172. ЭДУАРУ МАНЕ

[Брюссель.] Суббота, 28 октября 1865

Мой дорогой друг,

Первые строки Вашего письма привели меня в дрожь. Во Франции не найдется и десяти человек — точно, десяти не найдется, — про которых я мог бы сказать то же самое³⁶⁸.

Вынужденная медлительность Лемера (ибо мне, правда, не в чем его упрекнуть) действительно заставляет меня помучиться.

Я вижу, как на корню проедаются обещанные мне 4000 франков. И Вам известно, что я намеревался взять вперед одну часть для Этцеля и одну часть для Вас.

Заклучение сделки должно было состояться 15 июля, в день моего возвращения в Бельгию. Затем, оно должно было состояться 12 августа. Перед подписанием контракта Ипполит Гарнье уехал в загородный дом, а потом в свое ежегодное путешествие. 3 октября Жюльен Лемер послал письмо с объяснениями, из которого следует: 1) что Ипполит Гарнье уехал до заключения сделки; 2) что возвращения Гарнье ожидали 25 октября; 3) что Ипполит Гарнье был за меня, но Огюст Гарнье был против; 4) что книга о Бельгии была исключена из договора.

Я собираюсь послать Лемеру оглавление, *очень хорошо расписанное и очень внятное*, и просить его *тотчас же, тотчас же* начать вести переговоры о книге про Бельгию. Если я немного задерживаюсь, так это потому, что меня снова одолели приступы мерзкой невралгии. Эта беда усугубляется с возрастом. Раньше я испытывал ее только в руках и ногах. Теперь она бросается иногда мне в грудь и в голову.

В моем случае (в литературе) странно то, что книги мои по-прежнему спрашивают у книготорговцев, хотя я ничего не публикую и не препятствую тому, что от одного издания до другого протекают годы. Как должны презирать меня иные деловые люди!

А Виктор Гюго! Он не может *без меня* обойтись, говорите Вы мне. Он немного меня обхаживал. Но он всех обхаживает и *относится как к поэту* к первому — или последнему — встречному. Мой дорогой друг, в Вашей фразе есть нечто немного напоминающее корреспонденцию Стевенсов, трех шпиков рода человеческого, которые могут конкурировать с информационным агентством «Гавас».

[Виктор Гюго посылает Бодлеру последний опубликованный том своих произведений. Поэт «Цветов Зла» следующим образом упоминает о получении этой книги:

*«Он сделал на томике надпись: Шарлю Бодлеру, jungatius dextras».*³⁶⁹ Полагаю, это означает не только «пожмем друг другу руки». Мне знакомы недомолвки употребляемой В. Гюго ла-

тыни. Это означает также: «соединим наши руки, ДАБЫ СПАСТИ РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ». Но мне плевать на род человеческий, а он этого не заметил.

Вы понимаете, мой дорогой Мане, что о многом я пишу Вам *тайно*, — поэтому если Вы увидите с г-жой Мёрис, незачем колебать ее убеждения. Как Вам известно, эта превосходная женщина, которой бы жить и жить простыми человеческими радостями, впала в демократию, как бабочка в желатин.

Советую Вам также, если Вы увидите с Жюльеном Лемером, пересказать ему из моего письма лишь то, что сочтете уместным.

Похоже, что г-н Бракмон, приехавший в Брюссель, не счел нужным повидаться со мной. В январе он организует распродажу принадлежащих ему литографий. Я горячо желаю заполучить четыре-пять имеющихся у него работ Девериа. — Покупка, обмен, подарок, все, что он захочет.

Не забудьте передать Вашей матушке и Вашей супруге выражение моего самого искреннего почтения.

Всецело Ваш

Ш. Б.

173. МАДАМ ОПИК

[Брюссель.] Пятница 3 ноября 1865

Моя дорогая матушка, я слишком долго не писал тебе, не так ли? Мне за это стыдно. Ты все же догадалась, что если я не писал, так потому, что не мог сообщить тебе ничего нового. Наверное, ты часто обвиняла меня в небрежности по отношению к тебе. Да, небрежность. Забвение — никогда. Ты всегда в моих мыслях, с утра до вечера.

Полагаю, что в этом месяце положение мое прояснится. Вот что мне стало известно: я часто сердился на г-на Жюльена Лемера, но теперь полагаю, что не имею права в чем бы то ни было упрекать его. 15 июля, в день моего возвращения в Брюссель, Лемер, осво-

бодившись от дела Маласси, должен был вести переговоры с братьями Гарнье. Он встречался с ними три раза. 12 августа Гарнье (Ипполит) уехал в свое ежегодное путешествие раньше, чем соглашение могло быть заключено. Он был в Брюсселе 23-го. — Мне известны также два важных обстоятельства, первое — Ипполит Гарнье советовался по этому вопросу с Сент-Бёвом, что свидетельствует о его желании заключить сделку, второе — мнения братьев разошлись по моему поводу: Огюст против меня. Однако, говорят, что из них двоих Ипполит умнее и основательнее.

Во всяком случае, полагаю, я говорил тебе, что книга о Бельгии не входит в договор. Они ее боятся.

Я испытываю такое сильное желание повидаться с тобой, что хотел поехать и в Париж, и в Онфлер, сделать покупки в Париже, потом провести два дня подле тебя. Но к чему расходовать 200 франков на проезд, когда вопрос находится в подвешенном состоянии? Путешествие мое его бы не продвинуло. — Я жду.

Виктор Гюго, который проживал некоторое время в Брюсселе и хочет, чтоб я приехал погостить у него на острове, очень мне наскучил, очень утомил. Я не принял бы ни его славы, ни его состояния, если б надо было в то же самое время *обладать* такими непомерно смешными чертами. Г-жа Гюго наполовину выжила из ума, а двое ее сыновей большие глупцы. — Если бы тебе захотелось прочесть его последний том (*«Песни улиц и лесов»*), я бы *тотчас же его прислал тебе*. Как обычно, огромный успех, что касается *продажи*. — Досада всех умных читателей этой книги. — На этот раз ему захотелось быть радостным и легким, быть влюбленным и снова стать молодым. Это безумно тяжеловесно. Во всем этом я вижу, как и во многом другом, лишь новый случай возблагодарить Бога, не одарившего меня такой же глупостью. Я непрестанно воссылаю фарисейскую молитву.

— Чем ты занимаешься?

— Как ты живешь?

— Не держи на меня зла и ответь мне, дорогая матушка.

Чем заняты твои дни и что думаешь ты о своем здоровье?

В десятый раз говорю тебе: *до скорой встречи*, и желаю, чтобы ты мне поверила.

Я думаю о твоём саде, но особенно о своей комнате и своих бумагах. Ты ведь из-за того на меня не сердишься, я в этом уверен. Целую тебя от всего моего сердца.

Ш. Б.

174. ШАНФЛЕРИ

[Брюссель]

Понедельник, 13 нояб[ря] 1865

Мой дорогой Шанфлери,

Прошу у Вас прощения за то, что с таким опозданием благодарю за присылку второго тома «Карикатуры»³⁷⁰. Есть некое состояние духа, туманное и пасмурное, которое, если хотите, Вы назовете ленью или меланхолией и которое равносильно усталости, вызванной переизбытком деятельности. Вот это отвратительное состояние духа побуждает нас уклоняться от наших обязательств, даже от тех, что доставили бы удовольствие.

Не могу дать Вам подробного отчета о впечатлении, которое произвел на меня Ваш том. Я обнаружил там три основных присущих Вам качества — отзывчивость, добрый нрав и дух справедливости. Однако — что, возможно, будет Вам небезразлично — книга эта доставила мне совсем особое ощущение, она обновила в моей памяти множество почти забытых обстоятельств, любопытных случаев, забавных историй, радостей и впечатлений. Она заставила меня заново пережить время, принадлежащее уже прошлому. Она освежила картину, слегка поблекшую в моем сознании.

Благодарю Вас за все то лично мне приятное, что я в ней нашел, но, откровенно говоря, Вы меня немного перехваливаете и цитируете больше, чем следует.

Вы часто гуляете по бульвару Итальянцев. Если встретите Жюльена Лемера, сообщите ему о моем состоянии, скажите ему,

что я собой представляю: — что я никогда более не смогу ничего напечатать, — что я не смогу более заработать ни гроша, — что я никогда более не увижу ни мою мать, ни моих друзей, — и что, наконец, если он должен сообщить мне тягостные новости, лучше уж сообщить их мне скорее, чем оставлять меня в неопределенности.

Если Вы увидите с любезным секретарем дядюшки Сент-Бёва, скажите ему, чтобы он прислал мне статьи о Прудоне.

Я знаю, что Вы не в очень хороших отношениях со *Старым Шалопаем*, но если его статья о «Песнях улиц и лесов» вышла из печати, я буду очень Вам обязан, если Вы мне ее пришлете.

Вы видите, я пишу Вам как человек всеми покинутый.

Преданный Вам

Ш. БОДЛЕР
Отель «Гран Мируар»
улица Монтань
Брюссель

175. [МАДАМ ШАРЛЬ ГЮГО ?]

[Брюссель, конец 1865 или начало 1866 ?]

Сударыня,

Вот мелодии, сочиненные моим другом г-ном Крессонуа³⁷¹, исполнения которых я еще сам не слышал. Поэтому смею несколько рассчитывать, что Вы окажете мне эту любезность.

Что касается отрывка из цыганской музыки, если, как я надеюсь, он придется Вам по вкусу, я закажу для Вас с него копию, прежде чем вернуть особе, у которой я его одолжил. «Венгерские рапсодии» сейчас очень трудно найти, даже в Вене. В Брюсселе нет ни одного экземпляра, и я думаю, нет и в Париже. В противном случае для меня было бы удовольствием доставить Вам полное их собрание.

Примите, сударыня, уверение в моих почтительнейших чувствах.

Прошу Вас передать от меня поклон г-же Гюго и ее сыновьям.

Ш. БОДЛЕР

176. ФЕЛИСЬЕНУ РОПСУ

Брюссель, 1 января 1866

Мой дорогой Ропс, в этом году я поклялся выразить протест против обычая новогодних поздравлений путем решительного от них воздержания, и сегодня Вы уже второй из моих друзей, кто заставляет меня противоречить самому себе.

Вы нуждаетесь, стало быть, в моем поздравлении, чтобы понять, что я о Вас помню и тысячу раз желаю Вам благополучия?

Прошу Вас передать мои сердечные почтительные чувства Вашему тестю и г-же Ропс.

Увидев Ваше имя, я подумал было, что Вы в Брюсселе. Но мне удалось расшифровать почтовую марку: «Намюр».

Что случилось с «Пляской смерти»³⁷²?

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

177. СЕНТ-БЁВУ

Брюссель. Вторник, 2 января 1866

Мой добрый друг,

Я только что увидел, что впервые в жизни Вы явили публике Ваш физический облик. Я имею в виду Ваш портрет, напечатанный в «Иллюстрасьон». Клянусь честью, это действительно Вы! Этот Ваш привычный насмешливый и чуть сосредоточенный вид, и

даже ермолка не утаена. Сказать ли Вам, что я тоскую так, что даже это немудреное изображение принесло мне облегчение? Фраза эта звучит дерзко. Она означает лишь то, что в состоянии заброшенности, в коем меня оставляют старые парижские друзья (в особенности Жюльен Лемер), Вашего образа достало, чтоб *развлечь* меня в моей скуке. Чего бы только я не дал, чтобы за пять минут дойти до улицы Монпарнас и часок побеседовать с Вами про Ваши статьи о Прудоне, с Вами, умеющим слушать даже тех, кто моложе Вас?

Поверьте мне, дело не в том, что я нахожу благоприятный отзыв о нем необоснованным. Я много читал его и был с ним немного знаком. С пером в руках, это был *славный малый*; но он никогда не был и никогда не смог бы, даже лишь на бумаге, стать *Денди*! Этого я ему никогда не прощу. И именно это мнение я буду всегда выражать, пусть даже мне пришлось бы возмутить всех благомыслящих тупиц *Вселенной*!

О Вашей работе сказать Вам нечего. Вы более, чем когда либо, имеете вид исповедника и восприемника человеческих душ. То же самое, полагаю, говорили и о Сократе, но достославные господа психиатры Байярже и Лелю объявили *положа руку на сердце*, что тот был безумен³⁷³.

Вот начало года, который, вероятно, будет, как и все предшествующие годы, столь же скучным, столь же глупым, столь же преступным. Что хорошего могу я Вам пожелать? Вы добродетельны и достойны любви, и (удивительное дело!) Вам начинают воздавать должное! (Здесь есть лишь два человека, с которыми я могу говорить о Вас, но в двух весьма различных манерах, — Маласси и г-жа Гюго.)

Когда я вернулся в Брюссель в июле, я подумал, что французский литератор не может уклониться от визита к Виктору Гюго. Это чувство, происходящее от врожденной вежливости, ввергло меня в самые причудливые приключения. Я расскажу Вам об этом, если когда-нибудь снова с Вами увижусь. Ибо порой, хоть от друзей я отделен всего лишь шестью часами пути, мне кажется, что я никогда более ни с кем не встречу.

Одна лишь г-жа Гюго, несмотря на своих сыновей, слышит имя Ваше и похвалы Вам с явным удовольствием. Выражение «великий поэт» ее не удивляет. На деле, в этом отношении полной ясности еще нет. Быть может, я более всех этому поспособствую, ежели кто-то захочет еще опубликовать хоть одну написанную мной строчку!

Я слишком много болтаю, подобно человеку нервному и скучающему. — Не отвечайте мне, если у Вас нет и пяти минут свободного времени.

Искренне Ваш

Ш. Б.

Чьему перу принадлежит этот сонет из «Сатирического Парнаса», переизданного в Бельгии? Сен-Виктор бился об заклад, что это Теофиль де Вьо, Маласси спорил, что это Ракан (!!!), а я ратовал за Мейнара. Возможно, мы все трое неправы³⁷⁴.

Ш. Б.

Сей ночью был мне сон. Филис, придя из ада,
Прекрасна, как и прежде в ярком свете дня,
Желала, чтоб я призрак вновь ее обнял,
Как Иксион, обретший облако в награду.

Нагая тень ее, в постель скользнув, с отрадой
Шепнула мне: «Дамон, ты снова зришь меня!
Лишь лучше стала я, красу свою храня
В обители скорбей уж несколько лет кряду.

Вернулась я искусным ласкам вновь предаться!
Вернулась в поцелуях с жизнью вновь расстаться!»
Но утоливши пыл свой, идол сей сказал:

«Прощай! Наскучили земные мне пределы,
Хвалился всем, что обладал ты моим телом,
Теперь хвались, что и душою обладал».

Пер. Л. Э. Гаав-Матис

178. МАДАМ ВИКТОР ГЮГО

[Брюссель.] Пятница, 12 января 1866

Сударыня,

Вот два отрывка, которые я имел в виду, говоря с Вами о последнем письме, присланном мне г-ном Сент-Бёвом. — Заметьте, что в моем письме, на которое его письмо было ответом, я говорил ему, что имел удовольствие часто встречать Вас и со всей естественной приязнью старинной дружбы порой беседовать с Вами о нем.

Пропуски, означенные здесь точками, заполнены в письме Сент-Бёва жалобами на анархическое состояние нынешней литературы и на невежество молодежи. По-видимому, на эти мысли навело его мое собственное письмо.

«Воистину мы пребываем в состоянии совершенной анархии и полнейшего распыления. Время от времени образуются небольшие группы, не имевшие, однако, доныне ни основательности, ни будущего Литература не утратила богатства своего содержания, но она представляется мне совершенно распыленной Прудон, о котором Вы мне говорите, надо полагать, был человеком крайне для Вас неприятным. Все эти философы и социалисты хотят, чтоб литература превратилась в некое основание, в некий инструмент нравственного воспитания народа. Этот взгляд более всего чужд нам, явившимся в свет в период расцвета и блеска фантазии Очень любезно с Вашей стороны порой беседовать обо мне с мадам Гюго, она — единственный преданный друг, которого я приобрел в литературном мире. Другие никогда не прощали мне, что в какой-то момент я отдалялся от них

... Надо всем этим парит Виктор Гюго, и все это занимает его очень мало. *Alta sedet Æolus arce*³⁷⁵, и я убежден, что, если б мы встретились с ним лично, связующие нас некогда чувства проснулись бы вновь, затронув самые сокровенные струны сердца; ведь при каждой нашей встрече уже чрез несколько секунд мы понимали друг друга совсем как прежде»

В остальной части письма речь идет о литературной молодежи, о пробах пера молодых писателей, о дурном использовании таланта, когда последний не опирается на грамотность и обычай. И наконец, наш славный друг заключает страннейшим, на мой взгляд, образом: он утверждает, что мне надобно вернуться в Париж и что именно мне надлежит встать во главе всех этих сумбурных движений. Тут обычная проницательность изменяет Сент-Бёву.

Я не создан руководить кем бы то ни было и питаю глубокое презрение к людям, не умеющим руководить собой.

Вот, сударыня, разбор письма, о котором я недавно говорил Вам. Поступайте с ним, как захотите. Передайте его, если сочтете уместным, Вашему мужу. Перечитав его, я более всего поражен был тем, что Сент-Бёв далек от того, чтоб верить сказанному Вами, и даже не подозревает о недоверии, которое г-н Виктор Гюго питает к старинному другу.

Примите, сударыня, уверения в моем сердечном почтении.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

179. КАТЮЛЮ МЕНДЕСУ

[Брюссель]

Пятница 19 января [18]66

Мой дорогой Мендес, это превосходно, и знайте, что я полностью в Вашем распоряжении³⁷⁶. Сознаюсь даже Вам, что не буду отказываться от 100 франков. Ведь вскорости мне придется поехать в Париж, а у меня нет ни су. Мыслимо ль, что расстояние в 7 часов езды настолько может изгладить нас из памяти друзей! — Необходимо, однако, обсудить все детали.

1°. Прежде всего, я в том же положении, что и Вы. Только что был страшно болен, запаздываю со многими вещами и не располагаю временем тотчас же выполнить Ваше дело.

2°. Скажите мне затем, запретите ли Вы мне перепечатать в следующем издании «Цветов» то, что мне вздумается выбрать из «Бульвар», из «Ревю нувель» и «Ревю фантезист». В этом случае возникли бы затруднения.

3°. Я собираюсь внести в эти стихотворения небольшую правку, разумеется в гранках.

4°. В ближайшее время я отправлю Вам небольшой томик своих сочинений, из которых Вы сможете выбирать. Том этот был набран без всякого моего вмешательства, Вы найдете там неизвестные Вам безделицы и даже шутовские проделки. К несчастью, в нем содержатся шесть осужденных стихотворений из «Цветов Зла», по каковой причине его невозможно будет ни пустить в продажу, ни посылать на рецензию в газеты. Меня это не рассердило, однако я буду следить, чтоб книжица эта попадала лишь в дружеские руки.

5°. Что до общего заглавия, придумайте его.

Мои добрые пожелания Банвилю, Асселино, Филоксену, Леконту де Лилю. — Мне довольно любопытно узнать, кто этот отважный, несуразный, нелепый, отсталый и дивный смертный, осмелившийся подумать, что есть читатели, могущие ценить стихи, пусть даже и превосходные, — я полагаю, что они все превосходны. Абсурд, стало быть, еще не чужд миру сему. А я думал, что только я и остался из таковых.

Недавно я получил письмо от Сент-Бёва, который пишет о неизвестной мне газете, «Л'Ар»³⁷⁷. Что это такое?

Всецело Ваш.

И поскольку я предполагаю, что, подобно всем чувствительным людям, Вы можете страдать лишь от расстройства крови, желчи или нервов, рекомендую Вам хину, воды Виши, наперстянку, белладонну и опий.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Не забудьте забрать подборку стихов у Филоксена. У него есть превосходные вещи. Однако в силу загадочной слабости, согласующейся, впрочем, со всей барочной причудливостью его характера, быть может, в силу своеобразных представлений о цен-

ности детства он не хочет дать позволение печатать свои стихи. Он прячет их так же, как другой свои показывает. Над ним надобно совершить насилие.

Прим. Теперь можно посылать письма из Франции в Бельгию и обратно с маркой в 30 сантимов.

180. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Брюссель, 23 января 1866]

Мой дорогой друг,

Будьте добры, отыщите, пожалуйста, следующие слова:

Кабачок?

(Каковы размер, форма и цвет этого вида тыквенных? Может ли это слово употребляться метафорически для описания разных припухлостей — груди, ягодицы — и для полноты вообще?)

Соломоновы ключицы?

Случай

Можно ли употреблять слово «случай» в значении «случать», то есть «случки», или же здесь полное несоответствие? *Речь идет о Дьяволе.* (Найдите пример, если сможете³⁷⁸.)

— Я по-прежнему болен. — Снова приступы. —

— Марк — противник слабительных.

— В «речи в поддержку» старой Б... теперь пятнадцать куплетов.

Привет Фанни.

Ш. Б.

Много желаний испытал я в своей жизни. Не знал я желания выbleваться и не впадать в нищету.

181. СЕНТ-БЁВУ

[Брюссель,] 15 февраля 1866

[и 5 февраля]

Дорогой мой друг, мне не хватает слов сказать, как я благодарен Вам за доброжелательные письма. Это тем благороднее с Вашей стороны, что мне известна Ваша занятость. Если порой я долго тяну с ответом, значит, состояние моего здоровья таково, что подавляет мою волю и порой даже приковывает меня надолго к постели. — Я последую Вашему совету, поеду в Париж и сам повидаюсь с Гарнье. Быть может, я совершу тогда бестактность и буду просить Вас снова оказать мне поддержку. Но когда? Последние шесть недель я полностью во власти фармацевтов. Пусть надобно исключить из рациона пиво, лучшего и просить нельзя. Чай и кофе — это уже тяжелее, но переносимо. Вино? Черт побери, это жестоко! Но находится скотина еще грубее, заявляющая, что нельзя ни читать, ни заниматься умственным трудом. Что за странная медицина, упраздняющая основную функцию организма! Другой говорит мне в качестве единственного утешения, что я страдаю *истерией*. Восхищает ли Вас, так же как и меня, широта употребления этих хорошо подобранных и внушительных слов, призванных скрыть полное наше неведение?

Я попытался вновь погрузиться в «Сплин Парижа» (поэмы в прозе); поскольку они еще не завершены. У меня наконец-то появилась надежда, что скоро мне удастся представить нового Жозефа Делорма, чья рапсодическая мысль задерживается, пока он фланирует, на всяком случайном обстоятельстве, извлекая из всякого предмета неприятную мораль. Однако, до чего же трудно работать над безделицами, если стремишься придать им одновременно глубину и непринужденность!

Жозеф Делорм явился тут вполне естественно. Я перечитываю сейчас Вашу поэзию *ab ovo*³⁷⁹. С удовольствием увидел я, что узнаю на каждой странице стихи, бывшие моими старыми друзьями. Похоже, у меня был не такой уж плохой вкус, когда я был мальчишкой. (Подобное же испытал я в декабре, перечитывая Лукана. «Фарсалия», неизменно блистательная и мелан-

холическая, волнующая и стоическая, утешила мою невралгию. И это наслаждение навело меня на мысль, что, в сущности, мы очень мало меняемся. Говоря иначе, есть в нас некая незыблемая составляющая.)

Поскольку Вы сознаетесь, что обсуждение Ваших сочинений не вызывает у Вас протеста, я испытываю сильное искушение написать Вам страниц тридцать признаний на эту тему. Полагаю, однако, мне будет лучше сначала изложить все это на хорошем французском для себя самого, а потом послать в какой-нибудь журнал, если существует еще журнал, где можно обсуждать поэзию.

Тем не менее, привожу несколько наобум пришедших мне в голову соображений по поводу вашей книги³⁸⁰.

Я понял гораздо лучше прежнего «Утешения» и «Августовские стихи».

Как наиболее яркие я отметил следующие отрывки:

«Сонет к Мад[ам] Г.», стр. 225.

(Вы, стало быть, знали мадам Грембло, эту высокую и элегантную рыжеволосую особу, для которой будто создано было слово «развязность» и у которой был такой же хрипловатый, вернее глубокий, и приятный голос, как у иных парижских актрис? — Я часто имел удовольствие слушать, как мадам де Мирбель читала ей мораль, и *это было очень забавно*. — Да, может быть, я и ошибаюсь, быть может, это другая мадам Г. Эти стихотворные сборники не только исполнены поэзии и психологии, но представляют собой еще и летопись.)

«Ты восстаешь», стр. 192.

«В кабриолете», стр. 193.

«Возвращаясь с похорон», стр. 227.

«Вот и она», стр. 199.

На странице 235 меня несколько покорило Ваше желание снискать одобрение гг. Тьера, Берье, Тьерри и Вильмена. Ощущают ли в самом деле эти господа *ошеломление и очарование, вызываемые произведением искусства?* И потом, Вы, стало быть, очень опасаетесь остаться без одобрения, если собрали столько оправдательных документов? Нуждаюсь ли я в позволении г-на де Беранже, чтобы восхищаться Вами?

Черт побери! Я чуть было не забыл «Органиста», стр. 242.

Я уловил гораздо лучше прежнего замысел и мастерство таких вещей, как «Дуден», «Марез», «Рамон», «Г-н Жан» и т. д. Выражение «аналитическая элегия» подходит Вам гораздо больше, чем Андре Шенье.

Есть еще одна пьеса, которую я нахожу изумительной, это рассказ о ночном бдении у тела безымянного покойника, посвященный Виктору Гюго по случаю рождения одного из его сыновей.

То, что я называю Декор (пейзаж или меблировка), неизменно превосходно.

В «Жозефе Делорме» в некоторых местах *лютни, лиры, арфы* и *Иеговы* поминаются, по-моему, слишком часто. Это мозолит глаза в парижских поэмах. Впрочем, Вы же явились, чтоб все это сокрушить.

Честно говоря, прощу прощения! я ОТСТУПАЮ ОТ ПРЕДМЕТА! Никогда я не осмеливался так много сказать Вам об этом.

Я вновь нашел те стихи, что знал наизусть (почему с наслаждением перечитываешь напечатанное типографскими буквами то, что мог бы рассказать по памяти?).

«На острове Сен-Луи» («Утешения»).

«В глуби долины», [стр.] 113.

Вот подлинный Делорм!

И «Роза» (очаровательно), [стр.] 127.

«Стансы к Керк Уайт», [стр.] 139.

«Равнина» (прекрасный октябрьский пейзаж), [стр.] 138.

Ну, все, прекращаю! Это выглядит, будто я Вас хвалю, а у меня нет на то права. Это дерзость.

5 февраля

Дорогой мой друг, письмо это долго оставалось недописанным. Меня вновь одолели головокружения и внезапные потери равновесия.

Затем мне стало известно, что Вы сами тоже болеете или были больны. Это беспокоит меня и встревожило Маласси. Кажется, речь шла об операции. Что с Вами такое? Как Вы сейчас?

Не надо писать мне из вежливости. Но, прошу Вас, поручите Вашему *fidus Troubatès*³⁸¹ написать мне несколько строк о Вашем здоровье. Скажите ему также, если можете думать о таких пустяках, что с его стороны было бы очень любезно найти для меня номер новой газеты «Л'Ар» и рассказать мне о другом стихотворном периодическом издании — «Парнас» (со следующим за ним прилагательным).

Маласси больше ничего не нашел о *Вуазеноне*³⁸². — Полагаю, он был несколько ошарашен проповедью, которую Вы ему послали. Ему пришла в голову действительно странная мысль (без всякого сомнения). Зная, что Вы никогда не ворчите долго на тех, кто Вас любит, я долго над этим смеялся³⁸³.

Что касается дружбы и отвергнутых друзей, знаете ли Вы, что этот великолепный стих:

И как дитя, умершее до срока в нашем чреве,
строка 12, стр. 195, 2-й т[ом]

можно найти в прозаическом переводе, и, клянусь честью, в прекрасном переводе, в новелле Поля де Молена, которая называется, как мне кажется, «Пирожница»?³⁸⁴ Это история любви безупречного кавалерийского офицера (в стиле самого Молена) к пирожнице. Образ тут перенесен из дружбы на любовь. Быть может, ему было неизвестно, что он списывает с Вас.

Однако, Вы больны, и возможно, я Вас утомляю.

Всецело Ваш

Ш. БОДЛЕР

182. ШАРЛЮ АССЕЛИНО

[Брюссель, 5 февраля 1866]

[...] Писать мне нелегко. Если можете дать какой-нибудь совет, то Вы меня порадуете. Последние двадцать месяцев я, в сущно-

сти, почти все время был болен... В феврале прошлого года — сильнейшие невралгические головные боли или острый ревматический прострел; и так почти полмесяца. Быть может, это что-то другое? В декабре то же самое заболевание повторилось снова. — В январе другое приключение: вечером, натошак, я вдруг начинаю шататься как пьяный, хватаясь за мебель и увлекая ее за собой в падении. Меня рвет желчью, белой пеной. Все происходит в такой последовательности: я чувствую себя прекрасно, будучи натошак, как вдруг внезапно и без всякой видимой причины меня одолевает какая-то смутная неопределенность, рассеянность, оцепенение, и затем возникает нестерпимая головная боль. И если я только в этот момент не лежу на спине, я непременно падаю. — Потом холодный пот, рвота, долгое оцепенение. Против невралгии мне прописали пилюли из хины, наперстянки, белладонны и морфия. А затем примочки из болеутоляющей воды и скипидарного масла, совершенно, впрочем, бесполезные, как мне кажется. Против головокружений — воды Виши, валерьяну, эфир, пюльнские воды³⁸⁵. — Болезнь упорствует. Теперь я принимаю пилюли, в которые, как мне помнится, входят то ли валерьяна, то ли окись цинка, вонючая смолка и т. д., и т. п. Это, стало быть, противосудорожное средство? — Болезнь упорствует. И врач произносит великое слово: истерия. Если по-французски: ничего не понимаю. Он хочет, чтоб я много, много гулял. Это нелепо. Помимо одолевших меня застенчивости и неловкости, делающих для меня невыносимой саму улицу, гулять здесь невозможно из-за состояния, в котором пребывают улицы и дороги, особенно при нынешней погоде. В первый раз поддаюсь желанию поплакаться. Известно ли Вам подобное недомогание? Видели ли Вы уже что-нибудь подобное?..

Благодарю еще раз за Ваше доброе письмо. Доставите мне развлечение, если пришлете ответ. Пожмите от меня руку Банвилю, Мане, Шанфлери, если их увидите.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

183. ЖЮЛЮ ТРУБА

[Брюссель.] 14 февраля 1866
Первый день Великого поста

Дорогой господин Труба,

Неделю тому назад я послал г-ну Сент-Бёву полубезумное письмо, которое, быть может, оказалось неуместным. Ибо, дописывая письмо, начатое около месяца тому назад, я внезапно узнал о его болезни.

Что это за операция, о которой писали в нелепом «Эндепанданс»? Уверяю Вас, я действительно очень обеспокоен и был бы Вам лично очень обязан, если бы Вы оказали мне любезность и *откровенно* написали о его состоянии.

Передайте благодарность и привет Шанфлери. Если сможете прислать «Л'Ар», Вы доставите мне удовольствие.

Примите уверения в моих наилучших чувствах.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

184. ОГЮСТУ ПУЛЕ-МАЛАССИ

[Брюссель, 14 февраля 1866]

Господину *Маласси*,
Улица *Мерселис*,
Дом по ней *тридцать-пять* бис,
Что в предместьи *Иксель*
Города *Брюссель*.
(Вверить заказным Вийону-
Почтальону,
То бишь дать сию работу
Рифмоплету.)

185. АНРИ ДЕ ЛАМАДЛЕНУ

[Брюссель,] 18 февраля [18]66

Мой дорогой друг,

Маласси разыскал вчера Ваше обозрение и показал мне его. Все, что Вы говорите, прекрасно, и я был совершенно очарован. Итак, благодарю Вас за него от всего сердца. Вы думаете, однако, что есть гораздо меньше оснований быть благодарным Дешанелю. Я его знаю, так и вижу его, так и слышу его речи. Больше всего в Вашей статье мне нравится, что, *по Вашему мнению*, читатели лучше понимают несчастные «ЦВЕТЫ», чем то полагал Дешанель.

Впрочем, что за странная мысль представлять Банвиля только лишь в свете его АКРОБАТИЧЕСКИХ ОД! И к тому же ставить в один ряд две книги, одна из которых искрится жизнерадостностью, а другая печальна и брюзглива!

Искренне Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

Я слышу со всех сторон (от французов), что Ваше обозрение превосходно. Увы! Мне не доводилось его читать.

186. НАРСИСУ АНСЕЛЮ

[Брюссель]

Воскресенье 18 февраля 1866

Мой дорогой друг, Ваше ужасное³⁸⁶ письмо только что пришло — в то время, когда мое отправлялось. —

Печально, что Лекривен не повидался с Вами или это Вы не дождались моего письма. Лекривен был уверен, что заключение договора должно было произойти у братьев Гарнье: я вижу, что при этих переговорах произошла масса недоразумений. Ипполит Г[арнье] не виделся с Лемером — *в течение целого года!* Что означает, таким образом, письмо, вернее, два письма Лемера, которые я Вам отпра-

вил, и визит Гарнье к Сент-Бёву? — Разве имеет какое-либо значение, что я в Брюсселе? Это не помешало мне написать здесь целую книгу (последнюю) для Мишеля Леви. — «Рай» снискал *огромный литературный успех*, немногие книги получили такое количество рецензий. Единственно лишь банкротство Маласси помешало тому, чтобы книга разошлась и имела финансовый успех. — «Мои современники» остаются *совершенно неизвестными*. Многие отрывки были опубликованы, но в *никому не ведомых* изданиях, *совсем неизвестных*. — «Цветы Зла» — забытая книга, говорите Вы! Это уж совсем неумно. Их *постоянно* спрашивают. Быть может, через несколько лет их начнут понимать. —

— *Этцель!* Но с Этцелем мы даже и не приступали к осуществлению публикации. Он купил у меня права на «Сплин Парижа» и «Цветы». — Но во время нашей встречи в Брюсселе, когда я сказал ему, что хотел бы продать права на все свои сочинения сразу, он вернул мне мои слова, поскольку полагал, как и я, как и Лемер, что издание всех сочинений будет лучше продаваться, если будут включены эти два тома. Останется лишь уладить небольшую денежную проблему с Этцелем.

Что же делать теперь? Поделить все на отдельные части? Я нахожу это опрометчивым и затяжным. Пожалуйста, начните новые переговоры, хотя бы только приступите к ним, еще до моего возвращения в Париж. Чувствуете ли Вы теперь себя достаточно искушенным?

Остерегайтесь, однако, всяких скоропалительных решений, всякого порыва вдохновения, и продвигайтесь вперед лишь размеренным шагом.

Список возможных издателей.

ЛЕВИ (Мишель)

Два года тому назад я предложил ему купить права на *все в целом*. Ему хотелось *затянуть* дело, чтобы я *продешевил*. Ему

стало известно, что я вел переговоры с Этцелем. Это привело его в ярость, и он сказал мне, что Этцель *снял сливки*. Если придется снова обращаться к Мишелю, надобно будет сказать ему, что свою договоренность с Этцелем я расторг, *имея в виду именно его*, и что права на «Цветы» и «Сплин» снова принадлежат мне.

Как унизительны, однако, ложь и тягостные (всегда тягостные) отношения с Мишелем Леви!

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ АШЕТТА (принадлежит теперь его зятям)

Большое солидное издательство. Дешанель вызвался меня им представить. Впрочем, я им и так известен. Вообразите, однако, какой ужас должна внушать моя литература в издательстве классных наставников, педантов, школьных надзирателей, профессоров, литераторов, торгующих добродетелью за установленную построчную оплату, и прочего сброда!

ФОР

Очень хороший выбор. Но он приезжал в Брюссель, мы вместе обедали, и будь него желание издавать мои книги, он бы его обнаружил. Что до меня, я ничего не предлагал ему.

АМЬО

Хорошо, но в крайнем случае.

ДИДЬЕ

Хорошо, но в крайнем случае.

ДАНТЮ

Перечтите последнюю фразу из моего письма к Дантю, отправленного Вам сегодня. Быть может, Вы увидите из него, как подступиться к делу. Однако, если Вы полагаете его осуществимым, лишь слегка коснитесь этого в разговоре. В деловых предприятиях всегда надобно внушать желание, а не делать вид, что независим от остальных. — Прилагаю к сему записку, которую надо передать Дантю в том лишь случае, если Вы будете говорить с ним об этом деле, не принимая в расчет «Раздетую Бельгию».

Кстати, Вы пишете мне, что делаете в моих заметках сокращения. Если Вы внесли их в проект «Бельгии», надо будет дать Дантю первоначальную версию.

Ш. Б.

Надо же быть настолько РЕБЕНКОМ, чтобы пойти слушать этого болвана Дешанеля! Учителя для барышень! Демократа, не верящего в чудеса, а только в ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ (!), ничтожного представителя ничтожной литературы, мелкого вульгаризатора вульгарных сочинений и т. д., и т. д.!

Вчера, в субботу 17-го, его славно отделили за эту лекцию в «Тан», в «Обозрении», подписанном Ламадленом. — И этот урок преподан был ему рукой поистине легкой и шаловливой.

Надо же быть настолько РЕБЕНКОМ, чтобы забыть, что Франция испытывает ОТВРАЩЕНИЕ к поэзии, к истинной поэзии, что она любит лишь пачкунов вроде Беранже и Мюссе, что *всякого, кто стремится соблюдать правописание, считают человеком без сердца* (что, впрочем, не лишено логики, поскольку страсть всегда изъясняется плохо), и, наконец, что поэзия глубокая, но сложная, исполненная (внешне) горечи и дьявольского холода, менее всего предназначена служить нескончаемой флиртовальности. —!

Надо ли говорить Вам, а Вы это поняли не лучше других, что в эту жестокую книгу я вложил все мое сердце, всю мою нежность, всю мою религию (ряженую), всю мою ненависть? Правда, я сам буду писать прямо противоположное, буду клясться всеми святыми, что книга эта — *чистое искусство, подражание и фиглярство*, буду лгать, как зубодер.

Да, кстати! Что такое поэзия фантазийная? Мне до этого никогда не додуматься. Ручаюсь, что Дешанель не сможет этого объяснить, так же как ручаюсь, что любой журналист или преподаватель не сможет объяснить смысл *хоть одного из употребляемых им слов*. — Есть, стало быть, поэзия фантазийная и поэзия, таковой не являющаяся. Что же это за поэзия, которая не основывается на фантазии художника, поэта, то есть на его манере чувствования?

Что до *чувств, сердца* и прочих дамских непристойностей, помните о глубоком изречении Леконта де Лиля: «Все элегические поэты — просто сволочи!»

Довольно, не так ли? И простите мне мою диатрибу. Не лишайте меня единственного друга, в письме к которому я могу браниться! Однако, можно ли понять подобную мысль? Пойти на лекцию Дешанеля!

Указанный Вами гигиенический режим я принял и следую ему в течение двух последних месяцев.

Ваше предложение выступить посредником, дабы вызволить меня из Брюсселя, вызывает у меня монаршее отвращение, разве что у нас будет поддержка в виде гарантированных, с указанными сроками платежей. Я обсужу это с Вами в другой раз.

Строки, где Вы пишете об этом красавчике и педанте, привели меня в ярость. Поразмыслите, однако, над тем, что, как правило, орфографические ошибки вызывают у меня нервные приступы, исключая те случаи, когда я сам культивирую глупость, дабы выделить самую суть ее, как двадцать лет делал это для «Сьекль».

Исключая лишь Шатобриана, Бальзака, Стендаля, Мериме, де Виньи, Флобера, Банвиля, Готье, Леконта де Лиля, вся нынешняя литературная сволочь внушает мне отвращение. Ваши академики — отвратительны. Ваши либералы — отвратительны. Добродетель — отвратительна. Порок — отвратителен. Гладкий стиль — отвратителен. Прогресс — отвратителен. Не говорите мне больше никогда об этих пустобрехах.

Всецело Ваш

Ш. Б.

Предполагаю, что 100 франков уже отправлены. Будьте осторожны с Дантю. — Вы можете добавить, по правде говоря, что «Раздетая Бельгия», прикрытая игривой формой, во многих от-

ношениях будет книгой достаточно серьезной и что цель этой сатирической книги состоит в осмеянии всего, что люди называют *прогрессом*, а я сам — *язычеством придурков*, а также в доказательстве Божьего правления. Ясно ли это?

Если Вам представится удобным открыться Дантю касательно этого крупного дела, надобно найти правдоподобное объяснение отказу Гарнье. Отказ первого обескураживает второго и так по нарастающей.

Что до моих условий договора, то я предпочел бы скорее следующую формулу:

— *Определенное количество экземпляров каждого издания;*

— *Авторские с каждого экземпляра;*

нежели такую:

— *Полная передача прав;*

или даже:

— *Полная передача прав на энное число лет.*

Ш. Б.

187. ФЕЛИСЬЕНУ РОПСУ

[Брюссель, 21 февраля 1866]

Мой дорогой Ропс,

Я полагаю, что этот водоем Дьявола, сверкающий в лучах солнца в верхней части Вашего письма, намекает на следующие стихи:

Щемит в груди и колет бок —
Ты видишь, растерял я силы
И должное воздать не смог
Тому, к кому ты так спешила.
«Увы!» — вздыхают грудь и бок.

Пер. М. Яснова

В каковом случае Ваш намек — не комплимент, а сатира на мою убывающую *добродетель*.

Сделайте фронтиспис и афишу к «Цветам». После семи месяцев злосчастных баталий в письмах я и несколько моих друзей приняли решение, что мне необходимо приехать в Париж, дабы самому уладить свои дела. Издатель должен быть совсем уж глуп, дабы не понять, насколько мрачное выиграет, если облачать его будете Вы.

А теперь, хотите доставить мне удовольствие, не затратив на то большого труда?

Вы знаете, какое значение я придаю искусству игривому и одновременно глубокому, как ценю я серьезность, маскирующуюся под фривольность. Если кто и предназначен для свершения этого честолобивого замысла, так это Вы. Вы же разбрасываетесь своими произведениями и воспоминаниями в точности как те, кто, подтирая себе в поле зад, разбрасывает бумажки. И ветер уносит их (бумажки).

А тем, кто Вас любит и ценит, ничего не удастся ухватить.

Привезите мне в Брюссель несколько клочков Вашего искусства — *рисунки, офорты, парижские воспоминания*. (Мне помнятся несколько очаровательных офортов, которые теперь у Маласси, среди них офорт с изображением двух девушек, склонившихся над диваном с поднесенными к глазам лорнетками!) (в двух разных видах).

Предупреждаю Вас, поскольку весьма вероятно, что я найду в один прекрасный день издателя для всех моих измышлений, то я могу, если пожелаю, заявить, воздав при этом должное Вашему таланту, что столь серьезный человек, как Вы, слишком много тратится на шелковые ленточки и пальто в цвет стенам.

Чувствую, что мне изменяет вкус и я впадаю в низость. Хочу сказать, что, если Вы меня не задобрите, я Вас обещещу.

Прошу Вас передать мои почтительные поклоны г-ну Поле и г-же Ропс. Мне кажется, Вам не стоит показывать им эту болтовню.

Всецело Ваш

Ш. Б.

Ах да, постскриптум!

Мне представляется, что очень неплохой фронтиспис получил-ся бы из пикантного офорта (с аллюзией на «Пляску смерти», на «Кокетку тощую»...).

Он должен быть пугающим, но расфуфыренным, страшным, но преисполненным кокетства.

21 февраля 1866

Я нахожу превосходным, а главное, чрезвычайно изобретательным Ваш фронтиспис к «Обломкам». Жаль, однако, что мне показали рисунок. Свет сразу пропал. К сожалению, я не владею Вашим ремеслом и не могу объяснить, каким образом Вы при-тупляете первоначальный замысел. Ах да! Полагаю, Вы не будете обижаться на меня за те вольности, что я себе позволяю? Уж тогда, поверьте, я на Вас рассержусь.

188. ЖЮЛЮ ТРУБА

[Брюссель.] Понедельник 5 марта 1866

Мой дорогой Труба,

Мне кажется, что я забыл поблагодарить Вас за письмо от 20 февраля. — Я получил от г-на Лемера два из трех номеров «Л'Ар», где напечатана касающаяся меня статья. Не стоит его беспокоить из-за того, что он забыл про первый номер. Я просмотрел эти две газеты. Этим молодым людям, бесспорно, не занимать таланта, но сколько безумств! сколько неточностей! сколько преувеличений! какая нехватка точности! Говоря по правде, они внушают мне отчаянный страх! Я люблю быть один³⁸⁷.

Я упрямствую в моем замысле издать все шесть томов своих сочинений. Последую совету Сент-Бёва, дней через двадцать поеду сам попытать счастья в Париже. Быть может, я увижусь с

этим г-ном Лемером, но говорить с ним буду очень сдержанно и только о нескольких ОЧАРОВАТЕЛЬНЫХ брошюрах, ОСНОВНЫХ ВЫДЕРЖКАХ из *трех томов литературно-критической смеси*, брошюрах, которые, по моему замыслу, должны быть сделаны в духе «Оригинальной библиотеки». Однако, это представляется мне всего лишь ужасным компромиссом на тот случай, если не удастся издать эту «Смесь» вместе с «Цветами Зла», «Сплином Парижа» и «Раздетой Бельгией». Ах уж этот «Сплин»! Какого иступления, какого труда он мне стоил! И некоторыми местами я по-прежнему недоволен.

Я рассказывал Вам о *крахе предприятия Лемера—Гарнье*. Г-н Ле-кривен, видевшийся с Лемером во время своего последнего пребывания в Париже, убежден, что Лемер представил дело Гарнье крайне неловким образом, но сделал это предумышленно, дабы вынудить меня искать прибежища у него самого. Мне не нравятся эти слишком глубокие измышления. Но Лемер стал мне подозрителен.

С Вашей стороны было бы очень любезно разыскать для меня адрес Леона де Маранкура. Вы сможете найти его у Ашилла Фора, чей адрес мне также неизвестен.

Я думаю о Дантю, о Форе и, быть может, о том, чтоб примириться с *этим чудовищем Леви*. Но я стал более рассеян и неловок, чем когда-либо раньше.

Я был очень рад узнать о выздоровлении Сент-Бёва. Подобное волнение о чужом здоровье я испытывал только по поводу Делакура, который был, однако, большим себялюбцем. Но движения души часто порождаются у меня рассудком.

Очень надеюсь, что в Париже мы как-нибудь вечером пообедаем вместе с ним (Сент-Бёвом).

Всецело Ваш

Ш. Б.

Я привезу и Вам, и ему одну безделицу, единственное достоинство которой в ее редкости.

189. МАДАМ ОПИК

[Брюссель.] Вторник 20 марта [1866]

Моя милая матушка, мне сейчас не хорошо и не плохо. Я с трудом работаю и пишу. Объясню тебе почему. Поскольку я давно собирался написать тебе, полагаю, что сегодня вечером или завтра утром я отвечу почти на все твои вопросы. Свою поездку в Париж я поневоле откладываю. Но поеду, поскольку это совершенно необходимо. — Впредь я больше не буду так долго оставлять тебя без писем.

Бедная, милая матушка, это я причина того, что ты так долго *тревожилась* (*следи за своей орфографией!*). Впрочем, правописание во Франции так часто менялось, что ты можешь спокойно позволить себе небольшие причуды, подобно Наполеону или Ламартину.

Если оба письма не придут одновременно, ты получишь второе на следующий день.

Целую тебя.

Ш А Р Л Ь

Если хочешь прочесть «Тружеников моря»³⁸⁸, я тебе пришлю их через несколько дней.

190. МАДАМ ОПИК

[Брюссель.] Понедельник 26 марта 1866

Моя милая матушка,

Раз ты настаиваешь, чтоб я ответил немедленно, надобно тебе знать, что даже криво написать свое имя требует от меня большого мозгового усилия³⁸⁹. Полагаю, что г-н А[нсель] не пошлет 1000 франков г-же Л[епаж].

Я не хочу, чтобы он за мной приезжал.

Накануне приступа один парижский друг предлагал мне от друзей денег, ежели я почувствую себя плохо и пожелаю незамедлительно вернуться во Францию. Я отказался, полагая, что скоро поеду сам. Все мои друзья и врачи считают, что мне надобно на полгода оставить все литературные дела и пожить деревенской жизнью.

(Г-н Леон Марк, площадь Эндюстри, 10).

Как ты поживаешь?

Целую тебя.

ШАРЛЬ

191. КАТЮЛЮ МЕНДЕСУ

Брюссель, 29 марта 1866

Мой дорогой друг,

Горячо благодарю Вас: все, что Вы сообщаете, превосходно, и я доволен Вашим заглавием³⁹⁰. Вчера я уже получил гранки от печатника по имени Туанон, оседлавшего Сен-Жермен и Париж, и тут же отослал их вечером в парижскую контору, правка наполовину моя, наполовину Мийо, поскольку сам я очень болен и пишу неразборчиво. Вы получите это письмо завтра утром, и я буду весьма Вам признателен, если посмотрите на всё еще раз Вашим корректорским взглядом.

Всецело Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР

id³⁹¹

Г. Мийо

P. S. — Должно быть «ПЕЧАЛЬНЫЙ МАДРИГАЛ», а не «МАДРИГАЛ»; должно быть «ЭПИГРАФ К ОСУЖДЕННОЙ КНИГЕ», а не «ЭПИГРАФ К ОДНОЙ КНИГЕ»; «ЖИТЕЛЬНИЦЕ МАЛАБАРА», а не «ЖИТЕЛЬНИЦЕ МАЛАБРА». Перед последним стихом пьесы под названием «ДАЛЕКО ОТСЮДА» должно стоять тире (—), чтобы придать ему уединенность, рассеянность.

«ЖАЛОБЫ ИКАРА», а не «ЖАЛОБЫ ИКАРРА».

«Новые Цветы Зла» надо набрать таким образом, чтобы «ЦВЕТЫ ЗЛА» были отделены в заглавии от слова «НОВЫЕ».

Ш. Б.

192. ЭРНЕСТУ ПРАРОНУ

Брюссель, 29 марта 1866

Мой дорогой Прарон,

Весьма благодарен Вам за книгу «Мелодии для флейты», которую Вы мне столь любезно прислали. Я бегло ее просмотрел, и она мне показалась тем, что я назвал бы анналами дружбы. Забыл поблагодарить Вас за очаровательное посвящение.

Что до чтения всего тома, то могу говорить с Вами лишь о том, что уже прочитано: «Восточный вопрос». Я нахожу пиесу превосходной, прекрасно рифмованной и презабавной. Хочу только привлечь Ваше внимание к 5-му стиху (на стр. 270), который звучит неправильно.

Страница 314, 14-й стих — неправильный.

— 315 (Бульвары не рифмуются со спорами).

Дорогой друг, я непременно прочту все остальное, и благодарю Вас от всего сердца. Я несколько нездоров, и письмо писано не моей рукой.

Всецело Ваш

ШАРЛЬ БОДЛЕР
улица Монтань, 28

ПРИЛОЖЕНИЯ

- ¹ Альфонс Бодлер (1805–1862) — старший брат поэта, сын Франсуа Бодлера (1759–1827) от первого брака.
- ² Имеются в виду события французской революции 1830 г.
- ³ День святого Филиппа (1 мая), на который приходились именины короля Луи-Филиппа (1773–1850), в тот год отмечали без особой помпы.
- ⁴ Имеется в виду Анна Фелисите Бодлер, супруга Альфонса Бодлера.
- ⁵ Жак Опик (1789–1857) — отчим Бодлера; сделал блестящую карьеру на военном и государственном поприще: генерал, сенатор, полномочный посол Франции.
- ⁶ Каролина Опик (1793–1871) — мать поэта, в девичестве — Дюфай. В 1819 г. вышла замуж за Франсуа Бодлера, после его смерти — за Жака Опики.
- ⁷ Отец поэта, Франсуа Бодлер, был не только знаменитым воспитателем, но и страстным любителем изящных искусств: рисовал, писал стихи.
- ⁸ Теодор Дюсесуа — шурин Альфонса Бодлера.
- ⁹ Луи-Филипп, французский король в 1830–1848 гг.
- ¹⁰ Орас Верне (1789–1863) — французский художник, придворный живописец Луи-Филиппа.
- ¹¹ Анри Шеффер (1798–1862) — французский художник, портретист и пейзажист.
- ¹² Первое упоминание о художнике, который станет для Бодлера вожатым в мире романтической живописи.

- 13 Имеется в виду картина «Бракосочетание Иеронима Бонапарта с принцессой Вюртембергской» (1810, Версальский музей) кисти Жана-Батиста Реньо (1745–1829).
- 14 Речь, вероятно, идет, об опубликованном в «La Presse» отклике на «Салон 1838 года», где автор, Т. Готье, с восхищением отзывался о таких картинах Делакруа, как «Резня на Хиосе» (1823–1824), «Смерть Сарданапала» (1827) и «Алжирские женщины» (1833–1834).
- 15 Роман Сент-Бёва «Сладострастие» (1834) Бодлер и в зрелые годы будет считать одной из ключевых книг эпохи.
- 16 Юный Бодлер, представляясь поклонником Гюго, допускает, однако, опisku в названии стихотворной драмы «Марион де Лорм» (1828; впервые поставлена на парижской сцене в 1831 г.).
- 17 В ноябре 1839 г. Бодлер по настоянию старшего брата записался в Школу права и в качестве практики должен был посещать адвокатскую контору.
- 18 В июне 1841 г., подчиняясь требованию отчима, пытавшегося избавить пасынка от дурного влияния и сомнительных связей, Бодлер отправляется в кругосветное путешествие на судне «Пакетбот южных морей». Корабль заходит в порты островов Св. Маврикия (где начинающий поэт знакомится с французским чиновником Адольфом Отаром де Брагаром и его супругой) и Бурбон (с 1848 г. — Реюньон). В последнем порту Бодлер покидает «Пакетбот южных морей», пересаживается на судно «Альсид» и возвращается в Париж.
- 19 Первый вариант сонета «Креольской даме» из «Цветов Зла».
- 20 Речь идет о несостоявшемся опыте сотрудничества Бодлера с молодыми поэтами «нормандской школы» (Г. Левавассёр, Э. Прарон и др.), с которыми его связывали дружеские отношения. Коллективный сборник нормандских поэтов («Стихи», 1843) вышел в свет без его участия, однако некоторые исследователи были склонны видеть Бодлера тайным соавтором некоторых пьес Прарона.
- 21 Сходная мысль встречается во многих высказываниях Стендаля. Ср., например, пассаж из заметок по поводу второго издания книги «Рим, Неаполь и Флоренция» (1826): «Что касается собственно идей, то лучше мне показаться некоторым людям не совсем понятным, чем другим — многословным. Эти книги созданы для немногих, нужна душа, любовь к прекрасному и т. д.».
- 22 Это стихотворное послание к Сент-Бёву было написано, возможно, по случаю избрания последнего во Французскую академию. Выражая искреннее восхищение поэту и романисту, чье творчество

он уже давно ценил, Бодлер дает замечательную сводку современного романтического мироощущения, насквозь пронизанного книжными образами: Трибуле — персонаж драмы В. Гюго «Король забавляется» (1832); Монахиня — героиня одноименного романа Д. Дидро (1760, 1796); Амори — герой романа Сент-Бёва «Сладострастие» (1834); наконец, Рене — герой повести-исповеди Ф. Р. де Шатобриана (1805).

- 23 Речь идет об инструкции, предупредительно составленной Бодлером для рецензента его первой книги художественной критики «Салон 1845 года». Анонимная рецензия Шанфлери была напечатана 27 мая 1845 г. в задиристой богемной газете «Le Corsaire-Satan».
- 24 В этом письме Бодлер излагает мотивы несостоявшегося самоубийства, о котором сохранились исключительно разноречивые и поверхностные свидетельства современников.
- 25 В действительности завещания не существовало: упоминание о нем, являясь плодом расpalенного воображения запутавшегося в жизни молодого человека, переводит все последующее повествование в напряженный регистр исповедального художества, иначе говоря — экзистенциальной автофикции.
- 26 Первый вариант сонета «Теодору де Банвиллю», включенного последним в посмертное издание «Цветов Зла» (1868).
- 27 Речь идет о рукописи будущей книги.
- 28 Имеется в виду отклик на «Салон 1845 года», опубликованный Г. Лева-вассёром под псевдонимом Сивилис в городской газете Аббевиля.
- 29 Александр Прива д'Англемон (1815–1859) — один из самых ярких и самых близких сподвижников богемной юности Бодлера, под именем которого последний опубликовал свои первые поэтические опыты.
- 30 Огюст Витю (1823–1891) — писатель и журналист, автор восторженного отклика на «Салон 1845 года».
- 31 Пьер Дюпон (1821–1870) — друг Бодлера; поэт-песенник, автор знаменитой «Песни рабочих» (1846). В 1851 г. Бодлер напишет предисловие к его сборнику «Напевы и шансонеты».
- 32 Сенвиль — псевдоним Луи Менара (1822–1901), соученика Бодлера по лицей Людовика Великого, отношения с которым были омрачены нескромностью первого в истории с самоубийством поэта. Известный литератор, историк философии и религии.
- 33 Речь идет о «Подборке утешительных максим о любви», опубликованной в «Corsaire-Satan» 3 марта 1846 г. Посылая супруге брата свои

- игривые максимы, парадоксальный пастиш на трактат Стендаля «О любви», молодой поэт явно дразнил родственников.
- ³⁴ Имеется в виду пьеса А. Дюма (1831), в центре которой — безумные страсти.
- ³⁵ Два письма Бодлера к одному из трибунов революции 1848 г. свидетельствуют не только о стремлении поэта быть ближе к центру бурных событий, но и о его напряженном внимании к мысли и личности теоретика анархизма. Встречался ли Бодлер с Прудоном, доподлинно неизвестно. Сам автор «Цветов зла», откликаясь в 1865 г. на смерть философа, утверждал, что такая встреча имела место (см. письмо № 177). Бодлер и Прудон могли встретиться также и благодаря Г. Курбе, который писал портреты обоих.
- ³⁶ Ни личность господина Шомана, ни адресат этого письма, свидетельствующего о раннем интересе поэта к музыке Вагнера, не установлены.
- ³⁷ Речь идет о контрамарке на спектакль «Детская коляска», поставленный в 1850 г. по индийской драме, переведенной Нервалем в соавторстве с Ж. Мэри.
- ³⁸ Жан Валлон (1821–1882) — в 1840-е гг. один из ярких представителей парижской богемы, впоследствии — известный философ и переводчик Гегеля на французский язык.
- ³⁹ Очевидно, Бодлер имеет в виду самого себя.
- ⁴⁰ Речь идет о Ламартине.
- ⁴¹ Бодлер разделяет с Шанфлери интерес к комическому в искусстве и жизни.
- ⁴² Альбом литографий к «Фаусту» или «Гамлету».
- ⁴³ В стихотворении «Путешествие на Киферу» Бодлер полемизирует с книгой Нерваля «Путешествие на Восток» (1851), отрывки которой печатались с 1844 г.
- ⁴⁴ Речь идет о возможной публикации прилагаемых к письму стихов в «Revue de Paris».
- ⁴⁵ Первая часть этюда «Эдгар По, его жизнь и его произведения», опубликованная в «Revue de Paris».
- ⁴⁶ Речь идет о статье «Одно слово о 24 февраля», принадлежащей перу графа Алексиса де Сен-При (1805–1851).
- ⁴⁷ В результате государственного переворота 2 декабря 1851 г. установился режим военно-буржуазной диктатуры Луи Наполеона Бонапарта; 2 декабря 1852 г. последний был провозглашен императором Наполеоном III.

- 48 Речь идет об обычном счете портному — прописная буква и курсив передают степень взвинченности поэта, преследуемого долгами и кредиторами.
- 49 Имеется в виду разрыв с Жанной Дюваль.
- 50 «Двое сумерек».
- 51 Эдгар По.
- 52 Огюст Амик, глава «Общества объединенных трудящихся», предложил Бодлеру возглавить литературный журнал (см. также письмо № 26). Этим планам не было суждено осуществиться.
- 53 Речь идет о рукописи перевода арабской легенды «Иосиф, сын Иакова», опубликованной позднее на страницах «Revue de Paris».
- 54 Ср. «Одиннадцатую беседу» из книги «Санкт-Петербургские вечера» (1821), где Ж. де Местр называет протестантство «европейским магометанством».
- 55 Сохранился только фрагмент этого письма.
- 56 Это первое из анонимных посланий Бодлера знаменитой Президентше, по которой сходила с ума целая плеяда французских литераторов. Посвященные ей пиесы составят особый раздел «Цветов Зла».
- 57 Первый вариант пиесы «Той, что слишком весела», исключенной из книги по суду и вошедшей в «Обломки» «Цветов Зла».
- 58 Имеется в виду роман М. Дюкана «Посмертная книга. Мемуары самоубийцы» (1853).
- 59 Речь идет об очередной литературной склоке с участием богемного поэта и драматурга Филоксена Буайе (1827–1867), чей острый словотворческий дар приводил Бодлера в восхищение.
- 60 Бодлер дает своего рода реальный культурный комментарий к предпологававшемуся английскому переводу романа Шанфлери «Приключения мадемуазель Марьетты», изображавшего богемный «мирок» в реалистическом и сатирическом ключах. Ироничные формулировки не исключают точности дефиниций эстетических установок обсуждаемых авторов.
- 61 Речь идет об утраченных прозаических опытах Бодлера.
- 62 Первый вариант «Исповеди» из «Цветов Зла»; отправлен из Версаля, где поэт вместе со своим верным спутником Буайе, не имея средств ни оплатить гостиницу, ни выехать из пригорода, нашел временное пристанище в публичном доме.
- 63 9 января 1853 г. Маласси опубликовал в издаваемой газете резко критический отклик на сочинения По в переводах Бодлера, однако

его статья не содержала пророчеств о том, что переводчик окончит свою жизнь так же, как почитаемый им автор.

- 64 Фернан Денуайе готовил к изданию сборник, посвященный памяти С. Ф. Денекура, знаменитого устроителя леса Фонтенбло. В этом сборнике, вышедшем в свет в 1855 г., были напечатаны произведения самых видных французских писателей тех лет — Беранже, Готье, Жорж Санд, Гюго, Ламартина, Нерваля. «Сумерки» Бодлера, которые явно выбивались из единодушного гимна Природе, были опубликованы вместе с программным письмом автора.
- 65 отвратительное, гадкое (*англ.*)
- 66 Речь идет о рекламном проспекте к роману Шанфлери «Маскарад парижской жизни» (первоначально «Предмесье Мен-Марсо»), который будет опубликован лишь в 1860 г.
- 67 Неосуществленный замысел пьесы о пьянстве, подробно изложенный в следующем письме.
- 68 «Живой факел» из «Цветов Зла».
- 69 Безымянная пьеса под номером XXXVII в «Цветах Зла».
- 70 Эжен Пельтан (1813–1884) — литератор и общественный деятель.
- 71 Речь идет о бароне де Моссельмане, богатом покровителе и официальном любовнике мадам Сабатье.
- 72 Одно из наиболее характерных авторских определений *эпизанра* своих стихотворений, буквально — «жопоподтирка». Само стихотворение, не включенное в «Цветы Зла», увидит свет только среди «Обломков» под названием «Гимн».
- 73 Поль де Сен-Виктор (1825–1881) — известный литератор, выдающийся литературный, художественный и театральный критик.
- 74 Речь идет о постановке по одноименному роману А. Дюма, которая шла в театрах с 1844 г.
- 75 Имеется в виду публикация переводов из По и статьи «Эдгар По, его жизнь и его произведения».
- 76 Ипполит Остейн (1814–1879) — литератор, драматург, директор театра «Гёте» (1849–1858).
- 77 Речь идет о драматургическом шедевре Д. Дидро (1713–1784) «Хорош он или дурен?» (1781), опубликованном лишь в 1834 г. на страницах журнала «*Revue rétrospective*».
- 78 Драма О. де Бальзака (1848).
- 79 Популярные пьесы театра «Гёте».
- 80 Выражение самого Барбе д'Оревиля, называвшего так творческое уединение.

- ⁸¹ Этот замысел останется неосуществленным, элементы «Эпилога» прочитываются в знаменитой пьесе «Гэаутонтиморуменос».
- ⁸² Франсуа Бюлоз (1803–1877) — известный литератор, основатель и бессменный главный редактор «*Revue de Deux Mondes*» (1831–1877), крупнейшего общественно-литературного журнала Европы XIX в., где в июньском номере за 1855 г. была напечатана подборка из восемнадцати стихотворений под общим названием «Цветы Зла», — это первое появление в печати заглавия «проклятой книги».
- ⁸³ Имеется в виду статья «Всемирная выставка 1855 года».
- ⁸⁴ Речь идет об одном из романских начинаний поэта, которые не продвигались далее идеи и заглавия.
- ⁸⁵ Бодлер говорит о небольшой редакционной заметке, сопровождавшей первую публикацию «Цветов Зла» в «*Revue de Deux Mondes*»: «Предавая печати нижеследующие стихи, мы хотим лишний раз засвидетельствовать, насколько дух, что движет нашим журналом, благоприятствует самым разнообразным начинаниям и опытам. Мы видим здесь заслуживающим внимания не что иное, как живое и прелюбопытное в самом неистовстве иных провалов выражение ряда моральных болезней, каковы, даже если мы их не разделяем и не оспариваем, надлежит знать как одно из знамений нашего времени. К тому же, нам представляется, есть случаи, когда предание публичности является не только поддержкой, когда оно может приобрести вид полезного совета и призвать истинный талант по-настоящему раскрыться, укрепиться, расширяя свои пути, раздвигая свои горизонты». Хотя Бодлер уверяет редактора, что его совсем не задел «покровительственный» характер заметки, самолюбие поэта было явно ущемлено.
- ⁸⁶ Жорж Санд (настоящее имя Аврора Дюпен, 1804–1876) — именитая писательница, одна из наиболее влиятельных фигур в литературном мире своего времени. Речь в письме идет о пьесе Ж. Санд «Мэтр Фавилла» (1855). Несмотря на вмешательство автора, откликнувшейся на письмо Бодлера, М. Добрен не получила этой роли.
- ⁸⁷ Шарль Асселино (1820–1874) — литератор и преданный друг поэта, посвятившего ему одно из стихотворений «Цветов Зла»; автор первой книги о Бодлере (1868) и соиздатель (вместе с Банвилем) его первого полного собрания сочинений.
- ⁸⁸ «Мещанский роман» (1666) А. Фюретьера, переизданный в 1855 г. с предисловием Ш. Асселино.
- ⁸⁹ Альфонс Туссенель (1803–1885) — писатель и общественный деятель, проповедник социалистических идей в духе Ш. Фурье.

- ⁹⁰ Жозеф-Мари де Местр (1754–1821) — французский писатель и мыслитель-консерватор, один из самых ярких критиков Революции и один из философских кумиров Бодлера.
- ⁹¹ Реальное лицо: литератор Ипполит Кастиль (1820–1886), товарищ Бодлера.
- ⁹² Накануне, 12 марта 1856 г., вышла в свет долгожданная книга бодлеровских переводов из По «Необычайные истории», включавшая этюд «Эдгар По, его жизнь и сочинения».
- ⁹³ Речь идет о Жанне Дюваль. Замечательное истолкование этого сновидения принадлежит французскому романисту и поэту М. Бютору: «Необычайная история, опыт об одном сне Бодлера» (1961).
- ⁹⁴ Мишель Леви (1821–1875) — издатель.
- ⁹⁵ Сент-Бёв ответил Бодлеру, что напишет отклик на «Необычайные истории», где сможет похвалить перевод, не имея что сказать о самом По. Обещание, однако, не было выполнено, так что слова благодарности, рассыпанные в следующем письме к критику, были во всех отношениях преждевременными.
- ⁹⁶ Одна из самых сильных новелл По (1838); имя героини появляется в его ранней поэме «Аль-Аараф».
- ⁹⁷ Речь идет о каталоге (или проспекте) книжной серии «Библиотека XVIII века / Нравы и литература», которую собирался издавать Пуле-Маласси и идея которой показалась Бодлеру настолько несовершенной, что в этом письме, выступая с критикой затеи своего издателя, он сжато изложил собственное видение литературы XVIII в.
- ⁹⁸ Мишель-Жан Седэн (1719–1797) — драматург; приобрел известность как автор либретто комических опер.
- ⁹⁹ Маркиз де Бьевр (1747–1789) — салонный остро слов, король изящных каламбуров.
- ¹⁰⁰ Никола-Жозеф-Лоран Жильбер (1751–1780) — поэт, автор многочисленных од и сатир.
- ¹⁰¹ Жан-Батист Руссо (1670–1741) — драматург и поэт, получил известность как автор непристойных стихов.
- ¹⁰² Ален Рене Лесаж (1668–1747) — романист и комедиограф.
- ¹⁰³ Роман-притча Жака-Анри Бернардена де Сен-Пьера (1737–1814).
- ¹⁰⁴ Жорж Луи Леклерк де Бюффон (1707–1788) — ученый-естествоиспытатель. С 1739 г. директор Ботанического сада в Париже, автор многотомной «Естественной истории» (1749–1788).
- ¹⁰⁵ Станислав-Луи-Мари Фрерон (1754–1802) — политический деятель и публицист.

- 106 Пьер-Жан Гросле (1718–1785) — историк и литератор.
- 107 Жан-Батист Николе (1710–1796) — антрепренер и комедиограф, создатель театра «Гёте».
- 108 Никола-Медар Одино (1732–1801) — театральный деятель, один из основоположников комического театра.
- 109 Франсуа-Антуан Шеврье (1720–1762) — писатель, сатирик, автор романов и политических памфлетов.
- 110 Речь идет о сборнике народных легенд о Тиле Уленшпигеле.
- 111 Шарль де Бросс (1709–1777) — историк, собиратель древностей.
- 112 Габриэль Сенак де Мейлан (1736–1803) — писатель и публицист, был хорошо принят в России, о чем оставил воспоминания.
- 113 Пьер Карле де Шамблен де Мариво (1688–1763) — один из самых сильных романистов XVIII в.
- 114 Никола Ретиф де Бретон (1734–1806) — писатель, автор знаменитого автобиографического романа «Господин Никола, или Разоблаченное человеческое сердце» (1794–1797).
- 115 Жан Франсуа де Лагарп (1739–1803) — писатель, драматург и теоретик литературы, автор многотомного сочинения «Лицей, или Курс древней и новой литературы» (т. 1–16, 1799–1805).
- 116 Роман «Опасные связи» (1782) Шодерло де Лакло (1741–1803) — одно из ключевых произведений французской культуры.
- 117 Что и было сделано.
- 118 Жан-Франсуа Мармонтель (1723–1799) — французский писатель и мыслитель, участник «Энциклопедии», автор романа «Инки, или Крах империи Перу» (1777).
- 119 Сочинение Шарля Луи Монтескьё (1689–1755).
- 120 Сборник художественно-критических этюдов.
- 121 Одно из первых жанровых определений «Малых поэм в прозе».
- 122 Перевод-переложение сочинения Томаса Де Квинси (1785–1859) «Исповедь англичанина, любителя опиума» (1821) войдет в состав книги «Искусственный рай».
- 123 Речь идет о похоронах генерала Опики.
- 124 Ашиль Фуль (1800–1867) — политический деятель, министр.
- 125 Бодлер считает, что обвинения с романа «Госпожа Бовари» были сняты благодаря вмешательству императрицы — принцессы Матильды-Летиции-Вильгельмины, урожденной Бонапарт (1820–1904), что не вполне соответствует действительности.

- 126 То есть следующие поэмы «Цветов Зла»: «Вся целиком», «Что можешь ты сказать...», «Живой факел», «Той, что слишком весела», «Обратимость», «Исповедь», «Духовная заря», «Гармония вечера», «Флакон».
- 127 Приговор книге, автору и издателю был вынесен 20 августа 1857 г.
- 128 Эмиль Дешан (1791–1871) — поэт-романтик; узнав о суде над «Цветами Зла», написал страстную поэму «Некоторым цензорам» и в день процесса отправил ее Бодлеру. Последний решил опубликовать стихи в журнале «Le Présent».
- 129 Сумма штрафа в итоге была сокращена до 50 франков, чему предшествовала изрядная бюрократическая волокита.
- 130 Автором статьи был заурядный журналист Жан Руссо (1829–1891). Судя по всему, Бодлер ухватился за брошенное походя замечание, главным образом, для того, чтобы лишний раз напомнить о своем существовании.
- 131 Персонаж сборника новелл Т. Готье «Младофранцузы, насмешливые романески» (1833).
- 132 В своем ответе Бодлеру, который был напечатан «Le Figaro» вместе с письмом поэта, Руссо уточнял, что четырем годами ранее лично слышал, как Бодлер выступал с критикой Гюго в одном из литературных салонов, где «в то же самое время — в том же самом месте — его знаменитый друг г-н Курбе утверждал, что *Микеланджело не существовало*». Это объединение имен Бодлера и художника Г. Курбе весьма характерно: с точки зрения доминирующих литературных институций, оба служат олицетворением невыносимого реализма.
- 133 Роман (1858) популярного литератора Эрнеста Фейдо (1821–1873).
- 134 Имеется в виду книга Прудона «О справедливости в революции и Церкви» (1858), где в разделе «О любви и супружестве» есть этюд «О самочных характерах».
- 135 Адольф Лёве-Веймар (1801–1854) — критик и переводчик с немецкого, яркий пропагандист творчества Э. Т. А. Гофмана.
- 136 Письмо представляет собой яркий образчик политики Бодлера-литератора, который нередко был вынужден если и не заискивать, то по меньшей мере искать внимания со стороны влиятельных представителей современной французской литературы. Бодлер, очевидно, уязвлен дифирамбами, которые пропел роману Фейдо Сент-Бёв, при этом храня молчание в отношении поэта. Упоминание о Жорж Санд также свидетельствует о стремлении Бодлера включиться в текущую литературную жизнь. (Отметим, Фейдо в ответном пись-

ме к Бодлеру действительно упоминает о похвалах своему роману со стороны Жорж Санд.) Притом что в письме к матери от 11 декабря 1858 г. поэт назовет роман Фейдо, имевший оглушительный успех у читателей, «архиотвратительным», в этом лицемерном отклике сформулирован ряд существенных положений эстетики и этики Бодлера.

- 137 Альфонс де Калон (1818–1902) — литератор, главный редактор журнала «Современное обозрение» («Revue contemporaine»).
- 138 На деле «Исповедь любителя опиума» выйдет в свет только в январе 1860 г.
- 139 Бодлер говорит об опыте художественной критики, который в конечном счете будет озаглавлен «Философическое искусство».
- 140 Луи Жанмо (1814–1892) — лионский художник и поэт.
- 141 «Малые поэмы в прозе» («Сплин Парижа»).
- 142 Речь идет о сборнике Жозефена Сулари (1815–1891), лионского поэта, которого считают одним из первых последователей Бодлера.
- 143 чудовищно огромный (*лат.*)
- 144 «Философическое искусство».
- 145 Имеется в виду стихотворение «Пляска смерти» из «Новых Цветов Зла», посвященное художнику и скульптуру Эрнесту Кристофу (1827–1892); впервые напечатано в «Revue contemporaine» 15 марта 1859 г.
- 146 Речь идет об этюде, посвященном Теофилю Готье и опубликованном в газете «L'Artiste» 13 марта 1859 г.
- 147 Эдуар Гарде (1818–1892) — литератор и архивист, близкий друг Шарля Асселино.
- 148 Гюстав-Леон Валлон (1821–1882) — философ и теолог, близкий товарищ Бодлера.
- 149 Николай Иванович Сазонов (1815–1862) — русский литератор, близкий товарищ Бодлера по богемному Парижу, первый переводчик «Цветов Зла».
- 150 Ипполит Бабу (1824–1878) — критик и писатель, который предложил заглавие «Цветы Зла» для книги стихов Бодлера.
- 151 Жюль де Ламадлен (1820–1859) — популярный романист.
- 152 Эдуар Уссе — литератор, главный редактор «La Gasette des beaux arts».
- 153 Шарль Мерион (1821–1868) — рисовальщик и гравер, чье творчество чрезвычайно привлекало Бодлера, писавшего о нем в «Салоне 1859 года» и мечтавшего создать серию поэтических фантазий на темы его офортов о Париже.

- 154 Имеется в виду скорее Туанетта, персонаж мольеровского «Мнимого больного».
- 155 Указанные переводы поэмы и эссе Э. По с комментариями Бодлера выйдут в свет в апреле 1859 г.
- 156 Прозвище Барбе д'Оревилли.
- 157 Возможно, имеется в виду Поль Шенавар (1807–1895), один из представителей «философического искусства», как его мыслил Бодлер.
- 158 Имеется в виду «Путешествие», которым завершается второе издание «Цветов Зла».
- 159 Тяжело заболевший Теодор де Банвиль получил пенсioen в 1200 франков.
- 160 Бодлер подразумевает литературный памфлет «Черное дерево» Ипполита Бабу, в котором тот обрушился с критикой на писателя-каатолика Луи Вейо (1813–1883).
- 161 Речь идет о статье И. Бабу, содержащей довольно резкий отзыв о Сент-Бёве: «Он будет славить “Фанни”, вот ведь добрый малый, и замалчивать “Цветы Зла”».
- 162 Имеется в виду статья Ж. Руссо в «Le Figaro» (см. прим. 130).
- 163 Речь идет о письме Сент-Бёва от 20 июля 1857 г., в котором критик рекомендует автору «Цветов Зла» стратегию защиты на процессе.
- 164 Правительство отказало в финансовой помощи журналу де Калона.
- 165 То самое чудовище (*лат.*); речь о стихотворении «Путешествие», рукопись которого сопровождала это письмо.
- 166 «Газета, чтобы посмеяться», которую выпускал Надар.
- 167 Речь идет о новелле Э. По «Черный кот» (1843).
- 168 Имеются в виду знаменитые карикатуры Надара: на первой изображен сраженный горем отец, обнаруживший в руках дочери книгу «Цветы Зла», на второй — сам Бодлер перед падалью.
- 169 Бодлер говорит о картинах Франсиско Гойи (1746–1828) «Маха одетая» и «Маха обнаженная» (обе — ок. 1802); то, что моделью художника была герцогиня Альба, — распространенная, но вызывающая серьезные возражения версия.
- 170 Паркс Бонингтон (1801–1828) — английский живописец и график, тесно связанный с романтической школой Э. Делакруа.
- 171 Ашиль Девериа (1801–1857) — художник-портретист, вызвавший сочувственный отклик Бодлера в «Салоне 1845 года».
- 172 Луи Дюво (1818–1867) — художник и гравер.

- 173 Альфред Ретель (1816–1859) — немецкий живописец и график.
- 174 Людвиг Кнаус (1829–1910) — немецкий живописец, весьма популярный во Франции в середине XIX в.
- 175 Чеслав Карский — польский поэт из окружения А. Мицкевича.
- 176 Гюстав Рикар (1797–1879) — художник, творчество которого Бодлер высоко ценил.
- 177 Гиацинт Ланглуа (1777–1837) — художник и историк искусства.
- 178 Октав Пангьи Ларидон (1811–1870) — художник.
- 179 Селестен Нантёй-Лебёф (1813–1873) — художник-иллюстратор, автор фронтисписов к книгам Гюго, Дюма, Готье.
- 180 Франсуа Клавдий Конт-Каликс (1813–1880) — художник лионской школы, с которым Бодлер был близко знаком; славился вычурными названиями своих картин.
- 181 Речь идет о скульптурной группе «Всегда и Никогда» Эмиля Эбера (1828–1893), о которой Бодлер напишет в «Салоне 1859 года».
- 182 Покушение Феличе Орсини на Наполеона III (14 января 1858) вынудило последнего активно вмешаться в итальянские дела.
- 183 Бодлер вспоминает полузабытые политические скандалы.
- 184 Имеется в виду издание мемуаров и переписки Жозефа де Местра, относящихся к периоду 1803–1810 гг., где мыслитель-теократ представлен как последовательный враг Австрии и приверженец конституционной монархии.
- 185 Луций-Нестор Сонжон (1818–1889) по прозвищу Клержон был товарищем Бодлера по лицу Людовика Великого; принимал активное участие в Революции 1848 г.; вращался в кругах парижской богемы; с установлением Третьей республики был избран сенатором.
- 186 Фирмен Мейяр (1833–?) — журналист и полемист, автор памфлета «Анекдотическая и критическая история парижской прессы 1857–1858 годов» (1859), в котором, превознося талант Бодлера, довольно нелицеприятно отзывался о личности поэта, приписывая ему «обличье монаха, терзаемого страстями плоти».
- 187 Луи Антуан Леузон-Ледюк, как и Бодлер, в свое время потерпел от нападок Мейяра.
- 188 Бодлер добивается, чтобы Гюго написал предисловие к его этюду о Готье.
- 189 Вместе с письмом поэт отправляет стихотворения «Шесть стариков» и «Старушки», которые в новом издании «Цветов Зла» появятся с посвящением Гюго.

- 190 Узнав о приговоре «Цветам Зла», Гюго направил Бодлеру сочувственное письмо, в котором, в частности, говорится: «Вы только что получили одну из редких наград, которую способен дать нынешний режим».
- 191 15 августа 1859 г. был опубликован императорский декрет об амнистии всем политическим беженцам. Гюго, избравший изгнание после переворота 1852 г., эту милость не принял.
- 192 Гюго написал письмо-предисловие к «Теофилю Готье», о котором Бодлер просил его в предыдущем письме.
- 193 «Легенды веков» — лиро-эпические собрания преданий и легенд.
- 194 Ипполит Деборд-Вальмор (1820–1892) — художник, сын Марселины Деборд-Вальмор (1786–1859), писательницы и актрисы, чье творчество привлекало Бодлера.
- 195 Стихотворение «Лебедь» для новых «Цветов Зла».
- 196 Фрагмент бодлеровского перевода «Эврики» (1848).
- 197 Бодлер цитирует свой этюд «Салон 1859 года».
- 198 Из поэмы Гюго «Триумфальная арка» (1837).
- 199 Эжен Фромантен (1820–1876) — живописец, писатель, историк искусства.
- 200 Джордж Кэтлин (1796–1872) — американский художник-пейзажист, популярный во Франции в середине XIX в.
- 201 Константен Гис (1805–1892) — живописец и рисовальщик, творчеству которого посвящен знаменитый этюд «Художник современной жизни» (1863). Бодлер познакомился с ним в 1859 г.; в коллекции поэта было около сотни рисунков Гиса.
- 202 Бодлер жил тогда в гостинице «Дьеп».
- 203 Книга Жюль Мишле (1798–1874) о Жанне д'Арк первоначально вышла в свет в составе пятого тома «Истории Франции» (1841).
- 204 1 января 1860 г. Бодлер уступил Пуле-Маласси авторские права на большинство своих сочинений.
- 205 Бодлер имеет в виду примечания к переводам из Де Квинси.
- 206 Речь идет об описании весьма своеобразной манеры перевода, которую Бодлер применил к «Исповеди любителя опиума» Де Квинси и которая радикально отличалась от его способа переводить По.
- 207 Имеется в виду переиздание «Искусственного рая».
- 208 Речь идет о литературной полемике, направленной против Бодлера главным редактором журнала «Revue internationale» К. Деродом.

- 209 Филибер-Луи Дебюкур (1755–1832) — художник и гравер.
- 210 Джошуа Рейнольдс (1723–1792) — английский живописец.
- 211 Театр итальянской комедии.
- 212 Это письмо — своего рода черновик знаменитого этюда Бодлера «Рихард Вагнер и “Тангейзер” в Париже» (1861).
- 213 Арман Фресс (1830–1877) — литературный критик, один из немногих среди современников Бодлера поклонников его творчества.
- 214 Остров Гернси — место добровольного изгнания Гюго.
- 215 Слово «дилетантист» у Бодлера означает прежде всего человека, со страстью отдающегося искусству.
- 216 На деле перевод «Эврики» выйдет в свет лишь в 1864 г.
- 217 Жан Тиссёр (1814–1883) — поэт и критик лионской школы.
- 218 Имеется в виду проспект обзора романного жанра, издание которого затевал Шанфлери.
- 219 В переписке с Шанфлери, который принадлежал к числу самых стойких французских вагнерианцев, Вагнер, возможно, упоминал о восторженном письме Бодлера.
- 220 Шанфлери предполагал использовать письмо Бодлера для поддержки своего издательского проекта.
- 221 Перечисленные Бодлером писатели упоминаются в письме-манифесте Сент-Бёва «Мораль и искусство».
- 222 «Парижские офорты» Ш. Мериона.
- 223 Бодлер много лет вынашивал замысел перевести поэму «Фарсалия» Марка Аннея Лукана (39–66), близки ему были и сатирические комедии Аристофана.
- 224 Бодлер защищает изысканную метафорику «Любви ко лжи» («Любовь к обманчивому») из новых «Цветов Зла».
- 225 Имеется в виду книга «История государственного интереса» итальянского публициста и революционера Джузеппе Феррари (1811–1876).
- 226 Речь идет о гравере Феликсе Бракмоне (1833–1914), который готовил фронтиспис для второго издания «Цветов Зла».
- 227 Речь идет о защите Бодлером стиля «Искусственного рая».
- 228 Джордж Фаулер, владелец английской книжной лавки.
- 229 Главный редактор «Revue contemporaine» ответил Бодлеру не менее нелицеприятным письмом: «Я нахожу Ваше письмо весьма неуместным и менее всего ожидал получить его от Вас. Если бы Вам

было угодно ответить учтиво на мое учтивное письмо, я мог бы указать Вам на такие натяжки в Ваших стихах, что Вы наверняка взяли бы их обратно. Вам не было угодно, так что я публикую их как есть, — тем хуже для Вас. Но позвольте по меньшей мере раз в десятый указать на Ваше весьма неуместное самодовольство. Ваш покорный слуга / Де Калон». Этот обмен нелюбезностями продолжило следующее письмо Бодлера.

- 230 Речь идет о замысле опубликовать французский перевод романа «Мельмот Скиталец» Ч. Р. Мэтьюрина (1782–1824).
- 231 Ф. Буайе познакомил Бодлера с Э. Крепе.
- 232 за чашей вина (*лат.*)
- 233 Благодаря Бодлера за книгу «Искусственный рай», Флобер сделал следующее замечание, которое и привлекло внимание поэта: «Мне кажется, что ... Вы (причем многократно) слишком уж настаиваете на *Духе Зла*. То сям, то там чувствуется душок католицизма. Мне было бы по душе, если бы Вы не *хулили* гашиш, опиум, эксцесс».
- 234 Отрывки из «Искушения святого Антония» печатались в 1856–1857 гг.; ранние прозаические опыты под названием «Ноябрь» были опубликованы посмертно, хотя Флобер давал их читать некоторым собраниям по перу; «Карфаген» — рабочее название «Саламбо» (1862).
- 235 Бодлер цитирует сонет «Часы» из «Цветов Зла».
- 236 Сулари прислал Бодлеру поэму о гашише «Мечта конопли».
- 237 Луи-Бенуа Перрен (1799–1865) — лионский издатель.
- 238 В русском переводе эта новелла По называется «Ангел необъяснимого. Экстраваганца».
- 239 Эссе По «Философия творчества».
- 240 Роман Э. Дюранти, опубликованный в 1860 г.
- 241 Текст в рамке — отрывок из письма самого Маласси к Бодлеру.
- 242 Второе издание «Цветов Зла».
- 243 Речь идет о Жанне Дюваль.
- 244 Письмо, обнаруженное лишь в 1989 г., обращено к секретарю кабинета министров Ж. Дезо (1824–1879), у которого поэт, сам существовавший на грани нищеты, испрашивает материальной помощи для своего любимого художника.
- 245 Второе издание «Цветов Зла».
- 246 Это утверждение не соответствует действительности.
- 247 Огюст Вакри (1819–1895) — драматург и критик, ученик Гюго.
- 248 Речь идет о спектакле «Похороны чести» (1861) по пьесе Вакри.

- 249 Из этих замыслов лишь опыт автобиографии под названием «Мое обнаженное сердце» продвинется чуть дальше разговоров.
- 250 Именно тогда на семейном совете Бодлер был лишен права распоряжаться своим состоянием.
- 251 Описка: Бодлер, очевидно, хотел сказать «о моем».
- 252 Речь идет о деньгах, принадлежавших Пуле-Маласси.
- 253 Бодлер имеет в виду композитора Роберта Августа Штопеля (1821–1887), заказавшего ему перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло.
- 254 Ференц Лист (1811–1886) — венгерский композитор, пианист и дирижер. Бодлер неоднократно высказывал интерес к творчеству и личности Листа.
- 255 Имеется в виду этюд Бодлера о Вагнере.
- 256 Альфонс Легро (1837–1911) — французский живописец, о котором Бодлер тепло отзывался в «Салоне 1859 года». Портрет Рувьера кисти Легро неизвестен.
- 257 Марио Юшар (1824–1893) — драматург, романист, литературный критик.
- 258 Уильям Годвин (1756–1836) — английский писатель, романист и публицист.
- 259 Господин Прюдом — ставшее нарицательным имя литературного персонажа, созданного Анри Монье (1799–1877), тип ограниченного и самодовольного буржуа.
- 260 Речь идет о «Малых поэмах в прозе».
- 261 Виктор де Лапрад (1812–1883) — поэт, критик, член Французской академии.
- 262 Речь идет о резкой полемике Лапрада и Сент-Бёва, в результате которой первый лишился места профессора словесности в Лионском университете.
- 263 Академика не обмануло письмо поэта, он был возмущен его фамильярным тоном, равно как и самой претензией на кресло «бесмертного».
- 264 Уссе упомянет о выдвижении кандидатуры Бодлера в «L'Artiste»: «Романтический Бодлер наносит визиты, надеясь занять место романтического Лакордера. — Я Вас не знаю, говорит ему г-н Вильмен. — Неудивительно, — отвечает ему с серьезным видом Бодлер, — только в моем лице вы видите перед собой истинного поэта».
- 265 Алоизиус Бертран (1807–1841) — поэт-романтик. Его посмертно изданная книга «Гаспар из Ночи» («Гаспар из Тьмы», 1842), составлен-

ная из стилизаций по мотивам средневековой литературы, стала во французской литературной традиции жанровой моделью «поэм в прозе».

- 266 В журнале «L'Artiste» Бодлер опубликовал в середине 1840-х гг. свои первые сонеты.
- 267 Эдмон Огюст Тексье (1816–1887) — писатель, журналист, критик, главный редактор журнала «L'Illustration», для которого был написан бодлеровский этюд о К. Гисе.
- 268 Тексье писал по поводу кандидатуры Бодлера на выборах в Академию, что этот «дерзновенный поэт», попав под купол дворца Мазарини (где проходят заседания Академии), разнесет его вдребезги, если только прежде не умрет и не будет погребен бог классической традиции.
- 269 Жюль Сандо (1811–1883) — писатель, романист, критик, член Французской академии.
- 270 Флобер действительно попросил Сандо отдать свой голос за Бодлера, однако академик, при всей своей расположенности к обоим, не смог выступить наперекор единодушному неприятию автора «Цветов Зла». Свое решение он объяснил в письме к Флоберу: «К несчастью, кандидатура г-на Бодлера разорвалась, будто петарда, и сколь бы уместной она мне ни казалась, я был столь неподготовлен, что это событие застало меня врасплох».
- 271 В статье о предстоящих выборах, весьма двусмысленно отозвавшись о кандидатуре Бодлера, Сент-Бёв предложил провести реформу самой Академии, разделив ее на секции языка, драматургии, поэзии и т. д., чтобы избежать неопределенности, сопровождавшей выборную кампанию.
- 272 Судя по всему, Бодлер имеет в виду знаменитую в кругах литературного бомонда гадалку.
- 273 Речь идет о визитах Бодлера к членам Французской академии.
- 274 Гийом Вьенне (1777–1868) — писатель и государственный деятель, один из старейших членов Академии.
- 275 Речь идет о сонете «Закат романтического солнца», в котором Бодлер подводил черту под эстетикой романтизма.
- 276 Переводы из Э. По.
- 277 На место отца Лакордера будет избран, действительно, герцог де Брольи (1821–1901), посредственный литератор, сотрудничавший с «Revue de Deux Mondes» и «Correspondant».

- 278 Арман де Понмартен (1811–1890) — литературный критик консервативного толка, соперник Сент-Бёва, автор серии сборников «Беседы по субботам».
- 279 Речь идет об Обществе офортистов, в которое входили, в частности, Ш. Ф. Добиньи (1817–1878), А. Легро (1837–1911) Э. Мане (1832–1883).
- 280 Бодлер имеет в виду статью Гютье, опубликованную в четвертом томе серии «Французские поэты», издаваемой Ж. Крепе.
- 281 Выражение «тирания человеческой личности» восходит к творчеству Де Квинси и встречается в книге «Искусственный рай».
- 282 Речь идет о книге Луи-Себастьяна Мерсье (1740–1814) «Париж во время Революции (1789–1798), или Новый Париж», переизданной Пуле-Маласси (2 тт., 1862). Бодлер собирался написать критический этюд об этом сочинении.
- 283 Лицемерная статья Бодлера об «Отверженных» Гюго была напечатана 20 апреля 1862 г. в газете «Le Boulevard»; Барбе д’Оревилю напечатал в газете «Le Pays» два резко отрицательных отклика на этот роман.
- 284 Речь идет о наложении ареста на пиратское издание.
- 285 Пьер Жюль Этцель (1814–1886) — издатель и литератор.
- 286 Первоначальное название поэтического сборника «Филомела» (1863) Катюля Мендеса (1841–1909).
- 287 Издатель Бодлера оказался в долговой тюрьме Клиши.
- 288 Речь идет о некоторое время занимавшем Бодлера замысле издания «Цветов Зла» под одной обложкой с «Малыми поэмами в прозе».
- 289 Имеется в виду комедия Эмиля Ожье, премьера которой состоялась в начале декабря 1862 г.
- 290 Издатель Мишель Леви приобрел права на «Саламбо» за 10 000 франков, но пустил слух, что заплатил Флоберу в три раза больше.
- 291 Драматург Поль Мёрис работал тогда над пьесой «Франсуа Синие чулки».
- 292 Ипполит Лежон (1814–1884) — офицер Генерального штаба; в его парижском доме устраивались приемы, где бывали знаменитые литераторы и художники.
- 293 Брюкер был одним из ближайших друзей Барбе д’Оревилю; убежденный католик, приложивший много усилий, чтобы вернуть своего товарища к вере отцов.

- 294 Бодлер отказался от встречи с художницей Фредерикой О'Коннелл (1823–1885), искавшей случая побеседовать с ним о философии По.
- 295 Речь идет об отклике Ламартина на роман Гюго, в котором первый защищает общество и современное политическое устройство от нападков второго.
- 296 Жерве Шарпантье (1805–1871) — издатель и книготорговец.
- 297 Речь идет о редакторской правке, внесенной без ведома автора в текст poem в прозе «Прекрасная Доротея» и «Искушения, или Эрос, Плутос и слава», напечатанных в «Revue nationale» 10 июня 1863 г.
- 298 Этьен Каржá (1828–1906) — карикатурист и фотограф.
- 299 Имеется в виду известная фотография, названная «Бодлер с гравюрами» (1863).
- 300 Сюзанна Мане (1830–1906), превосходная пианистка, будет играть Вагнера сраженному параличом и афазией Бодлеру в последние месяцы его существования.
- 301 Речь идет о рекомендательных письмах для Надара, адресованных английскому поэту Алджернону Чарльзу Суинберну (1837–1909) и художнику Джеймсу Эбботу Макнилу Уистлеру (1834–1903). Письма не дойдут до адресатов, поскольку Надар, отправившийся в Англию на поиски средств для своих воздухоплавательных проектов, забудет их отправить.
- 302 Несмотря на необязательность Надара, Суинберн, очевидно, знал о том, что Бодлер был признателен ему за отклик на «Цветы Зла» и питал живой интерес к его творчеству. Французский художник А. Фантен-Латур писал в 1863 г. Уистлеру: «Передай г-ну Суинберну, что Бодлер с огромным удовольствием прочел его статью, что его стихотворная пьеса “Август” показалась ему выше всяких похвал...»
- 303 Речь идет об этюде «Творчество и жизнь Эжена Делакруа».
- 304 Имеются в виду упоминание о Шенаваре в статье о Делакруа и то место, которое Бодлер отводил лионскому художнику в этюде «Философическое искусство».
- 305 Альбер Лакруа (1834–1903) — бельгийский издатель, которому Бодлер намеревался продать права на свои произведения.
- 306 И третье издание «Цветов Зла», и «Сплин Парижа» выйдут в свет лишь после смерти поэта.
- 307 Филипп де Шеневьер (1820–1899) — лицейский товарищ Бодлера, историк искусства и писатель, ставший видным организатором музейной и художественной жизни Парижа во времена Империи.

- 308 Речь идет о сборнике «Сказки Сен-Сантена» (1863).
- 309 К этой записке Фантен припишет: «От Бодлера для моей картины о Делакруа». В записке перечислены художники и поэты, оказавшие влияние на творчество последнего.
- 310 Речь идет о картине «Христос с ангелами». Мане не стал исправлять ошибку, но мог учесть замечание Бодлера в акварели 1866–1867 гг. на ту же тему.
- 311 Жюдит Готье (1845–1917) — старшая дочь Теофиля Готье, супруга поэта Катюля Мендеса.
- 312 Фелисьен Ропс (1833–1898) — бельгийский художник и график.
- 313 Новеллы Э. По.
- 314 Одно из первых упоминаний памфлета о Бельгии, который поэт предполагал опубликовать под псевдонимом, отсылающим к девичьей фамилии матери.
- 315 Теофиль Торе (1807–1869) — художественный критик, журналист.
- 316 Критик, в целом одобрительно отзываясь о творчестве Мане, указывал, что тот подражает Веласкесу, Гойе и Эль Греко.
- 317 Галерея Лувра, где в то время была выставлена картина, приписываемая Веласкесу.
- 318 Речь идет об экспозиции испанской живописи в Лувре.
- 319 Итак, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли! (Пс. 2, 10)
- 320 В одной из своих позднейших статей Торе частично признал справедливость замечаний Бодлера, процитировав, однако, те строчки из его письма, где поэт говорит о своем сходстве с По.
- 321 Бельгийские националисты устроили Прудону обструкцию за статью, в которой теоретик анархизма, несколько злоупотребляя иронией, призвал Наполеона III аннексировать Бельгию.
- 322 Речь идет о муже той самой художницы Ф. О'Коннелл, от встречи с которой Бодлер предпочел уклониться (см. прим. 294).
- 323 Артур Стевенс (1825–1890) — коллекционер и торговец картинами, в частности, представлявший во Франции интересы своих братьев-живописцев Жозефа Стевенса (1816–1892) и Альфреда Стевенса (1823–1906).
- 324 Эта невероятная история считается одним из пратекстов поэмы в прозе «Бей Бедных!».
- 325 Речь идет о переводе с латыни непристойных сочинений, которые Пуле-Маласси собирался нелегально издавать в Бельгии, потворствовавшей всякого рода контрафактной продукции.

- 326 Заметки о романе Шодерло де Лакло «Опасные связи» станут одним из последних творческих начинаний Бодлера.
- 327 доверчиво (англ.)
- 328 Речь идет о статье с обвинениями Лакруа в том, что он продал значительно больше экземпляров романа В. Гюго «Отверженные», нежели считал автор.
- 329 Имеется в виду сочинение под названием «Император Наполеон III и его правление. Парижские этюды, принадлежащие перу не-дипломата. Перевод с немецкого» (1864) — нелицеприятное описание современной политической жизни Франции.
- 330 «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескьё, или Политика XIX века глазами одного современника» (1864), сочинение Мориса Жоли.
- 331 Бодлер говорит о книге Александра Уильяма Кинглейка (1809–1901) «Вторжение в Крым» (8 тт.; Лондон, 1863–1887).
- 332 Одно из последних стихотворений Бодлера, написанное в брюссельском кафе «Эрмитаж». Буквальный перевод ритмической прозой — С. Л. Фокина.
- 333 Анонимная статья «Юбилей Шекспира», написанная против высокопарного гуманизма Гюго и его клана.
- 334 Г-жа Мёрис не выполнила просьбы загнавшего себя в брюссельское подполье Бодлера и написала ему необыкновенно теплое письмо, ответ на которое приводится далее.
- 335 Этот анекдот содержится в набросках к памфлету о Бельгии.
- 336 В «Маяках» из «Цветов Зла» Бодлер провозглашает Рубенса светочем современного искусства.
- 337 Речь идет о Жюльене Лемере (1815–1893), книготорговце, которого Бодлер рассчитывал использовать как литературного агента.
- 338 Бодлер говорит о Пуле-Маласси.
- 339 Речь идет о Февральской революции 1848 г.
- 340 Имеется в виду сочинение «Жизнь Юлия Цезаря» (1864–1865), написанное Наполеоном III.
- 341 Вербукховен (?) — бельгийский издатель.
- 342 Роман Ч. Р. Мэтьюрина.
- 343 Выражение принадлежит, скорее, английскому литератору Самюэлю Джонсону (1709–1784).
- 344 Псевдоним Пуле-Маласси.
- 345 Один из последних сонетов Бодлера. Перевод С. Л. Фокина.

- 346 Скрытая цитата из драмы В. Гюго «Бургграфы» (1843).
- 347 Бодлер говорит здесь о романе Шодерло де Лакло «Опасные связи», который он воспринимал, наряду с творчеством маркиза де Сада, как самое яркое предвестие Французской революции: «Революцию совершили либертинцы, а не якобинцы».
- 348 Гентским в эпоху Реставрации называли бульвар Итальянцев; издатель Лемер держал там свою книжную лавку.
- 349 Эмиль Олливе (1825–1913) — политический деятель; в рассматриваемое время — депутат от оппозиции.
- 350 Сент-Бёв был избран сенатором.
- 351 Это выражение встречается в поэме «Толпы».
- 352 Шарль Монселе (1825–1888) — писатель, публицист, мемуарист.
- 353 По просьбе Бодлера Мане послал ему «Венгерские рапсодии» Листа.
- 354 Речь идет об «Олимпии» и «Христе, оскорбляемом солдатами» («Поругание Христа»).
- 355 В своем письме Бодлеру госпожа Мёрис писала: «Я молюсь своему Богу, который не похож на Вашего...»
- 356 Ср. в «Обломках» «Цветов Зла» «К портрету Оноре Домье».
- 357 Речь идет о скандале, вызванном «Олимпией» в Салоне 1865 г.
- 358 Карло Армеллини (1777–1863) — живший в Бельгии итальянский политик в изгнании.
- 359 Ипполит Гарнье (1815–1911) — издатель.
- 360 То есть не нарушает обета молчания.
- 361 Речь идет об очередном томе «Бесед по понедельникам», собрания критических этюдов Сент-Бёва.
- 362 Александр Делейр (1726–1797) — литератор, друг и приверженец Руссо.
- 363 Роден — персонаж романа Э. Сю «Вечный жид» (1844); роман Кюстина вышел в свет в 1835 г.
- 364 Статьи Сент-Бёва о «Саламбо» были перепечатаны в «Беседах по понедельникам» вместе с ответным письмом Флобера.
- 365 Имеется в виду изданный нелегально роман маркиза де Сада. Книгу можно было найти только у истинных книголюбов, каковым и был Маласси.
- 366 Либертинские романы А. де Нерсиа (1739–1800), по сю пору томящиеся в «аду» («спецхране») Национальной библиотеки.
- 367 «Великий человек», которому потребовались запрещенные книги либертинцев, — Сент-Бёв.

- 368 Мане писал Бодлеру, что переболел холерой.
- 369 Текст в квадратных скобках принадлежит публикатору этого письма Клоду Пишуа; автограф не сохранился.
- 370 Бодлер говорит о втором томе «Истории современной карикатуры», где было напечатано стихотворение «К портрету Оноре Домье».
- 371 Жюль Крессонуа (1823–1883) — композитор; положил на музыку «Вечернюю гармонию» и «Приглашение к путешествию» из «Цветов Зла».
- 372 Возможно, подразумевается замысел фронтисписа для «Обломков».
- 373 Знаменитые врачи-психиатры; фигурируют также в поэме в прозе «Бей Бедных!», написанной на смерть Прудона.
- 374 Речь идет о сонете Теофиля де Вьо (1590–1626), одного из самых значительных поэтов французского барокко.
- 375 Эол сидит на высокой вершине (*лат.*)
- 376 Бодлер принимает предложение Мендеса поучаствовать в сборнике «Современный Парнас».
- 377 Незадолго до этого Поль Верлен опубликовал в газете «L'Art» восторженную статью о поэзии Бодлера.
- 378 Эти лексикографические изыски были использованы Бодлером в «сатирической» поэме «Обломков» «Монстр, или Паранимфа макаберной нимфы».
- 379 с самого начала (*лат.*)
- 380 Сохранился экземпляр книги Сент-Бёва (издание 1863 г.) с пометками Бодлера.
- 381 Верному Трубатосу (*лат.*); имеется в виду секретарь Сент-Бёва Жюль Труба (1836–1914).
- 382 Клод-Анри Фузе де Вуазенон (1708–1775) — аббат, автор либертинских сочинений.
- 383 Маласси хотел отправить Сент-Бёву подборку эротических книг и антиправительственных памфлетов, чему новоявленный сенатор живо воспротивился.
- 384 Имеется в виду «Риф Ловеласа» Поля де Молена (1821–1862).
- 385 Воды минеральных источников в Богемии, близ деревни Пюльна.
- 386 Письмо Ансея содержало известие об отказе Гарнье печатать сочинения Бодлера.
- 387 Речь идет о статье Верлена о «Цветах Зла»; ее невероятный успех способствовал тому, что Бодлера стали называть главой нового поэтического направления, «школы Бодлера».

- ³⁸⁸ В период между 15 и 20 марта Бодлер работал над заметками о романе Гюго «Труженики моря». Наряду с заметками о романе Лакло они оказались последним литературным трудом его жизни.
- ³⁸⁹ В середине марта в церкви Сен-Лу г. Намюра с Бодлером случился припадок, эта записка к матери станет последним письмом поэта, пораженного односторонним параличом.
- ³⁹⁰ Мендес готовил публикацию стихов Бодлера в пятом выпуске «Современного Парнаса» под заглавием «Новые Цветы Зла».
- ³⁹¹ то есть (*лат.*)

ЭПИСТОЛЯРНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ, ИЛИ БОДЛЕР, УВИДЕННЫЙ ЧЕРЕЗ «ПРИЗМУ» ЕГО ПИСЕМ

Т. В. СОКОЛОВА

В ценности эпистолярного наследия, оставленного Бодлером, едва ли кто-то дерзнет усомниться. В письмах замечательных творческих личностей многие поколения последующих времен черпают свидетельства о жизни — литературной и светской, порою частной, — приоткрывающие облик выдающегося человека в бытовой повседневности, в общении с семьей и близкими друзьями. Из писем мы узнаем о слабостях, ошибках, заблуждениях, благодаря им оживают хрестоматийные образы, рассеиваются мифы и предубеждения, сложившиеся вокруг знаменитого имени, проясняется истинная историческая значимость художника. Письма говорят о человеке больше, чем он, быть может, хотел сказать о себе сам, в них в той или иной степени проявляется самоощущение исторического персонажа, и тем самым к привычному «лику», созерцаемому со стороны и с временной дистанции, добавляются весьма существенные штрихи.

Автобиографические тексты и переписка Бодлера относятся к числу наиболее интересных свидетельств о творческой жизни и личности их автора. Переписка поэта многократно издавалась во Франции¹, отдельные ее фрагменты переводились и в России².

¹ Наибольший интерес представляют следующие издания: Ch. Baudelaire, *Correspondance* / Texte établi, présenté et annoté par C. Pichois avec la collaboration de J. Ziegler. En 2 tomes, Paris, Gallimard, 1973 (Bibliothèque de la Pléiade); Ch. Baudelaire, *Lettres inédites aux siens*, Paris, Grasset, 1966; *Lettres à Baudelaire* / Publiées par C. Pichois avec la collaboration de Vincenette Pichois, Neuchatel, 1973; Ch. Baudelaire, *Nouvelles lettres* / Publiées par C. Pichois, Paris, 2000; Ch. Baudelaire, *Correspondance* / Choix et présentation par C. Pichois et J. Thélot, Paris, Gallimard, 1973.

² Ш. Бодлер, «Письма» / Перевод, вступит. ст., коммент. И. Карабутенко // *Вопросы литературы*, 1975, № 4, с. 215–253.

Сколько бы времени ни прошло с момента первой публикации «Цветов Зла», читающие эту книгу вновь и вновь убеждаются в правоте А. Франса: Бодлера «нельзя отнести к числу тех ясных, прозрачных, спокойных умов, которые несут с собой умиротворение. В его глубинах есть нечто будоражащее»³. Быть может, именно это и побуждает читать и перечитывать не только «Цветы Зла», но и письма — драгоценный источник сведений о поэте, дерзнувшем бросить вызов благонаравью и эстетическим вкусам современников, повлиявшем на литературное движение последующих десятилетий, и не только своего века. Эстетика безобразного, тайна современной «странной красоты», нередко даже шокирующей своей странностью, нерасторжимая взаимозависимость добра и зла в мире и в самом человеке, совершенство формы, призванной отразить жизнь без изъятий, во всех проявлениях, включая и ее отталкивающие лики, — все, чем наиболее интересна поэзия Бодлера, а также его автобиографическая проза и литературно-критические тексты, — в переписке присутствует более объемно, высвечивается гранями дополнительных смыслов: ведь здесь автор говорит непосредственно, не скрываясь под маской лирического героя, не подчиняясь законам жанра, а если пишет друзьям, то и вовсе высказывается спонтанно, максимально искренне, без оглядки на социальный ранг адресата и без опасений за возможные последствия.

Внимательное чтение писем позволяет уловить проявление некоторых особенностей индивидуального психологического склада поэта. Это стремление понять автора через его произведения и тем более через автобиографические, дневниковые и эпистолярные тексты естественно. Попытки объяснить личность Бодлера делались многократно. Жизнь его и его литературная участь нередко воспринимаются как тяжелая судьба неудачника и страдальца. Ж. П. Сартр в эссе «Бодлер» (1947) утверждает, что поэт сам предопределил этот вариант судьбы, который, как и всякий другой, полностью зависит от свободного выбора человека. Любой другой судьбе Бодлер осознанно и намеренно предпочел участь одинокого, непонятого, непризнанного, осуждаемого — одним словом, «проклятого», по выражению Верлена. Но поскольку всякий выбор — это вариация ангажированности, а значит, несвободы, то, следуя своему изначальному выбору с некоторой долей нарциссизма и даже мазохистского упоения, Бодлер лишает себя свободы, утверждает Сартр.

³ А. Франс, «Памятник Бодлеру» // А. Франс, *Собр. соч. в 8 т.*, т. 8. М., Художественная литература, 1960, с. 514.

В свой ход мыслей Сартр встраивает и строки поэтических произведений Бодлера, и высказывания из статей и переписки, например, из письма Бодлера к своему опекуну Нарсису Анселю (18.02.1866): поэт признается, что вложил в «Цветы Зла» всего себя, но готов публично утверждать противоположное: «...я буду клясться всеми богами, что это книга чистого искусства...». Интерпретируя эти слова как попытку самооправдания Бодлера в глазах тех, кто в итоге судебного процесса над его стихами в 1857 г. подверг его жестокому и унижительному вердикту, Сартр делает вывод, что поэт капитулирует перед своими судьями и их моралью и тем самым подтверждает, что как индивид он зависит от общества с его властными силами, с его моральными ценностями и табу — подобно тому, как ребенок зависит от отца или младший — от старшего. Поэтому и свобода его «чистого искусства» с ее декларированной независимостью от меркантильных и политических озабоченностей — это свобода «младшего», при которой власть и ответственность — за «старшим»: это лишь воображаемая, мнимая свобода.

В интерпретации Сартра судьба Бодлера — следствие его сознательного выбора, который мотивирован стремлением обособиться от внешнего мира, сохранить себя как независимую личность. В результате поэт остается наедине с собой, в своем индивидуальном микрокосме, погруженный в самосозерцание. Иллюстрацию своей мысли Сартр находит в стихотворении Бодлера «Непоправимое»:

Tête-à-tête sombre et limpide
Qu'un cœur devenu son miroir!

(Душа одна в мерцаньи тьмы
В себя, как в зеркало, глядится⁴.)

Драма Бодлера — в дуализме рефлектирующего сознания, которое одновременно и субъект, и объект, — таков вывод Сартра⁵. При этом он акцентирует внимание на том, что Бодлеру присуще изощренное стремление именно к тем жизненным ситуациям, которые могут служить источником страданий: это и его «дендизм», вызывающая непохожесть на других (*altérité*), и предпочтение, отдаваемое нетривиальному в поэзии, то есть не всегда доступному для понимания, и предосудительное нарушение запретов, и бедность, и долги, и отчуж-

⁴ Здесь и далее, если не оговорено иное, переводы принадлежат автору статьи.

⁵ J. P. Sartre, *Baudelaire*, Paris, 1947, p. 30.

денность близких, и одиночество; даже заражение «дурной» болезнью — даже это событие, по логике Сартра, могло быть намеренным: «...понятно теперь, что эта горестная жизнь, которая представлялась нам беспорядочной, была тщательно соткана им самим»⁶, — говорит Сартр. Многократно возвращаясь к идее «изначального выбора» Бодлером судьбы виноватого, осуждаемого и гонимого страдальца, Сартр завершает свое эссе категорическим общим выводом: «свободный выбор, который человек совершает в отношении своего “я”, абсолютно соответствует тому, что мы называем его судьбой»⁷. Для Бодлера же страдание — не только перманентное состояние как следствие изначального выбора, но и своего рода мерило достоинств, знак принадлежности к высшему уровню «человеческой иерархии», утверждает Сартр, ссылаясь на оставшееся недописанным и неотправленным послание Бодлера к Жюлю Жанену.

Полемизируя с оригинальной, но небесспорной концепцией Сартра, Ж. Батай в своем эссе «Бодлер» (1948) уточняет, что главное в выборе Бодлера — поиск себя, стремление «разобраться в себе», оставаясь погруженным в обстоятельства жизни, которая внушает ему «ужас» и «восторг» одновременно. До конца понять себя, продолжает Батай, человек может лишь посредством самооправдания в ответ на обвинения и самообвинения. Аргументом к объяснению личности Бодлера в таком ключе служит, в частности, его признание в одном из писем к Шанфлери (6.03.1863), что он «всегда недоволен собой». Постоянное недовольство собой — это акт обвинения себя в том, что не выполнено то или иное дело или не достигнуто желаемое. Но достигнуть всего невозможно, а желание невозможного, как и стремление к бесконечному, фатально ведет к неудовлетворенности, недовольству собой, тоске, сплину, — проявлениями этого перманентного для Бодлера состояния буквально наполнена его поэзия («L'Héautontimorouménos» и многие стихотворения, написанные под знаком сплина, хотя только четыре из них в окончательном варианте сохранили название «Сплин»). Стремление к невозможному (или бесконечному) Батай считает главным побуждением Бодлера, превратившим поэта в некий лабиринт для всех и для себя самого⁸, а его человеческую и литературную судьбу — в цепь неудач и неизбывное страдание. Понимание Батаем личности и судьбы

⁶ Ibid., p. 243.

⁷ Ibid., p. 245.

⁸ Ж. Батай, *Литература и зло* / Пер. с франц. и комм. Н. В. Бунтман, Е. Г. Домогацкой, М., МГУ, 1994, с. 41.

Бодлера в большей степени свободно от субъективистских «переделок» и насильственной схематизации, а потому более убедительно.

И все-таки было бы упрощением объяснять «Цветы Зла» одним только индивидуальным характером Бодлера, его настроениями и преобладающим состоянием духа. Сам Бодлер, будто предвидя узкоперсонализированное толкование его творчества, настаивает, что его поэзия «намеренно имперсональна», что он пишет не о себе, а хочет выразить все возможные присущие человеку чувствования, стремления и страсти, «вплоть до низменных». Это суждение в письме к Альфонсу Калону (10.11.1858), издателю «*Revue contemporaine*», чрезвычайно важно для понимания того «нового трепета», который порождает поэзия Бодлера⁹. Этот «новый трепет» уловили и другие чуткие современники или такие последователи, как, например, Ж. К. Гюисманс. Герой его романа «Наоборот» (1883) Дез Эссент восхищается тем, что благодаря Бодлеру литературе стали доступны неведомые прежде сферы внутренней жизни человека. Подобно ботанику, наблюдающему за развитием растения, писатели до Бодлера изучали человека в нормальных условиях: объектом анализа были добродетели и пороки, обычные проявления чувств и страстей, а шкала моральных ценностей, казалось, навсегда была задана религией. Бодлер же погрузился в труднодоступные глубины души, к истокам зарождения подчас странных чувствований и мыслей, вплоть до болезненных aberrаций, которым подвержен человек во власти тоски и страдания, когда «душа в руинах», как говорит Гюисманс¹⁰. Бодлер дерзнул выразить потаенное, то, что лежит за гранью поверхностного наблюдения и таит в себе поразительные неожиданности, способные шокировать и даже испугать.

Действительно, именно от Бодлера ведет «родословную» литературный психологизм второй половины XIX в. На этом настаивает и Поль Бурже в эссе «Шарль Бодлер», которым открывается его книга «Очерки современной психологии» (1883). Восприятие окружающей реальности и самоощущение поэта Бурже анализирует не только как проявления индивидуального характера, но и как воплощение духа своего времени. В творческом сознании Бодлера он выделяет три ключевых момента, особенно значимых для психологизма конца века: это кризис

⁹ Выражение принадлежит Виктору Гюго, написавшему автору «Цветов Зла»: «*Vous créez un frisson nouveau*» («Вы порождаете новый трепет»). См.: *Lettres à Baudelaire publiées par C. Pichois // Etudes Baudelairiennes*, 1973, t. 4–5, p. 188.

¹⁰ Ж.-К. Гюисманс, «Наоборот» / Пер. с франц. Е. Л. Касириной под ред. В. М. Толмачева // *Наоборот: Три символистских романа* / Сост. и посл. В. М. Толмачева, М., Республика, 1995, с. 96–97.

религиозной веры, чувственность, сметающая запреты общепринятой морали, и интеллектуально-аналитическое начало. В статье Бурже можно увидеть своего рода комментарий к емкому и трудно переводимому на русский язык суждению Виктора Гюго.

Один из лейтмотивов писем Бодлера — постоянное возвращение к «Цветам Зла». В сонете «Эпиграф к осужденной книге» (1866) автор называет это свое детище книгой сатурнической (*saturnien*), тут же конкретизируя двоякий смысл определения: *orgiaque* — оргиастическая (исполненная чувственности наподобие той, что царила во время сатурналий — празднеств, посвященных древнейшему римскому богу Сатурну) и *mélancolique* — отмеченная меланхолией (отдающая дань Сатурну — планете, под знаком которой рождаются меланхолики). Чувственность — постоянный атрибут поэзии Бодлера, причин же для меланхолии у него только добавляется в связи с публикацией «Цветов Зла». После скандала, сопутствовавшего выходу в свет этой книги, ему приходится с сомнением пересматривать список друзей: среди тех немногих, кто поддержал поэта, подвергнувшегося официальным гонениям, были Гюстав Флобер и Виктор Гюго, в то же время некоторые не воздержались от уколов или язвительных намеков в его адрес. Так, карикатурист и журналист Феликс Надар, считавшийся одним из самых верных и близких друзей поэта, представил его в карикатурном виде «Принцем падали», а Сент-Бёв хранил молчание, словно не замечая ни «Цветов Зла», ни опубликованного в том же году бодлеровского перевода повести Эдгара По «Приключения Артура Гордона Пима».

«Меня буквально забросали грязью», — жалуется Бодлер Сент-Бёву (14.06.1858), а в письме В. Гюго (23.12.1859) говорит, что чувствует на себе «клеймо» (*flétrissure*), напоминающее всем, что он теперь опасное для всех чудовище наподобие «оборотня» (*loup-garou*). Измученный бесконечными нападками и обвинениями, в состоянии неизбежной депрессии поэт ищет возможности получить хоть малейшую поддержку, хоть какие-то положительные впечатления, все еще надеется на близких (мать) или друзей, ждет от них доброго слова — иногда прямо просит об этом, порой прибегает к уловкам лести и неискренности. Так, он расточает льстивые похвалы Эрнесту Фейдо, приславшему ему свой роман «Фанни», и смеется над теми, кто осуждает этот роман «от имени уязвленной стыдливости». В письме же к матери (11.12.1858) о «Фанни» он отзывался как об «отвратительной книге, архи-отвратительной». Но здесь он вряд ли более искренен, так как хочет выглядеть безупречно нравственным в глазах матери.

После скандальной публикации «Цветов Зла» Бодлеру остается менее десяти лет жизни, и все это время он продолжает работать над книгой: пишет новые стихи, чтобы заполнить лакуны, образовавшиеся в результате предписанного судебным вердиктом изъятия стихотворений (вместо шести осужденных и изъятых он намерен добавить двадцать, а в итоге второе издание будет дополнено тридцатью пятью произведениями, в том числе новым циклом «Парижские картины» и поэмой «Le Voyage»). Придавая особое значение второму изданию «осужденной книги», Бодлер советуется с друзьями о возможном ее оформлении, размышляет о художниках, чья манера соответствовала бы духу его «Цветов Зла». Одновременно он сочиняет поэтические миниатюры в прозе «Poèmes nocturnes» (в окончательном варианте цикл получит название «Le spleen de Paris»). Из его писем видно, что скандал, вызванный «Цветами Зла», не обескуражил его, напротив, поэт очень интенсивно работает над новыми произведениями, публикует в «Revue française» «Салон 1859 года», готовит к публикации в том же журнале перевод «Ворона» Эдгара По и авторского комментария к этой поэме, пишет статью «Философское искусство» для «Revue contemporaine», работает над переводом-адаптацией «Исповеди англичанина-опиомана» Томаса де Квинси (позднее почерпнутые отсюда сведения и идеи он использует в «Искусственном рае»). Не без оснований он опасается за судьбу своей новой поэмы «Путешествие» (или «Плавание», как она называется в переводе Марины Цветаевой). В письме Максиму Дюкану (23.02.1859), которому Бодлер посылает только что оконченную поэму, он говорит, что издателя может «привести в ужас» присущий ей байронический дух, насмешки над прогрессом или то, что его Путешественник наблюдает вокруг лишь банальные вещи.

Как видно из писем поэта, «Цветы Зла» стали поистине книгой всей его жизни. И дело не только в датировке составляющих ее стихотворений (самые ранние относятся к началу 1840-х гг., последние — к середине 1860-х), а в том, о чем сам автор говорил прямо и ясно в цитированном нами письме: «...в эту жестокую книгу я вложил все мое сердце, всю мою веру в маскарадном наряде, всю мою ненависть... Конечно, я буду говорить противоположное, буду клясться всеми святыми, что это произведение чистого искусства, имитация, жонглерство, и это будет наглая ложь» (18.02.1866; здесь и далее курсив Бодлера — Т. С.). Сразу после выхода в свет второго издания (1861) Бодлер замышляет третье — как окончательное, с авторским предисловием и эпилогом, хотя и не исключает, что лучше в качестве предисловия использовать

статью Теофиля Готье о «Цветах Зла», написанную для поэтической антологии (1861–1862), издаваемой Эженом Крепе.

Еще в первой половине 1850-х гг. Бодлер, очевидно, под впечатлением от рассказов Эдгара По, обдумывал несколько замыслов в повествовательном жанре — романов, повестей, новелл; он пытался разработать также сюжеты возможных драм, о чем упоминает в письмах к разным корреспондентам. В 1853 г. две новеллы были отосланы в «Бюллетень Общества литераторов», но там их просто потеряли. Затем поэта увлекла работа над «Цветами Зла», а вызванный этой книгой скандал и вовсе заставил отказаться от прежних намерений, — практически все замыслы остаются неосуществленными.

После второго издания «Цветов Зла» в центре внимания Бодлера — поэтический цикл, который, сменив несколько вариантов заглавия («Ночные стихотворения», «Любитель одиноких прогулок», «Любитель бродить по Парижу»), автор назовет в итоге «Парижский сплин». К жанру поэтических миниатюр в прозе Бодлер задумал обратиться под впечатлением книги Алоизиуса Бертрана «Ночной Гаспар, Фантазии в манере Рембрандта и Калло» (1842), однако, очень скоро понял, что подражать стилизации в духе Бертрана не имеет смысла — предпочтительнее оставаться самим собой. Об этом он пишет Арсену Уссе, который тоже пробовал перо в жанре поэтической прозы. Отказавшись от подражания и стилизации, Бодлер только укрепляется в замысле представить в цикле поэтических миниатюр зарисовки «пейзажа большого города»: он чувствует «глубокое и сложное очарование древней и состарившейся столицы», величие и особую торжественность ее каменных сооружений; вздымающиеся к небу колокольни, башни, шпили, даже фабричные трубы, испускающие дым, и целые улицы и проспекты — весь этот рукотворный человеческий мир видится ему как некое противостояние миру природы.

На формирование замысла парижских зарисовок в форме поэтической прозы повлияла и работа Бодлера над критическими очерками о живописи, его обзоры живописных Салонов. В 1860 г. по просьбе издателя Огюста Делатра он сочиняет короткие тексты к альбому «Парижские офорты» Шарля Мериона. Работа привлекает поэта тем более, что произведения Мериона он оценивает очень высоко (это видно из обзора «Салон 1859 года» и статьи об акварелистах). Бодлер пишет (16.02.1860), что для него сочинение текстов для «Парижских офортов» — «прекрасная возможность создать нечто фантазийное, по десять, двадцать или тридцать строчек, к прекрасным гравюрам —

философские мечтания праздно гуляющего парижанина». Однако его намерения расходятся с тем, как представляет себе эти тексты сам Мерион: по мнению художника, они не должны быть навеяны воображением поэта, их назначение — лишь сообщить фактические сведения о сооружениях, которые запечатлены на офортах. Это требование, равно как и педантичный, гасящий воображение интерес Константена Гиса к реальным фактам, вызывает иронический комментарий Бодлера в адрес реалистов: они «плохие наблюдатели», потому что не хотят отвлечься от реального, не умеют видеть самое интересное. Свой «Парижский сплин» он мыслит как выражение свободного поэтического видения, не скованного диктатом факта, как проникновение в суть явлений, скрытую от поверхностного взгляда.

Двадцать миниатюр Бодлера были опубликованы в 1862 г. в газете «La Presse», которую тогда возглавлял Арсен Уссе. С другими издателями возникают осложнения. Так, Жерве Шарпантье (в его журнале «Revue nationale» в 1863 г. были опубликованы две миниатюры — «Искушения» и «Доротея») бесцеремонно отредактировал текст, изгоняя резкие, «аморальные», с его точки зрения, детали и выражения. Бодлер протестует (20.06.1863): «Я говорил Вам: уберите *целую фразу*, если Вам не нравится *запятая* в этой фразе, но не трогайте запятую, она не зря стоит в этом месте. ... Я знаю, о чем пишу, и рассказываю о том, что видел». Цель, которую автор ставил вначале — написать сто миниатюр, — вскоре приходится пересмотреть, об этом он сообщит в письме Сент-Бёву из Брюсселя (4.05.1865). Но сама идея цикла поэтических миниатюр остается неизменной, новые опыты в этом жанре периодически появляются в разных журналах, и с 1864 г. — уже под общим названием «Парижский сплин». Если бы не прервавшая эту работу ранняя смерть поэта, цикл, несомненно, был бы продолжен.

Таким образом, вопреки категорическому мнению Сартра о «застойном существовании» Бодлера, который якобы исчерпал себя уже в ранней повести «Фанфарло» (1847) и с тех пор лишь «повторял самого себя» и деградировал¹¹, в переписке Бодлера находит отражение его достаточно интенсивная творческая работа. Конечно, столь яркое и драматичное событие, каким была первая публикация «Цветов Зла», уже не повторится, но завершенность этот цикл обретает лишь в по-

¹¹ Аналогичную точку зрения высказывает и комментатор издания 1973 г., послужившего источником для настоящего русского перевода (J. Thélot, «Un volcan malade» // Ch. Baudelaire, *Correspondance* / Choix et commentaires de Cl. Pichois et de J. Thélot, Paris, Gallimard, 2000, p. 7–26).

следующие годы; кроме того, создается «Парижский сплин», публикуются новые переводы из Эдгара По и новые статьи о нем, появляются и частично осуществляются другие замыслы.

Творчество писателя существует не только в историко-литературном, но и в более узком и конкретном контексте: его составляют круг общения, собраты по творчеству, корреспонденты, в том числе явные или тайные враги, просто недоброжелатели. Эта часть контекста «оживает» в ряду доминант литературно-эстетического движения времени и почти столь же значима для воссоздания его общей панорамы. Благодаря ей более явственно высвечивается индивидуальный путь писателя в потоке литературной истории, в цепи предшественников и последователей. Письма Бодлера содержат немало интересных сведений о круге чтения поэта. Круг этот достаточно широк: из современных французских авторов — Виктор Гюго, Жерар де Нерваль, Шарль-Огюстен Сент-Бёв (особенно ценимы Бодлером «Желтые Лучи» из «Стихотворений Жозефа Делорма» и роман «Сладострастие»), Теофиль Готье, Теодор де Банвиль, Пьер Дюпон, Жозеф де Местр, Анри Мюрже, Оноре Бальзак, Александр Дюма (отец), Жорж Санд, Барбе д'Ореви́льи, Максим Дюкан, Шанфлери, Дюранти; из предшествующих времен ему наиболее близок XVIII век, особенно Дени Дидро, Шодерло де Лакло, а за пределами французской литературы — Эдгар По, Эммануил Сведенборг, Томас Де Квинси. Конечно, это далеко не все читанные Бодлером авторы. О том, сколь обширен список неупомянутых, можно хотя бы отчасти судить по посвящениям Бодлеровых стихов. Так, «Цветы Зла» посвящены «дорогому и глубоко уважаемому мэтру и другу Теофилю Готье», поэма «Путешествие» — Максиму Дюкану, литератору, путешественнику, другу поэта с юношеских лет, «Пляска смерти» — скульптору Эрнесту Кристофу, «Мечта любознательного» — Феликсу Надару (журналист, фотограф, карикатурист), «Романтический закат» — писателю и преданному другу Шарлю Асселино, «Непредвиденное» — писателю Жюлю Барбе д'Ореви́льи, который привлекал Бодлера и оригинальностью таланта, и эксцентричностью денди, «Парижский сон» — художнику Константену Гису, «Парижский сплин» — Алоизиусу Бертрону, поэтическая миниатюра «Тирс» — музыканту Ференцу Листу. И это тоже лишь некоторые из посвящений.

В письмах просматривается достаточно сложное отношение к Виктору Гюго: почтение к мэтру французской поэзии, которому Бодлер посвятил несколько стихотворений из «Цветов Зла» («Лебедь», «Семь стариков», «Старушки»), восхищение гражданским противо-

стоянием поэта Наполеону III («малому», как назвал нового императора сам Гюго), не помешали Бодлеру сурово оценить «Отверженных» как «недостойную и нелепую» книгу (10.08.1862), притом что в газете «Le Boulevard», он пишет об этом романе скорее благожелательно. Сборник «Песни улиц и лесов» (1865) также вызывает разочарование (3.11.1865). Среди бельгийских заметок Бодлера (в целом очень грустных) есть комический эпизод (письмо к Н. Анселю, 12.02.1865), дающий повод посмеяться над всеми описанными в нем персонажами. Бодлер сетует на глупость бельгийцев и рассказывает анекдот: Прудону, который никогда не читал произведений Гюго, один бельгиец дал почитать «Отверженных» («позор Гюго», замечает Бодлер в скобках). Читая роман, Прудон оставлял на полях множество заметок там, где не находил у автора логики и хотел восполнить ее своей собственной. Владелец книги узрел в этих пометках лишь одно: книгу запачкали — и старательно стер всю «грязь». «Какой памятник погиб!» — саркастически восклицает Бодлер. Его сарказм, очевидно, распространяется не только на «бельгийских глупцов», но и на соотечественников с репутацией «выдающихся умов». Тем более значимы его сочувственные высказывания в адрес других литераторов, таких, например, как Петрюс Борель и Жюль Барбе д'Оревилю, которые по разным причинам не были поняты при жизни и не пользовались благожелательным отношением собратьев по перу.

Оценки, даваемые Бодлером современникам, напрямую связаны с теми принципами творчества, которым он сочувствовал или противостоял. Так, он восхищается романом Флобера «Саламбо», возражая критикам, упрекавшим автора в подражании древним. То, что сделал Флобер, мог сделать лишь он, убежден Бодлер, и хотя он находит, что в романе, быть может, слишком много древностей, ими создается эффект «величественного — эпического, исторического, политического, даже в изображении животных. Есть нечто поразительное в жестах всех этих созданий» (13.12.1862).

В уничижительных высказываниях об Альфреде де Мюссе, в которых можно уловить скрытую полемику с небольшим, но почти программным по содержанию стихотворением последнего «Экспромт в ответ на вопрос: “Что такое поэзия?”», интересны не столько оценки, даваемые этому адепту «поэзии души», сколько штрихи, характеризующие эстетику самого Бодлера. В поэзии Мюссе он видит лишь смесь капризного инфантилизма, щегольства и сосредоточенности на себе самом — оценки пристрастные и, может быть, слишком суровые по-

тому, что принципы «поэзии души» противоположны эстетике самого Бодлера, ориентированной на эмоциональную сдержанность, внимание к «странной красоте», строгие требования к глубоко содержательной форме; ему претит спонтанный «чистый» лиризм, форсированное до мелодраматизма выражение чувств, банальные сюжеты, примитивность внешних эффектов, небрежности в языке и просодии.

Чрезвычайно интересны элементы самооценки Бодлера в том, что касается эстетических принципов и процесса творчества. Тексты ряда писем при всей их, столь характерной, ироничности отчетливо свидетельствуют, что «странная красота» его поэзии «прорастает» из глубины души, а впечатления, получаемые поэтом извне, и самовыражение нераздельны как единый импульс к поэтическому высказыванию. Эта мысль прозрачно выражена, например, в полушутливом противопоставлении себя и Сент-Бёва: Бодлер озабочен тем, где взять несколько книг по просьбе последнего: «Жюстину» де Сада, романы писателя-либертена Андреа де Нерсиа («Афродита», «Дьявол во плоти») и Ретифа де Ла Бретона. «На кой бес господину Бодлеру эти мерзости?» — спрашивает он как бы от имени своего корреспондента и отвечает ему: «Да у г-на Бодлера хватит духа ради изучения порока заглянуть в свою собственную душу», а книги эти нужны великому писателю, который «считает, что порок можно изучать только на примере других» (1.10.1865).

В письме к Альфонсу Калону, главному редактору «*Revue contemporaine*», содержится очень значимое самонаблюдение: «Аналитический и в то же время склонный к методичности ум — самый медленный из всех и всегда недоволен собой. Я из числа тех (таких довольно мало), кто считает, что литературное произведение, даже в жанре критики, мы должны выстраивать и завершать определенной развязкой. Все, даже сонет. Представляете, какой это труд!» (8.01.1859). Подобные признания поэта, проливающие свет на метод его творческого труда и выводящие к его излюбленному жанру — сонету, разбросаны отдельными штрихами по многим письмам и при внимательном чтении выстраиваются в определенную систему. «Замечали ли Вы когда-нибудь, что клочок неба, виднеющийся из подвального окошка, меж двух дымовых труб, между скал или открывающийся в просвете арки, дает более глубокое представление о бесконечности, чем обширная панорама, предстающая взору с вершины горы? Что же до длинных поэм, нам известно, какого мнения следует о них придерживаться, — к ним прибегают те, кто не способен писать кратко» (18.02.1860). Это наблюдение

Бодлера из письма к Арману Фрессу, лионскому литератору и страстному поклоннику «Цветов Зла», добавляет очень содержательный акцент не столько к бодлеровской концепции природы (последнюю поэт, как известно, считал бездуховной и потому чуждой человеку), сколько к его эстетическим принципам. Сопоставление обозреваемой пейзажной панорамы и «клочка неба», увиденного пристальным взглядом, в представлении поэта есть, по сути, альтернатива: какому поэтическому жанру отдать предпочтение — пространной поэме или короткому стихотворению, где сконцентрированная поэтическая мысль требует лаконичности и искусно отточенной формы? Предпочтение он безусловно отдает второму варианту, не случайно же среди «Цветов Зла» так много сонетов и лишь одна поэма. «Стоит длинной поэмы сонет без изъяна», — писал Никола Буало в «Поэтическом искусстве», и в этом вопросе Бодлер — единомышленник Буало, вопреки разделяющим их векам и эстетическим принципам.

Еще одно высказывание на тему поэтической формы появляется в связи со статьей Фресса о «Юмористических сонетах» лионского поэта Жозефена Сулари — одного из первых последователей Бодлера. В этом контексте Бодлер продолжает свою линию о превосходстве выверенной формы над спонтанным лирическим излиянием. Он ценит строгий сонетный канон, который требует от поэта не только формального мастерства, но и последовательного развития поэтической мысли, тогда как «чистая эмоциональность» представляется ему своего рода инфантилизмом в поэзии. Искренность, естественность, безыскусность он считает лишь атрибутом примитивного, необработанного материала, над которым необходимо потрудиться, чтобы создать произведение искусства. Эта альтернатива «безыскусное—искусство» во многом происходит из оппозиции «природное—искусственное». Сонеты Сулари Бодлер ценит за «пифагорейскую красоту» — выверенную, продуманную, четко рассчитанную и *потому* насыщенную содержанием, играющую всеми гранями смысла.

Среди рассеянных в переписке многочисленных суждений Бодлера об искусстве, поэзии, творчестве особый интерес представляют те его мнения и замечания, которые предвещают эстетику символизма конца века: это прежде всего идея «универсальных аналогий» и размышления о «ясновидении». Высказывания на эти темы связаны с критикой позитивизма в современном Бодлеру варианте. При этом любопытно, что, возражая против идеализации позитивного научного знания, поэт говорит о «научности» воображения: «...воображение — самая на-

учная из всех способностей, ибо для него постижимы *универсальные аналогии*, или то, что теософия называет *соответствиями*», — пишет он (21.01.1856) под впечатлением от книги А. Туссенеля «Сознание животных» (*L'esprit des bêtes. Le Monde des oiseaux. Ornithologie passionnelle*). В весьма содержательном письме автору этого сочинения Бодлер развивает свои мысли, в том числе об изначально заложенной в природе идее зла, о формах физического воплощения всего злого, о нереальности естественной доброты человека, о прогрессе, а также о связях воображения, интеллекта и научного знания, об универсальных аналогиях. Последняя идея побуждает его, наперекор позитивистской эстетике, требовать от искусства «сверхнатурализма», выхода за рамки эмпирического видения мира — на уровень метафизический, философский, даже мистический (эти понятия в данном контексте синонимичны или взаимодополняемы). В свете подобных высказываний шокирующие откровенные и даже жестокие моменты в поэзии Бодлера прочитываются уже не как дань натурализму, а как вызов ему. Так, самая эпатажирующая бодлеровская зарисовка — стихотворение «Падаль» — в ракурсе «сверхнатурализма» обретает существенно иное звучание. Лежащие у обочины дороги разлагающиеся останки — само по себе шокирующее зрелище, но, мало того, Бодлер живописует эффект, который возникает под яркими лучами солнца: искаженная тлением мертвая плоть принимает форму, удивительным образом ассоциирующуюся с распутившимся цветком. Воображением («самой научной из всех способностей») эта картина воспринимается как некий знак, как феномен в ряду «универсальных аналогий», в нем явлена мистическая соотнесенность между ужасным и притягательным, мертвым и живым, отталкивающим и прекрасным, сиюминутным и вечным. Обескураживающие финальные слова стихотворения, обращенные к любимой, — это вовсе не оскорбительная шутка поэта в адрес подруги, и не мизантропическая насмешка, и не банальная мысль о недолговечности физической красоты, а экзистенциальное размышление о памяти, которая, как и воображение, способна противостоять времени и забвению всего, что так уязвимо, тленно, но необходимо и дорого человеку.

К числу наиболее интересных относится письмо Рихарду Вагнеру (16.02.1860), где Бодлер признается, что обязан композитору самым большим наслаждением, которое ему когда-либо довелось испытать, слушая музыку. В искренности этого признания не приходится сомневаться: в письме к О. Пуле-Маласси, написанном в тот же день, мы

читаем: «Эта музыка была одной из величайших радостей моей жизни, вот уже пятнадцать лет, как я не испытывал подобного подъема». В противоположность тем, кто встретил Вагнера неприязненно, Бодлер говорит: «эта музыка — моя», она «выражает величие и побуждает к великому». Он слышит в ней «торжественные звуки природы», «величие человеческих страстей», «красоту жизни, не ограниченной как наша»; эта музыка пробуждает в нем чувство, близкое к «религиозному экстазу», овладевает им, приносит физическое наслаждение, сравнимое с эффектом «возбуждающих средств, ускоряющих пульс и воображение». Вагнер, безусловно, покорила поэта, причем вопреки предубеждению, с которым тот пришел слушать его в первый раз.

Восприятие искусства Вагнера как «своего» вызывает ассоциацию с другим высказыванием Бодлера (20.06.1864) — об Эдгаре По: «Знаете, почему я так увлекаюсь переводами По? Потому что мы похожи. Когда я первый раз открыл его книгу, я ужаснулся и восхитился, увидев в ней не только сюжеты, которые мне грезились, но даже некоторые фразы, которые были у меня в голове, а они были написаны за двадцать лет до меня». Подобно тому, как ранее Бодлер обнаружил эту удивительную общность между собой и американским писателем, теперь он чувствует некое мистическое созвучие музыки Вагнера — собственным мыслям и поэтическому творчеству.

В контексте восторженного и патетического письма Вагнеру особое внимание привлекает то, что в музыке немецкого композитора поэт не только услышал, но и увидел нечто близкое его собственной идее «соответствий». Звуки музыки ассоциируются у него с визуальными колористическими ощущениями: «...я вижу, как моему внутреннему взору предстает необъятное, простирающееся вдаль пространство темно-красного цвета, и если красное символизирует собою страсть, я вижу, как, проходя через все оттенки красного и розового, оно постепенно накаляется до пылающего жара. Казалось бы, сложно, даже невысказанно достичь большего накала, и тем не менее последний всплеск его прочерчивает еще более раскаленный след на том белом, что служит ему фоном. Это, если угодно, наивысший крик души, достигшей пароксизма чувств». В письме к Вагнеру ощутимо предвещание будущей чрезвычайно содержательной статьи Бодлера «Рихард Вагнер и “Тангейзер”» (1861). Сочувственное восприятие новаций выдающейся творческой личности вопреки преобладающему непониманию (случай Вагнера в этом смысле не был единственным эпизодом) — естественная реакция Бодлера, в собственной творческой

судьбе которого предостаточно искажающих толкований и уничижительных оценок.

Благонравный, наивно-идиллически настроенный читатель, о котором с немалой долей иронии Бодлер говорит в «Эпиграфе к осужденной книге», — не тот, к кому обращены его стихи. Поэт «Цветов Зла» и не стремится понравиться такому читателю, он, скорее, бросает ему вызов, его стихи не отвечают общепринятому представлению о морали и красоте, о добре и зле. Именно поэтому «Цветы Зла» и стали скандальной книгой, а ее автор — осужденным. Но это вовсе не означает, что Бодлер «проповедует» зло и безнравственность, и в переписке поэта можно почерпнуть важные уточнения относительно его концепции аморализма в искусстве: поскольку современная мораль утилитарна, служит выгоде, меркантильным интересам буржуа, морализирующее искусство с неизбежностью погружается в ту же пучину утилитаризма, оно не может быть бескорыстно, то есть утрачивает основной атрибут подлинного искусства. Это и побуждает поэта отказаться от назидательного морализирования, а значит, занять позицию вне морали, так же как и вне политики, цель и смысл которой всегда утилитарны. Отметим при этом, что он не отрицает категорически присутствия моральной идеи в искусстве, но допускает ее лишь в суггестивной форме в «хорошо сделанном» (курсив Бодлера в письме Суинберну от 10.10.1863) произведении искусства, свободном от нарочитой дидактичности или прямой авторской декларации. Уловить эту идею — дело читателя.

В письме к Чарльзу Алджернону Суинберну, в ответ на восторженную статью английского поэта о «Цветах Зла», опубликованную в журнале «Spectator» (1862), Бодлер вспоминает, как Вагнер, благодаря его за статью о «Тангейзере», говорил: «Никогда бы не подумал, что французский литератор способен так легко понять многие вещи». Шутливо перефразируя его, Бодлер пишет Суинберну: «Никогда бы не подумал, что английский литератор способен к такому глубокому восприятию французской красоты, французских идей и французской просодии». Серьезно же он говорит: «Только поэт способен понять поэта», — лишь в одном осторожно возражая Суинберну, вернее, уточняя свою позицию: «не такой уж я моралист, каким вы меня представляете».

Моменты общения между выдающимися писателями XIX в., в ряду которых и автор «Цветов Зла», представляют, несомненно, особый интерес. Бодлер пишет о своих замыслах, трудностях работы или огорчениях, спрашивает совета или высказывает сомнения, благодарит за

поддержку, поясняет, если его неправильно поняли, — все это помогает корректировать порою чересчур прямолинейные представления о нем (например, о его «революционных» настроениях в 1848 г. или о предосудительном «аморализме» его поэзии). Не менее интересны и моменты творческого диалога. Так, благожелательное восприятие Флобером «Искусственного рая» (1860) побуждает Бодлера в ответном письме (от 26.06.1860) поделиться собственными размышлениями о наркотических средствах, перед которыми человек обнаруживает свою слабость, причем более существенным здесь оказывается не моральное осуждение эксцессов, связанных с наркотиками, а поиск причины, порождающей в человеке почти неодолимое пристрастие к гашишу или опиуму. Эту причину Бодлер усматривает в глубинной связи человека с некоей внешней злой силой, иными словами, ищет мистического объяснения «искусственного рая». Из рассуждений Бодлера становится очевидным, что проблема зла остается для него загадкой, трудноразрешимой и после появления «Цветов Зла», и, может быть, даже обостряется в процессе подготовки второго издания.

Некоторые из обозначенных в письмах творческих планов еще ждут исследователя. Например, в письме к Феликсу Надару (1859?) содержится текст, озаглавленный «Клержон в аду», — нечто вроде эскиза некоего произведения, возможно, новеллы, повести или драматических сцен, в которых традиционный мотив о путешествии в загробный мир развернут в пародийно-гротескном виде. В качестве главного персонажа здесь фигурирует один из давних друзей поэта — Сонжон (Songeon, прозвище Clergeon); он был знаком с Бодлером еще по Лионскому коллежу, а позднее вращался в парижской богемной среде. В качестве эпизодического персонажа в конце наброска появляется и сам Надар. Загробный мир, в котором оказывается Клержон, соединяет в себе элементы античной мифологии (царство Плутона и его жены Прозерпины) и христианской (в аду пребывают «безупречные» грешники, расправу над ними вершат черти (diables), а тем, чьи преступления «недотягивают» до совершенства, — место лишь в чистилище). Мотив о неверности Прозерпины своему супругу, давно привлекавший поэтов (например, Э. Парни), обыгрывается Бодлером в шокирующем варианте, предвещающем эстетику сюрреалистов. Даже если «Клержон в аду» — просто забава, шутка, розыгрыш друзей, а не набросок, отражающий намерение писать произведение «на публику», и Бодлер не имел в виду ничего, кроме повода сказать в конце: «Видишь, и пятнадцать лет спустя мое воображение еще живо!», — в этом небольшом

тексте нетрудно разглядеть предвестие будущих экспериментов в литературе. То, что для XIX в. лишь забава, эксцентрическая причуда, сюрреалисты поднимут до уровня принципиальной новации, отвечающей, по их мнению, духу нового столетия.

В наброске «Клержон в аду» можно увидеть и один из признаков того, что в творческие замыслы Бодлера, еще, может быть, не вполне оформившиеся, входило и новое обращение к нарративной прозе. Первый опыт такого рода, как известно, относится к самому раннему периоду его творчества, — это повесть «Фанфарло» (1847). Переводы рассказов Эдгара По, которыми он затем всерьез и надолго увлекся, служат подтверждением огромных возможностей этого жанра. Это предположение вполне подкрепляется высказыванием Бодлера о романе (письмо к Шанфлери, 28.02.1860): «Роман безусловно занял значительное, ранее невиданное место и в литературе, и в удовольствии, которое он доставляет читателям...»

В переписке Бодлера приоткрываются некоторые обстоятельства его частной жизни, одним из лейтмотивов которой являются денежные затруднения. Он постоянно в долгах, в непрерывных удручающих переговорах с издателями, его надежды на коммерческий успех чаще всего оказываются иллюзиями. Задумываясь, почему и как преуспевают многие литераторы средней руки, он находит объяснение в том, что именно посредственность дает им преимущество: им неведомы высокие помыслы ума, сознающего свое превосходство и потому очень требовательного к себе, они берут усердием и всевозможными уловками в практическом общении с издателями. «Я прекрасно знаю жизнь, но у меня нет сил применить это знание на практике»; силы он без остатка отдает напряженному литературному труду. Эта тема вновь и вновь возникает в письмах к матери: поэт сетует или почти оправдывается, что плоды его литературных занятий не позволяют даже расплатиться с долгами, не говоря о том, чтобы обеспечить сколько-нибудь существенный и стабильный доход.

Одна из «вечных» проблем литературы, которая у Бодлера приобретает новые нюансы, — проблема самостояния творческой личности вопреки несправедливости и даже враждебности общества. Он в известном смысле идет «по стопам романтизма», однако и у каждого из романтиков данный мотив звучит по-разному: например, у Мюссе — в регистре нарциссизма («История белого дрозда», «Тайные мысли Рафаэля»), у Виньи — в ключе стоически переживающего свою участь отвергнутого обществом героя духа. Бодлеру ближе позиция Виньи, он

лишь привносит иронически-уничижительное отношение к тем, кому творческая личность противостоит (Виньи в своем аристократическом самоощущении человека с древней родословной был выше этого). Так, желая морально поддержать Эдуара Мане (в восприятии Бодлера, это «слабый характер», но «сильный талант, который устоит»), огорченного негативным отношением публики и, в частности, приемом, оказанным его «Олимпии», Бодлер пишет (11.05.1865): «Неужели Вы думаете, что Вы первый в такой ситуации? Или Вы более гениальны, чем Шатобриан или Вагнер? Над ними тоже смеялись. Они от этого не умерли».

Апелляция к Шатобриану и Вагнеру служит моральной поддержкой и самому Бодлеру: в подтексте письма можно уловить, что Бодлер экстраполирует сказанное на свою собственную судьбу в литературе, высказывает мысли, к которым пришел через собственный горестный опыт и страдания. Он старается внушить обескураженному художнику: ненависть к таланту возникает лишь в посредственных умах, и это честь, которой не всякий достоин. Только ярко индивидуальное, отмеченное самобытностью мастерство способно вызвать отторжение публики, которая благосклонна лишь к тривиальному и рукоплещет лишь подобным себе. К этой же теме Бодлер возвращается и в письме к мадам Поль Мёрис (24.05.1865) с просьбой поддержать Мане. Неправедливость, насмешки, даже оскорбления художник должен воспринимать не отчаиваясь, сохраняя присутствие духа и веря, что настанут лучшие времена.

Подобные настроения и мысли не оставляют поэта практически никогда, с особенной силой проявляясь в письмах к матери. Исполненные почтительной любви и тщетных надежд быть понятым, эти послания оставляют щемящее, горестное впечатление покинутости и побуждают вспомнить открывающее цикл «Сплин и идеал» стихотворение «Напутствие», где мать, узнав, что рожденное ею дитя — будущий поэт, проклиная его: «Такое чудище кормить! О, правый боже, / Я лучше сотню змей родить бы предпочла» (пер. В. Левики). В то же время письма Бодлера к матери отличаются доверительной интонацией и признаниями, выдающими и его физическое нездоровье, и угнетенное состояние духа, и все усиливающуюся мизантропию: парижане вызывают у него отвращение («деградирующее племя парижан»; «...художники невежественны, писатели не знают ничего, даже орфографии ... ко мне относятся плохо потому, что я не так невежествен, как остальные. Какой упадок! За исключением д'Оревилли, Флобера, Сент-Бёва, я ни с кем не нахожу общего языка. Когда я говорю о живописи, меня может понять только Теофиль Готье. Жизнь внушает мне ужас» (10.08.1862).

Постоянное недовольство собой и физические страдания, причиняемые нездоровьем, лишь усиливаются от денежных проблем, от одиночества и особенно от непрерывного внутреннего противостояния господствующим мнениям и властным силам. Поэт чувствует себя обреченным на это противостояние и компенсирует неспособность к конформистскому успеху презрительно-ироническим отношением к недоброжелателям и судьям, к государственным почестям и должностям. Так, поздравляя ставшего сенатором Сент-Бёва, он не сдерживает иронии (4.05.1865): «Теперь Вас уравнили (официально) со множеством посредственностей». Тем более удивительным и даже парадоксальным эпизодом в биографии поэта выглядит его попытка стать членом Французской академии.

Имя Бодлера кажется несопоставимым с духом Академии, которая изначально, с момента своего основания, и неизменно была цитаделью традиций, оплотом литературного консерватизма, непоколебимым хранителем моральных ценностей и запретов, то есть всего того, что Бодлер, по меньшей мере, не слишком почитал. Трудно представить себе фигуру более, чем он, неуместную среди сорока «бессмертных». Между тем, в декабре 1861 г. Бодлер уведомляет секретаря (*secrétaire perpétuel*) Академии Абея Франсуа Вильмена о своем желании войти в число кандидатов на вакантное место. К этому моменту два кресла в Академии были свободны после смерти драматурга Эжена Скриба и религиозного деятеля и яркого проповедника доминиканца Анри Лакордера. Бодлер отдает себе отчет в том, что его намерение дерзко и даже странно: «как будто у меня мало было неприятностей в жизни, и без того нелегкой, и как будто я хотел подвергнуться новым нападкам». Об этом он говорит в письме поэту (и академику) Виктору Лапраду (23.12.1861), имея в виду прежде всего относительно недавние события, связанные с публикацией и осуждением «Цветов Зла» в 1857 г.

Тем не менее, следуя обычаю, Бодлер начинает наносить визиты академикам, чтобы заручиться их поддержкой. При этом он говорит, что претендует на вакантное место водевилиста Скриба, понимая, что желание унаследовать кресло святого отца Лакордера выглядело бы совсем уж непростительной дерзостью. Несмотря на известную осторожность претендента, друзья считают его планы «безумием»: большинство академиков услышат о некоем Бодлере впервые, да и со стороны тех, кто, к несчастью, знает о нем, на успех едва ли можно рассчитывать. Однако все попытки отговорить поэта от его затеи заканчиваются ничем.

Один из первых визитов Бодлер наносит Альфреду де Виньи и встречает благожелательный прием: «окрылен Вашей добротой» (*tout*

étourdi de votre bonté), пишет он Виньи, посылая ему новое, только что вышедшее в свет издание «Цветов Зла» и другие произведения («Искусственный рай», статьи о Вагнере и Готье, переводы нескольких стихотворений Эдгара По). При этом Бодлер высказывает очень важную мысль, проясняющую авторский замысел относительно архитектоники «Цветов Зла»: «Я счел бы большой похвалой этой книге признание того, что это не просто поэтический сборник (*un pur album*), а что она выстроена с начала до конца. Все новые стихотворения добавлены с тем, чтобы они могли быть вписаны в найденную мною своеобразную композицию» (16.12.1861).

Забегая немного вперед, отметим, что самым значительным моментом истории, связанной с академическими притязаниями Бодлера, стало именно личное знакомство с Альфредом де Виньи, который, будучи одним из мэтров романтизма, всегда намеренно и принципиально, в отличие от Гюго, держался в стороне от катаклизмов общественного бытия. Он жил в Париже, но в своей «башне из слоновой кости», в соответствии с давно сложившимся у него представлением о том, что в современном обществе единственно возможная для творческой личности судьба — это судьба отверженного, путь одиночества и страданий, что только гордый стоицизм может быть достойным ответом преуспевающим (в том числе и власть имущим) посредственностям. Бодлеру, конечно, были известны поэма «Смерть волка» (1839) и другие произведения, где выражена эта ключевая для творчества Виньи идея. Личные встречи дадут живой пример поведения, достойного истинного «аристократа духа».

Оставаться в рамках осмотрительности и благонравия при общении с академиками Бодлеру, конечно, удастся отнюдь не всегда. С каждым новым визитом или письмом он все более приближается к той грани, за которой неизбежен срыв. Так, уже в письме В. Лапраду он заявляет, что не знает и знать не хочет, каковы политические пристрастия обитателей Парнаса, но если Лапрад — роялист, то он, Бодлер, — его антипод, причем не атеист, как можно ожидать от республиканца, а «ярый католик» (*fervent catholique*). Аргументом в устах Бодлера оказывается тот факт, что «Цветы Зла», его главная книга, — «дьявольское сочинение», а ведь «кто как не Дьявол имеет отношение к католицизму»! И это говорится в письме к поэту, черпающему сюжеты из Библии и имеющему репутацию высокоморального автора. Надежду на поддержку сам Бодлер видит лишь в том, что общее для поэтов пристрастие к рифмам и ритмам превышает всего. Полушутливым и однако же

явно вызывающим тоном этого письма едва ли можно было сгладить дерзость академических притязаний его автора и его рискованные парадоксы, адресованные хотя и «собрату по перу», но человеку совершенно незнакомому и едва ли готовому поддержать претендента с репутацией «проклятого поэта».

Неудачной оказывается и попытка помочь Бодлеру, предпринятая в январе 1862 г. Флобером: он просит о поддержке Жюль Сандо — но безуспешно. Виньи же, при всем его сочувствии Бодлеру и радушии, с которым он дважды принимал его у себя дома, реальной поддержки оказать не может: он тяжело болен и прикован к постели. «Это прекрасный, замечательный человек, но он мало способен к действию, даже отговаривает меня», — говорит Бодлер в письме к Сент-Бёву (февраль 1862). Виньи, действительно, отговаривает коллегу, имея в виду свою собственную «эпопею» избрания в число «бессмертных», которая началась с провала в 1842 г. и завершилась лишь в мае 1845-го, после еще четырех неудачных попыток.

Любопытен детально описанный Виньи в «Дневнике Поэта» обычай предварительного посещения каждого из академиков новым претендентом на вакантное кресло. В 1845 г. под впечатлением от своих предвыборных визитов Виньи прибегает к саркастическому сравнению: «Старые академики окружают вновь избранных и еще сохраняющих жизненные силы подобно призракам вокруг живых Энея или Данте в Чистилище: реальные человеческие фигуры во плоти вызывают в них удивление и страх. ...они не принадлежат к моему времени и свое отжили»¹². Попытка стать академиком, с точки зрения Виньи, может стать для Бодлера «непоправимой ошибкой», сопряжена с риском «заблудиться в лабиринте»¹³. Лабиринта Бодлер избежал, но лишь потому, что его попытка обернулась прямым противостоянием Академии и поэта. Виньи оказался практически единственным из академиков, кто, даже считая намерение Бодлера бесперспективным, выразил ему сочувствие и поддержку в творческом плане.

Друг Бодлера Сент-Бёв, на тот момент уже широко известный и авторитетный критик и член Академии, 20 января 1862 г. публикует в газете «*Constitutionnel*» статью «О ближайших выборах в Академию». Текст, на первый взгляд, благожелателен, Бодлер благодарит автора и в то же время называет статью «ужасной» (*le terrible article*). Сент-Бёв

¹² А. де Виньи, *Дневник Поэта. Письма последней любви* / Пер. с фр. Е. В. Баевской и Г. В. Копелевой. Изд. подготовила Т. В. Соколова, СПб., Наука, 2004, с. 271.

¹³ A. de Vigny, *Oeuvres complètes*, Collection de la Pléiade, t. 1, p. 567.

тоже отговаривает друга от затеи, не видит в ней смысла, тем более что с конца января 1862 г. Бодлер уже ищет обоснования своему «эксцентрическому» и «шокирующему», по выражению Сент-Бёва, намерению занять кресло отца Лакордера и даже, в числе прочего, обдумывает хвалебную статью о нем, которую нужно срочно опубликовать, чтобы расположить к себе академиков.

Ритуал предвыборных визитов к «бессмертным» — занятие вынужденное и тяжелое для Бодлера, в письмах к друзьям он признается: это «ужас», он «устал», у него «расшатаны нервы». И все-таки, несмотря на очевидную безуспешность этих усилий, Бодлер упорствует и подбадривает себя тем, что хлопоты многому научили его и дали повод задуматься о вещах и явлениях, о которых прежде он и не знал. Еще один его довод: «...чувства и инстинкт подсказывают мне, что нужно вести себя утопически, как будто ты уверен, что будешь избран, хотя на самом деле знаешь, что не будешь» (к А. де Виньи, 26.01.1862). Однако сомнения не покидают его, и чтобы принять окончательное решение, он хочет заручиться мнением двух человек: Сент-Бёва и Виньи. Оба советуют ему оставить бесполезные попытки. 31 января 1862 г. в письме к Флоберу Бодлер уже и сам называет свои старания «безрассудством» (*un coup de tête*), но все еще утверждает, что не будет раскаиваться даже если не получит ни одного голоса 6 февраля, а уж на следующем заседании, 20 февраля, обязательно «вырвет» два или три голоса. Своим счастливым соперником он видит публициста и историка герцога де Брольи, сына одного из академиков, — обстоятельство, в силу которого вопрос об избрании предрешен, хотя, как замечает Бодлер, отец претендента еще не освободил своего кресла. «Скоро эти люди будут устраивать выборы своих консьержей, лишь бы эти последние были орлеанистами», — саркастически предрекает он. Себя самого Бодлер причисляет к «чистой литературе (*littérature pure*)» — наряду с Т. Готье, Т. де Банвилем, О. Барбье, Ш. Леконтом де Лилем, Г. Флобером. Никто из них на тот момент не был членом Академии (Барбье будет избран в 1870-м, Леконт де Лиль — лишь в 1886 г.). В итоге, за десять дней до голосования Бодлер официально просит Вильмена вычеркнуть его имя из списка претендентов. На место Лакордера был избран, действительно, герцог де Брольи. Финал вряд ли мог быть иным.

Академиков Бодлер, как и прежде, будет числить среди наиболее отвратительных атрибутов современной жизни — наряду с либеральными политиками, прогрессом, которым упивается погрязшее в пороках и прописных добродетелях общество, и обезличенным «гладким

стилем» преуспевающих коммерсантов от искусства. Все эти силы навешивают ему образ «неодолимой ночи» (*nuit irresistible*), ассоциируются с мраком, запахом тлена и глухим болотом — царством слизняков и жаб. Именно они проступают как иносказание в его сонете «Закат романтического светила» (1862), который вместе с одним из писем (26.01.1862) будет отправлен Альфреду де Виньи.

Бодлер не видит смысла в борьбе политических сил, но это не означает безразличия в отношении политических событий: «...хотя я и считаю политические перебранки признаком глупости, в отношении к государственному перевороту я взял бы скорое сторону Гюго, чем Бонапарта», — признается он в письме к матери (11.05.1860). Впрочем, любую политическую ориентацию человека он считает несущественной по сравнению с его отношением к искусству и потому искренне смеется над лучшим другом, Шарлем Асселино, не желающим слушать музыку Вагнера лишь потому, что Вагнер — республиканец.

Последние почти три года жизни Бодлера прошли в Бельгии. Летом 1864 г., отчаявшись получить сочувственный отклик на свои произведения в Париже, поэт покидает пределы Франции; он живет в Брюсселе в надежде заинтересовать публику и особенно потенциальных издателей лекциями, подготовленными на основе собственных статей о литературе и искусстве: об Эжене Делакруа, Эдгаре По, Викторе Гюго, Теофиле Готье, Теодоре де Банвиле, Леконте де Лиле, Рихарде Вагнере. Однако все складывается крайне неудачно, осложняется нездоровьем и, как всегда, денежными затруднениями — Бодлер вновь вынужден униженно просить о помощи Нарсиса Ансея. К тому же пребывание в Бельгии отравлено нелепыми слухами о том, что поэт прибыл сюда затем, чтобы шпионить за добровольным изгнанником Виктором Гюго. «Я купаюсь в бесчестье, как рыба в воде», — признается Бодлер в одном из писем (3.01.1865, к мадам Поль Мёрис). Он чувствует себя в Бельгии чужаком, переживает особенно острые приступы мизантропии и неприязни ко всему бельгийскому — к нездоровому климату, к тяжелой атмосфере брюссельской жизни, к бельгийской кухне, к местным женщинам и вообще к бельгийцам, которых он находит глупыми, недоверчивыми и плутоватыми, — вариациями подобных эпитетов изобилуют его бельгийские письма. «Несчастная Бельгия!» (*Pauvre Belgique!*) — такое название он даст своим заметкам об этой стране.

Представление о душевном и физическом, равно как и о материальном, состоянии Бодлера можно почерпнуть из фрагмента воспоминаний Катюля Мендеса (опубл. в 1902 г. в газете «*Le Figaro*»): писа-

тель рассказывает о случайной встрече с Бодлером поздним вечером 4 июля 1865 г. около Северного вокзала. Бодлер был небрит, одет очень бедно, но как всегда весьма аккуратно, выглядел мрачным и, скорее всего, предпочел бы ни с кем из знакомых не встречаться. Он сказал, что приехал из Бельгии в Париж по делу, на один день, и утром уезжает обратно. Судя по всему, «дело» (получить хоть какой-то из обещанных гонораров) не удалось, за ужин и за ночь даже в самом скромном отеле платить было нечем. Мендес пригласил его к себе. Бодлер был на грани нервного срыва и принялся подсчитывать, сколько денег он заработал за двадцать шесть лет напряженного творческого труда: 15 892 франка 60 сантимов, то есть один франк семьдесят сантимов в день. Ночью он не мог заснуть, нервный смех сменялся громким разговором практически с самим собой, моментами тишины (казалось, он заснул), затем рассуждениями о поэтических замыслах, упоминанием о тех, кого он любил или почитал (Мане, Вагнер, Виньи, Леконт де Лиль, Банвиль, Жерар де Нерваль, Асселино); внезапно — приглушенное рыдание и снова тишина. Наутро оказалось, что он ушел, оставив записку: «До скорой встречи» (A bientôt)¹⁴.

В одном из брюссельских писем (к Сент-Бёву, 30.03.1865) Бодлер упоминает о намерении написать «Биографию “Цветов Зла”», но осуществить эти последние свои планы ему не удастся. Виной тому, главным образом, все более частые приступы нездоровья. После паралича, который поразит его в конце марта 1866 г., Бодлер лишится речи, способности передвигаться и даже читать. Безуспешное лечение, предпринятое в Брюсселе, продолжится затем в Париже — столь же безуспешно. В последний год жизни поэта его единственными радостями останутся музыка и высказанная в одном из писем к Анселю (18.02.1866) надежда: «может быть, через несколько лет» люди «начнут понимать» «Цветы Зла».

Признаки скорого признания появляются в том же году: Сент-Бёв сообщает Бодлеру, что в ноябрьском и декабрьском выпусках журнала «Art» за 1865 г. о нем пишет Верлен, и его оценка не вызывает сомнений: «Если бы Вы были здесь, то, хотите Вы того или нет, Вы стали бы авторитетом, поэтом-мэтром». Третье издание главной книги Бодлера выйдет посмертно в 1868 г. стараниями Шарля Асселино и особенно Теодора де Банвиля, который определит последний вариант ее состава.

¹⁴ «Baudelaire et Catulle Mendes» // Ch. Baudelaire, *Les Fleurs du Mal, suivis de Petits poemes en prose, Curiosités esthétiques, L'Art romantique, Journaux intimes (extraits), La Fanfarlo / Préface et commentaires de Robert Scrick*, Paris, 1989, p. 317–320.

Роль Бодлера как пророка и предтечи символизма очень скоро станет общепризнанной, поэты второй половины XIX в. будут уже не просто его почитателями, но верными и серьезными последователями.

Такой предстает жизнь Бодлера в его письмах. Чтение их делает произведения и личность поэта понятней и ближе. Его судьба порою вызывает сострадание, но, кажется, вряд ли исчерпывается эпитетом «катастрофическая», и переписка Бодлера — нечто куда большее, нежели «автобиография катастрофы», как называет ее в предисловии к «галлимаровскому» изданию Жером Тело¹⁵. Ибо «чувство современности» (*modernité*), провозглашенное и выраженное Бодлером в поэзии, остается действительным, оно было и есть непреложный и постоянно обновляющийся атрибут творчества, своего рода вечный его закон. Именно поэтому нам ничуть не кажутся устаревшими слова Валери, сказанные без малого сто лет назад: «Бодлер находится в зените славы»¹⁶.

¹⁵ J. Thélot, «Un volcan malade», p. 17.

¹⁶ П. Валери, «Положение Бодлера» // Поль Валери, *Об искусстве*, М., 1993, с. 338.

- Августин, св. 101
 Айша, жена пророка Магомета 136
 Амик, Огюст 26, 27
 Амьо, Фердинанд 186
 Андреа де Нерсья, Андре Робер 170
 Ансель, Нарсис-Дезире 15, 26, 56,
 105, 150, 153, 157, 158, 186, 190
 Ариосто, Лудовико 144, 184
 Аристофан 87
 Армеллини, Карло 168
 Асселино, Шарль 50, 52, 54, 67, 80,
 94, 111, 179, 182, 190
 Астрюк, Закари
 Ашетт, Луи 47, 186
 Бабу, Ипполит 67, 68, 94, 131
 Байрон, Джордж Гордон 56, 109, 144,
 159, 160
 Байярже, Жюль 177
 Бальзак, Жан-Луи Гюэ де 89
 Бальзак, Оноре де 44, 66, 89, 159,
 169, 186
 Банвиль, Теодор де 15, 16, 32, 67, 121,
 122, 142, 166, 179, 182, 185, 186
 Барбара, Шарль 32
 Барбе д'Оревилли, Жюль 45, 55, 67,
 68, 82, 97, 128, 132, 174
 Барбье, Огюст 93, 122
 Бартолини, Лоренцо 156
 Беллаге, Луи 116
 Беранже, Пьер Жан де 181, 186
 Берарди, Леон 149
 Бернарден де Сен-Пьер, Анри 55
 Бертран, Алоизиус (Луи) 115
 Берье, Антуан 181
 Бетховен, Людвиг ван 18, 144
 Бодлер, Альфонс, сводный брат
 Ш. Бодлера 1, 2, 5, 10, 15, 17, 61
 Бодлер, Франсуа, отец Ш. Бодлера 5,
 61, 105, 155
 Бодлер, Эдмон 10
 Бодлер (урожденная Дюсесуа),
 Фелисите 2, 10, 17
 Бомон-Васси, Фердинанд 71
 Бонапарт, Жером 6
 Бонвен, Франсуа 32
 Бонингтон, Ричард Паркс 70
 Борель, Петрюс 93, 94

Ссылки указывают на номера писем по настоящему изданию. Имена адресатов Бодлера выделены полужирным шрифтом, а номера адресованных им писем — курсивом.

- Боссюэ, Жак Бенинь 89, 149, 194
 Бракмон, Феликс 89, 101, 137, 156, 172
 Брен, неизвестный 10
 Брольи, Альбер де 120, 122
 Бросс, Шарль де 55
 Брюкер, Рэймон 132
 Буайе, Филоксен 31, 37 bis, 67, 80, 94, 168, 179
 Буайе (урожденная Бонен), Жюли 94
 Буало, Никола 93, 163
 Бьевр, Франсуа-Жорж Марешаль, маркиз 55
 Бюлоз, Франсуа 47, 48, 68
 Бюффон, Жорж Луи Леклерк де 55

Вагнер, Рихард 20, 80, 81, 84, 106, 107, 118, 139, 155, 165
 Вагнер (урожденная Планер), Минна 106
Вакри, Огюст 104
 Валевски, Александр де 116
Валлон, Жан (Гюстав-Леон) 22, 67
 Ваэз, Гюстав 48
 Вебер, Карл Мария фон 81, 144
Вей, Франсис 33
 Вейо, Луи 55, 67, 97, 166
 Веласкес, Диего 144, 149
 Вербукховен, издатель 159, 160
 Вергилий 144, 178
 Верлен, Поль 188
 Верне, Орас 6
 Веронезе (Паоло Кальяри) 144
Вильмен, Абель Франсуа 82, 110, 114, 119, 120, 124, 125, 181
Вильмессан, Жан-Ипполит-Огюст Картье де 62, 148
Виньи, Альфред де 112, 113, 114, 120, 121, 124, 126, 186
 Витерн, полковник 6
 Витю, Огюст 16, 71

 Вуазенон, Клод-Анри Фюзе де 181
 Вьенне, Гийом 120, 124, 164
 Вьо, Теофиль де 177
 Вьяр, Жюль 161

 Гайдн, Йозеф 144
 Гарде, Эдуар 67
 Гарибальди, Джузеппе 71, 101, 166
 Гарнье, Ипполит 169, 170, 172, 173, 181, 186, 188
 Гарнье, Огюст 169, 170, 172, 173, 181, 186, 188
 Гастино, Бенжамен 166
 Гейне, Генрих 159, 164
 Генрих IV, король Франции 166
 Генрих V, герцог Бордо, граф де Шамбор 19
 Герр, английский кондитер 126
 Гёте, Иоганн Вольфганг фон 144
 Гис, Константен 77, 79, 80, 90, 101, 103 bis, 117
Гишон, Альфред 99
 Годвин, Вильям 109
 Годфруа, Луи-Станислас 33
 Гойя, Франсиско 70, 71, 149
 Готье, Аман 71
Готье, Жюдит 146
Готье, Теофиль 20, 22, 25, 29, 43, 56, 62, 66, 67, 70, 73, 73 bis, 82, 83, 93, 100, 113, 122, 127, 128, 129, 142, 146, 186
 Гофман, Эрнст Теодор Амадей 66, 70
 Гранье де Кассаньяк, Адольф 71, 97
 Грисволд, Руфус Вильмот 99
 Гросле, Пьер-Жан 55
 Грембло (урожденная Манге де Эллерен), Генриетта 188
 Гу, торговец спиртным 121
 Гумбольдт, Александр фон 54
 Гупиль, Жан-Батист 70

- Гюго, Виктор 7, 9, 37, 49, 56, 62, 71,
 73, 73 *bis*, 75, 76, 82, 86, 93, 119, 128,
 131, 134, 142, 156, 158, 159, 164,
 171, 172, 173, 177, 178, 181, 189
 Гюго, Франсуа-Виктор, сын В. Гюго
 166, 171 (?), 173, 175, 177
 Гюго, Шарль, сын В. Гюго 156, 166,
 171, 173, 175, 177
 Гюго (урожденная Лезн), Алиса,
 жена Ш. Гюго 175 (?)
 Гюго (урожденная Фуше), Адель,
 жена В. Гюго 82, 166, 173, 175, 177,
 178
 Давид, Жак-Луи 156
 Даллоз, Поль 96
 Данте Алигьери 71, 144
 Дантю, Эдуар 186, 188
 Де Бруз, Эжен 55, 103
 Де Квинси, Томас 56, 65, 73 *bis*, 78,
 80, 90, 113
 Деборд-Вальмор, Ипполит 74
 Деборд-Вальмор, Марселина 74
 Дебюкур, Филибер-Луи 80
 Девериа, Ашиль 70, 172
 Дезо, Жюль 103 *bis*, 116
 Делакура, Эжен 6, 24, 72 *bis*, 76, 142,
 143, 164, 188
 Делатр, Огюст 76, 80
 Делево, судья 58
 Делейр, Александр 169
 Денуайе, Луи 41
 Денуайе, Фернан 36
 Дерод, Карлос 80
 Дешан (Эмиль Дешан де Сент-
 Аман) 59 *bis*
 Дешанель, Эмиль 185, 186
 Дидро, Дени 13, 14, 44
 Дидье, Эжен 186
 Диккенс, Чарльз 37
 Добрен, Мари 48
 Дом, Франсуаза 154, 180
 (упоминается как Фанни)
 Домье, Оноре 87, 167
 Доре, Гюстав 71
 Дюваль, г-жа, мать Ж. Дюваль 16
 Дюваль (урожденная Лемер), Жанна
 15, 21, 26, 52, 103, 105
 Дюво, Луи 70
 Дюкан, Максим 28, 31, 67, 69, 122
 Дюма-отец, Александр 17, 43, 44, 164
 Дюпати, Жюль 58
 Дюпон, Пьер 16, 32, 37
 Дюран, неизвестный 56
 Дюранти, Эдмон 77, 80, 89, 100
 Дюсесуа, Жан-Франсуа 10
 Дюсесуа, Теодор 5, 67
 Дютак, Арман 47, 169
 Евгения, графиня де Теба, жена
 Наполеона III, французская
 императрица 60
 Жакине, торговец картинами 158
 Жанен, Жюль 111, 113, 159, 164
 Жанмо, Луи 65, 82, 114
 Жанна д'Арк 79
 Жанна, подруга А. Лекривена 154
 Желис, Леон 89, 103
 Жид, Казимир 74
 Жильбер, Никола 55
 Жозеф, слуга Опики (см.) 4
 Жорж Санд (Аврора Дюпен) 48, 64
 Журдан, Луи 101
 Жуссе, Огюст 89
 Жюдит, г-жа (Жюли Бернар-Дерон,
 урожденная Бернэ) 159, 160
 Зенс, неизвестный 7
 Ингрэм, Герберт 103 *bis*
 Кавур, Камилло Бенсо ди 77, 101

- Калиостро, Алессандро (Джузеппе Бальзамо) 131
- Калон, Альфонс де Бернар, виконт 65, 66, 67, 68, 69, 78, 80, 87, 88, 90, 91, 92, 94, 116
- Калон, г-жа, жена виконта де Калона 66
- Каржа, Этьен 137
- Карский, Чеслав 70, 71
- Кастиль, Ипполит 52
- Каульбах, Вильгельм фон 82, 164
- Керар, Жозеф-Мари 55
- Кинглейк, Александр Вильям 153, 159, 160
- Клержон — см. Сонжон
- Кнаус, Людвиг 70
- Кольридж, Сэмюэл Тейлор 68
- Конт-Каликс, Франсуа Клавдий 71
- Корнелиус, Петер фон 164
- Крепе, Эжен 74, 87, 93, 94, 127
- Крессонуа, Жюль 175
- Кристоф, Эрнест 27, 35, 67, 80, 89
- Кэтлин, Джордж 76
- Кюстин, Астольф, де 169
- Лабрюйер, Жан де 89
- Лагарп, Жан Франсуа 55
- Лазег, Шарль 8
- Лакло, Пьер Шодерло де 55, 152
- Лакордер, Анри 97, 114, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 169
- Лакруа, Альбер 142, 153, 159, 160
- Лаланн, Людовик 53, 54
- Ламадлен, Анри де 185, 186
- Ламадлен, Жюль де 67
- Ламартин, Альфонс де 22, 124, 134, 189
- Ланглуа, Гиацинт 71, 101
- Лапрад, Виктор де 114
- Латур, Гюстав, граф де 71
- Лафайет, Жильбер Мотье де 80
- Лаферрьер, Адольф 37 bis
- Лафизельер, Альбер де 131
- Левассёр, Гюстав 16
- Леваяян, Жан-Жак-Руссо 6, 101
- Лёве-Веймар, Франсуа-Адольф 63
- Леви, Мишель 47, 53, 66, 82, 89, 99, 129, 131, 142, 148, 153, 159, 160, 164, 186, 188
- Легро, Альфонс 71, 108, 131, 140
- Легуве, Эрнест 120, 124
- Лежон, Валентина (урожденная Казалис) 132
- Лежон, Ипполит 132
- Леконт де Лиль, Шарль 83, 122, 142, 168, 179, 186
- Лекривен, Альфонс 154, 186, 188
- Лелю, Луи-Франсуа 177
- Лемер, Альфонс 188
- Лемер, Жанна — см. Дюваль
- Лемер, Жюльен 156, 157, 160, 164, 165, 169, 170, 172, 173, 174, 177, 186, 188
- Лемерсье, неизвестный 103
- Ленорман, г-жа 119
- Леопольд I, король Бельгии 158
- Леопольд II, король Бельгии 158
- Лепаж, г-жа 190
- Лесаж, Ален-Рене 55
- Леузон-Ледюк, Луи Антуан 72 bis
- Лимейрак, Полен 71
- Лист, Ференц 106, 165, 175
- Лойола, Игнатий 164
- Луи-Филипп, король Франции 2, 6, 149, 158
- Лукан 87, 181
- Люандр, Шарль 55
- Магомет, пророк 136
- Мадзини, Джузеппе 101
- Макиавелли, Никколо 89, 153
- Маласси — см. Пуле-Маласси

- Мане, Эдуар 135, 137, 143, 144, 145,
147, 149, 156, 160, 165, 166, 167,
172, 182
- Мане (урожденная Леенхоф),
Сюзанна 137, 147, 172
- Мане (урожденная Фурнье), Эжени
Дезире 135, 145, 147, 172
- Маранкур, Леон Массне де 188
- Марен, Ипполит 105
- Мариво, Пьер Карле де Шамблен
де 55
- Марк, Леон 180, 181, 182, 190
- Мармонтель, Жан-Франсуа 55
- Марс, Виктор де 46, 47
- Массони, Шарль 8
- Матильда, принцесса Бонапарт 58
- Матьё, Гюстав 101
- Мейнар, Франсуа 177
- Мейяр, Фирмен 72 bis
- Менар (псевдоним: Сенвиль), Луи
16
- Мендес, Катюль 130, 168, 179, 191
- Мериме, Проспер 186
- Мерион, Шарль 67, 76, 79, 80, 86,
87, 93
- Мёрис (урожденная Гранже),
Элеонора-Пальмира 131, 155, 156,
160, 166, 172
- Мёрис, Поль 73, 73 bis, 75, 82, 101,
131, 155, 156, 160, 166
- Мерсье, Луи-Себастьян 127
- Месмер, Франц Антон 131
- Местр, Жозеф де 27, 28, 51, 71
- Микеланджело Буонарроти 97, 144
- Мийо, Гюстав 191
- Мино, неизвестный 52
- Мирабо, Оноре Габриэль Рикети де
170
- Мирбель (урожденная Рю), Зоэ де
181
- Мишле, Жюль 79, 166
- Молен, Поль Гашон де 181
- Мольер (Жан-Батист Поклен) 67
- Монселе, Шарль 45, 164
- Монтегю, Эмиль 27, 47
- Монтескьё, Шарль-Луи де Сегонда
55, 153
- Морель, Жан 67, 103
- Морен, Артюр Жюль 6, 7
- Морни, герцог 71
- Моро, торговец картинами 70, 71
- Моссельман, Альфред де 42
- Моцарт, Вольфганг Амадей 144
- Мэтьюрин, Чарльз Роберт 93, 159,
160
- Мюллер, Клеман 162
- Мюрже, Анри 32
- Мюссе, Альфред де 82, 186
- Мюссе, Поль де 74
- Надар (Феликс Турнашон) 70, 71, 72,
138, 139, 140, 144, 151
- Надар (урожденная Лефевр),
Эрнестина 138, 151
- Накар, Рэймон 58
- Нантёй-Лебёф, Селестен 71
- Наполеон I 73, 128, 189
- Наполеон III 27, 71, 73, 79, 93, 153,
158, 162, 164
- Нарре, Шарль 48
- Нерваль, Жерар де 21, 25
- Николе, Жан-Батист 55
- Ноэль, Франсуа 4
- О'Коннелл, Огюст 151
- О'Коннелл (урожденная Мьет),
Фредерика 133
- Обрие, Ксавье 97
- Одино, Никола-Медар 55
- Ожье, Эмиль 111, 131
- Олливье, Эмиль 164
- Омаль, герцог д' 6

- Опик**, Жак 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 15, 56, 57, 61, 105
Опик (урожденная Дефэ),
 Каролина, мать Ш. Бодлера 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 15, 26, 56, 57, 61, 66, 70, 80, 94, 105, 119, 128, 153, 157, 158, 173, 174, 189, 190
Орсе, Альфред 103 bis
Орсини, Феличе 71
Орфила (урожденная Лесюэр), г-жа 56
Остейн, Ипполит 44, 48
Отар де Брагар, Адольф 11

Пангийи Ларидон, Октав 71
Парис, Франсуа де 55, 131
Парни, Эварист 17
Парфэ, Ноэль 148
Паскаль, Блез 89, 177
Патен, Анри 112, 114, 124
Пельган, Эжен 41
Пельтье, Жюль 57, 63
Перрен, Луи Бенуа 98
Петрарка, Франческо 17
Пинар, Эрнест 58
Пифагор 88, 169
Пле, Леон 101
По, Эдгар Аллан 26, 27, 35, 41, 47, 52, 53, 54, 56, 57, 63, 66, 68, 70, 71, 75, 79, 82, 99, 113, 114, 142, 146, 148, 149, 157, 159, 160, 162, 164
Поле де Фаво, Теодор 176, 187
Помье, Амеде 97
Понмартен, Арман де 124
Понсар, Франсуа 111, 120, 124
Понтон д'Амекур, Луи де 58
Прарон, Эрнест 12, 192
Прива д'Англьмон, Александр 16
Прот, Марио 166
Прудон, Пьер Жозеф 18, 19, 63, 150, 158, 161, 174, 177, 178

Пуле-Маласси, Огюст 21, 27, 35, 55, 66, 67, 68, 70, 71, 72 bis, 79, 80, 82, 87, 89, 90, 94, 101, 103, 105, 117, 119, 131, 152, 154, 156, 158, 161, 162, 163, 164, 170, 173, 177, 180, 181, 184, 185, 186, 187
Пуле-Маласси, Эдуар 103

Ракан, Онорé де Бюэй де 177
Рафаэль Санти 144
Редфилд, Джастус Старр 99
Рейнольдс, Джошуа 80
Рембрандт Харменс ван Рейн 144
Ренан, Эрнест 82
Реньо, Жан-Батист, барон 6
Ретель, Альфред 70, 71, 82, 164
Ретиф де ла Бретон (Никола Ретиф) 55, 170
Риго, Франсуа-Либерте 71
Рикар, Гюстав 71
Рикур, Ашиль 161
Ринн, Якоб-Вильгельм 6
Робер, Клеманс 43
Рожар, Огюст 166
Ронсар, Пьер де 93
Ропс (урожденная Поле де Фаво), Шарлотта 176, 187
Ропс, Фелисьен 148, 153, 163, 165, 176, 187
Ротшильды, семейство 4
Руайе, Альфонс 38, 48
Рубенс, Питер Пауль 144, 156
Рубье, неизвестный 7
Рувьер, Филибер 43, 44, 48, 104, 108
Руссо, Жан 62
Руссо, Жан-Батист 55

Сабатье, Аполлония-Аглая 30, 34, 40, 42, 58, 69, 86
Сад, Донасьен Альфонс Франсуа де 37 bis, 170

- Сазонов, Николай Иванович 67, 90
 Сальванди, Ашиль де 6
 Сандо, Жюльен (Жюль) 118, 120, 123, 124
 Сандо (урожденная Портье), Полина 123
 Саси, Самюэль Сильвестр де 120, 124, 164
 Седэн, Мишель Жан 55
 Сенак де Мейлан, Габриэль 55
 Сен-Виктор, Поль де 43, 49, 177
 Сен-Марк Жирарден (Марк Жирарден) 120, 124
 Сен-При, Алексис Гиньяр де 26
 Сенвиль — см. Менар
 Сент-Бёв, Шарль-Огюстен 7, 13, 53, 54, 58, 63, 68, 85, 96, 113, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 128, 162, 164, 169, 170, 173, 174, 177, 178, 179, 181, 183, 186, 188
 Сильвестр, Теофиль 70, 132
 Синюре, управляющий журнала «Ревю интернасьональ» 89
 Скриб, Эжен 114
 Сократ 177
 Сонжон (Клержон), Люсьюс-Нестор 72
 Стевенс, Артюр 151, 160, 170, 172
 Стендаль (Анри Мари Бейль) 13, 186
 Суинберн, Алджернон Чарльз 138, 139, 140, 144
 Сулари, Жозефен 65, 80, 82, 83, 85, 98, 114
 Сю, Эжен 7, 37, 169
 Танре, Луи 103
 Тексье, Эдмон 117
 Теофиль — см. Готье
 Тийо, Пл. 41
 Тиссёр, Жан
 Тиссеран, Ипполит 37 *bis*, 38
 Торе, Теофиль (псевдоним Вильям Бюргер) 149, 158
 Трамон, Шарль де 41
 Трибуле, шут Людовика XII и Франциска I 13
 Труба, Жюль 174, 181, 183, 188
 Туанон, типограф 191
 Туссенель, Альфонс 51
 Тьер, Адольф 181
 Тьерри, Эдуар 57, 181
 Тюрган, Жюльен 37, 57
 Уистлер, Джеймс 138, 140
 Уссе, Арсен 102, 115
 Уссе, Эдуар 67
 Фавр, Жюль 71
 Фанни — см. Дом, Франсуаза
 Фантен-Латур, Анри 143, 144, 156
 Фаулер, Джордж 90
 Фейдо, Эрнест 63, 64, 85, 86
 Феррари, Джузеппе 89, 101
 Филоксен — см. Буайе
 Флобер, Гюстав 58, 59, 85, 95, 118, 122, 123, 128, 131, 169, 186
 Фор, Ашиль 186, 188
 Форе, Жюль-Жан-Батист 72 *bis*
 Фрерон, Эли
 Фридрих II, король Пруссии 55
 Фромантен, Эжен 76
 Фруадюр, г-жа 108
 Фрэсс, Арман 82, 98, 114
 Фуль, Ашиль 57, 103
 Фурье, Шарль 51
 Фюретьер, Антуан 50
 Цицерон 164
 Шаль, Филарет 120
 Шанфлери, Жюль Юссон 14, 21, 23, 24, 27, 32, 35, 37, 77, 80, 84, 89, 131, 133, 134, 167, 174, 182, 183

- Шарпантье**, Жерве 74, 136
Шатель, аббат 166
Шатобриан, Франсуа-Рене де 9, 13, 73, 128, 164, 165, 186
Шварц, банкир 103
Шеврье, Франсуа-Антуан 55
Шекспир, Вильям 38, 144, 155
Шелли, Перси Биши 164
Шенавар, Поль 67, 82, 114, 141, 164
Шеневьер, Шарль-Филипп де 143, 144
Шенье, Андре де 181
Шеффер, Анри 6 (?)
Шнейдер, Эжен 71
Шоке, д-р 4
Шоман, композитор 20
Шорнер, бельгийский композитор 165
Штопель, Роберт Август 105
Эбер, Эмиль 71
Эйльбют, Фердинанд 86
Эль Греко 149
Эмар, Альфонс 7
Эмар, Антуан 2
Эмон, Жан-Луи 56, 61
Энгр, Жан Огюст Доминик 156, 166
Этцель, Пьер Жюль 115, 130, 131, 151, 172, 186
Юлий Цезарь 158, 164
Юшар, Марио 109

Бодлер, Шарль

Избранные письма / Пер. с французского под ред. и с примечаниями
С. Л. Фокина. — СПб.: Machina, 2012. — 366 с.

Переписка Шарля Бодлера — бесценный памятник культуры, своего рода духовная автобиография, дающая ключ ко многим произведениям поэта, проясняющая многие повороты его личной и творческой судьбы. Издание, снабженное обширным комментарием и указателем, впервые с академической основательностью представляет российскому читателю эпистолярное наследие французского классика. Публикация рассчитана как на профессиональных исследователей, так и на широкую аудиторию любителей французской поэзии и культуры.

WWW.MACHINA.SU

**Шарль Бодлер
ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА**

Издатель Андрей Наследников
Лицензия № 01625 от 19 апреля 2000 г.
191186, Санкт-Петербург, а / я 42; e-mail: a@machina.su
Формат 60 × 90 / 16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати—Вятка». Зак. № 6711
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

WWW.AXIOMA.SPB.RU

СЕРИЯ «КЛАССИКА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ»

вышли в свет:

Эрвин Панофски, *Idea*
Владимир Вейдле, *Умирание искусства*
Генрих Вёльфлин, *Основные понятия истории искусств*
Макс Фридендер, *Об искусстве и знаточестве*
Ганс Зедльмайр, *Искусство и истина*

готовится к изданию:

Ганс Зедльмайр
Утрата середины:
Изобразительное искусство XIX и XX столетий
как симптом и символ времени
Перевод Ю. Н. Попова

WWW.MACHINA.SU

СЕРИЯ «КРИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

вышли в свет:

Жиль Делёз, *Ницше*
Жорж Батай, *Внутренний опыт*
Филипп Лаку-Лабарт, *Musica ficta: Фигуры Вагнера*
Морис Бланшо, *Мишель Фуко, каким я его себе представляю*
Жак Рансьер, *Эстетическое бессознательное*
Жак Деррида, *Работы по философии культуры*
Жан-Франсуа Лиотар, *Хайдеггер и «евреи»*
Эмманюэль Левинас, *О Морисе Бланшо*
Ален Бадью, *Манифест философии*
Жан-Клод Мильнер, *Констатации*
Жиль Делёз, *Критика и клиника*
Ален Бадью, *Этика*

СЕРИЯ «НОВАЯ ОПТИКА»

вышли в свет:

Виктор Стоикита, *Краткая история тени*
Жиль Делёз, *Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения*

